
VE RI
TAS

ДѢЯНІЯ

ВСЕЛЕНСКИХЪ СОБОРОВЪ,

ИЗДАННЫЯ

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ

ПРИ

КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

КАЗАНЬ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГУБЕРНСКАГО ПРАВЛЕНІЯ.

1861.

Отъ казанскаго комитета духовной цензуры печатать позволяется. 29 мая 1861 года.

Цензоръ, профессоръ академіи, *Н. Соколовъ.*

III.

СОБОРЪ ЕФЕССКІЙ,

ВСЕЛЕНСКІЙ ТРЕТІЙ.

(продолженіе)

ДѢЯНІЕ VII.

Доношеніе кипрскихъ епископовъ на ефесскомъ соборѣ.

Въ лѣто правленія государей нашихъ, всегда августѣйшихъ—Флавія Өеодосія тринадцатое и Флавія Валентиніана третіе, наканунѣ сентябрьскихъ календъ (31 августа), когда, по благодати Божіей и по указу благочестивѣйшихъ и христолюбивѣйшихъ императоровъ нашихъ, собрался соборъ въ митрополіи Ефесѣ, въ святой церкви, называемой Маріею, Ригинъ, епископъ святой церкви въ Константіи на Кипрѣ, сказалъ: такъ какъ нѣкоторые возмущаютъ святѣйшія церкви наши, то прошу принять и прочитать бумагу, которую я держу въ рукахъ.

Святый соборъ сказалъ: принесенную бумагу принять и прочитать.

Святѣйшему, славному и великому собору, собравшемуся, по благодати Божіей и повелѣнію благочестивѣйшихъ императоровъ нашихъ, въ богохранимой митрополіи Ефесѣ, прошеніе Ригина, Зинона и Евагрія, кипрскихъ епископовъ.—Еще прежде святый отецъ нашъ и быв-

шій епископъ Троилъ много терпѣлъ отъ антіохійскаго клира, и благочестивѣйшій епископъ Θеодоръ претерпѣлъ необыкновенное насиліе, непозволительное, безразсудное и беззаконное, даже удары, какихъ не слѣдовало бы наносить и обезславленнымъ людямъ. А когда онъ умеръ (отъ другой впрочемъ причины) и достигъ блаженной кончины: то (клирики антіохійскіе), воспользовавшись во зло его смертію, захотѣли силою покорить и подчинить себѣ святыхъ епископовъ острова, вопреки апостольскимъ правиламъ и опредѣленіямъ святѣйшаго никейскаго собора. И нынѣ, какъ только узнали, что блаженный отошелъ изъ сей жизни, подговорили именитаго полководца Діонисія написать приказы начальнику провинціи и святѣйшему клиру церкви Константіи. Приказы публичны; мы имѣемъ ихъ и подъ руками, и готовы показать ихъ вашей святости. По этой причинѣ просимъ и молимъ, чтобы не было дозволяемо вводить какую либо новость людямъ, которые дерзаютъ на все и которые издревле и отъ начала желаютъ, вопреки церковнымъ правиламъ и опредѣленіямъ, изложеннымъ святѣйшими отцами, собравшимися въ Никеѣ, обмануть великій и святый соборъ доказательствами ни къ чему негодными. Ибо, какъ мы сказали, именитый полководецъ Діонисій нынѣ не устремился бы

съ своими замыслами на угнетенную церковь, и не присвоилъ бы себѣ того, что ему не принадлежитъ, и не вмѣшивался бы въ церковныя дѣла, если бы, обманутый святѣйшими тамъ собравшимися епископами, и ихъ клиромъ, не считалъ согласнымъ съ правилами (что показываютъ и его приказы) того умысла, который (не) безъ ихъ совѣта возъимѣлъ противъ епископа Константіи, митрополіи кипрской. Умоляемъ же прочитать и эти письма и приказы именитаго полководца, и все, что учинено и сдѣлано въ этомъ печальномъ обстоятельствѣ, чтобы ваша святость и великій соборъ узнали изъ нихъ, какое невыносимое сдѣлано насиліе. Кромѣ того поставляемъ на видъ вашему святому собору, что съ письмами славнѣйшаго полководца посланъ и діаконъ святой антіохійской церкви. Посему припадаемъ къ вашимъ святымъ колѣнамъ и молимъ, чтобы, какъ по каноническому опредѣленію донынѣ, отъ начала со временъ апостольскихъ и въ силу постановленій и правилъ святѣйшаго и великаго собора никейскаго, нашъ кипрскій соборъ оставался неприкосновеннымъ и недоступнымъ пронырствамъ и властолюбію, такъ и нынѣ желаемъ, чтобы намъ оказана была справедливость вашимъ непогрѣшимымъ и справедливѣйшимъ мнѣніемъ, и вашимъ постановленіемъ.

Ригинъ, епископъ Констангіи, что на Кипрѣ, подписалъ моею рукою.

Зинонъ, епископъ кирійской святой церкви Божіей, что на Кипрѣ, подписалъ моею рукою.

Евагрій, смиренный епископъ сольской святой Божіей церкви, что на Кипрѣ, подписалъ моею рукою.

Ригинъ епископъ сказалъ: такъ какъ мы принесли и предписаніе именитаго правителя Діонисія, посланное къ свѣтлѣйшему начальнику провинціи, то прошу прочитать и его.

Святый соборъ сказалъ: прочитать и предписаніе этого именитаго Діонисія.

Флавій Діонисій свѣтлѣйшій и именитѣйшій начальникъ обоихъ войскъ, Ѳеодору, свѣтлѣйшему правителю области кипрской.—Императорская власть священными, всенародно объявленными и печатію утвержденными граматами, повелѣла, по многимъ и особенно церковнымъ причинамъ, благочестивѣйшимъ епископамъ собраться въ Ефесѣ. Но какъ мы узнали, что епископъ города Констангіи преселился изъ настоящей жизни, достигши до предназначеннаго ему дня: то сочли за нужное послать тебѣ предписаніе, чтобы никто не дерзалъ наречь на мѣсто умершаго другаго безъ вѣдома или безъ письменнаго опредѣленія святѣйшаго собора. Должно ожидать опредѣленія, какое

согласно сдѣлаютъ столько благочестивѣйшихъ епископовъ: такъ какъ вышесказаннымъ благочестивѣйшимъ мужамъ повелѣно собраться, какъ мы говорили, именно для этихъ дѣлъ. Итакъ если упрямые возмутятъ толпу, то частію твоя власть, частію подчиненное ей войско, постарается усмирить ихъ и всѣми мѣрами воспрепятствовать, чтобы кто нибудь не дерзнулъ, какъ мы сказали, занять мѣсто, прежде нежели утвердятъ своею властію благочестивѣйшіе епископы. Если же прежде этого предписанія совершено будетъ поставленіе кого нибудь во епископа, то прикажи ему идти, подобно другимъ, по священному указу императорскому въ Ефесъ. Знай притомъ, что если рѣшишься поступить иначе, то я вынужденъ буду взять въ казну штрафу съ тебя пять фунтовъ золота, да съ войска столько же фунтовъ. А чтобы опредѣленіе благочестивѣйшихъ епископовъ скорѣе было составлено и написано, мы для этого приказали послать къ нимъ изъ войска Матурія и Адельфія.—Дано въ 12 день іюньскихъ календъ (12 іюня), въ Антіохіи.

Ригинъ епископъ сказалъ: есть и другое предписаніе тогоже именитаго Діонисія, писанное къ благочестивѣйшему клиру митрополіи Константіи; прошу прочесть и его.

Святый соборъ сказалъ: внести и его, по прочтенія, въ памятныя записи.

Флавій Діонисій, именитѣйшій и славнѣйшій вождь и полководецъ обоихъ войскъ, и проконсулъ, благочестивѣйшимъ клирикамъ Константіи, кипрской митрополіи.—Извѣстно и вашему благочестію, что императоръ и непобѣдимѣйшій владыка вселенной повелѣлъ собраться въ Ефесѣ благочестивѣйшимъ и святѣйшимъ епископамъ ради многихъ и особенно церковныхъ дѣлъ. Итакъ, какъ отъ самыхъ святѣйшихъ епископовъ, которые собрались здѣсь, мы узнали, что блаженнѣйшій епископъ вашъ волею Божіею скончался: то я почелъ долгомъ увѣдомить ваше благочестіе, чтобы вы старались препятствовать избирать кого нибудь въ епископа или поставлять (потому что объ этомъ послѣдуетъ прямое предписаніе), а ждали бы опредѣленія, которое тамъ издано будетъ. По-истинѣ достойно и праведно святымъ отцамъ соблюдать то, что повелѣваютъ отцы. Если же кому удастся прежде нашего предписанія возсѣсть на сѣдалище (митрополита), чего не думаемъ, то посовѣтуйте ему отправиться съ благочестивѣйшими мужами въ Ефесъ, по императорскому указу, зная, что послушнымъ воздается похвала, а ослушниковъ вразумитъ, какъ слѣдуетъ, и настоящее предписаніе.

Святый соборъ сказалъ: какъ не видно причинъ, побудившихъ именитаго и славнѣйшаго правителя Діонисія издать такое предписаніе: то благоволятъ присутствующіе благочестивѣйшіе епископы святыхъ кипрскихъ церквей возвѣстить, что̀ заставило именитаго правителя послать такое предписаніе.

Зинонъ, епископъ кирійской церкви, что̀ на Кипрѣ, сказалъ: еще блаженной памяти Саприкій, пришедшій сюда со мной, прибылъ сюда по этому дѣлу. Но какъ онъ отошелъ изъ сей жизни, то мы считаемъ нужнымъ увѣдомить вашъ святый и вселенскій соборъ, что именитый правитель писалъ начальнику (кипрской области) и клиру, по наущенію антіохійскаго епископа и клира.

Святый соборъ спросилъ: чего хочетъ антіохійскій (епископъ)?

Евагрій, епископъ сольскій на Кипрѣ, отвѣчалъ: старается подчинить нашъ островъ и восхитить себѣ право рукоположенія, вопреки правиламъ и обычаю, который издавна имѣлъ силу.

Святый соборъ спросилъ: неужели антіохійскій думалъ рукополагать епископа Констанціи?

Зинонъ, епископъ кирійскій на Кипрѣ, сказалъ: никогда не могутъ показать, (начиная) отъ (временъ) святыхъ апостоловъ, что анті-

охійскій когда либо управлялъ или рукополагалъ, или преподавалъ острову благодать рукоположенія, и ни другой кто либо.

Святый соборъ сказалъ: благоволятъ святые епископы припомнить правило святыхъ отцевъ, собравшихся въ Никеѣ, которое охраняетъ изначальныя преимущества каждой церкви. Тоже пусть помнитъ и антіохійскій (епископъ). Итакъ докажите древнимъ обычаемъ, что антіохійскій не имѣетъ у васъ права рукоположенія.

Зинонъ епископъ сказалъ: мы уже утверждали прежде, что онъ никогда ни управлялъ, ни рукополагалъ ни въ митрополіи, ни въ другомъ какомъ либо городѣ; но митрополита ставилъ соборъ, собиравшійся въ нашей области. Посему просимъ, чтобы вашъ святый соборъ въ своемъ опредѣленіи согласился съ нами и утвердилъ древній обычай, доселѣ имѣвшій силу, чтобъ и нынѣ онъ же дѣйствовалъ и чтобы не было никакого нововведенія въ нашей области.

Святый соборъ сказалъ: пусть докажутъ благочестивѣйшіе мужи и то, что этотъ святой и блаженной памяти епископъ Троилъ, который нынѣ почилъ, или святой памяти Сабинъ, который предшествовалъ ему, или прежде нихъ (бывшій) достоуважаемый Епифаній, поставлены какимъ нибудь соборомъ.

Епископъ Зинонъ сказалъ: и теперь упомянутые, и прежде ихъ бывшіе святѣйшіе епископы, и такъ отъ самыхъ временъ святыхъ апостоловъ, всѣ православные поставлены тѣми, которые на Кипрѣ; и никогда ни антіохійскій епископъ, ни другой кто либо не имѣли права рукоположенія въ нашей области.

Опредѣленіе тогоже святаго собора.

Святый соборъ сказалъ: дѣло, о которомъ возвѣстилъ боголюбивѣйшій соепископъ Ригинъ и вмѣстѣ съ нимъ боголюбивѣйшіе епископы кипрской области, есть нововведеніе, противное церковнымъ постановленіямъ и правиламъ святыхъ апостоловъ, и посягающее на свободу всѣхъ. Посему, такъ какъ общественныя болѣзни нуждаются въ сильнѣйшемъ врачествѣ, какъ наносящія больше вреда, и особенно если древній обычай не допускаетъ, чтобы епископъ антіохійскій рукополагалъ на Кипрѣ, какъ письменно и собственноустно возвѣстили благоговѣйнѣйшіе мужи, пришедшіе на святый соборъ: то предстоятели святыхъ кипрскихъ церквей будутъ сохранять неприкосновеннымъ и ненарушимымъ, по правиламъ святыхъ отцевъ и по древнему обычаю, свое право—самимъ производить рукоположеніе благочестивѣйшихъ епископовъ. Тоже са-

мое будетъ соблюдаемо и въ другихъ округахъ и во всѣхъ областяхъ, чтобы никто изъ боголюбивѣйшихъ епископовъ не занималъ чужой области, которая прежде и издревле не признавала надъ собой власти ни его, ни его предшественниковъ; если же кто занялъ или силою подчинилъ себѣ, пусть возвратитъ ее, чтобы правила отцевъ не были нарушены, чтобы подъ предлогомъ священства не вкралась гордость земной власти, и чтобы мы не утратили, погубляя мало помалу, той свободы, которую даровалъ намъ своею кровію Господь нашъ Іисусъ Христосъ, освободитель всѣхъ человѣковъ. Итакъ благоугодно святому и вселенскому собору сохранить чистыми и неприкосновенными въ каждой области тѣ права, какія она имѣла отъ начала, по древнему обычаю. Каждый митрополитъ имѣетъ право для своего удостовѣренія взять списокъ съ этого опредѣленія. Если же кто представитъ противное нынѣшнему опредѣленію постановленіе: весь святый и вселенскій соборъ опредѣлилъ, да будетъ оно недѣйствительно.

Правила двухъ сотъ святыхъ и блаженныхъ отцевъ, собравшихся въ Ефесѣ.

Святый и вселенскій соборъ, сошедшійся въ Ефесѣ по повелѣнію благочестивѣйшихъ

императоровъ,—епископамъ, пресвитерамъ, діаконамъ и всему народу каждой области и города.

Когда мы собрались по указу императоровъ въ ефесской митрополіи, то нѣкоторые отпали отъ насъ, числомъ почти тридцать (человѣкъ), имѣя во главѣ отступленія своего Іоанна епископа антіохійскаго. Имена ихъ суть: первый самъ Іоаннъ епископъ Антіохіи сирійской, потомъ Іоаннъ дамаскскій, Александръ апамейскій, Александръ іерапольскій, Имерій никомидійскій, Фритиласъ ираклійскій, Елладій тарсскій, Максиминъ аназарвскій, Дороѳей (Ѳеодоръ) маркіонопольскій, Петръ траянопольскій, Павелъ емесскій, Полихроній ираклиопольскій, Евѳирій тіанскій, Мелетій неокесарійскій, Ѳеодоритъ кирскій, Апринггій халкидонскій (апамейскій), Макарій (епископъ) великой Лаодикіи, Зосисъ есвунтскій, Саллюстій (епископъ) Корика киликійскаго, Исихій (епископъ) Каставалы киликійской, Валентинъ мутловлакійскій, Евстаѳій парнасскій, Филиппъ ѳеодосійскій, Даніилъ, Дексіанъ, Юліанъ, Кириллъ, Олимпій, Діогенъ, Ѳеофанъ (епископъ) Филадельфіи, Таріанъ (Траянъ) августійскій, Аврелій иринопольскій, Музей арадскій, Елладій птолемаидскій,—совершенно недостойные никакой церковной власти, посредствомъ которой могли бы вредить или пользу приносить

нѣкоторымъ, кромѣ того, что есть между ними и низложенные, особенно за то, что, заразившись мыслями Несторія и Целестія, отказались вмѣстѣ съ нами осудить Несторія; сихъ святый соборъ общимъ опредѣленіемъ лишилъ всякаго церковнаго общенія, отнялъ у нихъ право совершать всякое священное дѣйствіе, которымъ они могли вредить или пользу приносить кому бы то ни было.

Правила.

Такъ какъ, и тѣмъ, которые не были на святомъ соборѣ, а оставались въ своей странѣ или городѣ по какой нибудь причинѣ, церковной или тѣлесной, не должно было оставаться въ невѣдѣніи о томъ, что̀ постановлено на немъ, то возвѣщаемъ вашей святости и любви, что—

1.

Если который митрополитъ области, отступивъ отъ святаго и вселенскаго собора, присоединился къ отступническому сонмищу, или послѣ сего присоединится, или мудрствовалъ, или будетъ мудрствовать, какъ Целестій: таковый ничего не можетъ дѣлать противъ епископовъ своей области, какъ уже изверженный отселѣ соборомъ отъ всякаго церковнаго общенія и недѣйствительный; но еще бу-

детъ подлежать суду тѣхъ самыхъ епископовъ области и окрестныхъ митрополитовъ, православно мудрствующихъ, для совершеннаго извержения изъ епископскаго сана.

2.

Если же которые епархіальные епископы не присутствовали на святомъ соборѣ, и присоединились къ отступленію, или покусятся присоединиться, или, и подписавъ изверженіе Несторія, снова перешли къ отступническому сонмищу: таковымъ, по изволенію святаго собора, быть совершенно чуждымъ священства и низверженнымъ съ своей степени.

3.

Если же которые изъ принадлежавшихъ къ клиру, во всякомъ городѣ или селѣ, подвергнуты запрещенію священнодѣйствія отъ Несторія и его сообщниковъ за православное мудрствованіе: таковымъ мы присудили воспринять свою степень. Вообще единомудрствующимъ съ православнымъ и вселенскимъ соборомъ членамъ клира повелѣваемъ отнюдь, никоимъ образомъ не подчиняться отступившимъ или отступающимъ епископамъ.

4.

Если же которые изъ членовъ клира отступятъ и дерзнутъ или частно, или всенародно мудрствовать, какъ Несторій или Целестій:

таковымъ святый соборъ праведно присудилъ быть изверженными.

5.

Если же нѣкоторые за неприличныя дѣла осуждены святымъ соборомъ или собственными епископами, а Несторій, по своему во всемъ безразсудному дѣйствованію, и его единомышленники старались или будутъ стараться дать имъ общеніе или степень: праведнымъ признали мы, да будетъ имъ это безполезно, и да остаются они тѣмъ неменѣе изверженными.

6.

Подобно же если бы которые захотѣли какимъ либо образомъ поколебать то, что постановлено о каждомъ на святомъ соборѣ ефесскомъ: то святый соборъ опредѣлилъ низвергать ихъ со степени, если будутъ епископы или члены клира, и отлучать, если будутъ міряне.

И подписались всѣ епископы по порядку (1).

---

(1) *Примѣчаніе римскихъ издателей*. Въ книгахъ ватиканскихъ и другихъ находятся только эти шесть правилъ; въ нѣкоторыхъ же присоединяется подъ именемъ *седмаго* правила опредѣленіе тогоже святаго собора, изданное послѣ донесенія Харисія пресвитера, которое имѣется въ своемъ мѣстѣ (см. дѣян. VI. т. I. стр. 763.), и вмѣсто *осьмаго* правила другое опредѣленіе собора о кипрскихъ епископахъ, которое изло-

Посланіе тогоже святаго ефесскаго собора къ священному собору памфилійскому, о Евстаѳіи, бывшемъ ихъ митрополитѣ.

Такъ какъ богодухновенное Писаніе говоритъ: *съ совѣтомъ все твори* (Притч. 31, 4): то особенно получившимъ жребій священнаго служенія нужно со всѣмъ тщаніемъ разсматривать то, что должно дѣлать. Потому что съ желающими такъ проводить жизнь бываетъ то, что обстоятельства ихъ находятся въ благонадежномъ положеніи и они какбы попутнымъ вѣтромъ несутся по направленію желаній. Рѣчь эта имѣетъ много правдоподобія. Иногда же бы-

---

жено здѣсь немного выше, послѣ ихъ прошенія (см. этоже дѣян. стр. 13).

Примѣчаніе Лаббе. Въ собраніяхъ Іоанна Зонары и Ѳеодора Валсамона, равно и въ кодексѣ правилъ вселенской Церкви, изданныхъ Іоанномъ Тиліемъ и Христофомъ Юстелломъ, находятся 8 правилъ ефесскаго собора, т. е. 6, которыя включены въ предъидущее посланіе, и два другія, которыя помѣщены немного прежде въ указанныхъ мѣстахъ. Но удивительно, что въ кодексѣ правилъ римской Церкви они опущены Діонисіемъ Малымъ. Причина этого заключалась, кажется, въ томъ, что они представлялись латинамъ не вселенской Церкви опредѣленіями, а правилами, постановленными ефесскими отцами только по случаю, по особенному побужденію въ отношеніи къ Несторію и его приверженцамъ.

ваетъ, что тяжелая и несносная скорбь, налегшая на умъ, сильно помрачаетъ его, уклоняетъ отъ стремленія къ должному и побуждаетъ смотрѣть, какъ на нѣчно полезное, на такое, что по существу своему негодно. Нѣчто такое случилось, какъ усмотрѣли мы, съ благоговѣйнѣйшимъ и благочестивѣйшимъ Евстаѳіемъ. Хотя онъ рукоположенъ по правиламъ, какъ засвидѣтельствовано; но смущенный, какъ говоритъ, нѣкоторыми людьми, вошедши въ неожиданныя обстоятельства, потомъ по причинѣ излишней недѣятельности утомленный борьбой съ отяготившими его заботами и не могши отклонить отъ себя злорѣчія своихъ противниковъ, не знаемъ какъ, представилъ онъ письменное отреченіе. Ибо должно было ему, однажды принявшему на себя священнослужительское попеченіе, имѣть его съ духовною бодростію и какбы вооружаться на труды и охотно переносить потъ, за которой обѣщаются награды. А какъ онъ однажды показалъ себя небрежнымъ, хотя это произошло болѣе отъ недѣятельности, нежели отъ лѣности и нерадѣнія: то ваше благочестіе по необходимости рукоположило благоговѣйнѣйшаго и благочестивѣйшаго брата нашего и соепископа Ѳеодора для попеченія о церкви; ибо неприлично вдовствовать ей и стаду Спасителя оставаться безъ пастыря. Но онъ пришелъ со

слезами, не городъ, не церковь оспаривая у вышеупомянутаго благочестивѣйшаго епископа Θеодора, а только испрашивая чести и имени епископа; поэтому всѣ мы сжалились надъ старцемъ и, считая слезы его общими, поспѣшили узнать, не подпалъ ли вышеупомянутый (мужъ) законному изверженію, или за нѣкоторыя неумѣстныя дѣйствія обличаемъ былъ нѣкоторыми, помрачившими его добрую славу. И узнали мы, что ничего такого не сдѣлано, а что въ вину упомянутому (мужу) болѣе поставлено отреченіе. Посему не осуждаемъ ваше благочестіе, должнымъ образомъ рукоположившее на его мѣсто упомянутаго епископа Θеодора. Но такъ какъ неприлично много спорить о недѣятельности мужа, а напротивъ должно пощадить старца, который долгое время пребылъ внѣ своего роднаго города и внѣ отеческаго жилища: то мы сочли праведнымъ и опредѣлили, чтобы безъ всякаго противорѣчія имѣлъ онъ какъ имя епископа, такъ и честь и общеніе, съ тѣмъ впрочемъ, чтобъ онъ не рукополагалъ, не занималъ церкви и самовластно не священнодѣйствовалъ, но развѣ когда пригласитъ съ собою или дозволитъ, при случаѣ, братъ и соепископъ, по благорасположенію и любви во Христѣ. Если же вы положите о немъ какое нибудь еще бо-

лѣе снисходительное рѣшеніе: то и оно будетъ угодно святому собору.

Опредѣленіе святаго и вселенскаго собора противъ нечестивыхъ мессаліанъ, которые называются также евхитами и ентузіастами.

Пришедшіе къ намъ благочестивѣйшіе и благоговѣйнѣйшіе епископы, Валеріанъ и Амфилохій предложили разсмотрѣть въ общемъ собраніи о мессаліанахъ, т. е. евхитахъ или ентузіастахъ, которые встрѣчаются въ Памфиліи, или какимъ нибудь другимъ именемъ называющихся сквернѣйшихъ еретикахъ. Но когда мы разсматривали, благоговѣйнѣйшій и благочестивѣйшій епископъ Валеріанъ принесъ соборную запись объ нихъ, составленную въ великомъ Константинополѣ при блаженной памяти Сисиніи: здѣсь она была прочитана и всѣми одобрена, потому что хорошо составлена и содержитъ справедливое сужденіе. И угодно было всѣмъ намъ, и благочестивѣйшимъ епископамъ Валеріану и Амфилохію, и всѣмъ благочестивѣйшимъ епископамъ провинцій Памфиліи и Ликаоніи, чтобы все содержащееся въ соборной записи имѣло силу и никакимъ образомъ не было нарушено; чтобъ утверждено было и все то, что сдѣлано въ Александріи,

такъ чтобы всѣ, находящіеся по всей провинціи, еретики мессаліане или ентузіасты, или подозрѣваемые въ этой ереси, члены ли клира или міряне, согласились (съ православными), и если которые письменно уже анаѳематствовали (свою ересь), подобно тому, какъ прописано въ вышеупомянутой соборной записи, если будутъ члены клира, да пребываютъ въ клирѣ, если міряне, да будутъ допущены къ общенію. Если же откажутся анаѳематствовать, то пресвитеры, или діаконы, или въ другой какой либо церковной степени, да извергнутся и изъ клира и со степени и отъ общенія, а міряне да будутъ прокляты. И сожительствующимъ вмѣстѣ не дозволять имѣть монастыри, чтобы плевелы не умножались и не разрастались. Чтобы такъ поступаемо было съ ними, настаиваютъ всѣ мужи—благочестивѣйшіе епископы Валеріанъ и Амфилохій и прочіе достопочтеннѣйшіе епископы всей провинціи. Посему угодно было анаѳематствовать и скверную книгу этой ереси, называемую Аскетиконъ, которую принесъ благоговѣйнѣйшій и благочестивѣйшій Валеріанъ, какъ составленную еретиками. Подобно, если у многихъ (другихъ) найдется что нибудь согласное съ ихъ нечестіемъ, и то да будетъ проклято. Кромѣ того, когда согласятся въ томъ, что полезно и необходимо для согласія и общенія

и благоустройства, пусть ясно изложатъ на бумагѣ. Если же возникнетъ вопросъ о томъ, что нужно въ этомъ дѣлѣ, и (вообще) если что будетъ затруднительное и сомнительное, чего не утвердятъ благочестивѣйшіе епископы Валеріанъ и Амфилохій и прочіе епископы по всей провинціи, то все должно быть разсмотрѣно въ дополнительныхъ статьяхъ. И хотя бы были оставлены благочестивѣйшіе епископы, ликійскіе или ликаонскіе; не должно однакожъ оставлять митрополита которой бы то ни было провинціи [1]. Имѣющіе надобность въ этомъ дѣлѣ пусть отыскиваютъ эти распоряженія въ памятныхъ запискахъ; пусть и другимъ тщательно объяснятъ ихъ.

Прошеніе, поданное святому собору Евпреліемъ, епископомъ бизскимъ и аркадіопольскимъ, и Кирилломъ, епископомъ целенскимъ.

Святому и вселенскому собору, по благодати Божіей и соизволенію благочестивѣйшихъ императоровъ собранному въ митрополіи—Ефесѣ, отъ Евпрепія, епископа бизскаго и

(1) Подлинникъ греческій утраченъ, а въ латинскомъ переводѣ это мѣсто неясно.

аркадіопольскаго, и Кирилла, епископа целенскаго.

Въ областяхъ Европы имѣетъ силу древній обычай, чтобы каждый епископъ имѣлъ въ подчиненіи два или три епископства. Посему епископъ ираклійскій управляетъ Иракліей и Наніономъ, а епископъ бизскій—Бизой и Аркадіополемъ; подобно и епископъ целенскій—Целой и Галлиполемъ; далѣе епископъ сабсадійскій управляетъ Сабсадіей и Афродисіадой. Итакъ издревле и отъ начала два епископа Европы управляли этими церквами, и никогда поименованные города не получали собственныхъ епископовъ; но иные отъ начала были въ подчиненіи у Ираклія; Аркадіополь подчиненъ былъ епископу бизскому, Галлиполь епископу целенскому. Но какъ нынѣ Фритиласъ, епископъ ираклійскій, сдѣлался отступникомъ отъ святаго собора и передался на сторону Несторія и его единомышленниковъ (подозрѣваемъ же, что или самъ этотъ вредоносный врагъ, или управляющіе вмѣстѣ съ нимъ епископствомъ, когда нибудь приступятъ къ поставленію епископовъ въ упомянутыхъ городахъ, которые по древнему и утвердившемуся обычаю никогда не получали собственныхъ епископовъ): то полагая, что древній обычай, который издавна и изначала имѣлъ силу, будетъ нарушенъ нововведеніями, про-

симъ ваше благочестіе издать опредѣленіе объ этомъ предметѣ отъ лица вашего святаго и великаго собора и утвердить его собственною печатію, такъ чтобы и мы не лишились нашихъ церквей, въ которыхъ много потрудились, и древній обычай, уже утвержденный давнимъ временемъ, не былъ нарушенъ кѣмъ нибудь изъ вышеупомянутыхъ, и отсюда не произошли бы споры и нестроенія, особенно между епископами Европы. Если получимъ желаемое, воздадимъ благодареніе Богу всяческихъ, который собралъ здѣсь вашу святыню для благоустроенія церквей по вселенной.

Святый и вселенскій соборъ сказалъ: почтенно прошеніе благочестивѣйшихъ епископовъ Евпрепія и Кирилла, которое содержится въ поднесенной книгѣ. Посему ни въ святыхъ правилахъ, ни во внѣшнихъ законахъ, которые имѣютъ (за себя) древній обычай, а нынѣ силу законную, не должно быть вводимо ничего новаго въ городахъ Европы; но пусть управляются по древнему обычаю епископами, отъ которыхъ зависѣли и издавна: такъ какъ и нынѣ нѣтъ ни одного митрополита, который иначе присвоилъ бы власть; ни послѣ на будущее время не должно вводить ничего новаго въ древніе обычаи.

—

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ,

СОДЕРЖАЩЕЕ ВЪ СЕБѢ НѢКОТОРЫЕ ДОКУМЕНТЫ, ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ СОБОРУ, А ТАКЖЕ И ПОСЛѢ НЕГО СОСТАВЛЕННЫЕ.

Изъясненіе двѣнадцати главъ, изложенное въ Ефесѣ Кирилломъ, архіепископомъ александрійскимъ, когда святый соборъ потребовалъ яснѣйшаго изложенія ихъ.

Вся, по Писанію, *права разумѣющимъ и права обрѣтающимъ разумъ* (Притч. 8, 9). Ибо тѣ, которые острымъ и чистымъ взоромъ ума всматриваются въ священныя слова богодухновеннаго Писанія, тѣ внѣдряютъ въ свои души пользу отъ нихъ, какбы нѣкоторое божественное и небесное сокровище; а которые имѣютъ умъ склонный ко лжи и преданный пустословію о чемъ ни попало, любящій нечистое знаніе, будутъ общниками тѣхъ, о которыхъ пишетъ блаженный Павелъ: *въ нихже Богъ вѣка сего ослѣпи разумы невѣрныхъ, во еже не возсіяти имъ свѣту благовѣствованія славы Христовы* (2 Кор. 4, 4). Ибо слѣпотствуютъ и *вожди суть слѣпцемъ* (Матѳ. 15, 14); посему и падаютъ въ ямы погибели, какъ самъ Спаситель говоритъ: *слѣпецъ слѣпца аще водитъ, оба въ*

яму впадутъ (тамже). Такъ нѣкоторые пустословятъ о догматахъ истины и взводятъ несправедливое зломысліе на домостроительство воплощеннаго Единороднаго, *не разумѣюще*, по Писанію, *ни яже глаголютъ, ни о нихже утверждаютъ* (1 Тим. 1, 7). Изобрѣтатели же такого нечестія были многіе еще въ предшествовавшія времена; а нынѣ ни въ чемъ не уступающіе ихъ нечестію, Несторій и его единомышленники, возстающіе на Христа, подобно древнимъ фарисеямъ, и дерзко восклицающіе: зачѣмъ *ты человѣкъ сый твориши себе Бога* (Іоан. 10, 33)? Посему необходимо было и намъ вооружиться на нихъ словомъ, анаѳематствовать ихъ нечистыя и гнусныя мнѣнія, помня, какъ Богъ говоритъ гласомъ пророческимъ: *жерцы, послушайте и засвидѣтельствуйте дому Іаковлю, глаголетъ Господь Богъ вседержитель* (Амос. 3, 13), и еще: войдите чрезъ врата мои, и камни съ пути приберите (Іерем. 7, 2. 3. сн. гл. 30) (1). Намъ, борющимся за догматы истины, должно удалять съ пути препятствія, чтобы люди никакимъ образомъ не запинались объ нихъ, но какъ-бы широкой дорогой шли бы къ священнымъ и божественнымъ обите-

(1) Св. Кириллъ небуквально приводитъ указанныя мѣста св. Писанія.

лямъ, говоря только въ каждыхъ (вратахъ): *сія врата Господня, праведніи внидутъ въ ня* (Псал. 117, 20). Итакъ, когда Несторій сталъ вносить въ свои книги множество странныхъ и нечестивыхъ хуленій: то мы, заботясь о спасеніи тѣхъ, которые станутъ читать ихъ, сложили анаѳематства, не просто что нибудь пришедшее на умъ излагая въ увѣщательномъ посланіи, написанномъ къ нему, но, какъ только лишь сказали, указывая на странныя и чуждыя догматовъ благочестія порожденія его умопомѣшательства. Можетъ быть, нѣкоторые будутъ недовольны нашими словами, т. е. или непонимающіе истинной силы написаннаго, или бывшіе проповѣдники нечистой ереси Несторіевой, и участники нечестія, и его единомышленники. Но истина не закрыта ни отъ кого изъ привыкшихъ мудрствовать по православному. Но какъ, вѣроятно, нѣкоторые, развращенные ихъ изворотливостію, не понимаютъ, какимъ образомъ произошли они (анаѳематства): то я почелъ долгомъ изложить кратко каждое изъ анаѳематствъ и объяснить, сколько нужно, силу ихъ. Это дѣло, какъ я думаю, принесетъ большую пользу читателямъ.

Анаѳематство 1-е.

Кто не исповѣдуетъ Еммануила истиннымъ Богомъ, и посему святую Дѣву Богородицею, такъ какъ она по плоти родила Слово, сущее

отъ Бога Отца, ставшее плотію: да будетъ анаѳема.

Объясненіе 1-е.

Блаженные отцы, собравшіеся нѣкогда въ городѣ Никеѣ и изложившіе опредѣленіе правой и непорочной вѣры, проповѣдали вѣру въ единаго Бога Отца, вседержителя, творца всего видимаго и невидимаго; и въ единаго Господа Іисуса Христа Сына Его; и въ Духа Святаго, называя Его (т. е. Сына) Словомъ, возсіявшимъ отъ Бога, чрезъ которое все сотворено, свѣтомъ отъ свѣта, Богомъ истиннымъ отъ Бога истиннаго, воплотившимся и вочеловѣчившимся, страдавшимъ и воскресшимъ. Ибо будучи Богомъ по естеству, единородное Слово Отца приняло отъ сѣмени Авраамова, какъ говоритъ блаженный Павелъ (Евр. 2, 16), и подобно намъ содѣлалось причастнымъ плоти и крови: Оно родилось плотію отъ святой Дѣвы и содѣлалось человѣкомъ, какъ и мы, не переставая быть Богомъ,—да не будетъ!,—но оставаясь тѣмъ, чѣмъ было, и пребывая въ божественномъ естествѣ и славѣ. Итакъ говоримъ, что Оно содѣлалось человѣкомъ, не претерпѣвая превращенія въ то, чѣмъ не было, ни измѣненія: потому что Оно всегда есть тоже и неспособно терпѣть и тѣни измѣненія. Но утверждаемъ, что не произошло никакого смѣшенія, или сліянія, или сращенія Его

естества съ плотію, а говоримъ, что Слово соединено было съ плотію, имѣющею разумную душу, непостижимо и неизреченно, и какъ только само вѣдаетъ. Итакъ Оно пребыло Богомъ и въ принятіи плоти, и есть единый Сынъ Бога и Отца, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, одинъ и тотъ же—и прежде всякаго вѣка и времени, какъ Слово и образъ ѵпостаси Его, и въ послѣднія времена домостроительственно содѣлавшійся ради насъ человѣкомъ. Поелику же нѣкоторые отвергаютъ рожденіе Его по плоти, бывшее отъ святой Дѣвы во спасеніе всѣхъ,—рожденіе, не къ началу бытія воззывающее Его, но къ тому, чтобъ Онъ, содѣлавшись подобнымъ намъ, избавилъ насъ отъ смерти и тлѣнія: то по этой причинѣ первое наше анаѳематство поражаетъ ихъ зловѣріе, исповѣдуетъ православную вѣру, утверждая, что Еммануилъ былъ по-истинѣ Богомъ, а потому и святая Дѣва—Богородицей.

Анаѳематство 2-е.

Кто не исповѣдуетъ, что Слово, сущее отъ Бога Отца, соединилось съ плотію ѵпостасно, и что посему Христосъ единъ съ своею плотію, то есть, одинъ и тотъ же есть Богъ и вмѣстѣ человѣкъ: да будетъ анаѳема.

Объясненіе 2-е.

Священнодѣйствователь божественныхъ таинъ, богодухновенный Павелъ пишетъ: *испо-*

вѣдуемо велія есть благочестія тайна: Богъ явися во плоти, оправдася въ Дусѣ, показася ангеломъ, проповѣданъ бысть во языцѣхъ, вѣровася въ мірѣ, вознесеся въ славѣ (1 Тим. 3, 16.). Итакъ что такое: *явися во плоти?* Т. е. Слово Бога Отца содѣлалось плотію, не то, что Оно измѣнило или превратило свое существо въ плоть, какъ уже выше сказали мы, но лучше плоть, взятую изъ святой Дѣвы, содѣлало своею, будучи одинъ и тотъ же Сынъ—прежде вочеловѣченія, какъ безплотное еще Слово, послѣ же вочеловѣченія тоже самое (Слово) уже во плоти. Посему и говоримъ, что одинъ и тотъ же—Богъ вмѣстѣ и человѣкъ; не раздѣляемъ воззрѣнія на Него, какъ на человѣка, взятаго отдѣльно, самого по себѣ, и какъ на Бога-Слово отдѣльно, чтобы не разумѣть двухъ сыновъ, но одного и тогоже самаго исповѣдуемъ тѣмъ же самымъ Христомъ и Сыномъ и Господомъ. А которые думаютъ объ этомъ не такъ, или хотятъ вѣровать иначе, именно раздѣляютъ одного на двухъ сыновъ и разъединяютъ одно отъ другаго, что̀ по-истинѣ соединено, утверждая, что соединеніе человѣка съ Богомъ было по одному достоинству или праву: такихъ считаемъ чуждыми православной и непорочной вѣры. Итакъ хотя Онъ и называется помазаннымъ и нареченнымъ въ Сына Божія (Рим. 1, 4):

мы не стыдимся домостроительства, но говоримъ, что тоже самое Слово Бога Отца, которое содѣлалось подобно намъ человѣкомъ, называется съ тѣхъ поръ и посланнымъ и помазаннымъ вмѣстѣ съ нами по человѣчеству. Ибо содѣлавшійся подобнымъ намъ, хотя и остался тѣмъ, чѣмъ былъ, не отвращается нашего, напротивъ все, что относится къ человѣчеству, по домостроительству усвояетъ себѣ въ мѣрахъ человѣчества, не нанося при этомъ никакого ущерба своей славѣ или могуществу; потому что и такимъ образомъ остается Богомъ и Господомъ всего.

Анаѳематство 3-е.

Кто во единомъ Христѣ, послѣ соединенія (естествъ), раздѣляетъ лица, соединяя ихъ только союзомъ достоинства, то есть, въ волѣ или въ силѣ, а не, лучше, союзомъ, состоящимъ въ единеніи естествъ: да будетъ анаѳема.

Объясненіе 3-е.

Изслѣдуя домостроительственное таинство воплощеннаго Единороднаго, говоримъ, что Слово Бога Отца чуднымъ и неизреченнымъ образомъ соединилось съ святымъ тѣломъ, имѣющимъ разумную душу; одного и при этомъ разумѣемъ Сына, подобно какъ можно видѣть это и на насъ самихъ: душа, конечно, другаго существа, нежели тѣло, но оба соединены въ одно живое (ζῶον). Но нѣкоторые не такъ по-

нимаютъ это: отдѣляя намъ человѣка особо, самого по себѣ, говорятъ, что онъ соединенъ съ Словомъ, рожденнымъ отъ Бога Отца, по одному достоинству или праву, а не единеніемъ естественнымъ, т. е. истиннымъ, какъ мы вѣруемъ; ибо такъ говоритъ и божественное Писаніе: *и бѣхомъ естествомъ чада гнѣва, якоже и прочіи* (Ефес. 2, 3), употребляя слово *естествомъ* вмѣсто слова *истинно* (дѣйствительно). Итакъ раздѣляющіе vпостаси послѣ соединенія и полагающіе каждую сторону, т. е. человѣка и Бога, отдѣльно, допускающіе и соединеніе ихъ, но по одному достоинству, допускаютъ совершенно двухъ сыновъ, тогда какъ богодухновенное Писаніе говоритъ объ одномъ Сынѣ и Господѣ. Посему послѣ неизреченнаго соединенія если назовешь Еммануила Богомъ, мы будемъ разумѣть Слово Бога Отца, воплотившееся и вочеловѣчившееся; если назовешь и человѣкомъ, тѣмъ не менѣе мы разумѣемъ Его же, домостроительственно вмѣстившагося въ мѣры человѣчества. Говоримъ же, что неприкосновенный содѣлался осязаемымъ, невидимый—видимымъ: потому что не было чуждо Ему соединенное съ Нимъ тѣло, которое мы называемъ осязаемымъ и видимымъ. А тѣхъ, которые не такъ вѣруютъ, но раздѣляютъ, какъ сказано, vпостаси послѣ соединенія и допускаютъ только сопряженіе ихъ

по одному достоинству или праву, предложенное анаѳематство дѣлаетъ чуждыми православно мудрствующихъ.

Анаѳематство 4-е.

Кто изрѣченія евангельскихъ и апостольскихъ книгъ, употребленныя святыми ли о Христѣ, или Имъ самимъ о Себѣ, относитъ раздѣльно къ двумъ лицамъ или ѵпостасямъ; и одни изъ нихъ прилагаетъ къ человѣку, котораго представляетъ отличнымъ отъ Слова Бога Отца, а другія, какъ богоприличныя, къ одному только Слову Бога Отца: да будетъ анаѳема.

Объясненіе 4-е.

Во образѣ и равенствѣ съ Богомъ сущее изъ Него Слово не считало хищеніемъ быть равнымъ Богу, какъ написано (Филип. 2, 6), но предало Себя на добровольное истощаніе и по своей волѣ снизошло до подобія намъ, не переставая быть тѣмъ, что есть, но и при этомъ оставаясь Богомъ и не презирая мѣры человѣчества. Посему все Его— и божественное и человѣческое: потому что гдѣ же Оно умалило себя, если стыдится мѣръ человѣчества? и если отвращалось человѣческаго, кто заставилъ Его какъ-бы по необходимости и принужденію быть подобнымъ намъ? Итакъ всѣ рѣчи евангельскія, означаютъ ли онѣ человѣческое или божественное, относимъ къ одному лицу.

Поелику же мы вѣруемъ, что Христосъ Іисусъ, т. е. воплотившееся и вочеловѣчившееся Слово Божіе, есть одинъ Сынъ: то если назовешь что нибудь человѣческое, приписываемъ человѣческое мѣрамъ Его человѣчества, потому что и человѣческое опять—Его же; если же говорится о Немъ, какъ о Богѣ, то вѣруя, что вочеловѣчившійся есть Богъ, рѣчи, относящіяся къ человѣческому естеству, опять относимъ къ Нему, какъ единому Христу и Сыну. А раздѣляющіе на два лица измышляютъ совершенно двухъ сыновъ: потому что какъ нельзя раздѣлять на два лица какого либо изъ насъ человѣка, хотя онъ состоитъ изъ души и тѣла, но есть одинъ и тотъ же человѣкъ, такъ (должно мыслить) и объ Еммануилѣ. Поелику воплотившееся и вочеловѣчившееся Слово Божіе есть одинъ Сынъ и Господь: то значитъ и лице у Него одно. И человѣческое мы приписываемъ Ему по домостроительству воплощенія, и божественное (Ему же)—по неизрѣченному рожденію отъ Бога Отца. А которые раздѣляютъ и разъединяютъ Его на человѣка особо, какъ отдѣльнаго отъ Слова Божія сына, и на Бога особо, какъ другаго сына, которые (такимъ образомъ) говорятъ о двухъ сынахъ, тѣ праведно подпадаютъ подъ силу предложеннаго анаѳематства.

Анаөематство 5-е.

Кто дерзаетъ называть Христа человѣкомъ богоносным ъ, а не, лучше, Богомъ истиннымъ, какъ Сына единаго (со Отцемъ) по естеству, такъ какъ Слово стало плотію и приблизилось къ намъ, воспріявъ нашу кровь и плоть (Евр. 2, 14): да будетъ анаөема.

Объясненіе 5-е.

Слово Божіе *плоть бысть*, говоритъ богодухновенный евангелистъ Іоаннъ (Іоан. 1, 14), не по превращенію или измѣненію собственнаго естества въ плоть, какъ выше мы уже сказали, потому что непричастно измѣненію, какъ Богъ, но такъ, что содѣлалось причастнымъ нашей плоти и крови и содѣлалось человѣкомъ. Богодухновенное Писаніе имѣетъ обычай называть человѣка плотію; напримѣръ написано: *и узритъ всяка плоть спасеніе Божіе* (Лук. 3, 6). Изобрѣтатели же нечестивыхъ мнѣній, Несторій и послѣдующіе ему или его единомышленники, хотя притворяются, что допускаютъ слово *воплотиться*, но не говорятъ, что Слово Божіе воплотилось на самомъ дѣлѣ, т. е. содѣлалось человѣкомъ подобнымъ намъ, не переставая быть тѣмъ, чѣмъ было, а утверждаютъ, что единородное Слово Божіе вселилось въ рожденнаго отъ святой Дѣвы, какъ въ одного изъ святыхъ людей, такъ что (по ихъ мнѣнію) не должно исповѣдывать, что одинъ

Христосъ и Сынъ и Господь и покланяемый, но должно спокланяться Ему, какъ человѣку особно и отдѣльно разсматриваемому, и славить вмѣстѣ (съ Словомъ) по причинѣ только сопряженія въ единеніи достоинства. Хотя Богъ всяческихъ и въ насъ обитаетъ посредствомъ Св. Духа; а посему въ древности сказалъ чрезъ одного изъ пророковъ: *яко вселюся въ нихъ, и похожду, и буду имъ Богъ, и тіи будутъ Мнѣ людіе* (2 Кор. 6, 16. сн. Лев. 26, 13); и блаженный Павелъ пишетъ: *не вѣсте ли, яко храмъ Божій есте, и Духъ Божій живетъ въ васъ* (1 Кор. 3, 16); и самъ Христосъ говоритъ о святыхъ своихъ пророкахъ, или (вообще) о святыхъ прежде бывшихъ: *аще оныхъ рече боговъ, къ нимже Слово Божіе бысть; егоже Отецъ освяти и посла въ міръ, вы глаголете, яко хулу глаголеши, зане рѣхъ: Сынъ Божій есмь* (Іоан. 10, 35. 36): но не такъ въ насъ обитаетъ Богъ, какъ во Христѣ; потому что Онъ есть Богъ по естеству, содѣлавшійся подобнымъ намъ, единый и единственный Сынъ и въ то время, какъ содѣлался плотію. Итакъ дерзающіе называть Его богоноснымъ человѣкомъ, а не воплотившимся Богомъ, необходимо подпадаютъ подъ предложенное анаѳематство.

Анаѳематство 6-е.

Кто говоритъ, что Слово Бога Отца есть Богъ или Владыка Христа, а не исповѣдуетъ, лучше, Его же самого Богомъ и вмѣстѣ человѣкомъ, такъ какъ, по Писаніямъ (Іоан. 1, 14), Слово стало плотію: да будетъ анаѳема.

Объясненіе 6-е.

Господь нашъ Іисусъ Христосъ, единый и единственный Сынъ Бога и Отца—*Слово плоть бысть* и вмѣстѣ съ своимъ родителемъ надъ всѣмъ господствуетъ. Ему *всяко колѣно поклонится небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ, и всякъ языкъ исповѣсть, яко Господь Іисусъ Христосъ въ славу Бога Отца* (Филип. 2, 10. 11). Итакъ Онъ есть Господь всего, потому что разумѣется и есть Богъ, хотя и съ плотію послѣ вочеловѣченія; а надъ самимъ собою ни Богъ, ни Господь, потому что весьма нелѣпо, или лучше поистинѣ исполнено всякаго нечестія такое мудрствованіе или рѣчь. Значитъ справедливо противъ этого самаго составленное анаѳематство.

Анаѳематство 7-е.

Кто говоритъ, что Іисусъ, какъ человѣкъ, былъ орудіемъ дѣйствій Бога Слова и окруженъ славою Единороднаго, какъ существующій отдѣльно отъ Него: да будетъ анаѳема.

Объясненіе 7-е.

Когда блаженный Гавріилъ благовѣствовалъ святой Дѣвѣ рожденіе по плоти единороднаго Сына Божія: то говорилъ: *родиши сына, и наречеши имя ему Іисусъ* (Лук. 1, 31); *той бо спасетъ люди своя отъ грѣхъ ихъ* (Матѳ. 1, 21). Названъ онъ также Христомъ, потому что помазанъ вмѣстѣ съ нами по человѣчеству, по словамъ псалмопѣвца: *возлюбилъ еси правду, и возненавидѣлъ еси беззаконіе: сего ради помаза тя Боже Богъ твой елеемъ радости паче причастникъ твоихъ* (Псал. 48, 8). Хотя Онъ раздаетъ Святаго Духа и не въ мѣру даетъ Его достойнымъ, ибо самъ полонъ, *и отъ исполненія Его мы вси пріяхомъ*, по Писанію (Іоан. 1, 16): но по домостроительству, какъ человѣкъ, называется помазаннымъ, потому что духовно и не человѣчески сошелъ на Него Духъ Святый, чтобы пребывать и въ насъ, такъ какъ отступилъ въ началѣ по причинѣ паденія Адамова. Итакъ само единородное Слово Божіе, содѣлавшееся плотію, названо Христомъ, и какъ имѣющее собственное могущество, свойственное Богу, творило чудеса. Потому утверждающіе, что къ могуществу Христа присоединилась слава Единороднаго, какъ будто Единородный отличенъ отъ Христа, мудрствуютъ о двухъ сынахъ—одномъ

дѣйствующемъ и о другомъ, чрезъ котораго, какъ чрезъ подобнаго намъ человѣка, онъ дѣйствуетъ; по этой причинѣ и подлежатъ силѣ (высказаннаго) анаѳематства.

Анаѳематство 8-е.

Кто дерзаетъ говорить, что воспринятому (Богомъ) человѣку должно покланяться вмѣстѣ съ Богомъ Словомъ, должно его прославлять вмѣстѣ съ Нимъ и вмѣстѣ называть Богомъ, какъ одного въ другомъ (ибо такъ думать заставляетъ постоянно прибавляемая частица— *συν вмѣстѣ съ*), а не чтитъ Еммануила единымъ поклоненіемъ и не возсылаетъ Ему единаго славословія, такъ какъ Слово стало плотію: да будетъ анаѳема.

Объясненіе 8-е.

Мы крестились въ единаго Бога Отца вседержителя, и въ единаго Сына, и въ единаго Духа Святаго. *Или не разумѣете,* говоритъ блаженный Павелъ, яко *елицы во Христа Іисуса крестихомся, въ смерть Его крестихомся? Спогребохомся убо Ему крещеніемъ въ смерть: да якоже воста Христосъ отъ мертвыхъ славою Отчею, тако и мы во обновленіи жизни ходити начнемъ* (Рим. 6, 3. 4). Посему какъ увѣровали и крестились, какъ сказано, въ единаго Господа нашего Іисуса Христа, т. е. воплотившееся и вочеловѣчившееся Слово Бога Отца: такъ од-

ному же сущему Богу и научены покланяться мы и вышнія силы съ нами; потому что написано: *егда же вводитъ Первороднаго во вселенную, глаголетъ: и да поклонятся Ему вси ангели Божіи* (Евр. 1, 6). Единородный же содѣлался первороднымъ, когда явился подобнымъ намъ человѣкомъ; потому что тогда же названъ и братомъ любящихъ Его. Итакъ если кто учитъ сопокланяться Ему, какъ человѣку отдѣльно, вмѣстѣ съ Словомъ Бога Отца, какъ отдѣльно отъ Него существующимъ, а не почитаетъ единымъ поклоненіемъ, соединяя истиннымъ единеніемъ во единаго Христа и Сына и Господа: тотъ праведно подлежитъ силѣ этого анаѳематства.

Анаѳематство 9-е.

Кто говоритъ, что единый Господь Іисусъ Христосъ прославленъ Духомъ въ томъ смыслѣ, что пользовался чрезъ Него какъ-бы чуждою силою, и отъ Него получилъ силу побѣждать нечистыхъ духовъ и совершать въ людяхъ божественныя знаменія, а не почитаетъ собственнымъ Его Духомъ, чрезъ котораго Онъ совершалъ чудеса: да будетъ анаѳема.

Объясненіе 9-е.

Единородное Слово Божіе, содѣлавшись человѣкомъ, тѣмъ не менѣе оставалось Богомъ, имѣющимъ все, что имѣетъ Отецъ, кромѣ одного свойства—быть Отцемъ; и имѣя суще-

ственно въ Немъ пребывающаго Духа Святаго, совершало божественныя знаменія. Посему и послѣ того, какъ содѣлалось человѣкомъ, оставалось въ тоже время Богомъ и такимъ образомъ собственною въ Духѣ силою совершало чудеса. А которые говорятъ, что Онъ (Христосъ), какъ одинъ изъ людей подобныхъ намъ или какъ одинъ изъ святыхъ, прославленъ дѣйствованіемъ силою Духа, потому что будто бы имѣлъ дѣйствованіе не свое, а чуждое Ему, и не какъ прилично Богу, и будто бы (только) по участію въ благодати взятъ св. Духомъ на небеса: тѣ праведно будутъ подлежать силѣ этого анаѳематства.

Анаѳематство 10-е.

Божественное Писаніе говоритъ, что Христосъ былъ святителемъ и посланникомъ нашего исповѣданія (Евр. 3, 1), что Онъ принесъ Себя за насъ въ воню благоуханія Богу и Отцу (Ефес. 5, 2). Итакъ, если кто говоритъ, что святителемъ и посланникомъ нашимъ было не само Слово Бога Отца, когда стало плотію и подобнымъ намъ человѣкомъ, а какъ-бы другой нѣкто, отличный отъ Него, человѣкъ, происшедшій отъ жены; или кто говоритъ, что Онъ принесъ Себя въ приношеніе и за самого Себя, а не за насъ только однихъ, такъ какъ, не зная грѣха, Онъ не имѣлъ нужды въ приношеніи (за Себя): да будетъ анаѳема.

Объясненіе 10-е.

По-истинѣ ничтожно человѣческое для Слова, рожденнаго отъ Бога Отца; однакожъ не презрѣнно по причинѣ домостроительства. Потому что, будучи Господомъ по естеству, Онъ снизошелъ до подобія съ нами, принявши на Себя образъ раба, и назвался святителемъ и посланникомъ нашимъ, такъ какъ условія человѣчества призывали Его и къ этому. *Предаде себе за ны въ вонію благоуханія Богу и Отцу* (Ефес. 5, 2): *единымъ бо приношеніемъ совершилъ есть во вѣки освящаемыхъ* (Евр. 10, 14), какъ написано. Но не знаю, какимъ образомъ иномыслящіе утверждаютъ, что не самое Слово Божіе, содѣлавшееся человѣкомъ, назвалось и посланникомъ и святителемъ нашего исповѣданія, а говорятъ, что будто другой нѣкто, особый отъ Него человѣкъ, рожденный отъ святой Дѣвы, названъ и посланникомъ и святителемъ, и будто по мѣрѣ успѣховъ возвышенъ до этого (состоянія), и не только будто за насъ однихъ, но и за себя принесъ самого Себя въ жертву Богу и Отцу. Это (мнѣніе) совершенно чуждо правой и непорочной вѣры: потому что Онъ грѣха не сотворилъ, а кто выше преступленія и совершенно непричастенъ грѣху, тотъ не нуждался и въ жертвѣ за себя. Но какъ иномыслящіе, отвергая истину, опять измышляютъ двухъ сыновъ: то по

необходимости составлено анаѳематство, ясно ниспровергающее это нечестіе ихъ.

Анаѳематство 11-е.

Кто не исповѣдуетъ плоть Господа животворящею и собственно принадлежащею самому Слову Бога Отца, но принадлежащею какъ-бы другому кому, отличному отъ Него, и соединенному съ Нимъ по достоинству, то есть, пріобрѣтшему только божественное (въ себѣ) обитаніе, а не исповѣдуетъ, какъ мы сказали, плоть Его животворящею, такъ какъ она стала собственною Слову, могущему все животворить: да будетъ анаѳема.

Объясненіе 11-е.

Мы совершаемъ въ церквахъ святую, и животворящую, и безкровную жертву, вѣруя, что предлагаемое тѣло, равно какъ и безцѣнная кровь—не обыкновеннаго, подобнаго намъ человѣка, но принимая напротивъ тѣло какъ бывшее собственнымъ и кровь какъ кровь Слова, животворящаго все. Потому что обыкновенная плоть не можетъ животворить: свидѣтель этому самъ Спаситель, который говоритъ: *плоть не пользуетъ ничтоже, духъ есть, иже оживляетъ* (Іоан. 6, 63). А такъ какъ плоть содѣлалась собственною Слова, то разумѣется и есть животворяща, какъ говоритъ самъ Спаситель: *якоже посла Мя живый Отецъ, и Азъ живу Отца ради: и ядый*

Мя, и той живъ будетъ Мене ради (Іоан. 6, 57). Поелику же Несторій и его единомышленники безразсудно разрушаютъ силу этого таинства: поэтому и весьма справедливо предложено анаѳематство.

Анаѳематство 12-е.

Кто не исповѣдуетъ Бога Слова пострадавшимъ плотію, распятымъ плотію, принявшимъ смерть плотію и наконецъ ставшимъ первороднымъ изъ мертвыхъ, такъ какъ Онъ есть жизнь и животворящь, какъ Богъ: да будетъ анаѳема.

Объясненіе 12-е.

Хотя Слово Бога Отца безстрастно и безсмертно, потому что божественное и неповрежденное естество выше страданія, и само все животворитъ, и выше тлѣнія и всего, что можетъ страдать: однакожъ, будучи таковымъ по существу, Слово Бога Отца содѣлало собственною плоть способную къ смерти, дабы, посредствомъ того, что можетъ страдать, взявши на Себя страданія вмѣсто насъ и за насъ, избавить всѣхъ насъ и отъ смерти и отъ тлѣнія, оживотворивши, какъ Богъ, свое собственное тѣло, и *начатокъ умершимъ бывъ* (1 Кор. 15, 20) и *первороденъ изъ мертвыхъ* (Кол. 1, 18). Ибо подъявшій за насъ честный крестъ и вкусившій смерть былъ не обыкновенный какой нибудь человѣкъ, самъ по себѣ и от-

дѣльно отъ Слова Бога Отца разсматриваемый; но самъ Господь славы страдалъ плотію, по писаніямъ. А послику желающіе примѣшивать къ правой и непорочной вѣрѣ пустыя и нечестивыя мнѣнія говорятъ, что обыкновенный человѣкъ подъялъ за насъ крестъ: то сдѣлалось необходимо анаѳематство, открывающее великость ихъ нечестія.

Кирилла, архіепископа александрійскаго, защищеніе двѣнадцати главъ противъ восточныхъ епископовъ (1).

Посвятившіе свой умъ всесвятому Богу и возлюбившіе бесѣдовать о догматахъ истины отвергаютъ скверныя пустословія нечестивыхъ еретиковъ; и устремляя внутренній и сокровенный взоръ сердца къ богодухновенному Писанію и такимъ образомъ богато наполняя сердце благими мыслями, весьма мужественно возстаютъ на ниспровергающихъ православіе, какъ-бы говоря: *ревнуя поревновахомъ по Господи* (3 Цар. 19, 10). Итакъ, когда Несторій изрыгнулъ многія и различныя хулы на Спасителя всѣхъ насъ Христа и какъ-бы съ основаній сдвинулъ досточтимое и великое таинство вочеловѣченія: то мы, видя, что не без-

(1) Т. е. Іоанна антіохійскаго и его единомышленниковъ.

опасно молчать въ этомъ случаѣ, часто совѣтовали ему отстать отъ такихъ хуленій и когда совершенно ничего не успѣли, по необходимости вышли на защищеніе догматовъ благочестія, избрали нѣкоторыя главы изъ его хуленій и съ пользою анаѳематствовали ихъ, т. е. желающихъ по нимъ мудрствовать, повинуясь блаженному Павлу, который говоритъ: *аще кто вамъ благовѣститъ паче еже пріясте, анаѳема да будетъ. Но и аще мы или ангелъ съ небесе благовѣститъ вамъ паче еже благовѣстихомъ, анаѳема да будетъ* (Гал. 1, 9. 8). Но не знаю, почему нѣкоторые сильно вознегодовали на это;—или это люди такихъ же мыслей и понятій, или которые притворяясь, что отвергаютъ подобное исповѣданіе, стараются всячески покровительствовать ему и сдѣлать ненавистными тѣхъ, которые хотятъ защищать Спасителя. Должно было думать, что укоризны на учащихъ противному выражали у нихъ искренность любви ко Христу; но нынѣ (оказывается, что) они сдѣлали не то, что лучше и особенно что должно, а сдѣлались враждебнѣйшими къ тѣмъ, которымъ если бы подражали, получили бы съ ними вѣнецъ нетлѣнія. Они порицаютъ анаѳематства, будто несправедливо составленныя, и письменно противополагая каждому вымыслы своего ума и нѣкоторыя глупыя пустословія, ду-

маютъ тѣмъ увлечь безразсудныхъ читателей ихъ книгъ. Поэтому и намъ необходимо было противопоставить имъ истину, опровергнуть ихъ нападенія, выказать ихъ любителями хулы, а противниковъ ихъ изслѣдователями истины. Итакъ, предложивши сначала каждое изъ анаѳематствъ и потомъ сопоставивши съ ними то, что ими составлено, мы присоединили свои опроверженія, призывая въ судьи знающихъ божественное Писаніе и требуя справедливаго и безпристрастнаго сужденія отъ разумѣющихъ истину.

Анаѳематство 1-е.

Кто не исповѣдуетъ Еммануила истиннымъ Богомъ, и посему святую Дѣву Богородицею, такъ какъ она по плоти родила Слово, сущее отъ Бога Отца, ставшее плотію: да будетъ анаѳема.

Возраженіе восточныхъ.

И кто станетъ исповѣдывать, что Слово Божіе, содѣлавшееся плотію, и родилось плотски? Если она родила плотски, то уже не какъ Дѣва. И къ чему мы отнесемъ слова: *Духъ Святый найдетъ на тя, и сила Вышняго осѣнитъ тя* (Лук. 1, 35), если, по его (1) мнѣ-

---

(1) Кирилла александрійскаго.

нію, Дѣва родила (Его) плотски, а не какъ прилично Богу? и какимъ образомъ указывала на Него звѣзда странно явившаяся (Матѳ. 2, 2. 7)? А волхвы, водимые ею, пришли изъ Персіи, отыскивая рожденнаго и отыскавши принесли дары, приличные и умомъ постигаемому и видимому; и ангелы, сошедшіе съ небесь, соединившись съ пастырями, воспѣли рожденіе словами: *слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе* (Лук. 2, 14). На что указываютъ эти знаменія? на тѣлесное или богоприличное рожденіе? И притомъ если мы безразсудно согласимся съ его рѣчами, то станемъ измышлять и превращеніе Слова и измѣненіе Его въ плоть; равнымъ образомъ допустимъ и то, что Оно содѣлалось *грѣхомъ* и *клятвою* (2 Кор. 5, 21. Гал. 3, 13), если не будемъ внимательны къ предыдущему и послѣдующему въ рѣчи и къ самому обычаю Писанія (выражаться такъ или иначе). Но по мысли евангелій, мы подъ выраженіемъ: *Слово плоть бысть*, справедливо разумѣемъ пребываніе Его во плоти.

Защищеніе Кирилла.

Таинство воплощенія единороднаго Сына Божія объясняетъ премудрѣйшій Іоаннъ, написавшій: *и Слово плоть бысть, и вселися въ ны* (Іоан. 1, 14). Понимая эти слова, какъ

слѣдуетъ, блаженные отцы, собравшіеся нѣкогда въ Никеѣ, назвали Его Словомъ, рожденнымъ отъ Бога, чрезъ которое Отецъ все сотворилъ, свѣтомъ отъ свѣта, Богомъ истиннымъ отъ Бога истиннаго, воплотившимся и вочеловѣчившимся, т. е. соединеннымъ съ плотію, имѣющею разумную душу, и сдѣлавшимся человѣкомъ, хотя и остававшимся въ тоже время Богомъ. А что безъ превращенія и безъ сліянія совершилось дѣло соединенія, что Слово Божіе осталось, какъ сказано, тѣмъ, что есть, хотя и содѣлалось плотію, потому что неизмѣняемо по естеству, то для всякаго несомнѣнно. Ибо воплощеніе не означаетъ превращенія въ естество плоти, но (здѣсь) разумѣется нѣчто другое, отличное отъ нея и соединенное съ нею. Такимъ образомъ мудрствуя, блаженные отцы называли святую Дѣву Богородицею: ибо вѣровали, что родила воплотившагося и вочеловѣчившагося того самаго Сына, чрезъ котораго все сотворилъ Отецъ. А изобрѣтатель новыхъ для насъ хуленій Несторій, ратуя противъ этого мнѣнія, порицаетъ слово *Богородица*, какъ неистинное; сказалъ же объ этомъ такъ: «я, говоритъ, часто спрашивалъ ихъ: Божество ли, говорите, родилось отъ блаженной Дѣвы? Тотчасъ замолчатъ при такомъ вопросѣ. И кто, говоритъ, стерпитъ такую хулу, чтобъ о той, которая родила храмъ, го-

ворить, что чрезъ Духа въ ней созданъ Богъ? Потомъ когда присовокупляемъ: итакъ что неприличнаго говоримъ мы, когда совѣтуемъ избѣгать этого названія, а держаться общаго для обѣихъ природъ выраженія?—то слова наши представляются имъ хулою. Или исповѣдуй ясно, что родилось Божество объ блаженной Маріи, или, избѣгая хульнаго выраженія, почему, говоря мнѣ это, притворяешься, что не говоришь»? Итакъ когда онъ настаиваетъ, особенно же нечестиво увѣряетъ, что называющіе Дѣву Богородицею должны исповѣдывать, что плодъ родился чуждымъ плоти и естество Божества отдѣльно, и что Слово Божіе имѣло начало бытія отъ жены: то желая доказать, что мы совершенно чужды такого мнѣнія (ибо не такъ сумазбродны, чтобы стали мудрствовать такъ, какъ не должно мудрствовать), говоримъ, что Дѣва родила Слово Божіе, содѣлавшееся плотію, по писаніямъ, т. е. человѣкомъ, родила же Его плотски, т. е. по плоти, потому что Богъ и Отецъ по божеству родилъ изъ себя Бога Сына. Поелику же раждаемое отъ плоти плоть есть, то Дѣва, какъ сама плоть, родила плотски. Когда говорится *плотски*, то чрезъ это не уничтожается вышеестественность рожденія, не отвергается дѣятельность Св. Духа, чрезъ которую Онъ образовалъ въ утробѣ раждаемое; но лучше дается знать, что

какъ Богъ раждаетъ по божеству, т. е. богоприлично, сообразно съ своею природою, такъ и человѣкъ раждаетъ по человѣчеству, т. е. плоть—плотски. Будучи же Богомъ по существу, Слово, хотя содѣлалось плотію, но произошло богоприлично, т. е. какъ прилично истинному Богу; потому что одно Оно имѣло мать неискусобрачную и сохранило Дѣвой родившую Его по плоти. Удивляюсь, что опасающіеся называть святую Дѣву Богородицею, говорятъ, что она родила богоприлично: обыкновенный человѣкъ не раждается богоприлично. И дары, говорятъ, волхвами принесены были приличные и умомъ постигаемому и видимому, и (такимъ образомъ) опять раздѣляютъ послѣ соединенія на двое единаго Господа Іисуса Христа: потому что умомъ постигаемый содѣлался видимымъ не чрезъ измѣненіе существа, но чрезъ соединеніе съ видимымъ тѣломъ. Священное Писаніе говоритъ, что святые апостолы были *самовидцы и слуги Словесе* (Лук. 1, 2), хотя не всякому ли несомнѣнно извѣстно, что Слово Бога Отца безтѣлесно, неосязаемо и невидимо? Но встрѣчаю слова святыхъ апостоловъ: *еже бѣ исперва, еже слышахомъ, еже видѣхомъ очима нашима, еже узрѣхомъ, и руки наша осязаша, о Словеси животнѣмъ* (1 Іоан. 1, 1). Итакъ приличные дары тѣ (были принесены)

одному, т. е. Христу: потому что Онъ равно Богъ и вмѣстѣ человѣкъ. Поэтому когда Онъ родился, воспѣвали хоры святыхъ ангеловъ и полки духовъ, называя Его Спасителемъ и Избавителемъ. Они опасаются, чтобы въ словахъ евангелиста: *Слово плоть бысть* (Іоан. 1, 14) не разумѣлось какое нибудь превращеніе божественнаго естества Слова, если выраженіе *бысть* сохранитъ свое собственное значеніе. Я хвалю опасеніе, но удивляюсь, что опасающіеся этого выраженія и истиннаго и необходимаго его значенія, говорятъ, что Слово такимъ образомъ содѣлалось плотію, какъ содѣлалось,—говорится о Немъ,—клятвою и грѣхомъ (Гал. 3, 13. 2 Кор. 5, 21). Потомъ, какимъ образомъ имѣющіе смыслъ не видятъ, что блаженный евангелистъ, сказавши слово: *бысть*, тотчасъ уничтожаетъ мысль о какомъ бы то ни было превращеніи, присовокупляя: *и вселися въ ны* (Іоан. 1, 14). Нелѣпо же и безсмысленно дерзать говорить, что Слово такъ содѣлалось плотію, какъ содѣлалось,—говорится о Немъ,—клятвою и грѣхомъ: потому что Оно не содѣлалось самой клятвой, ни грѣхомъ, а (только) вмѣнено было съ беззаконниками, будучи праведнымъ, дабы сдѣлать недѣйствительнымъ грѣхъ (Марк. 15, 28. сн. Иса. 53, 12); и названъ клятвою благословляющій тварь, дабы разрушить клятву, тяготѣвшую

надъ нами, и освободить отъ наказанія вѣрующихъ въ Него. Итакъ не содѣлался на самомъ дѣлѣ клятвою и грѣхомъ; но названъ такъ, чтобы разрушить клятву и грѣхъ. Поэтому, если такъ содѣлался плотію, то такъ же и разрушилъ плоть, какъ клятву и грѣхъ, и слѣдовательно не содѣлался человѣкомъ и не воплотился на самомъ дѣлѣ, но таинство существуетъ въ одномъ воображеніи и слово *вочеловѣченіе* оказывается пустымъ названіемъ; уничтожается же совершенно и надежда воскресенія. Итакъ въ чью смерть мы крестились? гдѣ слово вѣры, которое мы проповѣдуемъ? Исповѣдуя же, что Іисусъ есть Господь, и вѣруя, что Богъ воздвигъ Его изъ мертвыхъ, спасаемся. Итакъ не въ подобнаго ли намъ и обыкновеннаго человѣка будетъ вѣра, и поклаияемся ли уже мы Слову, явившемуся ради насъ въ человѣческомъ образѣ? Или не принялъ рабскаго образа свободный, какъ Богъ? Или не смирилъ себя славный въ высотѣ Божества? Или, будучи образомъ и равнымъ Отцу, не снизошелъ до истощанія Себя, хотя (въ тоже время) раздаетъ твари блага отъ полноты своей? Но прочь злая мысль! Иначе учили насъ блаженные отцы: они говорили, что самое Слово Бога Отца по-истинѣ воплотилось и вочеловѣчилось неизмѣнно и несліянно, а образъ домостроительства совершенно непости-

жизнь. Во свидѣтельство сказаннаго приведу ихъ слова.

Мученика Петра, епископа александрійскаго.

Евангелистъ истину говоритъ: *Слово плоть бысть, и вселися въ ны* (Іоан. 1, 14); съ того, очевидно, времени, какъ ангелъ привѣтствовалъ Дѣву, говоря: *радуйся, благословенная, Господь съ тобою* (Лук. 1, 28). Слова: *Господь съ тобою*, слышимыя теперь отъ Гавріила, сказаны вмѣсто словъ: Богъ-Слово съ тобою; ибо означаютъ, что Онъ самъ зачинается во утробѣ и дѣлается плотію, какъ написано: *Духъ Святый найдетъ на тя, и сила Вышняго осѣнитъ тя: тѣмже и раждаемое свято, наречется Сынъ Божій* (Лук. 1, 35).

Аѳанасія, архіепископа александрійскаго.

Когда раждалась плоть отъ Богородицы Маріи, сказано было, что родился Самъ дающій другимъ рожденіе въ бытіе, чтобы перенести на Себя наше рожденіе.

Тогоже изъ посланія къ Епиктету.

Какъ дерзнули сомнѣваться называющіеся христіанами, Господь ли произшедшій отъ Маріи, который, будучи Сыномъ Божіимъ по сущности и естеству, по плоти отъ сѣмени Давидова, отъ плоти же святой Маріи? Кто же такіе были настолько дерзки, чтобы говорить,

что страдавшій плотію и распятый Христосъ не Господь, и Спаситель, и Богъ и Сынъ Отца? Или какъ думаютъ называться христіанами тѣ, которые говорятъ, что Слово вошло въ святаго человѣка, какъ въ одного изъ пророковъ, а не само содѣлалось человѣкомъ, принявшимъ плоть отъ Маріи, но что иной Христосъ и иное Слово Божіе—Сынъ Отца, прежде Маріи и прежде вѣковъ бывшій? Или какъ могутъ быть христіанами говорящіе, что иной есть Сынъ, и иное Слово Божіе?

Такихъ мыслей святыхъ отцевъ держимся и мы. Если же кто иначе учитъ и иначе мудрствуетъ, тотъ находится не на прямомъ и царскомъ пути. А что не необычно святымъ отцамъ употреблять выраженіе: *Христосъ родился плотски*, и что напротивъ это выраженіе обыкновенно и у другихъ, не менѣе истинно и для насъ, показываютъ слѣдующія слова

Амфилохія, епископа иконійскаго.

«Если бы Онъ не родился плотски, то ты не родился бы духовно; если бы Онъ не восялъ рабскаго образа, то ты не пріобрѣлъ бы славы сыноположенія».— Ясно, что и здѣсь слово *плотски* тоже значитъ, что *по плоти*, какъ напримѣръ слово *божественно* однозначуще съ словомъ *по Божеству*.

Анаѳематство 3-е.

Кто во единомъ Христѣ, послѣ соединенія (естествъ), раздѣляетъ лица, соединяя ихъ только союзомъ достоинства, то есть, въ волѣ или въ силѣ, а не, лучше, союзомъ, состоящимъ въ единеніи естествъ: да будетъ анаѳема.

Возраженіе восточныхъ.

Опять напомнимъ ему собственныя его слова и укажемъ, какъ онъ самъ говоритъ о двухъ ѵпостасяхъ. Напримѣръ, въ первомъ томѣ онъ говоритъ: «итакъ по отношенію къ Его природѣ, Слово Бога Отца отдѣльно (взятое) не получило освященія. Если же кто будетъ думать, что рожденный отъ святой Дѣвы помазанъ и освященъ одинъ, въ этомъ смыслѣ и названъ Христомъ».... Итакъ на какомъ же основаніи онъ, какъ-бы забывши свои слова; соединяетъ природы въ одну ѵпостась, сливая ихъ и называя естественнымъ божественное соединеніе? И кто когда нибудь приметъ за естественное божественное соединеніе въ таинствѣ домостроительства? Если соединеніе естественно, гдѣ благодать? гдѣ божественное таинство? Ибо природы, какъ мы знаемъ, однажды установленныя всеустрояющимъ Богомъ, слѣдуютъ закону необходимости? Опять неужели дѣло домостроительства, по круговращенію и порядку природы, будетъ продолжаться тысячу лѣтъ, какъ без-

умствовалъ и баснословилъ ненавистный Аполлинарій?

Защищеніе Кирилла.

Божественный Павелъ, ясно показывая всѣмъ, какимъ образомъ единородное Слово Божіе содѣлалось человѣкомъ, какъ строитель таинъ Божіихъ и имѣющій въ себѣ Христа говорящаго, возвѣщаетъ: *не отъ ангелъ бо когда пріемлетъ, но отъ сѣмене Авраамова пріемлетъ. Отнюдуже долженъ бѣ по всему подобитися братіи, да милостивъ будетъ и вѣренъ первосвященникъ въ тѣхъ, яже къ Богу* (Евр. 2, 16. 17). Мы, считая это изрѣченіе за самое истинное, слѣдуя повсюду богодухновеннымъ Писаніямъ, и почитая полнымъ удивленіемъ изрѣченія богослововъ и даже считая ихъ за божественные законы, утверждаемъ, что Слово Бога Отца заимствовало не отъ святыхъ ангеловъ, ни даже отъ своего естества; вѣруемъ, согласно съ священнымъ Писаніемъ, что, осѣнивши святую Дѣву, какъ сила всевышняго Отца, Оно образовало Себѣ изъ нея тѣло, дѣйствіемъ впрочемъ Св. Духа, и содѣлалось человѣкомъ, и названо сыномъ Авраама и Давида, не потерявши чрезъ вочеловѣченіе свойства—быть истиннымъ Сыномъ Бога и Отца, напротивъ оставаясь, хотя и содѣлалось плотію, въ естествѣ, величія и

славѣ Божества, потому что неизмѣняемо и выше превращенія, какъ Богъ. Итакъ Оно есть одинъ и тотъ же Сынъ и Господь и прежде воплощенія и послѣ воплощенія. А раздѣлять одного на двухъ сыновъ и разрушать дѣло истиннаго соединенія, раздѣляя на части и полагая особо человѣка и особо Бога, дѣло нечестивое выше всякаго описанія. Но, мало заботясь объ этомъ, Несторій дерзалъ говорить тѣмиже словами такъ: «*сіе да мудрствуется въ васъ, еже и во Христѣ Іисусѣ, иже во образѣ Божіи сый, себе умалилъ, зракъ раба пріимъ*» (Филип. 2, 5. 6). Не сказалъ: сіе да мудрствуется въ васъ, еже и въ Богѣ-Словѣ, которое, пребывая во образѣ Божіи, приняло зракъ раба; но употребивши слово *Христосъ*, какъ названіе означающее двѣ природы, безъ опасенія называетъ Его и принявшимъ образъ раба и Богомъ, хотя непонятно, какимъ образомъ относитъ слова къ двумъ раздѣленнымъ природамъ. Въ другой проповѣди опять говоритъ: «*да о имени Іисусовѣ всяко колѣно поклонится небесныхъ земныхъ и преисподнихъ, и всякъ языкъ исповѣсть, яко Господь Іисусъ Христосъ* (Филип. 2, 10. 11). Ради носящаго почитаю носимаго; ради сокрытаго покланяюсь видимому. Богъ неотдѣлимъ отъ видимаго; поэтому не раздѣляю честь того, кто нераздѣлимъ; раздѣляю при-

роды, но соединяю поклоненіе». И еще въ другой проповѣди: «говори о принявшемъ, что Онъ Богъ; присоединяй принятаго, потому что образъ раба; послѣ того присовокупляй достоинство соединенія, потому что власть у обоихъ общая, достоинство у обоихъ одно и тоже; при раздѣленіи природъ исповѣдуй единство достоинства». Видишь, какъ вездѣ раздѣляетъ природы одну отъ другой, соединяетъ же, какъ говоритъ, поклоненіе и признаетъ общею только власть и единство одного достоинства. Но общее, если оно общее, во всякомъ случаѣ не у одного, а у двоихъ или у многихъ, отдѣльно и особо взятыхъ. Итакъ къ чему же сдѣлано порицаніе слова, которое по справедливости анаѳематствуетъ такое мудрованіе? Что нелѣпаго, если мы, противопоставляя благочестивые догматы гнуснымъ и сквернѣйшимъ словамъ Несторія, выразили должную заботливость о спасеніи братій? Поелику же говорятъ, что я противорѣчу своимъ словамъ, и въ доказательство приводятъ часть посланія, которое я писалъ къ святымъ монахамъ: то я считаю долгомъ отвѣтить и на это, что слѣдуетъ. Говорятъ, что и самъ я назвалъ двѣ ѵпостаси, и считаютъ достаточнымъ для себя доказательствомъ, что и мы не отвергали того, что говорятъ они. Итакъ по необходимости предложивши эту часть посланія, присовокуплю

послѣ сего ясное доказательство на то, что они повсюду являются лжецами въ своихъ словахъ. Она читается такъ: «итакъ что касается до Его природы, то не освящено отдѣльно Слово Бога Отца. Если же кто будетъ думать, что рожденный отъ святой Дѣвы помазанъ и освященъ одинъ, и въ этомъ смыслѣ названъ Христомъ, пусть скажетъ далѣе, достаточно ли помазаніе для того, чтобы помазанный явился равнославнымъ и сопрестольнымъ Богу, который выше всего». Поелику же изобрѣтатель новыхъ для насъ хуленій Несторій часто утверждаетъ, что Христомъ названо отдѣльно Слово Божіе, отдѣльно же и особо—другой Христосъ, рожденный отъ святой Дѣвы: то отвергая такое мнѣніе, какъ скверное, и безразсудное, и чуждое истины, мы не утверждаемъ ни того, что Слово Бога Отца, отдѣльно разсматриваемое, помазано елеемъ радованія, ни того, что (помазанъ) отдѣльно и особо взятый, какъ человѣкъ и иной Сынъ, а не Слово Божіе,—тотъ, который (родился) отъ святой Дѣвы; напротивъ утверждаемъ, что всѣмъ должно исповѣдывать одного Христа—воплотившееся и вочеловѣчившееся единородное Слово Божіе, потому что *единъ Господь, едина вѣра, едино крещеніе* (Еф. 4, 5). Итакъ всякому, привыкшему православно мудрствовать, ясно, что они превращаютъ смыслъ моихъ словъ и чрезъ то

клевещутъ на истину. Конечно, была бы непогрѣшительна, весьма справедлива и не заслуживала бы никакого осужденія иная мысль, именно, что плоть по своей природѣ отлична отъ Слова, рожденнаго отъ Бога Отца, а равно и Единородный есть иной по отношенію къ своей природѣ. Но такъ понимать не значитъ раздѣлять природы послѣ соединенія. Подлинно, если бы кто захотѣлъ разсматривать силу таинства острымъ взоромъ ума, увидѣлъ бы, что не отъ своей природы, какъ сказано въ началѣ, заимствовалъ Богъ-Слово, но отъ сѣмени Авраамова; а святое тѣло отъ сѣмени Авраамова не единосущно рожденному отъ Бога Слову. Отъ святой Дѣвы заимствовалъ произшедшій человѣкъ, чтобы уподобиться братіи и Единородному назваться перворднымъ. Но хотя тѣло иной природы, нежели Слово Бога Отца; впрочемъ одинъ Христосъ, и Сынъ, и Богъ, и Господь, хотя (Оно) и содѣлалось плотію. И небезвредно разрушать способъ истиннаго соединенія, раздѣляя vпостаси на два сына, какъ будто онѣ существуютъ въ разлученіи, каждая отдѣльно и особно, и имѣютъ одно внѣшнее единеніе или союзъ одного достоинства. Когда же называемъ соединеніе естественнымъ, то разумѣемъ истинное; потому что само богодухновенное Писаніе имѣетъ обычай употреблять это выраженіе; напримѣръ

въ одномъ мѣстѣ богодухновенный Павелъ пишетъ нѣкоторымъ (людямъ): *и бѣхомъ естествомъ чада гнѣва, якоже и прочіи* (Ефес. 2, 3). И никакъ не скажетъ кто либо, что подпали по (самой) природѣ божественному гнѣву, такъ что грѣшники суть порожденія его; иначе мы совершенно согласны будемъ съ зараженными безуміемъ манихейскимъ. Но слово *естествомъ* тоже, что *поистинѣ*. Итакъ, не сливая природъ и не смѣшивая ихъ одну съ другою, какъ говорятъ противники, говоримъ, что произошло естественное соединеніе (ихъ); но вездѣ утверждаемъ, что изъ двухъ природъ нетожественныхъ, божества и человѣчества, содѣлался одинъ Христосъ, и Сынъ, и Господь. Очевидно, что съ мнѣніями Аполлинарія у насъ ничего нѣтъ общаго; ибо однажды осужденныхъ, какъ низвращающихъ истину, должно отвращаться.

Анаѳематство 4-е.

Кто изрѣченія евангельскихъ и апостольскихъ книгъ, употребленныя святыми ли о Христѣ, или Имъ самимъ о Себѣ, относитъ раздѣльно къ двумъ лицамъ или ѵпостасямъ, и одни изъ нихъ прилагаетъ къ человѣку, котораго представляетъ отличнымъ отъ Слова Бога Отца, а другія, какъ богоприличныя, къ одному только Слову Бога Отца: да будетъ анаѳема.

Возраженіе восточныхъ.

Прилично и здѣсь напомнить ему собственныя его положенія, въ которыхъ говоритъ: «когда услышишь, что преуспѣвалъ премудростію, возрастомъ и благодатію, не думай, что Слово Божіе содѣлалось мудрымъ постепенно; и опять не дерзай пустословить, что преуспѣваніе возрастомъ, премудростію и благодатію приписываемъ человѣку». Хотя онъ и отвергаетъ здѣсь свидѣтельство Писанія, показывающее, что преуспѣваніе происходило въ естествѣ видимой плоти Господа: но не время теперь обличать это, потому что спѣшимъ къ предлежащей главѣ. Чтобы показать, что онъ самъ говоритъ о двухъ ѵпостасяхъ и противорѣчитъ себѣ, предложимъ давно сказанное имъ: «не должно соглашаться съ словами, раздѣляющими соединеніе, т. е. одного Сына на два лица, или ѵпостаси, или на два сына, потому что нераздѣлимо и неразрывно совершеннѣйшее соединеніе, и всякимъ образомъ, во всѣхъ отношеніяхъ и во всякомъ смыслѣ одинъ Сынъ. Но когда сохраняется совершеннѣйшее соединеніе и исповѣдуется одинъ Сынъ и Христосъ и Господь: то должно принимать (всѣ) слова объ одномъ и томъ же Сынѣ; по силѣ соединенныхъ природъ, безъ сомнѣнія, должно относить къ одному Сыну то, что говорится». Но если не раздѣлять евангельскихъ словъ,

или сказанныхъ о Господѣ Имъ самимъ, или помѣщенныхъ въ апостольскихъ писаніяхъ: то какой высоты хуленія не превзойдетъ (онъ)? Если не раздѣляемъ рѣчей, то какимъ образомъ будемъ противостоять Евномію и Арію, которые всѣ слова смѣшиваютъ такъ, какъ будто онѣ сказаны были объ одной природѣ, и низкое человѣчества хульно относятъ къ вышней природѣ чистаго Божества? Или какъ будемъ понимать слова Господа, которыя Онъ говоритъ въ отношеніи къ природѣ видимой плоти: *не снидохъ, да творю волю мою* (Іоан. 6, 38), и: *заповѣдь* получилъ *я, что реку и что возглаголю* (12, 48), и: *о себѣ ничесоже творю* (8, 28), и: *восхожду ко Отцу моему и Отцу вашему, и Богу моему и Богу вашему* (Іоан. 20, 17) и прочія подобныя? Если слова, равно какъ и природы, останутся нераздѣльными: то, по ученію его ([1]), Отецъ будетъ Богомъ единороднаго Бога, а служителемъ и исполнителемъ отеческихъ заповѣдей—Сынъ по Божеству. И если уничиженіе перенесемъ на божественное естество, то къ кому приложимъ слова: *азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. 10, 30), и то, что Онъ дѣлаетъ, какъ Отецъ; и эти слова: *якоже Отецъ*

---

(1) Кирилла александрійскаго.

воскрешаетъ мертвыя и живитъ, тако и Сынъ, ихже хощетъ, (а не тѣхъ, которыхъ приказываютъ) *живитъ* (5, 21)? Но справедливо, по слову самаго Господа, отецъ есть Отецъ и Богъ: Богъ возникшаго въ послѣднія времена отъ сѣмени Давидова съ плотію, Отецъ же Бога Слова, рожденнаго безстрастно и вѣчно, причемъ сохраняется и исповѣдуется сыновство въ отдѣльномъ смыслѣ. Какъ же будемъ понимать: *аминь аминь глаголю вамъ, прежде даже Авраамъ не бысть, азъ есмь* (Іоан, 8, 58), и: *вся тѣмъ быша* (1, 3), если не будутъ раздѣлены слова? Неужели отнесемъ къ естеству, явившемуся въ послѣднія времена отъ сѣмени Давидова, слова о бытіи прежде Авраама и Давида и о сотворереніи чрезъ Него всего? Или, полагая природы неслитно пребывающими и исповѣдуя соединеніе нераздѣлимымъ, скажемъ благочестиво, что слова по силѣ соединенныхъ природъ, какъ выше сказано, относятся къ одному Сыну и Господу и Христу, но не прилагаются всѣ къ одной природѣ? такъ что въ одномъ названіи природъ разумѣется каждая по непонятной для насъ высотѣ соединенія, какъ напримѣръ: *никтоже взыде на небо, токмо сшедый съ небесе, Сынъ человѣческій сый на небеси* (Іоан. 3, 13) и еще: *аще убо узрите Сына человѣческаго восходяща, идѣже бѣ преж-*

де (6, 32),—не разумѣемъ ли въ одномъ названіи Сыномъ человѣческимъ и того, кто соединенъ съ нимъ неслiянно и нераздѣльно? Ибо хотя и назвался Сыномъ человѣческимъ въ отношеніи къ принятой и видимой природѣ плоти; но чрезъ дѣла, имъ совершенныя, показалъ себя Богомъ. И опять: *Іисусъ Христосъ, имже всяческая* (Евр. 2, 10); и еще: *Іисусъ Христосъ вчера и днесь* (той же и во вѣки) (13, 8). Какимъ образомъ чрезъ Него всяческая? если же чрезъ Него всяческая, то какимъ образомъ—вчера и днесь? Но истинно и то, что все чрезъ Него, вѣрно и то, что—вчера и днесь, и то истинно, что—тойже и во вѣки, если по различію природъ, соединенныхъ неслитно и нераздѣльно, будемъ относить слова вчера и днесь къ видимому, во вѣки—къ невидимому, а по единству сыновства—къ одному и тому же.

Защищеніе Кирилла.

У тѣхъ, которые неразумно желаютъ порицать анаѳематства, составленныя съ величайшею пользою и по необходимости, кажется, одна цѣль—ничего истиннаго не думать и не говорить, а представить ясное доказательство на то, что они заняты одной клеветой. Потому что если бы они съ раченіемъ и усердіемъ приложили свой умъ къ написанному, то

поняли бы, что своими мнѣніями и словами, ими самими произнесенными, (только) утверждаютъ анаѳематство и доказываютъ, что оно не неразумно составлено. А какимъ образомъ, скажу объ этомъ. Добрый для насъ Несторій, проповѣдуя въ церкви, сказалъ нѣчто такое,— какъ бы это сказать яснѣе и для всѣхъ понятнѣе,—(сказалъ, что) Арій, Евноміѣ и Аполлинарій и толпы всѣхъ, принадлежащихъ къ такому братству, старались ввести слово *Богородица*, чтобы, когда произойдетъ смѣшеніе и природы не будутъ раздѣлены, ничто низкое не было принимаемо въ человѣчество и потомъ имъ былъ бы случай востать на Божество, какъ будто все, что говорится, говорится объ одномъ. Когда такимъ образомъ сказано, то весьма полезно было съ нашей стороны анаѳематство, не дозволяющее раздѣлять на два лица и ѵпостаси одного Господа Іисуса Христа. А что и сами они согласны съ нашими словами, ясно будетъ изъ тѣхъ словъ, которыя выписали и признали справедливыми. Вотъ слова эти: «не должно соглашаться съ словами, раздѣляющими соединеніе, т. е., одного Сына на два лица, или ѵпостаси, или на два сына, потому что нераздѣлимо и неразрывно совершеннѣйшее соединеніе, и всякимъ образомъ, во всѣхъ отношеніяхъ и во всякомъ смыслѣ одинъ Сынъ. Но когда сохра-

няется совершеннѣйшее соединеніе и исповѣдуется одинъ Сынъ и Христосъ и Господь: то должно принимать (всѣ) слова объ одномъ и томъ же Сынѣ; по силѣ соединенныхъ природъ, безъ сомнѣнія должно относить къ одному Сыну то, что говорится». Итакъ когда сохраняется совершеннѣйшее единеніе, то возможенъ ли какой-нибудь (хотя) тайный доступъ (къ раздѣленію) или даже видъ сѣченія? и кто дерзаетъ раздѣлять, не сойдетъ ли съ праваго пути и не отпадетъ ли совершенно отъ догматовъ благочестія? Что же говоритъ анаѳематство? «Кто раздѣляетъ слова такимъ образомъ, что одни прилагаетъ къ Нему, какъ къ человѣку, отдѣльно разсматриваемому отъ Слова Божія, а другія, какъ богоприличныя, къ одному Слову Божію; да будетъ анаѳема». Итакъ если раздѣляющіе и разлагающіе одного Христа на человѣка отдѣльно и особо, и на Бога—Слово отдѣльно и особо, не раздѣляютъ Его и не говорятъ о двухъ сынахъ, то пусть обвиняютъ насъ любящіе жаловаться. Если же такъ мудрствовать, значитъ (производить) сѣченіе и раздѣленіе: то почему они вздумали порицать наши слова, когда и сами, какъ говорятъ, исповѣдуютъ, что Еммануилъ нераздѣлимъ и есть одинъ по совершеннѣйшему соединенію? Итакъ и я самъ похвалю и всякій, думаю, привыкшій право мудрствовать, (по-

хвалитъ) обязанность принимать благоразумно каждую рѣчь, хотя бы и имъ, пожалуй, сказанную: потому что однѣ изъ рѣчей богоприличны, а другія болѣе сообразны съ домостроительствомъ по плоти. Поелику же одинъ и тотъ же Богъ и вмѣстѣ человѣкъ: то въ этомъ отношеніи весьма справедливо говорится иногда божественно, иногда человѣчески; однако мы утверждаемъ, что и тѣ и эти слова одного Іисуса Христа; мы и храмъ отъ пресвятой Дѣвы не лишаемъ Божества, и то знаемъ, что Слово Бога Отца не безплотно послѣ неизреченнаго соединенія. Но я удивляюсь, что весьма тщательно изслѣдовавшіе и, какъ думаютъ, тонко разобравшіе мои посланія, намѣренно опускаютъ то, что въ нихъ полезно и необходимо для доказательства правоты и вѣрности догматовъ, а весьма живо бросаются на слова, которыя представляютъ, какъ имъ кажется, хотя малѣйшую возможность сплести изъ нихъ клевету противъ насъ. Припомню же мои слова; я такъ писалъ въ письмѣ къ Несторію: «а рѣчи нашего Спасителя въ евангеліяхъ не раздѣляемъ ни между двумя ѵпостасями, ни между двумя лицами; ибо не двойственъ одинъ и единый Христосъ, хотя и разумѣется соединеннымъ изъ двухъ и различныхъ природъ въ нераздѣлимое соединеніе, подобно какъ напримѣръ и человѣкъ разумѣется (со-

стоящимъ) изъ души и тѣла и не двойственнымъ, а единымъ изъ обоихъ. Но правильно мудрствуемъ, что какъ божественныя, такъ и человѣческія рѣчи сказаны объ одномъ. Когда Онъ говоритъ о себѣ богоприлично: *видѣвый мене, видѣ Отца* (Іоан. 14, 9), и: *азъ и Отецъ едино есма* (10, 30): то разумѣемъ божественное и неизреченное естество Его, по которому Онъ по отношенію къ Отцу своему, по причинѣ тождества существа, есть подобіе, образъ и сіяніе славы Его (Евр. 1, 3). Когда же Онъ, не гнушаясь мѣры человѣчества, говоритъ къ іудеямъ: *нынѣ же ищете убити мене человѣка, иже истину вамъ глаголахъ* (Іоан. 8, 40): опять тѣмъ не менѣе познаемъ тогоже Бога—Слово въ равенствѣ и подобіи Отца, но въ предѣлахъ Его человѣчества. Ибо если необходимо вѣровать, что истинный Богъ по существу содѣлался плотію или человѣкомъ, такъ какъ плоть одушевлена разумною душею: то какое основаніе имѣетъ кто—нибудь стыдиться словъ Его, когда онѣ относились къ человѣчеству? Еслибы Онъ отвергалъ рѣчи приличныя человѣку, то кто заставилъ бы Его сдѣлаться подобнымъ намъ человѣкомъ? И снисшедшій ради насъ до добровольнаго истощанія, по какой причинѣ сталъ бы отвергать слова, приличныя этому истощанію? Поэтому къ одному лицу должно

относить всѣ слова (находящіяся) въ евангеліяхъ, къ одной ѵпостаси воплощеннаго Слова: ибо единъ Господь Іисусъ Христосъ, по писаніямъ». Итакъ, сколько уже видно изъ вышеписаннаго, насъ нельзя обличить въ незнаніи домостроительства и словъ приличныхъ каждой природѣ; но лучше мы не позволяемъ душевнымъ, не имѣющимъ духа, мудрствовать или говорить о двухъ сынахъ, раздѣляя одну отъ другой ѵпостаси послѣ неразрывнаго соединенія. Поелику же они, взявши нѣкоторую малую часть изъ нашего посланія, положили ее въ началѣ своихъ рѣчей, угрожая со временемъ обличить насъ, что мы будто не умѣренно согрѣшили по отношенію къ Слову Бога Отца и весьма неразумно приписали Его естеству возрастаніе и преуспѣяніе, приличныя плоти: то, пожалуй, скажемъ и на это, предложивши цѣлую часть посланія; потому что они, опасаясь истины и обманывая слушателей, привели (только) нѣкоторую часть, которая показалась имъ болѣе годною къ тому, чтобъ имѣть возможность и, по видимому, благовидно составить противъ насъ клевету. Сказано же было такъ: «когда услышишь, что преуспѣвалъ премудростію, возрастомъ и благодатію, не думай, что Слово Божіе содѣлалось мудрымъ постепенно. Особенно же припомню, что богодухновенный Павелъ такъ на-

писалъ: *Христосъ Божія сила и Божія премудрость* (1 Кор. 1, 24). И опять не дерзай пустословить, что преуспѣваніе возрастомъ, премудростію и благодатію приписываемъ человѣку, ибо это, я думаю, есть не что иное, какъ раздѣлять на два одного Христа; но какъ сказано прежде, будучи предвѣчнымъ Сыномъ, называется *предопредѣленнымъ въ Сына Божія* въ послѣднія времена вѣка, усвояющимъ себѣ по домостроительству рожденіе своей плоти. Такимъ образомъ говорится и о сущей Премудрости родившаго, что она преуспѣвала въ премудрости, хотя Она совершенна, какъ Богъ, и въ то время, какъ добровольно приняла на себя чрезъ совершеннѣйшее соединеніе свойства человѣческія». Итакъ почему они ложными умствованіями извращаютъ истину, когда Богъ говоритъ: праведно судите (Втор. 1, 16)? Потому что мы не учимъ о раздѣленіи ѵпостасей послѣ соединенія, не говоримъ и того, что божественное естество имѣло нужду въ возрастаніи и преуспѣваніи, но только то, что Онъ по домостроительственному усвоенію свойства плоти сдѣлалъ своими, такъ что *плоть бысть*, по Писанію (Іоан. 1, 14). А что съ такой вѣрой и мнѣніемъ согласенъ и сонмъ святыхъ отцевъ, постараюсь показать, предложивши для полнаго убѣжденія

часть проповѣди, произнесенной нѣкогда блаженной памяти Аттикомъ. Вотъ она:

Аттика, епископа константинопольскаго.

«Нынѣ Владыка Христосъ принялъ рожденіе по человѣколюбію; ибо рожденіе по божественному достоинству было прежде». Потомъ опять присовокупляетъ къ этому: «Слово по человѣколюбію истощается, будучи по природѣ неистощимымъ; ибо *себе умалилъ, зракъ раба пріимъ* (Филип. 2, 7). Безплотный для тебя воплощается; ибо *Слово плоть бысть* (Іоан. 1, 14). Неосязаемый по причинѣ безтѣлесной природы осязается. Безначальный бываетъ подъ тѣлеснымъ началомъ; совершенный возрастаетъ; неизмѣняемый преуспѣваетъ; богатый раждается въ вертепѣ; одѣвающій небо облаками одѣвается пеленами; царь полагается въ ясляхъ».

А что раздѣлять ѵпостаси послѣ соединенія не безпорочно, а напротивъ значитъ извращать достопокланяемое таинство вочеловѣченія, это не менѣе узнаемъ, читая слова Юлія и Феликса, бывшихъ нѣкогда предстоятелями римской церкви.

Юлія, епископа римскаго.

Проповѣдуется же во исполненіе вѣры Сынъ Божій и воплотившимся отъ Дѣвы Маріи и вселившимся въ человѣкѣ; Онъ не дѣйствовалъ въ человѣкѣ, ибо это (выраженіе)

имѣетъ мѣсто въ отношеніи къ пророкамъ и апостоламъ; Онъ есть совершенный Богъ во плоти и совершенный человѣкъ въ Духѣ; не два сына—одинъ единородный Сынъ, воспринявшій человѣка, а другой смертный человѣкъ, воспринятый Богомъ, но одинъ, единородный на небеси и единородный на земли, Богъ.

Феликса, святѣйшаго епископа римскаго и мученика.

Чтоже касается до воплощенія Слова и вѣры, мы вѣруемъ въ Господа нашего Іисуса Христа, рожденнаго отъ Маріи Дѣвы, (вѣруемъ) что Онъ есть вѣчный Сынъ Божій и Слово, а не человѣкъ, воспринятый Богомъ, такъ чтобы (человѣкъ) былъ другой отъ Него; потому что не такъ воспринялъ человѣка Сынъ Божій, чтобы быть инымъ отъ него (существомъ), но будучи совершеннымъ Богомъ, сдѣлался вмѣстѣ и совершеннымъ человѣкомъ, воплотившись отъ Дѣвы.

Анаѳематство 7-е.

Кто говоритъ, что Іисусъ, какъ человѣкъ, былъ орудіемъ дѣйствій Бога Слова и окруженъ славою Единороднаго, какъ существующій отдѣльно отъ Него: да будетъ анаѳема.

Возраженіе восточныхъ.

Никто не станетъ исповѣдывать, что въ Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ Духъ дѣйствовалъ, какъ въ простомъ человѣкѣ, или какъ въ пророкѣ, или какъ въ апостолѣ. Однакожъ не станемъ ни отвергать, ни исключать апостольскія слова, сказанныя о Немъ относительно естества видимой плоти, которыя гласятъ: *по дѣйству державы крѣпости его, юже содѣя о Христѣ, воскресивъ его отъ мертвыхъ* (Ефес. 1, 19. 20), *разрѣшивъ болѣзни смертныя* (Дѣян. 2, 24); и еще: *десницею Божіею вознесеся* (ст. 33) и прочія подобныя. Хотя эти слова положены по причинѣ видимой плоти; никто однако не допуститъ, чтобы въ Немъ дѣйствовала (посторонняя сила) или какъ въ человѣкѣ простомъ, или какъ въ праведникѣ, или какъ въ пророкѣ, или какъ въ апостолѣ. И опять не станемъ уничтожать, или отвергать, или неразумно и богохульно анаѳематствовать божественныя слова, сказанныя и положенныя относительно естества видимой плоти, и не станемъ говорить, что въ Немъ дѣйствовалъ (Духъ) или какъ въ простомъ человѣкѣ, или какъ въ праведникѣ, или какъ въ пророкѣ, или какъ въ апостолѣ; потому что Онъ не говорилъ: «вотъ что говоритъ Господь», но какъ

Сынъ законоположникъ: *азъ же глаголю вамъ* (Мѳ. 5, 22 и др.).

Защищеніе Кирилла.

Противъ одинаковыхъ словъ и теперь мы употребимъ тотъ же способъ защищенія. Безъ сомнѣнія, одинъ есть Господь нашъ Іисусъ Христосъ, одинъ и тотъ же, по вѣрованію нашему, есть вѣчное и предвѣчное Слово Бога Отца и въ послѣднія времена міра человѣкъ отъ жены, имѣвшій чудное рожденіе по плоти. Но такъ какъ Онъ есть одинъ Сынъ и Богъ и Господь, то совершалъ знаменія силою, высшею человѣческой, научая достаточными доказательствами, что хотя и былъ во плоти, но тѣмъ не менѣе есть въ тоже время и истинный Богъ, и сила Отца; потому что не переставалъ быть тѣмъ, чѣмъ былъ, сдѣлавшись человѣкомъ. Поэтому совершалъ необыкновенныя дѣла,—то посрамлялъ демонскія силы и попиралъ сатану; то открывалъ свѣтъ слѣпымъ, воскрешалъ мертвыхъ, укрощалъ однимъ словомъ волнующееся море, и чрезъ то не прославлялъ какого-нибудь человѣка и другаго, отдѣльно существующаго Христа, какъ напримѣръ одного изъ святыхъ пророковъ или апостоловъ, но себѣ самому пріобрѣталъ славу, дабы всѣ вѣровали, что Онъ есть истинный Богъ по природѣ, хотя и содѣлался че-

ловѣкомъ. Итакъ въ высшей степени нелѣпо было терпѣть слова Несторія: «общи дѣйствія Троицы и имѣютъ раздѣленіе только между vпостасями; поэтому слава Единороднаго иногда усвояется Отцу, иногда Духу, а иногда могуществу Христа». Итакъ желающіе опровергать или пусть покажутъ намъ другаго Христа, отдѣльно и особо существующаго и мыслимаго, которому Единородное Слово Божіе усвоило свое могущество, такъ какбы Сынъ былъ отличенъ отъ Него; или если Единородный отъ Отца и отъ жены человѣкъ по плоти не есть иной и иной, но одинъ и тотъ же, то умѣстно ли было молчать, и не должно ли напротивъ противопоставить силу истины его пустословію, помрачающему красоту догматовъ благочестія? Итакъ самъ Сынъ былъ и есть Богъ. Но какъ однажды снизшелъ до мѣры человѣчества и не считалъ домостроительство достойнымъ отверженія, а все перенесъ чрезъ добровольное за насъ истощаніе: то и говорится о Немъ, что Онъ оживотворяется Отцемъ, хотя по природѣ есть жизнь; говорится, что пріемлетъ славу, хотя есть Господь славы. Поэтому Еврей изъ Евреевъ, истинно наученный въ законѣ, и изъ колѣна Веніаминова, говорилъ: *Павелъ апостолъ ни отъ человѣкъ, ни человѣкомъ, но Іисусъ Христомъ и Богомъ Отцемъ воскресившимъ его отъ*

мертвыхъ (Гал. 1, 1) *и славу ему давшимъ* (1 Петр. 1, 21). Но хотя говорится, что Онъ принялъ славу отъ Отца, такъ какъ это дѣло подходитъ подъ мѣру человѣчества: однако Онъ самъ зналъ, что имѣетъ достоинство высшее твари, поскольку разумѣется и есть Богъ; поэтому и говорилъ: *вся мнѣ предана суть Отцемъ моимъ, и никтоже знаетъ Сына, токмо Отецъ, ни Отца кто знаетъ, токмо Сынъ, и емуже аще волитъ Сынъ открыти* (Мѳ. 11, 27). Но можетъ быть кто-нибудь изъ любознательныхъ скажетъ: если тебѣ все предано отъ Отца, какъ имѣющему нужду въ славѣ и долженствующему имѣть данную власть надъ всѣмъ—по причинѣ человѣчества; то какъ говоришь ты, что невозможно умамъ человѣческимъ знать тебя, такъ именнно, какъ и Отца? Но подлинно, говоритъ, познаніе меня не ограничивается видимымъ, потому что я Богъ во плоти и крови; можно познавать меня по плоти, но по природѣ и славѣ Божества я имѣю тоже, что Богъ и Отецъ, и возвышаюсь надъ всякимъ умомъ и словомъ. Итакъ,—возвращаюсь къ мысли предложеннаго,—мы не уничтожаемъ апостольскихъ рѣчей,—да не будетъ!—и не мудрствуя или не говоря ничего другаго несообразнаго, не разрушаемъ основъ вочеловѣченія; но вездѣ слѣдуя священному Писанію и приписывая словамъ богослововъ

твердую непогрѣшимость, противостоимъ только тѣмъ, которые ниспровергаютъ православные догматы Церкви. А если говорится, что Отецъ воскресилъ изъ мертвыхъ Господа нашего Іисуса Христа, то никто не усумнится, что это дѣло совершаемо было, очевидно, только по отношенію къ плоти Его. Онъ самъ впрочемъ, будучи животворящею жизнію и дѣйственною силою Отца, оживотворилъ свой храмъ: *разорите, говоритъ, церковь сію, и треми денми воздвигну ю* (Іоан. 2, 19). Итакъ оживотворяемое (тѣло) было не чужое, не какого либо изъ подобныхъ намъ людей, но собственное тѣло самого Слова.

Анаѳематство 8-е.

Кто дерзаетъ говорить, что воспринятому (Богомъ) человѣку должно поклоняться вмѣстѣ съ Богомъ Словомъ, должно его прославлять вмѣстѣ съ Нимъ и вмѣстѣ называть Богомъ, какъ одного въ другомъ (ибо такъ думать заставляетъ постоянно прибавляемая частица—συν *вмѣстѣ съ*), а не чтитъ Еммануила единымъ поклоненіемъ и не возсылаетъ Ему единаго славословія, такъ какъ Слово стало плотію: да будетъ анаѳема.

Возраженіе восточныхъ.

Сопоклоненіе и спрославленіе не приписываемъ какъ-бы двумъ лицамъ, или ѵпоста-

сямъ, или сынамъ, такъ какъ-бы плоти было особое поклоненіе и Богу Слову особое; но напротивъ приносимъ одно поклоненіе и прочее, какъ одному Сыну, и сопоклоненіе, какъ и самъ онъ ([1]) говоритъ въ первомъ томѣ. Ибо хотя Онъ, какъ Слово, всегда сѣдитъ вмѣстѣ съ Отцемъ, и изъ Него и въ Немъ существуетъ по природѣ, но, будучи и съ плотію, слушалъ говорящаго: *сѣди одесную мене, дондеже положу враги твоя подножіе ногъ твоихъ* (Псал. 109, 1). Такъ мы говоримъ о поклоненіи ему отъ насъ самихъ и отъ святыхъ ангеловъ. Притомъ скажемъ на это, что совершенно разумно порицалъ онъ ([2]) желающихъ покланяться съ плотію (σύν) одному и томуже Сыну, такъ какъ слово μετά есть нѣчто другое, нежели σύν; это и самъ онъ ([3]) утверждаетъ, какъ выше сказано, говоря, что должно покланяться Ему съ плотію (μετά), но отвергая сопоклоненіе (σύν) плоти съ божествомъ.

Защищеніе Кирилла.

Богодухновенный Павелъ представляетъ насъ весьма способными къ разсужденію, говоря: *себе разсуждайте, аще есте въ вѣрѣ* (2 Кор. 13, 5). Ибо хотя умъ человѣческій по

---

(1) (2) и (3) Кириллъ александрійскій.

причинѣ самолюбія иногда, если находится внѣ праваго пути и имѣетъ отступательное движеніе отъ догматовъ истины, нѣкоторымъ образомъ лѣнится и боится убѣдить себя въ разладѣ своихъ мыслей: однако очень удобно исправитъ себя внимательнымъ изслѣдованіемъ трудовъ св. отцевъ, которые всѣми прославляются за правоту и вѣрность догматовъ; тогда онъ правильно опредѣлитъ свою вѣру. Всѣ, имѣющіе непорочный умъ, стараются слѣдовать мнѣніямъ св. отцевъ: потому что и сами они, наполняя умъ свой апостольскимъ и евангельскимъ преданіемъ и очень легко, право и непорочно исправивъ дѣло вѣры священнымъ Писаніемъ, были свѣтилами въ мірѣ, содержащими слово жизни, какъ написано (Филип. 2, 15. 16). Итакъ вѣчной памяти отецъ нашъ и епископъ Аѳанасій пишетъ о Христѣ Спасителѣ всѣхъ насъ въ книгахъ о воплощеніи: «исповѣдуемъ и то, что Онъ Сынъ Божій и Богъ по духу, Сынъ человѣческій по плоти; не двѣ природы—одного Сына, одну покланяемую, а другую непокланяемую, но одну природу Бога Слова воплотившуюся и покланяемую съ плотію ея единымъ поклоненіемъ; ни двухъ сыновъ—одного Сына Божія истиннаго и покланяемаго, а другаго отъ Маріи человѣка непокланяемаго, но по благодати бывшаго Сыномъ Божіимъ, какъ и люди»; и еще между

прочимъ: «итакъ родившійся отъ Дѣвы Маріи, Сынъ Божій по естеству и Богъ истинный, а не по благодати и по участію; по одной плоти изъ Маріи человѣкъ, а по духу самъ Сынъ Божій и Богъ»; и еще: «если же кто иначе учитъ изъ божественныхъ писаній, говоря объ одномъ Сынѣ Божіемъ и о другомъ (сынѣ) отъ Маріи, усыновленномъ по благодати, какъ и мы, какъ-бы было два Сына—одинъ по естеству Сынъ Божій отъ Бога, а другой по благодати отъ Маріи человѣкъ; или если кто говоритъ, что плоть нашего Господа свыше, а не отъ Дѣвы Маріи; или, что божество превратилось въ плоть, или измѣнилось, или, что божество Господа страдательно; или, что плоть нашего Господа непокланяема, какъ (плоть) человѣка, а не (учитъ, что) покланяема, какъ плоть Господа и Бога: такого святая и соборная Церковь анаѳематствуетъ, повинуясь божественному апостолу, который говоритъ: *аще кто вамъ благовѣститъ паче еже пріясте, анаѳема да будетъ* (Гал. 1, 1)». Хотя сей мужъ такъ мудрствуетъ и пишетъ намъ, но Несторій, желающій отнять славу у Христа и разверзающій на Него свои незамыкаемыя уста, такъ опять говоритъ въ одномъ мѣстѣ: «исповѣдуемъ въ человѣкѣ Бога, почитаемъ божественнымъ соединеніемъ съ Богомъ Словомъ сопокланяемаго человѣка». Не ясно

ли называетъ Христа богоносным человѣкомъ, и говоритъ, что произошло соединеніе простаго человѣка съ Богомъ, подобно тому напримѣръ, какъ сказано Павломъ: *прилѣпляяйся Господеви, единъ духъ есть* (съ Господемъ) (1 Кор. 6, 17)? Однако почему же не истинно то, что Онъ самъ есть Богъ и вмѣстѣ человѣкъ, а не человѣкъ какой нибудь отдѣльно и особо разсматриваемый и имѣющій соединеніе съ Богомъ (только) по обитанію (въ немъ послѣдняго)? Ибо послѣ неизрѣченнаго соединенія если кто назоветъ Еммануила Богомъ вочеловѣчившимся и воплотившимся, слѣдуетъ разумѣть Слово Божіе; если назоветъ и человѣкомъ, мы знаемъ, что съ Нимъ и само Слово Отца. Итакъ иное (дѣло) говорить, что Слово Бога Отца есть единъ Сынъ съ соединившеюся съ Нимъ плотію, и иное также говорить, что въ человѣкѣ есть Богъ, какъ былъ напримѣръ и въ пророкахъ или и въ насъ самихъ, чрезъ Святаго Духа. Безопасно же и непогрѣшительно, какъ я думаю, можно бы сказать всякому, что воплотившемуся Слову Божію должно покланяться не безъ плоти Его, но съ нею лучше, какъ одному Сыну, подобно тому напримѣръ, какъ и душа человѣческая почитается съ своимъ тѣломъ, а обозначается состоящее изъ двухъ однимъ названіемъ, какъ одно живое существо

(ζῶον). Итакъ когда, думая говорить о Спаси-
телѣ всѣхъ насъ Христѣ, раздѣляешь одного
на два и разсматриваешь человѣка отдѣльно
и особо, потомъ дерзаешь говорить, что ему
должно сопокланяться и называть вмѣстѣ (συν)
Богомъ, какъ будто Христосъ, Сынъ Божій по
природѣ, иной отъ него: то кто можетъ тер-
пѣливо сносить и пройти молчаніемъ столь
ясное злохуленіе на Него? Лучше должно было
сказать: почитаемъ Слово Божіе, содѣлавшееся
человѣкомъ, которое именуютъ Богомъ и ко-
торому покланяются въ человѣчествѣ, потому
что Оно и по природѣ есть Богъ и возсіяло
отъ Бога Отца. Но, говорятъ противники, под-
линно и самъ (1) допустилъ это, написавши въ
посланіи, что Сынъ съ своею плотію (μετὰ) воз-
сѣлъ съ Отцемъ; почему же порицаетъ того, кто
говоритъ, что должно сопокланяться (σὺν) че-
ловѣку съ Богомъ Словомъ и соименовать
Богомъ? Ибо одно и тоже сказать σὺν и μετὰ.
Здѣсь обличаемъ ихъ въ незнаніи силы словъ
и въ невниканіи въ природу вещей. Когда
рѣчь, изслѣдуя касательно одного лица и при-
роды, т. е одной упостаси, изъ чего она со-
стоитъ или сложена естественно, присоеди-
няетъ σὺν или μετὰ: то предметъ остается такъ,

---

(1) Кириллъ александрійскій.

какъ былъ, т. е. одинъ по сложенію и не разлагается раздѣльно на два. А когда говорится σὺν или μετὰ объ ѵпостасяхъ, прежде раздѣленныхъ на двѣ и притомъ такъ, что каждую должно разумѣть отдѣльно и особо: въ такомъ случаѣ, говоримъ, указывается на два или даже болѣе, а не на одно по сложенію. Если бы напримѣръ мы сказали, положимъ, что душа человѣка сопочитается съ своимъ тѣломъ, когда бы т. е. кто нибудь сталъ почитать одного человѣка, который состоитъ изъ двухъ, т. е. если кто говоритъ, что душа есть одно живое (существо) съ своимъ тѣломъ: то конечно не раздѣляетъ одного человѣка на двухъ, но лучше оказывается знающимъ то, изъ чего онъ состоитъ или сложенъ естественно. Когда же я говорю, что Петръ и Іоаннъ соназываются (σὺν) человѣками, или еще, что съ Петромъ (μετὰ) и Іоаннъ вошелъ въ храмъ: то σὺν или и μετὰ уже не указываетъ на одно что нибудь, потому что Петръ не сложенъ съ Іоанномъ и оба не входятъ въ составъ одного человѣка. Для чего же они извращаютъ истину, безумно раздѣляя одного на двоихъ Христовъ? Если же думаютъ, будто мы, говоря, что Сынъ сосѣдитъ съ своимъ тѣломъ Отцу, учили разумѣть двухъ сыновъ: то пусть изслѣдуютъ, не говорили ли мы, что одинъ Сынъ почтенъ однимъ сосѣдѣніемъ, а не двумя, такъ чтобъ одно

и особое было приписано тѣлу, а другое и опять особое—Слову. Но этого они не могли бы указать: ибо какимъ образомъ, или откуда? Мы утверждаемъ, что должно почитать однимъ сосѣдѣніемъ съ Отцемъ Сына съ Его плотію, одного и тогоже Бога и вмѣстѣ человѣка. А говорить, что человѣкъ сопокланяется съ Богомъ и соназывается Богомъ, совершенно тоже, что исповѣдывать двухъ покланяемыхъ или даже соназываемыхъ другъ съ другомъ. Но такая рѣчь весьма глупая и совершенно чуждая правоты и истины мыслей. Итакъ анаѳематство составлено противъ тѣхъ, которые какимъ бы то ни было образомъ раздѣляютъ Еммануила на человѣка отдѣльно и на Бога Слово отдѣльно; потому что одного и тогоже проповѣдуетъ намъ слово богослововъ и непогрѣшительное разумѣніе св. Писанія.

Анаѳематство 9-е.

Кто говоритъ, что единный Господь Іисусъ Христосъ прославленъ Духомъ въ томъ смыслѣ, что пользовался чрезъ Него какъ-бы чуждою силою, и отъ Него получилъ силу побѣждать нечистыхъ духовъ и совершать въ людяхъ божественныя знаменія, а не почитаетъ собственнымъ Его Духомъ, чрезъ котораго Онъ совершалъ чудеса: да будетъ анаѳема.

Возраженіе восточныхъ.

Опять хорошо вывести на средину сказанное имъ (1) давно и напомнить ему, вѣроятно, забытыя имъ свои слова; потому что не только утверждалъ, что Господь совершалъ чудеса Духомъ, но что и Самъ, когда умеръ, оживотворенъ Духомъ, о чемъ говоритъ въ первомъ томѣ: «итакъ если не претерпѣлъ смерти по плоти, какъ написано, то и не оживотворенъ Духомъ». Здѣсь должно замѣтить его противорѣчіе съ самимъ собою: въ своихъ анаѳематствахъ онъ отрицаетъ, что Господь Духомъ Божіимъ изгонялъ демоновъ и творилъ другія чудеса, и отвергаетъ написанныя въ евангеліяхъ слова Господа: *аще ли же Азъ о Дусѣ Божіи изгоню бѣсы* (Матѳ. 12, 28). Но мы исповѣдуемъ, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ совершалъ чудеса и своею силою и дѣйствіемъ Духа; но не потому впрочемъ пользовался силою св. Духа, что бы не имѣлъ своей силы. А говорить, что Духъ Святый не присутствовалъ (при чудесахъ), свойственно, какъ я думаю, только тѣмъ, которые отвергаютъ божественное Писаніе. Ибо хотя божественное Писаніе говоритъ, что Отецъ совершалъ дѣла чудесъ, о чемъ говорится:

---

(1) Кирилломъ александрійскимъ.

Отецъ во Мнѣ пребываяй, той творитъ дѣла, яже Азъ творю (Іоан. 14, 10. 12), впрочемъ самъ Сынъ совершаетъ всѣ дѣла Отца; и хотя говорится, что Духъ совершаетъ дѣла Сына; о чемъ сказано: *аще ли же Азъ о Дусѣ Божіи изгоню бѣсы* (Матѳ. 12, 28), но самъ Господь совершаетъ ихъ Духомъ: потому что Сынъ не отчужденъ отъ Отца или Духа, и неразграничены и нераздѣльны дѣйствія Троицы, но дѣйствіе, приписываемое въ Писаніи той или другой ѵпостаси, есть собственное (дѣйствіе всей) Троицы. Напримѣръ Писаніе все твореніе иногда называетъ дѣломъ Сына, говоря: *Словомъ Господнимъ небеса утвердишася*, а иногда—Духа, присовокупляя: *и Духомъ устъ его вся сила ихъ* (Пс. 32, 6). Ибо не потому, что бы Отецъ не могъ сдѣлать всего, дѣлаетъ и Сынъ, и опять не потому, что бы Сынъ безсиленъ былъ для творенія, присоединяется и Духъ, потому что истинно сказано: *вся тѣмъ быша* (Іоан. 1, 3); но чтобы показать намъ, что Троица единосущна и равночестна и равносильна, говорится объ одномъ и томъ же иногда, что сдѣлано Отцемъ, иногда—Сыномъ, иногда—Святымъ Духомъ. Такъ мы думаемъ, что все основывается на одной божественной сущности: потому что какъ Слово,—существенный и ѵпостасный Единородный, родился отъ нея без-

страстно, такъ и Духъ, отъ нея же исходящій, существуетъ въ собственной ѵпостаси, такъ что одна сущность выражается въ трехъ ѵпостасяхъ, и ни одна изъ нихъ не можетъ быть разсматриваема отчужденною въ отношеніи къ сущности, а можетъ быть понимаема въ однихъ отличительныхъ свойствахъ, отдѣляющихъ ихъ другъ отъ друга. Итакъ какимъ образомъ будетъ отдѣльное дѣйствіе у тѣхъ, у которыхъ и сущность одна, и сила, и воля? Потому что у кого это обще, безъ сомнѣнія и дѣйствіе одно.

Защищеніе Кирилла.

Неужели нуженъ будетъ мнѣ голосъ свидѣтелей для того, чтобы показать, что противники хотятъ пустословить и безразсудно употребляютъ клевету противъ насъ? Думаю, что это докажетъ и одна рѣчь ихъ. Ибо хотя въ предложенномъ анаѳематствѣ мы ясно утверждали, что Духъ Святый есть собственный Сыну и что чрезъ Него послѣдній совершалъ божественныя знаменія: однакожъ часто утверждающіе, что я забылъ свои собственныя слова, сами доходятъ до такой глупости и даже безумія, что думаютъ, будто я говорю, что Іисусъ не чрезъ Духа изгонялъ бѣсовъ. Не явная ли это клевета? Если они не удостоиваютъ почитать изгнаніе бѣсовъ однимъ изъ

видовъ божественныхъ знаменій: пусть говорятъ, что хотятъ, пусть заводятъ тяжбу со мной, пусть обвиняютъ, что я не сказалъ этого ясно, умолчавши о божественныхъ знаменіяхъ. Если же и изгнаніе бѣсовъ вмѣстѣ съ другими есть видъ божественныхъ знаменій, достойный удивленія: то почему не знающіе умѣренности въ рѣчахъ, какъ безполезной, и избѣгающіе говорить истину, какъ занятія постыднаго, пустили въ ходъ противъ насъ суесловіе и сочли неважнымъ дѣло столько ненавистное у Бога и у людей? Но, кажется мнѣ, забыли они слова Христовы: *како речеши брату твоему*: брате, *остави, да изму сучецъ изъ очесе твоего: и се бервно во оцѣ твоемъ? Лицемѣре, изми первѣе бервно изъ очесе твоего: и тогда узриши изъяти сучецъ изъ очесе брата твоего* (Матѳ. 7, 4. 5). Что святая Троица единосущна, равносильна и равнодѣйственна, мы узнали не изъ вашихъ словъ, а лучше научены богодухновеннымъ Писаніемъ; а что предложенное анаѳематство никоимъ образомъ не противорѣчитъ словамъ правой вѣры, а напротивъ приноситъ пользу, это безъ труда можно видѣть. Ибо оно раздѣляющимъ одного Господа Іисуса Христа и разлагающимъ Его, какъ уже много разъ говорили мы, на человѣка отдѣльно и на Бога-Слово отдѣльно, такъ что представляются два лица и двѣ

ѵпостаси, отдѣленныя другъ отъ друга,—такимъ не позволяетъ дѣлать это; и не дозволяетъ говорить, что въ Іисусѣ Духъ дѣйствовалъ, какъ въ одномъ изъ обыкновенныхъ людей, для того т. е., чтобъ Онъ могъ совершать божественныя знаменія; иначе Онъ ничѣмъ не отличался бы отъ святыхъ апостоловъ или пророковъ, которые, по благодати свыше надѣленные божественными дарами, справедливо могли говорить: *благодатію Божіею есмы, еже есмы* (1 Кор. 15, 10). Но къ святымъ мужамъ, на которыхъ нисходитъ раздаяніе даровъ отъ Бога, очень идетъ такая рѣчь; ко Христу же—никакъ; потому что Св. Духъ собственный Его, также какъ и Бога Отца; и какъ Отецъ дѣйствуетъ чрезъ Духа, такъ и Онъ. И хотя Онъ говоритъ іудеямъ: *многа добра дѣла явихъ вамъ отъ Отца моего* (Іоан. 10, 32), и: *о себѣ не глаголю, Отецъ же во Мнѣ пребываяй, той творитъ дѣла* (14, 10); но также говоритъ: *аще ли Азъ о Дусѣ Божіи изгоню бѣсы,*—приписывая дѣйствіе чрезъ Духа Себѣ и Отцу по причинѣ тождества существа. И много и обширно можно было бы говорить объ этомъ; но желающіе должны, я думаю, въ свободное время распространять свою рѣчь. Итакъ мы говоримъ, что въ Еммануилѣ Духъ дѣйствовалъ не какъ чуждою (Ему) силою, но что напротивъ Онъ бо-

жественно употреблялъ ее и имѣлъ собственною силу единосущнаго Духа. Блаженные ученики, совершая чудеса, говорили: *мужіе, на ны что взираете, яко своею ли силою или благочестіемъ сотворихомъ ходити* сидящаго у красныхъ вратъ хромаго (Дѣян. 3, 12)? но у Христа Духъ собственный Его. Желающимъ же низвращать наши слова скажемъ вотъ что: если ихъ умамъ нравится раздѣлять нераздѣлимаго и говорить, что Духъ дѣйствовалъ въ Іисусѣ, какъ въ обыкновенномъ человѣкѣ, то и не слѣдуетъ много говорить съ тѣми, которые настроены такимъ образомъ. Если же они исповѣдуютъ, что одинъ Христосъ и Сынъ и Господь, тотъ же самый Богъ и вмѣстѣ человѣкъ: то пусть вѣруютъ съ нами, что сила Св. Духа дѣйствуетъ въ Немъ не какъ высшая Его и чуждая, но что напротивъ Онъ самъ совершаетъ божественныя знаменія Духомъ, какъ собственнымъ, въ которомъ и вся сила сотвореннаго (Псал. 32, 6). Такимъ образомъ замолчатъ напрасно издѣвающіеся надъ нами и изощряющіе на насъ зубы ненависти.

Анаѳематство 10-е.

Божественное Писаніе говоритъ, что Христосъ былъ святителемъ и посланникомъ нашего исповѣданія (Евр. 3, 1), что Онъ принесъ Себя за насъ въ воню благоуханія Богу и

Отцу (Ефес. 5, 2). Итакъ, если кто говоритъ, что святителемъ и посланникомъ нашимъ было не само Слово Бога Отца, когда стало плотію и подобнымъ намъ человѣкомъ, а какъ-бы другой нѣкто, отличный отъ Него, человѣкъ, произшедшій отъ жены; или кто говоритъ, что Онъ принесъ Себя въ приношеніе и за самого Себя, а не за насъ только однихъ, такъ какъ, не зная грѣха, Онъ не имѣлъ нужды въ приношеніи (за Себя): да будетъ анаѳема.

Возраженіе восточныхъ.

Если Богъ Слово есть архіерей, то какому своему Богу Онъ приноситъ свои службы? Но забылъ онъ (1) слова блаженнаго Павла: *не имамы бо архіереа не могуща спострадати нѣмощемъ нашимъ, но искушена по всяческимъ по подобію развѣ грѣха* (Евр. 4, 15). Кто же этотъ искушенный? Богъ Слово или человѣческое естество—сѣмя Давидово? И еще: *никтоже самъ себѣ пріемлетъ честь, но званный отъ Бога, якоже и Ааронъ. Тако и Христосъ не себе прослави быти первосвященника* (5, 4. 5). Итакъ кто же сравнивается по достоинству священства съ Аарономъ и, подобно ему, не отъ себя пріем-

---

(1) Кириллъ александрійскій.

леть эту честь, но призывается Богомъ и восходитъ на степень священства? Божественное ли естество, совѣчное Отцу, имѣющее все собственнымъ, что имѣетъ Отецъ? На какое достоинство, высшее его, оно восходитъ? И неужели скажемъ, что достойнѣе божественнаго естества то священство, на которое оно не само собою, но призванное отъ Бога взошло и чрезъ которое прославилось? Или это отъ сѣмени Давидова бывшее и предопредѣленное (естество), которому и клялся Богъ, по псалмопѣвцу, дать священство на вѣки: ибо, *клятся*, говоритъ, *Господь, и не раскается: ты іерей во вѣкъ, по чину Мелхиседекову* (Псал. 109, 4)? Неужели божество Единороднаго принимало отъ Бога клятвенныя обѣщанія, что оно получитъ священство на вѣки и чрезъ него прославится? И кто стерпитъ, чтобы мы такъ говорили или думали, и кто не зазритъ, если будемъ утверждать, что Богъ рукополагается въ архіерея и принимаетъ клятвенныя обѣщанія, что Онъ будетъ призванъ къ достоинству священства, и не самъ собою принимаетъ такую честь, но призывается къ ней, сравнивается съ первымъ принявшимъ священство? И опять говоритъ, какъ и въ другомъ мѣстѣ: *ты іерей во вѣкъ по чину Мелхиседекову* (тамже). И кто опять сравненъ по священству съ Мелхиседекомъ?

Неужели можно думать это о самомъ Богѣ, или о занятой отъ насъ плоти, соединенной съ Нимъ нераздѣльно и связанной неслiянно? И опять говорится: *иже во днехъ плоти своея, моленiя же и молитвы къ могущему спасти его отъ смерти, съ воплемъ крѣпкимъ и со слезами* (принесъ и услышанъ бывъ отъ благоговѣинства) (Евр. 5, 7). Неужели это Богъ Слово приносилъ молитвы и моленiя и (притомъ) съ воплемъ крѣпкимъ и со слезами къ кому-то могущему спасти Его, услышанъ былъ за благоговѣнiе и научился послушанiю чрезъ то, что̀ претерпѣлъ? Итакъ если Богъ Слово архiерей, то Онъ же и учился и усовершился чрезъ то, что̀ претерпѣлъ. Но пусть не смущается сердце ваше, слушая о пострадавшемъ: *аще и Сынъ бяше* (Евр. 5, 8); ибо мы не полагаемъ двухъ сыновъ,—одного страждущаго, а другаго остающагося безстрастнымъ. Бывшiй отъ сѣмени Давидова не особо и не раздѣльно отъ божества названъ Сыномъ, какъ и божество послѣ соединенiя называется Сыномъ не безъ видимой плоти. Сыновство послѣ соединенiя одно у той и другой природы, такъ какъ онѣ нераздѣльны одна отъ другой; послѣ соединенiя не было раздѣленiя; потому что соединенiе остается вѣчнымъ. Даже въ страданiяхъ плоти божество было неотдѣльно, оставаясь безстрастнымъ, и

совершало чрезъ плоть богоприличное. Посему исповѣдуемъ одного и тогоже Сына, хотя природы оставались неслитными; не говоримъ объ одномъ и другомъ,—да не будетъ,—но объ одномъ и томъ же. Итакъ всякій будетъ исповѣдывать, что архіереемъ и апостоломъ нашимъ содѣлался, по божественному Писанію, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, а не человѣкъ отъ жены, отдѣленный особо отъ Слова Бога Отца; такъ что естество, бывшее отъ сѣмени Давидова и соединенное неслитно, неесказанно и нераздѣльно съ Словомъ Отца, есть архіерей, искушенный по всяческимъ кромѣ грѣха и отъ своихъ страданій научившійся послушанію, принесшій же свою плоть (въ жертву) Богу и Отцу не за себя, но за однихъ насъ. Ибо не станемъ говорить неразумно, что Богъ Слово есть архіерей, принесшій себя Богу и Отцу; потому что Отецъ не есть Богъ божества Единороднаго, но Отецъ.

Защищеніе Кирилла.

Опять благовременно скажемъ нашимъ противникамъ: *доколѣ вы храмлете на обѣ плеснѣ ваши* (3 Цар. 18, 21)? Вамъ должно имѣть здравый и правый умъ для надлежащаго познанія правоты догматовъ, а не храмлющій двоедушіемъ, не зараженный великимъ безсиліемъ и не могущій попасть на правый

путь: ибо *мужъ двоедушенъ неустроенъ во всѣхъ путехъ своихъ и* ничего не *пріиметъ отъ Бога* (Іак. 1, 8. 7). Это я говорю отъ великаго удивленія, что противники хотятъ такъ безстыдно и безразсудно порицать и теперь предложенное анаѳематство. И нѣтъ ничего страннаго, что они не хотятъ называть апостоломъ и архіереемъ нашего исповѣданія Слово Бога Отца, когда Оно содѣлалось человѣкомъ: потому что какъ же не отвергнутъ и способовъ домостроительства тѣ, которые стараются всецѣло низвратить рожденіе Его по плоти и дерзаютъ отвергать его какъ неистинное, и не соглашаются называть святую Дѣву Богородицею? Поэтому пусть выслушаютъ слова Исаіи: *аще не увѣрите, ниже имате разумѣти* (Иса. 7, 9). Ибо хотя богодухновенный евангелистъ Іоаннъ прогремѣлъ для поднебесныхъ нѣчто великое и необычайное, говоря: *Слово плоть бысть* (Іоан. 1, 14); но скрадывающіе силу истины говорятъ, что Оно въ томъ же смыслѣ содѣлалось плотію, въ какомъ—клятвою и грѣхомъ (Гал. 3, 14. 2 Кор. 5, 21). И хотя мы прежде говорили уже объ этомъ достаточно для того, чтобы показать ихъ рѣчи лживыми и пустыми; но и въ настоящее время скажемъ противъ клеветниковъ вотъ что: научитесь слушать, маломыслящіе, допустите основаніе таинства во

Христѣ, первыя начала домостроительства и самую, такъ сказать, исходную точку; вѣруйте съ нами, а болѣе священному Писанію вѣруйте; дайте же, дайте голосъ истины, исповѣдуя, что само единородное Слово Божіе, сущее въ лонѣ Отца, чрезъ которое все сотворено и въ которомъ все, содѣлалось плотію, не потерпѣвши превращенія или смѣшенія, но будучи всегда по своей природѣ тѣмъ, чѣмъ было, и есть, и будетъ. Содѣлалось же плотію, принявши рожденіе отъ святой Дѣвы, говорю по плоти, и назвалось сыномъ человѣческимъ и, подобно намъ, содѣлалось причастнымъ крови и плоти. Кто такъ думаетъ и содержитъ такую досточтимую и истиннѣйшую вѣру, тому все потомъ является доступнымъ и яснымъ, и ничто—недоступнымъ и труднымъ; потому что написано: *вся права разумѣвающимъ, и права обрѣтающимъ разумъ* (Прптч. 8, 9). Должно же, думаю, и теперь сказать причину, по которой составлено анаѳематство. Несторій, все низпровергшій, все смѣшавшій вверху и внизу, сказалъ нѣчто такое о Спасителѣ всѣхъ насъ Христѣ: «посланъ возвѣстить плѣннымъ отпущеніе, сей содѣлавшійся вѣрнымъ Богу первосвященникомъ; ибо Онъ содѣлался, а не вѣчно былъ; онъ мало помалу возвышенъ (о еретикъ!) до степени первосвященника». Къ этому присовокупилъ онъ и многое дру-

гое, пораждающее одинаковое нечестіе. Итакъ кто бы, выслушавъ такія постыдныя слова, захотѣлъ все сносить или избралъ ненавистное Богу молчаніе? Христосъ умеръ за насъ, презрѣвши позоръ, претерпѣлъ крестъ и смерть по плоти: мы ли послѣ этого не возблагодаримъ отъ сердца (хотя) словами нашего благодѣтеля, но будемъ сидѣть спокойно, слыша такія гнусныя хулы или даже, можетъ быть, участвуя въ винѣ злохуленія противъ Него? Увы, что ты говоришь: «достигъ постепенно первосвященства»?! Но Слово истощило Себя, будучи Богомъ; свободное по природѣ приняло образъ раба, высшее всего сотвореннаго и сіяющее славою божества смирило себя. Если же Оно преуспѣвало, то какимъ образомъ истощено или какъ снизошло до уничиженія? Не самое ли уничиженіе служило Ему къ чести и славѣ, скажетъ кто нибудь? Послѣ сего какое мѣсто будетъ имѣть истощаніе? Но подлинно, говоритъ, если само Слово Бога Отца содѣлалось архіереемъ, то кто бо́льшій Его и предъ кѣмъ совершало Оно священное служеніе? Итакъ опять скажу нѣчто: вѣруй, что хотя, будучи Богомъ по существу и Сыномъ въ образѣ Отца, Оно не считало хищеніемъ быть равнымъ Богу, но истощило Себя, принявши образъ раба. Если же содѣлалось человѣкомъ и приняло образъ раба, то какъ

будетъ почитать низкимъ и несообразнымъ съ условіями домостроительства называться апостоломъ и архіереемъ? и не презрѣвшее мѣру нашего человѣчества, какъ отвергнетъ человѣческое? И конечно вовсе нетрудно было бы и больше сказать и гораздо длиннѣе сдѣлать разсужденіе объ этомъ; но отлагая это до случая, приведу слова ихъ самихъ. Они написали такъ: «пусть не смущается сердце ваше, слушая о пострадавшемъ; *аще и Сынъ бяше* (Евр. 5, 8); ибо мы не полагаемъ двухъ сыновъ,— одного страждущаго, а другаго остающагося безстрастнымъ. Бывшій отъ сѣмени Давидова не особо и не отдѣльно отъ божества названъ Сыномъ, какъ и божество послѣ соединенія называется Сыномъ не безъ видимой плоти»; и еще: «посему исповѣдуемъ одного и тогоже Сына, хотя природы оставались неслитными; не говоримъ объ одномъ и другомъ,—да не будетъ,—но объ одномъ и томъ же. Итакъ всякій будетъ исповѣдывать, что архіереемъ и апостоломъ нашимъ содѣлался, по божественному Писанію, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, а не человѣкъ отъ жены, отдѣленный особо отъ Слова Бога Отца». Итакъ, если они говорятъ объ одномъ Сынѣ, никоимъ образомъ не раздѣляютъ на двухъ—одного отъ сѣмени Давидова, а другаго—Слово Бога Отца: то какъ же не дѣлаютъ они преступленія противъ

таинства, когда раздѣляютъ домостроительство между Богомъ и человѣкомъ? а не говорятъ напротивъ, что одинъ и тотъ же есть Богъ и человѣкъ, которому принадлежитъ все, и богоприличное и человѣческое? Потому что, когда говорится о Немъ что нибудь самое богоприличное, мы говоримъ, что это совершенно вѣрно и истинно, потому что знаемъ, что Онъ Богъ; если будетъ сказано что нибудь и человѣческое, допустимъ и это, ибо исповѣдуемъ, что Оно есть Богъ во плоти и крови и чрезъ человѣческое познаемъ мѣру человѣчества; потому что тысячи тысячь святыхъ ангеловъ служатъ Ему и серафимы окружаютъ божественный престолъ Его. А когда Слово содѣлалось человѣкомъ, то назвалось и архіереемъ, не такъ, что бы бо́льшему Богу приносило службы, но такъ, что Себѣ самому и Отцу священнодѣйствуетъ исповѣданіе нашей вѣры. Ты краснѣешь, слыша, что назвалось іереемъ по причинѣ человѣчества? Послѣ сего какъ ты не удивился, что не предъ другимъ, по обычаю іереевъ, совершаетъ Онъ дѣло служенія, но напротивъ предъ Собой самимъ и предъ Отцемъ, какъ сказалъ я? Когда говоришь ты, что недостойно Бога совершать служеніе, согласенъ и я; но если бы Слово было одно и безъ плоти, ты говорилъ бы правду; а какъ Оно содѣлалось человѣкомъ, то смотри

на Него, какъ на совершающаго *служеніе* по причинѣ человѣчества, и какъ на Бога, высшаго твари по достоинствамъ, потому что сосѣдитъ Богу и Отцу. Итакъ смотри на Него, какъ на священнодѣйствующаго по человѣчеству и какъ на сосѣдящаго по божеству. Ибо что говоритъ блаженный Павелъ? *Такова имамы первосвященника, иже сѣде одесную престола величествія на небесѣхъ* (Евр. 8, 1). Итакъ зная, что сущій Богъ содѣлался человѣкомъ, а есть одинъ и тотъ же Сынъ, все приписываемъ Ему, какъ одному; и не будемъ не знать способовъ домостроительства, всегда искусно и благоразумно обращая силу мыслей въ послушаніе Ему.

Анаѳематство 11-е.

Если кто не исповѣдуетъ плоть Господа животворящею и собственно принадлежащею самому Слову Бога Отца, но принадлежащею какъ-бы другому кому, отличному отъ Него, и соединенному съ Нимъ по достоинству, то есть, пріобрѣтшему только божественное (въ себѣ) обитаніе, а не исповѣдуетъ, какъ мы сказали, плоть его животворящею, такъ какъ она стала собственною Слову, могущему все животворить: да будетъ анаѳема.

Возраженіе восточныхъ.

Хорошо исповѣдывать, что господственная плоть Слова чрезъ соединеніе содѣлалась Его собственною, но разумѣя однакожъ, что она заимствована отъ насъ. Присовокупленіе же: «а не другому кому, отличному отъ Него», излишне, если только не отвергаетъ, что она заимствована отъ насъ. Ибо постоянно называть ее собственною, свойственно (только) отвергающему, что Господня плоть нашей природы. И гдѣ же прославленіе наше, по которому, говоритъ Павелъ, совоскресилъ и спосадилъ насъ (Ефес. 2, 6)? И плоть каждаго (изъ насъ) какому другому человѣку принадлежитъ? Не всякій ли изъ насъ имѣетъ общую съ каждымъ плоть въ смыслѣ единосущества, собственную же (въ томъ смыслѣ), что плоть каждагó не есть (плоть) другаго, а одного того, котораго есть плоть? Итакъ что хочетъ онъ сказать словомъ собственная, какъ будто говоритъ что-то другое? Если онъ разумѣетъ, что владычняя плоть взята изъ нашей, разумѣетъ же, что она, какъ и плоть каждаго, принадлежитъ Ему, а не другому, то не странно ли, когда говоритъ, что она собственная? Или, вѣроятно, прикровенно отвергаетъ, что она взята отъ нашего естества, какъ яснѣе учитъ въ первомъ своемъ томѣ: «и младенецъ, говоритъ, былъ не какъ мы, т. е. не въ чистомъ и

совершенномъ подобіи намъ, но—въ человѣчествѣ чрезъ плоть, и божественный, такъ какъ выше насъ и съ неба»; и еще во второмъ томѣ такъ говоритъ: «тѣло было не другаго кого либо подобнаго намъ, но напротивъ собственное Слова Бога Отца, отъ нея рожденное». Кто же когда говорилъ, что плоть Господня была другаго кого либо изъ бывшихъ отъ вѣка людей, напримѣръ Авелева, Ноева, или Иліина, или кого нибудь другаго изъ бывшихъ отъ вѣка людей? Но не только о владычней плоти утверждаемъ, что не была другаго кого нибудь изъ бывшихъ отъ вѣка людей, а собственная одного только самого Господа, несліянно и нераздѣльно соединенная съ Богомъ Словомъ; но что плоть каждаго изъ насъ, какъ сказали, никогда не есть плоть другаго кого либо, кромѣ того, котораго есть плоть. Если такимъ образомъ исповѣдуютъ всѣ сыны Церкви, то что хочетъ онъ сказать, постоянно называя ее собственною, какъ не то, вѣроятно, что отвергаетъ въ ней нашу природу? Какъ же онъ запрещаетъ называть ее соединенною съ Нимъ по достоинству и власти, когда самъ говоритъ въ первомъ томѣ: «такимъ образомъ и мы нищетою Его обогащены, такъ какъ въ Немъ человѣческое естество возвышено въ богоприличное достоинство»? Но мы скажемъ ему, противорѣчущему и самому себѣ: итакъ

если природы пребывають неслитными, то остается и соединеніе; но мы говоримъ, что поклоненіе, и силу, и достоинство, и власть достойно приписывать Ему какъ одному Сыну, потому что природы остаются неслитными въ соединеніи. Если остается что нибудь иное, что̀ точнѣе выражаетъ соединеніе, то уступимъ и согласимся, кромѣ сліянія природъ. Но ясно, что ему ничего не остается для выраженія совершенства соединенія, кромѣ того, чтобы слить природы. А мы будемъ сохранять природы несліянными и исповѣдуемъ совершеннѣйшее, божественное и непостижимое для насъ соединеніе, все принося въ славословіе (Ему) какъ Богу и одному Сыну и говоря Ему слова блаженнаго Петра: *ты еси Христосъ Сынъ Бога живаго* (Матѳ. 16, 16).

Защищеніе Кирилла.

Изощрялись нѣкогда къ беззаконной ненависти несчастные іудеи, уязвившіе умъ стрѣлами зависти. А какъ къ тому и нечестивыя руки поднимали на Христа Спасителя всѣхъ насъ, то Онъ требовалъ отъ нихъ сказать причины такихъ дерзостей, говоря: *многа добра дѣла явихъ вамъ отъ Отца моего: за кое ихъ дѣло каменіе мещете на Мя* (Іоан. 10, 32)? Но они дошли до такого безумія и вмѣстѣ нечестія въ мысляхъ, что старались воз-

вести на Него хульныя обвиненія; ибо говорили: *о добрѣ дѣлѣ каменіе не мещемъ на тя, но о хулѣ, яко ты человѣкъ сый, твориши себе Бога* (ст. 33). Спаситель же сказалъ имъ: *нѣсть ли писано въ законѣ вашемъ: Азъ рѣхъ, бози есте* (Псал. 81, 6)? *Аще оныхъ рече боговъ, къ нимже слово Божіе бысть, и не можетъ разоритися Писаніе; Егоже Отецъ освяти и посла въ міръ, вы глаголете, яко хулу глаголеши, зане рѣхъ, Сынъ Божій есмь* (ст. 34—36). Мы же, изслѣдуя образъ посланія, о которомъ говорится здѣсь, отъ священнаго Писанія собираемъ знаніе объ немъ. Итакъ Онъ самъ говоритъ словами Исаіи: *Духъ Господень на мнѣ, егоже ради помаза мя благовѣстити нищимъ, посла мя, проповѣдати плѣненнымъ отпущеніе, и слѣпымъ прозрѣніе* (Лук. 4, 11. сп. Иса. 61, 1). Посланъ же, говоримъ, Сынъ отъ Отца, содѣлавшись человѣкомъ; и послано, какъ я сказалъ, не простое и безплотное Слово Бога Отца, но лучше воспріявшее рожденіе по плоти, т. е. взявшее тѣло отъ святой Дѣвы и соединившее его съ собою несказанно и неслитно, какъ часто говорили мы: *Богъ Господь, и явися намъ*, по Писанію (Псал. 117, 27). Итакъ, говоримъ, тѣло содѣлалось собственнымъ Слова, а не человѣка какого нибудь особо и отдѣльно, не инаго,

кромѣ Него, разумѣваемаго Христа и Сына. Какъ тѣло каждаго изъ насъ называется собственнымъ, потому что есть отдѣльно—его: такъ должно думать и объ единомъ Христѣ; ибо хотя Его тѣло сродно нашимъ тѣламъ, т. е. одинаковаго существа, потому что родилось отъ Дѣвы, но разумѣется и называется, какъ я сказалъ, собственнымъ Его. А какъ Слово Бога Отца есть жизнь по природѣ, то и тѣло свое содѣлало животворнымъ; поэтому оно сдѣлалось для насъ животворящимъ благословеніемъ. Потому Христосъ говорилъ: *аминь аминь глаголю вамъ: Азъ есмь хлѣбъ животный, иже сшедый съ небесе, и даяй животъ міру* (Іоан. 6, 47. 48. 51. 53); и еще: *и хлѣбъ, егоже Азъ дамъ, плоть моя есть за животъ міра* (51); и еще: *ядый мою плоть, и піяй мою кровь, во Мнѣ пребываетъ, и Азъ въ немъ* (ст. 56). Итакъ смотри, какъ вездѣ тѣло отъ жены называетъ своимъ, по причинѣ совершеннѣйшаго соединенія. Между тѣмъ какъ таинство имѣетъ такой смыслъ, Несторій въ своей проповѣди опять говоритъ: «итакъ слушайте, вникая въ слова: *ядый*, говоритъ, *мою плоть*. Помните, что рѣчь идетъ о плоти, и что не отъ меня прибавлено имя плоти, чтобы не показаться имъ неправильно изъясняющимъ: *ядый мою плоть, и піяй мою кровь*. Вѣдь не сказалъ:

ядый мое божество и пій мое божество? *Ядый мою плоть*, говорить, *и пій мою кровь, во Мнѣ пребываетъ, и Азъ въ немъ.* Помните, что это сказано о плоти. Но я никогда не толкую превратно; послушаемъ, что дальше: *якоже посла Мя живый Отецъ* (ст. 57). Онъ (1) говоритъ о божествѣ, я о человѣчествѣ. Посмотримъ, кто превратно толкуетъ: *якоже посла Мя живый Отецъ.* Еретикъ разумѣетъ здѣсь божество. Но говоритъ ли Онъ, что послалъ Меня Бога Слово живый Отецъ, какъ они думаютъ, и Я Богъ Слово живу Отца ради»? Потомъ послѣ сего: «и опять: *ядый Мя и той живъ будетъ.* Что ядимъ,—божество или человѣчество»? Но о такой нелѣпой и безразсудной его болтовнѣ съ нашей стороны была уже длинная рѣчь. Что же онъ хочетъ разумѣть, говоря, что посланъ не Богъ Слово, воплотившійся и вочеловѣчившійся, и полагая видимое отдѣльно и особо, какъ видно изъ его словъ,—я не буду говорить, но самъ собою очевиденъ софизмъ. Ибо онъ разрушаетъ образъ соединенія для того, чтобы тѣло Христово оказалось обыкновеннымъ, а не принадлежащимъ Тому, кто истинно можетъ все животворить. Безъ сомнѣнія,

---

(1) Кириллъ александрійскій.

все человѣческое ничтожно для Бога Слова; но какъ Онъ благоволилъ ради насъ воспріять спасительное для міра истощаніе, то хотя говорится, что посланъ проповѣдывать плѣннымъ свободу и слѣпымъ прозрѣніе, но болѣе прославляется, какъ понесшій промыслительное уничиженіе во плоти; и никто, думаю, изъ благомыслящихъ не станетъ отвергать, что Онъ ради насъ смирилъ себя въ подобіи намъ. Или же утверждающій, что видимый есть другой нѣкій Сынъ и Христосъ, отличный отъ Бога Слова, которому одному и припишетъ дѣло посольства, не объясняетъ нашего таинства тѣла и крови (ἀνθρωποφαγία), нечестиво приводя умъ вѣрующихъ къ ложнымъ мыслямъ и стараясь обнять человѣческимъ разсужденіемъ тò, чтò пріемлется одной неиспытующей вѣрой. Ибо, такъ какъ природа божества не вкушается, никто не скажетъ поэтому, что святое тѣло Христа обыкновенное. Но должно знать, что тѣло, какъ выше мы сказали, есть собственное Слова, все животворящаго; а какъ оно есть тѣло жизни, то (и само) животворяще; ибо поэтому сообщаетъ жизнь нашимъ смертнымъ тѣламъ и упраздняетъ владычество смерти. Равнымъ образомъ оживотворяетъ насъ и Духъ Христа: потому что *Духъ есть, иже оживляетъ*, по словамъ самого Спасителя (Іоан. 6, 63). А чтобы не

казалось, что *я* одинъ называю тѣло Слова собственнымъ, нѣтъ ничего труднаго привести и мнѣнія святыхъ отцевъ, чтобъ видѣли противники, какъ напрасно кричатъ противъ насъ, повсюду слѣдующихъ ихъ словамъ. Итакъ всеславный отецъ нашъ и епископъ Аѳанасій въ словѣ о Троицѣ говоритъ: «и показывалъ, что не призрачно, но истинно имѣлъ тѣло; ибо прилично Господу, облекшемуся въ человѣческую плоть, принять ее всецѣло съ свойственными ей страданіями, дабы, какъ говоримъ, что тѣло Его было собственное, такъ (можно было) сказать, что и самыя страданія тѣла были только Его собственныя, хотя и не касались божества Его»; и еще: «по необходимости прежде мы изслѣдывали это, чтобы, если видимъ Его дѣйствующимъ божественнымъ образомъ чрезъ свое тѣло, какъ орудіе, или говорящимъ, знали бы что сущій Богъ это дѣлаетъ». Вотъ что (говоритъ) блаженный отецъ нашъ Аѳанасій. Впрочемъ хотя тѣло называется собственнымъ Слова, однакожъ оно отъ жены и сродно нашимъ, поскольку оно разумѣется, какъ плоть. И хотя блаженный Павелъ говоритъ: *первый человѣкъ перстенъ, вторый съ небесе* (1 Кор. 15, 47); самъ же Христосъ говоритъ: *никтоже взыде на небо, токмо сшедый съ небесе Сынъ человѣческій* (Іоан. 3, 13): но мы утверждаемъ, что

этими словами не выражается того, будто Слово съ неба принесло тѣло соединенное съ Нимъ. А какъ Оно, будучи само свыше и съ неба, содѣлало собственнымъ тѣло, соединенное съ Нимъ неизрѣченно, непостижимо, безъ превращенія и слiянія: то въ этомъ смыслѣ и говоритъ о Себѣ, что Оно съ неба, и тогда, когда содѣлалось Сыномъ человѣческимъ. Итакъ, если право и непорочно наше слово, то желающіе противорѣчить намъ какой будутъ имѣть предлогъ къ возраженіямъ противъ насъ, когда анаѳематство опровергаетъ хулы чьи бы то ни было, лжи противопоставляя истину? Думаю же, что я никоимъ образомъ не погрѣшилъ въ истинѣ, когда сказалъ о Христѣ, что Онъ выше насъ. Ибо хотя Слово Божіе и содѣлалось человѣкомъ, но и при этомъ выше не только насъ однихъ, но и всей твари: потому что не только разумѣется человѣкомъ и подобнымъ намъ, но (и при этомъ) есть самъ Богъ свыше и съ неба.

Анаѳематство 12-е.

Кто не исповѣдуетъ, Бога Слова пострадавшимъ плотію, распятымъ плотію, принявшимъ смерть плотію и наконецъ ставшимъ перворонымъ изъ мертвыхъ, такъ какъ Онъ есть жизнь и животворящь, какъ Богъ: да будетъ анаѳема.

Возраженіе восточныхъ.

Опять напомнимъ ему здѣсь его собственныя слова, какъ онъ называетъ божественную природу совершенно безстрастною, говоря въ первомъ своемъ томѣ такъ: «итакъ единый достойнѣйшій всѣхъ положилъ за всѣхъ душу свою; и промыслительно благоволилъ низвести на краткое время до смерти плоть (свою) и опять уничтожилъ силу смерти, какъ жизнь, не будучи въ состояніи терпѣть то, что противно Его природѣ». Итакъ скажемъ ему, противорѣчущему самому себѣ: какъ же благоволившій низвести на краткое время до смерти плоть и, какъ жизнь, уничтожившій силу смерти, не бывшій въ состояніи терпѣть то, что противно Его природѣ, какъ теперь, по твоему, страдаетъ чрезъ плоть? Но не страдалъ соединенный съ плотію Богъ, а плоть, соединенная съ Богомъ Словомъ, по Его благоснисхожденію претерпѣла свойственное ей; ибо если бы Онъ не соблаговолилъ, не допустилъ бы ни страданія, ни смерти. Если не бываетъ смерти, когда присутствуетъ (еще) душа: то какимъ образомъ, когда присутствуетъ Богъ, и не просто только присутствуетъ, но и соединенъ нѣкоторымъ совершеннѣйшимъ и Ему одному понятнымъ соединеніемъ, какимъ образомъ страданіе и смерть возобладали Его храмомъ безъ Его благоизволенія? Но не божество,

соединенное съ плотію, страдало, а плоть, по Его благоизволенію, претерпѣла свойственное ей. Но что у него (1) съ злымъ намѣреніемъ положено выраженіе «пострадало плотію», для обольщенія простодушныхъ, ясно отсюда: кто сказалъ «пострадало плотію», тотъ не сохранилъ у божественной природы безстрастія,— сказалъ не что иное, какъ то, что пострадалъ (Божій Сынъ, но только) съ плотію. Если же пострадалъ съ плотію, то исповѣдуется страстнымъ: Онъ пострадалъ или какъ имѣющій способность страдать, или вопреки природѣ. И если пострадалъ по природѣ, то и Отецъ, единосущный Сыну, будетъ страстнымъ; потому что совершенно необходимо приписывать родившему все, что приписывается рожденному. Или будемъ исповѣдывать, что Онъ пострадалъ, какъ имѣющій способность страдать, а Отецъ не имѣетъ способности къ страданію. Но такъ говоря, сойдемся съ еретиками, которые утверждаютъ, что божество единороднаго Сына страстно, а божество Отца неспособно къ страданію, потому что, говорятъ, оно другой сущности. Если же скажутъ, что Онъ пострадалъ вопреки природѣ, скажемъ: какое же страданіе сильнѣе божественнаго естества,

---

(1) У Кирилла.

такъ что подвергаетъ страданію безстрастное по природѣ вопреки природѣ? Но говоритъ: Его воля. А мы скажемъ: Его воля безстрастна; мы же ищемъ страданія, которое переводитъ безстрастное естество въ состояніе страдательности. Притомъ и божественная воля желаетъ того, что̀ ей прилично. А что̀, говоритъ, приличнѣе, какъ не спасти родъ человѣческій? Но какимъ образомъ имѣлъ быть спасенъ родъ человѣческій, самъ переходя въ безстрастіе, а божественное и безстрастное естество вовлекая въ страданіе? Конечно, страстное естество, какъ сильнѣйшее, сообщило безстрастному свою способность къ страданію. И какая польза страстному, если и безстрастное сдѣлалось страстнымъ? А спасеніе страдательнаго не (есть) общеніе съ нимъ безстрастнаго въ страданіяхъ; ибо это скорѣе возрастаніе зла, а не уничтоженіе, потому что отъ подобнаго другое не уничтожается, но возрастаетъ. Итакъ какое спасеніе страдательнаго? Какъ сказали, не общеніе съ нимъ безстрастнаго, но возведеніе его къ безстрастному. Это и сдѣлалъ Владыка Христосъ, не самъ низведенный въ страданіе, но все человѣчество чрезъ святую плоть поднявшій на высоту, и лежавшее долу возведшій на небеса, и прежде лишенное свободы удостоившій сыноположенія. Кто же, безъ сомнѣнія, былъ должникомъ

смерти отъ непослушанія? Конечно, человѣческое естество, а не божественное. Итакъ какую прилично было разрушить смерть отъ непослушанія?

Защищеніе Кирилла.

Поистинѣ достойна удивленія сила истины: опытъ свидѣтель этому. Немного нужно будетъ говорить мнѣ въ защищеніе или для убѣжденія (т. е. въ противномъ) обольщенныхъ, которые думаютъ, будто мы говоримъ, что божественная природа Слова страдательная: потому что противники разъ уже были побѣждены и добровольно сознались, и очень ясно, какъ мало мы заслуживаемъ ихъ обвиненія въ этомъ. Но какъ неразумно дѣлая для своего удовольствія положеніе, которое не нуждается въ доказательствахъ, и пользуясь острыми изворотами мыслей, стараются показать силу возможнаго для нихъ остроумія и очень усиливаются доказать, что Слово Божіе по своей природѣ безстрастно: то пусть выслушаютъ отъ насъ, что напрасно сражаются, когда имъ никто не противорѣчитъ, и бьютъ воздухъ, когда никто не думаетъ противнаго. Итакъ для чего же напрасно потѣютъ и расширяютъ безполезное? Кто такъ безразсуденъ, чтобы считать страстною природу, которая выше всѣхъ, и дерзать низводить до немощи страданій то,

что выше всего сотвореннаго и безтѣлесно? Но какъ смыслъ таинства тотъ, что единородный Сынъ Божій по природѣ сдѣлался человѣкомъ отъ жены по промышленію, и мы утверждаемъ, что святое тѣло, принятое отъ блаженной Дѣвы Маріи, есть Его собственное: по этой причинѣ и весьма справедливо говоримъ, что страданія плоти называются Его страданіями по промыслительному усвоенію, повсюду оставляя за Его природой безстрастіе, потому что Онъ есть Богъ отъ Бога. Итакъ когда говорится, что Онъ страдалъ плотію, не самъ, разумѣется, страдалъ въ своей природѣ, по которой есть Богъ, но лучше усвоилъ себѣ страданіе. Ибо соединенное съ Нимъ тѣло содѣлалось Его тѣломъ, какъ недавно сказалъ я; потому и богодухновенный Павелъ называетъ перворожденнымъ изъ мертвыхъ того самаго, чрезъ котораго все и въ которомъ все сотворилъ Отецъ. Пишетъ же такъ: *благодаряще Бога и Отца призвавшаго васъ въ причастіе наслѣдія святыхъ во свѣтѣ: иже избави насъ отъ власти темныя, и престави въ царство Сына любве своея: о немже имамы* (избавленіе кровію его и) *оставленіе грѣховъ: иже есть образъ Бога невидимаго, перворожденъ всея твари: яко тѣмъ создана быша всяческая, яже на небеси, и яже на земли,*

видимая и невидимая, аще престоли, аще господ-ствія, аще начала, аще власти: вся-ческая тѣмъ и о немъ создашася: и той есть прежде всѣхъ и всяческая въ немъ состоятся: и той есть глава тѣлу церкве, иже есть начатокъ, перворожденъ изъ мертвыхъ, яко да будетъ во всѣхъ той первенствуя: яко въ немъ благоизволи всему исполненію (божества) *вселитися* (тѣлеснѣ): *и тѣмъ примирити всяческая къ себѣ, умиротворивъ кровію креста его,* (*чрезъ него*), *аще земная, аще ли небесная* (Кол. 1, 12—20). Смотри же, какъ, говоря, что все чрезъ Него сотворено, видимое и невидимое, престолы и власти, говоритъ, что Онъ данъ во главу Церкви, и утверждаетъ, что Онъ сдѣлался перворожденнымъ изъ мертвыхъ, и что все чрезъ Него примирено съ Нимъ (Отцемъ) и умиротворено кровію креста Его, какъ земное, такъ и небесное. Итакъ кто и послѣ этого усумнится и будетъ напрасно бояться, будто слово таинства представляетъ естество Сына страдательнымъ, когда говорит-ся, что Онъ пострадалъ плотію? Ибо Онъ усвояетъ себѣ, какъ я сказалъ, страданія своего тѣла. Такъ мудрствовать угодно было и богодухновенному Петру, который говоритъ: *Христу убо пострадавшу за ны плотію* (1 Петр. 4, 1). Но иное дѣло сказать: пострадалъ

плотію, и иное также сказать: пострадалъ божественнымъ естествомъ. Ибо какъ Онъ есть Богъ и вмѣстѣ человѣкъ, безстрастный въ отношеніи къ божественной природѣ, а по человѣчеству страстный: то что̀ неумѣстнаго, если говорится, что страдало, о томъ, что̀ по природѣ способно страдать, и что̀ пребывало безстрастнымъ незнающее страданія? А что такою же вѣрою сіялъ и ликъ святыхъ отцевъ, узнаемъ изъ того, что̀ они написали, соблюдая заповѣдь Спасителя; потому что помнили говорящаго: *туне пріясте, туне дадите* (Матѳ. 10, 8).

Григорій, епископъ нисскій.

Сіе бо, говоритъ, *да мудрствуется въ васъ, еже и во Христѣ Іисусѣ: иже во образѣ Божіи сый, не восхищеніемъ непщева быти равенъ Богу: но себе умалилъ, зракъ раба пріимъ* (Филип. 2, 5. 6). Что уничиженнѣе для Бога образа раба? Что уничиженнѣе для царя вселенной, какъ добровольно сойти до причастія нашей бѣдной природы? Царь царствующихъ и Господь господствующихъ облекается въ образъ раба; Судія всѣхъ подчиняется властямъ; Господь твари въ вертепѣ находитъ пріютъ; все содержащій дланію не находитъ мѣста въ гостинницѣ, но полагается въ ясляхъ безсловесныхъ; чистый и неповрежденный не отвергаетъ нечистоты человѣческой

природы и, прошедши всю бѣдность нашу, доходитъ до вкушенія самой смерти. Вникните въ мѣру добровольной нищеты! Жизнь вкушаетъ смерть; Судію ведутъ на судилище; Господь всего живущаго подвергается приговору судьи; Царь всей вышемірной силы не уклоняется отъ рукъ рабовъ. Въ этомъ, говоритъ, пусть усмотритъ примѣръ мѣра (твоего) смиренія.

Василій, епископъ кесарійскій.

Небо, и земля, и пространства морей, и живущія въ водахъ, и земноводныя животныя, и растенія, и звѣзды, и воздухъ, и времена года, и разнообразное украшеніе всей вселенной, не представляютъ того величія могущества, какое выражается въ безстрастномъ сопряженіи чрезъ плоть со смертію безконечнаго Бога, для того, чтобы даровать намъ своимъ страданіемъ безстрастіе.

Аѳанасій, епископъ александрійскій.

Онъ (Христосъ) показывалъ, что не призрачно, но истинно имѣлъ тѣло; ибо прилично было Господу, облекшемуся въ человѣческую плоть, принять ее всецѣло, съ свойственными ей страданіями, дабы, какъ говоримъ, что тѣло Его было собственное, такъ (можно было) сказать, что и самыя страданія тѣла были именно Его, хотя и не касались божества Его. А если тѣло другаго, то и страданія назывались

бы страданіями этого (другаго). Если же плоть—Слова, потому что *Слово плоть бысть* (Іоан. 1, 14), то необходимо и страданія плоти называть страданіями того, котораго и плоть. Ибо кому приписываются страданія, каковы особенно: осужденіе, бичеваніе, жажда, и крестъ, и смерть, и другія немощи тѣла, того же и заслуга и благодать. Поэтому справедливо и прилично говорится, что эти страданія не иного кого, а Господа, чтобы и благодать была отъ Него и чтобы мы не были идолослужителями, а истинными богочтителями; потому что призываемъ не какую нибудь тварь, не обыкновеннаго какого человѣка, но Бога по природѣ и истиннаго Сына, сдѣлавшагося человѣкомъ, но тѣмъ не менѣе пребывшаго самимъ Господомъ и Богомъ и Спасителемъ.

Итакъ совершенно, я думаю, достаточно предложенныхъ изрѣченій для убѣжденія мыслящихъ, по ясному свидѣтельству божественнаго закона: *при устѣхъ двою, или тріехъ свидѣтелей станетъ всякъ глаголъ* (Матѳ. 18, 16). Если же кто и послѣ сего захочетъ состязаться, пусть выслушаетъ отъ насъ: иди своимъ путемъ, а мы будемъ слѣдовать правымъ писаніямъ и вѣрѣ святыхъ отцевъ; ибо такимъ образомъ пріобрѣтемъ награду вышняго званія во Христѣ, чрезъ котораго и съ кото-

рымъ слава Богу и Отцу со Святымъ Духомъ во вѣки. Аминь.

—

Посланіе Кирилла, епископа александрійскаго, къ Евоптію, противъ опровержения двѣнадцати главъ, составленнаго Θеодоритомъ.

Кириллъ богобоязливѣйшему и вожделѣннѣйшему брату и сослужителю Евоптію о Господѣ желаетъ всякаго блага.

Прочитавши письма, посланныя отъ твоего благочестія, я удивился и расположенію и искренности любви во Христѣ. И теперь считаю долгомъ оказать, какъ истинно сказанное въ книгѣ Притчей: *братъ отъ брата помогаемь, яко градъ твердъ* (18, 19). И мнѣ кажется, дѣло любви очень высоко цѣнится въ богодухновенномъ Писаніи,—и весьма справедливо. Ибо содержитъ полноту закона, и превосходитъ всѣ добродѣтели, и въ великомъ находится почитаніи у душъ святыхъ. Исполняется же она, говоримъ, не въ пустыхъ только звукахъ словъ, но (когда) свидѣтельствуется самыми дѣлами. Ибо какъ въ драгоцѣннѣйшихъ камняхъ, которые называются индійскими, удивляются не тому, что объ нихъ разсказываютъ, но тому, чѣмъ они представляются взорамъ: такимъ же, думаю, образомъ и бле-

стящая красота любви тогда сіяетъ, когда свидѣтельствуется во всѣхъ прекрасныхъ дѣлахъ самыми поступками. Много цѣнитъ ее твое благочестіе, которое идетъ по слѣдамъ благоразумія святыхъ и выражаетъ благую жизнь ихъ въ свою славу. А теперь твое благочестіе совершенно убѣдило меня въ расположеніи (ко мнѣ), приславши книгу, которую составилъ, говорятъ, Θеодоритъ кирскій; такъ, говорятъ, называется городокъ. Прочитавши же написанное, я принесъ Богу благодарственное пѣніе, не оставилъ и сихъ словъ: *Господи, избави душу мою отъ устенъ неправедныхъ, и отъ языка льстива* (Псал. 119, 2). Ибо вездѣ вижу клеветы на себя, и это въ каждой главѣ. Я увидѣлъ, что хотя, какъ говорятъ нѣкоторые изъ близкихъ, этотъ мужъ упражнялся въ краснорѣчіи и, можетъ быть, пріобрѣлъ не посредственное знаніе священнаго Писанія, но слишкомъ мало понялъ силу этихъ главъ. Поэтому мнѣ остается думать и предполагать, что онъ поблажаетъ желаніямъ нѣкоторыхъ, когда притворяется незнающимъ, что не считаютъ его—не хорошо и слишкомъ, но напротивъ—удачно воспользовавшимся клеветами противъ насъ, хотя, мнѣ кажется, ничего не было труднаго и высокаго и ничего неудобопонятнаго въ моихъ словахъ. Но какъ нужно было, хотя мы уже писали объ этомъ,

сказать нѣсколько и противъ него, дабы кто не подумалъ, что мы замолчали въ слѣдствіе сознанія (своей неправоты), то сдѣлаю свое защищеніе, сколько можно, короче. Итакъ надлежало ему, упражнявшемуся въ богодухновенномъ Писаніи, если у него была одна цѣль—разсуждать съ нами о божественныхъ тайнахъ, надлежало вспоминать только о священномъ Писаніи и такимъ образомъ составлять свое изложеніе свято-прилично, а не выносить на средину старыя для насъ и смрадныя басни. Онъ удостоиваетъ сравнить мои слова съ яблокомъ раздора, можетъ быть для того, чтобы показать этимъ, сколько онъ пріобрѣлъ себѣ премудрости. Поэтому и мы имѣемъ чрезвычайное удивленіе къ нему: онъ представляется намъ и краснорѣчивѣйшимъ и многоученѣйшимъ, потому что знаетъ, что такое яблоко раздора и Парисъ Пріамовъ. Впрочемъ, оставивши это до удобнаго времени, обратимся лучше къ предположенной цѣли.

Посланіе Ѳеодорита, епископа кирскаго, къ Іоанну, епископу антіохійскому.

Чрезвычайно опечалился я, прочитавши анаѳематства, которыя ты послалъ къ намъ съ приказаніемъ опровергнуть ихъ письменно и обнажить предъ всѣми еретическій смыслъ ихъ. Опечалился я отъ того, что мужъ, кото-

рому поручено пасти, и ввѣрено такое стадо, и повелѣно врачевать немощныхъ овецъ, не только самъ болѣнъ и весьма сильно, но и старается заразить болѣзнію и овецъ, и хуже дикихъ звѣрей терзаетъ своихъ овецъ. Эти похищаютъ и терзаютъ овецъ заблудшихъ и отдѣленныхъ отъ стада; а онъ, находясь въ срединѣ его и считаясь пастыремъ и хранителемъ, вноситъ скрытое заблужденіе въ тѣхъ, которые повинуются ему. Ибо когда (кто) открыто сражается, можно и уберечься; а если подъ видомъ дружбы приготовляетъ коварство, то находитъ неприготовленнымъ того, противъ кого сражается, и удобно наноситъ ему вредъ. Поэтому сражающіеся скрытно вреднѣе, нежели тѣ, которые сражаются открыто. Меня особенно сокрушаетъ то, что подъ именемъ и подъ видомъ благочестія, и состоя въ достоинствѣ пастыря, онъ изрыгаетъ еретическія и хульныя слова, и возобновляетъ уничтоженное прежде, пустое и вмѣстѣ нечестивое ученіе Аполлинарія; а сверхъ того онъ не только уважаетъ это (ученіе), но и дерзаетъ анаѳематствовать тѣхъ, которые не хотятъ соглашаться съ нимъ, если впрочемъ это дѣйствительно его произведенія, а не кто нибудь изъ враговъ истины, поднимая пламень на высоту, сложилъ отъ его имени и бросилъ на средину, подобно яблоку раздора, о которомъ сложена

басни. Итакъ онъ ли это или другой кто, только подъ его именемъ, сложилъ ихъ, я, при пособіи свѣта всесвятаго Духа, разсматривая еретическое злословіе, по мѣрѣ данной мнѣ силы, обличилъ его, сколько можно было, противопоставилъ евангельское и апостольское ученіе, показалъ нелѣпость его мнѣнія и сдѣлалъ яснымъ, сколько оно несогласно съ божественными догматами, сличая главы съ словами божественнаго Духа и показывая, сколько онѣ чужды и несогласны съ божественными. А противъ дерзости проклятія скажу только, что Павелъ, великогласнѣйшій проповѣдникъ истины, дерзающій и противъ ангеловъ, анаѳематствовалъ тѣхъ, которые повреждаютъ евангельское и апостольское ученіе, а не тѣхъ, которые пребываютъ въ преданныхъ богословствующими мужами опредѣленіяхъ (ὅρεις); потому что таковыхъ оградилъ и благословеніями, говоря: *елицы правиломъ симъ жительствуютъ, миръ на нихъ и и милость, и на Исраили Божіи* (Гал. 6, 16). Итакъ пусть собираетъ отецъ такихъ словъ отъ апостольскаго проклятія плоды трудовъ своихъ и снопы еретическихъ сѣмянъ; мы же останемся при ученіи святыхъ отцевъ. Присоединилъ я къ своему посланію и сдѣланныя возраженія, чтобы ты прочитавши увидѣлъ, сильно ли разрушили мы еретиче-

скія предложенія. На каждое изъ анаѳематствъ, отдѣльно взятое, я сдѣлалъ возраженіе, чтобы для читателей удобнѣе было разумѣніе и яснѣе обличеніе такихъ мнѣній.

Кирилла, архіепископа александрійскаго, 12 главъ противъ тѣхъ, которые дерзаютъ защищать мнѣнія Несторія, какъ правыя.

Анаѳематство 1-е.

Кто не исповѣдуетъ Еммануила истиннымъ Богомъ и посему святую Дѣву Богородицею, такъ какъ она по плоти родила Слово, сущее отъ Бога Отца, ставшее плотію: да будетъ анаѳема.

Ѳеодорита, епископа кирскаго, опроверженіе двѣнадцати главъ.

А мы, которые слѣдуемъ евангельскимъ словамъ, не говоримъ ни того, что Богъ Слово содѣлалось плотію по естеству, ни того, что Оно превратилось въ плоть; потому что божество непревращаемо и неизмѣняемо. Поэтому и пророкъ Давидъ говоритъ: *ты же тойжде еси, и лѣта твоя не оскудѣютъ* (Псал. 101, 28). Эти слова великій Павелъ, проповѣдникъ истины, отнесъ къ Сыну въ посланіи къ Евреямъ (1, 12). И въ другомъ мѣстѣ Богъ говоритъ чрезъ пророка: *Азъ есмь, и не измѣняюся* (Малах. 3, 6).

Итакъ если Божество непревращаемо и неизмѣняемо, то неспособно къ превращенію и къ измѣненію. Если же невозможно превратить непревратимое, то и Богъ Слово не содѣлалось плотію такъ, какъ бы превратилось, но приняло плоть и вселилось въ насъ, по евангельскому слову (Іоан. 1, 14). И богодухновенный Павелъ ясно говоритъ объ этомъ въ посланіи къ Филипписеямъ такъ: *сіе да мудрствуется въ васъ, еже и во Христѣ Іисусѣ: иже во образѣ Божіи сый, не восхищеніемъ непщева быти равенъ Богу: но себе умалилъ, зракъ раба пріимъ* (Филип. 2, 5—7). Итакъ ясно изъ сказаннаго, что образъ Бога не превратился въ образъ раба, но оставаясь тѣмъ, чѣмъ былъ, принялъ образъ раба. Итакъ Богъ Слово не содѣлалось плотію, но приняло плоть живую и разумную; не родился отъ Дѣвы естествомъ, зачавшись и образовавшись, и съ того времени получивши начало существованія, Тотъ, который—прежде вѣковъ есть Богъ, и у Бога, и съ Отцемъ вмѣстѣ пребывающій и съ Отцемъ познаваемый и покланяемый; но образовавшій Себѣ храмъ въ дѣвической утробѣ былъ вмѣстѣ съ образованнымъ и рожденнымъ. Поэтому и святую Дѣву называемъ Богородицею, не потому, что она родила Бога по естеству, но человѣка соединеннаго съ Богомъ, который образовалъ его. Если же обра-

зовавшійся въ утробѣ Дѣвы не человѣкъ, но Богъ Слово, которое было прежде вѣковъ: то Богъ Слово будетъ твореніемъ Духа: *рождшееся бо въ ней отъ Духа Свята*, говоритъ Гавріилъ (Матѳ. 1, 20). Если же единородное Слово Бога не сотворено, а соединосущно и совѣчно Отцу, то не есть образованіе или твореніе Духа. Если же Духъ Святый образовалъ во чревѣ Дѣвы не Бога Слово, то остается думать, что и образовался, и принялъ видъ, и зачался, и родился естествомъ зракъ раба. Но какъ зракъ (раба) былъ не безъ Бога, а былъ храмомъ живущаго въ немъ Бога Слова, по слову Павла: *ибо въ немъ*, говоритъ, *благоизволи всему исполненію божества вселитися тѣлеснѣ* (Кол. 1, 19, 2, 9): то называемъ Дѣву не человѣкородицею, а Богородицею, прилагая первое названіе къ образованію и зачатію, а другое къ соединенію. Поэтому и родившійся младенецъ называется Еммануиломъ,— и Богомъ, не отдѣленнымъ отъ человѣческаго естества, и человѣкомъ, нечуждымъ божества, потому что Еммануилъ толкуется: *съ нами Богъ*, по евангельскому слову (Матѳ. 1, 23). А выраженіе: *съ нами Богъ*, и означаетъ зачатаго отъ насъ ради насъ, и проповѣдуетъ воспринявшаго (его) Бога Слово. Итакъ младенецъ называется Еммануиломъ по той причинѣ, что воспринятъ Богомъ; и Дѣва—Богородицею по

причинѣ соединенія образа Божія съ зачатымъ образомъ раба; потому что Богъ Слово не превратился въ плоть, но образъ Бога принялъ образъ раба.

Защищеніе Кирилла.

Много разъ мы восклицали противъ тѣхъ, которые не хотятъ исповѣдывать, что Еммануилъ есть по-истинѣ Богъ и что святая Дѣва есть Богородица, потому что родила по плоти Бога Слово, когда Оно содѣлалось плотію, т. е. человѣкомъ. А клеветникъ на эти справедливыя слова,—если не зналъ, что Еммануилъ есть по-истинѣ Богъ, если не родилось по плоти отъ святой Дѣвы Слово Божіе, содѣлавшееся плотію, по писаніямъ,—для чего лучше не сказалъ ясно: что̀ дѣлаешь, благородный мужъ? Ты изрыгаешь странныя и противныя истинѣ слова. Для чего ты извращаешь догматы истины? Еммануилъ по-истинѣ не есть Богъ и святая Дѣва не есть матерь Божія!—Благоразумно основываясь на священномъ Писаніи, мы должны убѣдить его въ незаконности и нечестности его усилій и еще болѣе въ безстыдномъ сопротивленіи слову Божію, противопоставляя его возгласамъ и ученію преданіе апостольской и евангельской Церкви, и исповѣданіе отцевъ, собиравшихся нѣкогда въ Никеѣ. Но ловкій и коварный повѣствователь оста-

вляетъ въ сторонѣ то, о чемъ прилично и необходимо было говорить, и, нисколько не размышляя объ этомъ, избираетъ иные пути. Ибо тотчасъ говоритъ о необходимости доказывать, что божественное Слово выше превращенія и не премѣнялось въ естество плоти, какъ будто это именно утверждаетъ и хочетъ показать анаѳематство. Итакъ пусть выслушаетъ онъ, не умѣющій опровергать того, съ чѣмъ не хочетъ согласиться: ты говоришь слишкомъ пространной рѣчью и опровергаешь то̀, что̀ намъ самимъ ненавистно. Мы знаемъ, что божественное и превысшее естество не допускаетъ и тѣни превращенія; но Слово Божіе приняло естество плоти, не переставая быть тѣмъ, чѣмъ Оно есть. А какъ онъ сказалъ, что образъ божества воспріялъ образъ раба, то въ ученіи своемъ уже не долженъ касаться того, сходствуютъ ли между собой эти образы сами по себѣ, независимо отъ своего существа. Я думаю, онъ тутъ же опровергаетъ самъ себя. Ненужно сходства, безъ труда отыскиваемаго, и соединенія образовъ, сообразныхъ между собою, чтобъ вѣрить въ дѣйствительность воплощенія, а нужно соединеніе сущностей. Такимъ образомъ, когда говоримъ, что Слово стало плотію, то разумѣемъ, что тутъ произошло не сліяніе, не смѣшеніе, не превращеніе, не замѣненіе, но неизрѣченное и неопису-

емое соединеніе Его съ плотію, имѣющею разумную душу. Что до слова—*соединеніе*, то оно не означаетъ тотчасъ смѣшеніе, а преимущественно значитъ воспріятіе другаго. Послѣ всего этого утверждаемъ, что Слово, которое отъ Отца происходитъ, воспріяло святую и одушевленную плоть, соединилось съ ней поистинѣ несліянно и изъ того и другаго произошелъ человѣкъ, пребывающій въ тоже время истиннымъ Богомъ, а отсюда—и святая Дѣва есть матерь Божія. Я считаю неумѣстнымъ думать, что ее должно называть матерію человѣка. Еслибъ нашлись такіе, которые, по великому безумію своему, стали бы говорить, что плоть составляетъ какъ-бы источникъ для естества Слова Божія и начало Его бытія, то, пожалуй, было бы у желающихъ называть ее человѣкородицею, нѣкоторое, несовсѣмъ нелѣпое и презрѣнное основаніе. Но какъ это мнѣніе для всѣхъ гнусно и ненавистно, то святую Дѣву и не представляютъ иначе, какъ Богородицею, исключая развѣ того, кто вѣритъ, что Слово, отъ Отца происходящее, стало въ собственномъ смыслѣ плотію, то есть, человѣкомъ. Святая Дѣва дѣйствительно, какъ я сказалъ, родила не одно божество; какая жъ отсюда польза въ настойчивости говорящихъ, что ее должно называть и человѣкородицею? Но, какъ видно, у нихъ

изобрѣтено ядовитое злоухищреніе противъ Христа. Они не позволяютъ мыслить или говорить, что Самъ, который прежде вѣковъ былъ Сынъ Бога и Отца, въ послѣднія дни вѣка, безъ смѣшенія и безъ измѣненія для Себя, во чревѣ соединившійся съ оживленною разумной душой плотію, сдѣлался подобнымъ намъ человѣкомъ; но стараются проповѣдывать, что Онъ носилъ обитающаго въ Себѣ Бога, какъ какой нибудь праведникъ, и убѣждаютъ такъ думать, не помышляя о томъ, что и во всѣхъ насъ обитаетъ Богъ благодатію Духа (Святаго), какъ во святыхъ храмахъ. Писано: *не вѣсте ли, яко храмъ Божій есте, и Духъ Божій живетъ въ васъ? аще кто Божій храмъ растлитъ, растлитъ сего Богъ: храмъ бо Божій святъ есть, иже есте вы* (1 Кор. 3, 16. 17). Но хотя мы и должны называться храмами Божіими, такъ какъ, силою Духа, носимъ въ себѣ обитающаго Бога; однакожъ во Христѣ мы видимъ другой образъ тайны, утверждаемъ, что съ Богомъ Словомъ истинно соединилась плоть, одаренная разумною душею. Я бы охотно спросилъ, что̀ онъ признаетъ,—то̀ ли, что поистинѣ произошло присоединеніе Слова къ человѣчеству или, что тоже, къ святому тѣлу, одушевленному разумною душею,—или, какъ и другіе (думаютъ), связь служебнаго и несуще-

ственнаго образа съ существеннымъ образомъ божества, какъ въ ношеніи (человѣкомъ) божества,—или еще иной какой нибудь способъ соединенія, выводимый изъ различныхъ видовъ усыновленія, при равенствѣ достоинствъ, если онъ допускаетъ что нибудь кромѣ союза (ношенія). Но, какъ оказывается, я напрасно докучаю и предлагаю излишній вопросъ: передо мной его слова и открытое исповѣданіе. Въ первой главѣ онъ говоритъ слѣдующее: «родившійся младенецъ называется Еммануиломъ,—и Богомъ, не отдѣленнымъ отъ человѣческаго естества, и человѣкомъ, нечуждымъ божества». Ему слѣдовало сдѣлать тщательное и точное изложеніе этихъ предметовъ. Однакожъ это слѣдуетъ замѣтить; ибо вотъ въ этомъ мѣстѣ онъ называетъ Бога неотдѣленнымъ отъ человѣческаго естества, ясно выражая единство, даже признаетъ при этомъ, что Христосъ вмѣстѣ Богъ и человѣкъ; ибо знаетъ, что Онъ единъ по соединенію промыслительному (οικονομικην). Какъ же онъ не краснѣетъ, осуждая тò, чтò мы говоримъ?

Анаѳематство 2-е.

Кто не исповѣдуетъ, что Слово, сущее отъ Бога Отца, соединилось съ плотію ѵпостасно, и что посему Христосъ единъ съ своею пло-

тію, то есть, одинъ и тотъ же есть Богъ и вмѣстѣ человѣкъ: да будетъ анаѳема.

Возраженіе Ѳеодорита.

Вѣруя ученію святыхъ апостоловъ, мы исповѣдуемъ, что Христосъ единъ есть, и, по причинѣ единства, называемъ его Богомъ и человѣкомъ; единства же ѵпостаснаго, какъ страннаго и чуждаго Ему, не знаемъ никоимъ образомъ ни изъ божественнаго Писанія, ни изъ отцевъ, изъяснявшихъ Писаніе. А если тотъ, кто предложилъ это, разумѣетъ подъ единствомъ ѵпостаси то, что тутъ образовавалась средина между плотію и божествомъ, то мы возражаемъ ему со всею ревностію и обличаемъ въ богохульствѣ. Ибо средина необходимо предполагаетъ сліяніе, а сліяніе уничтожаетъ особенность того и другаго естества. Что̀ перемѣняется, то̀ перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ было раньше. А это въ высшей степени нелѣпо сказать о Богѣ Словѣ, происшедшемъ отъ сѣмени Давида. Должно вѣровать Господу, который въ слѣдующихъ словахъ, произнесенныхъ къ іудеямъ, указываетъ въ Себѣ два естества: *разорите церковь сію, и треми денми воздвигну ю* (Іоан. 2, 19). Если же произошла средина, то Богъ уже—не Богъ, и храмъ указанный—не храмъ, а и храмъ представляется Богомъ и Богъ храмомъ (таковъ

дальнѣйшій смыслъ средины), и Господь излишне сказалъ іудеямъ: *разорите церковь сію, и треми денми воздвигну ю.* Должно бы сказать: умертвите Меня, и чрезъ три дня Я воскресну. Если бы дѣйствительно произошла нѣкоторая средина, то съ ней и сліяніе; а вотъ тутъ Онъ показываетъ, какъ разрушается храмъ и возстановляетъ его Богъ. Итакъ не нужно единство по ѵпостаси, которое, какъ мнѣ кажется, предлагаютъ въ смыслѣ средины. А довольно называть единство такимъ единствомъ, которое и показываетъ самобытность естествъ, и научаетъ почитать Христа Богомъ.

Защищеніе Кирилла.

Вотъ, какъ ни возстанетъ противъ насъ необузданными устами этотъ искусникъ, старающійся вездѣ найти удобный къ тому случай, снова злословитъ выраженіе—*по ѵпостаси.* Онъ осуждаетъ его за новость, и утверждаетъ, что сказано странно, не помышляя того, что правдивость выраженій, противополагающая истину вымысламъ нечестивыхъ еретиковъ, направлена къ тому, чтобъ ниспровергнуть тò, чтò они противополагаютъ (ей). Итакъ въ то время, какъ Несторій повсюду уничтожаетъ рожденіе Бога Слова тѣлесное, увѣряя насъ въ одномъ единеніи достоинствъ, и говоритъ, что человѣкъ, почтенный двузна-

менательнымъ названіемъ сыновства, присоединенъ къ Богу, мы говоримъ, что соединеніе произошло ѵпостасное, опровергая его слова выраженіемъ—ѵпостасное, выраженіемъ, означающимъ не иное что̀, какъ то̀, что естество Слова, или ѵпостась, (что̀ означаетъ самое Слово), по-истинѣ соединилось съ естествомъ человѣческимъ безъ всякаго превращенія или измѣненія, какъ весьма часто мы говорили, и мыслится и есть единый Христосъ—Богъ и человѣкъ. А это, какъ я думаю, допускаетъ и самъ Ѳеодоритъ, коль скоро онъ говоритъ, что Богъ неотдѣленъ отъ человѣческаго естества и что человѣчество не мыслится безъ божественности. Итакъ мы не говоримъ того, что соединеніе образа Божія и образа раба исключаетъ ѵпостась, ни того, что обыкновенный человѣкъ, почтенный однимъ равенствомъ достоинствъ, присоединенъ къ Слову чрезъ обитаніе; но говоримъ, что самъ единородный Сынъ Божій, чрезъ воспріятіе, какъ я сказалъ, одной плоти, одушевленной разумною душею, сталъ истиннымъ человѣкомъ такъ, что пребываетъ и Богомъ. Но этотъ велерѣчивый человѣкъ, привыкшій къ умствованіямъ, опредѣлилъ слово—*ѵпостасное* въ смыслѣ ограниченія и отваживается называть и выставлять на видъ тѣ несообразности, которыя проистекаютъ изъ этого, какъ будто мы того

не знаемъ. Можетъ быть, ему нравится и услаждаетъ многословіе и краснорѣчіе, и онъ ничего другаго не имѣетъ въ виду, кромѣ мысли, что можетъ пространно говорить, принимая за истинну то, чего никто еще не говорилъ, чтобы показаться чѣмъ нибудь между неумѣющими правильно разсудить: кто безразсудно баснословитъ и говоритъ ложь, или кто вступилъ на правый путь истины и употребляетъ мудрую и необходимую рѣчь. Признаюсь, я сначала думалъ, что онъ понимаетъ смыслъ главъ, а притворяется въ незнаніи и этимъ угождаетъ кому нибудь. Теперь я вѣрно знаю, что онъ дѣйствительно не понимаетъ этого.

Анаѳематство 3-е.

Кто во единомъ Христѣ, послѣ соединенія (естествъ), раздѣляетъ лица, соединяя ихъ только союзомъ достоинства, то есть, въ волѣ или въ силѣ, а не, лучше, союзомъ, состоящимъ въ единеніи естествъ: да будетъ анаѳема.

Возраженіе Ѳеодорита.

Неясенъ и теменъ смыслъ сказаннаго (для благочестивыхъ же очевидна его нелѣпость). Ибо для кого не очевидно, что сочетаніе и стеченіе (σύνοδος) не имѣютъ различія. Стеченіе есть соединеніе раздѣленнаго (κεχωρισμένων), а сочетаніе (συνάφεια) есть совокупленіе разли-

чаемаго (διῃρημένων). Но мудрый виновникъ этихъ словъ полагаетъ несовмѣстнымъ между собой то̀, что̀ одинаково звучитъ. Не должно, говоритъ, соединять ѵпостаси сочетаніемъ, а стеченіемъ и стеченіемъ природъ. Или онъ, быть можетъ, не знаетъ, что̀ говоритъ, или, если знаетъ, то богохульствуетъ. Природа есть нѣчто движимое необходимостію и лишенное свободы. Напримѣръ, къ чувству голода мы возбуждаемся природою,—не намѣреніемъ, а необходимостію; тѣ, которые живутъ въ нищетѣ, не были бы въ нищетѣ, если бы имѣли свободную власть не голодать; по природѣ мы чувствуемъ жажду, спимъ, дышемъ воздухомъ. Все это бываетъ не по волѣ нашей, я говорю. Кто ничего этого не принимаетъ въ себя, тотъ необходимо встрѣчаетъ конецъ жизни. Если такимъ образомъ произошло природное соединеніе образа Бога и образа раба, то Богъ Слово былъ вынужденъ необходимостью, а не человѣколюбіемъ соединиться съ образомъ раба и Законодатель всего находится въ необходимости слѣдовать законамъ. Но не тому учитъ апостолъ, а противному, именно, что, восприявъ зракъ раба, (Богъ) *истощилъ себя* (Филип. 2, 7). Въ словахъ—*истощилъ себя,*—Онъ представляетъ Его не вынужденнымъ. Такимъ образомъ, ежели Онъ по намѣренію и свободно соединился съ природою, взятою отъ

насъ, то уже не нужно присовокуплять слово—природный, довольно будетъ того, чтобъ признавать единство. Единство принимается въ раздѣленномъ и никогда не мыслится, если ему не предшествовало раздѣленіе. Такимъ образомъ, принимая единство, онъ напередъ принимаетъ раздѣленіе. Отсюда—почему же говоритъ, что не должно раздѣлять vпостаси или природы, зная, при этомъ, что совершенная vпостась Бога Слова существовала прежде вѣковъ и что восприяла совершеннѣйшій образъ раба. Поэтому онъ говоритъ—vпостаси, а не vпостась. Если обѣ природы имѣютъ совершенство, оба сходствуютъ, то есть, образъ раба съ воспріемлющимъ его образомъ Бога, и благочестно исповѣдывать одно лице, единаго Сына и Христа: то не будетъ нелѣпостью говорить—соединились двѣ vпостаси или природы, но согласно съ основаніемъ. Ежели въ одномъ человѣкѣ раздѣляемъ природы, говоримъ—смертное тѣло и безсмертный духъ и оба суть одно—человѣкъ: то тѣмъ болѣе сообразно съ здравымъ разумомъ познавать особенности природы воспринимающаго Бога и воспринимаемой человѣческой природы. Мы находимъ, что и блаженный Павелъ раздѣлялъ человѣка на двое и говорилъ нѣкогда: *аще и внѣшній нашъ человѣкъ тлѣетъ, обаче внутренній обновляется по вся дни* (2 Кор·

4, 16), и въ другомъ мѣстѣ: *соуслаждаюся бо закону Божію по внутреннему человѣку* (Рим. 7, 22), и опять: *во внутреннемъ человѣцѣ вселитися Христу* (Еф. 3, 17). Если апостолъ раздѣляетъ естественную связь природъ вмѣстѣ созданныхъ: то на какомъ основаніи обвиняетъ въ нечестіи отдѣляющихъ особенности природъ— естества Бога, существовавшаго прежде вѣковъ, и естества человѣческаго, воспринимаемаго въ послѣднее время, обвиняетъ тотъ, кто учитъ насъ ограниченію подъ другимъ только именемъ?

Защищеніе Кирилла.

Смотри, какъ этотъ умнѣйшій мужъ сначала ложно обличаетъ неясность словъ, и, самъ имѣя умъ не свѣтлый, а туманный, называетъ темною такую рѣчь, которая для желающихъ мыслить праведно столько очевидна и понятна! Онъ вообразилъ, будто рѣчь наша учитъ говорить—стеченіе, (σύνοδος), а не сочетаніе (συναφία). Потомъ, выказывая свое искусство, провозглашаетъ, что у насъ равная сила въ смыслѣ, станетъ ли кто говорить—стеченіе, или станетъ употреблять—сочетаніе. Но я еще дивлюсь проницательности и уму его, обладающему такою остротою, по слѣдующему:—онъ одинъ, какъ кажется, знаетъ то̀, что̀ всякой вездѣ знаетъ, что̀ такъ общеизвѣстно, что̀ со-

вершенно ясно для людей, вовсе незнакомыхъ съ мірской наукой и съ искусствомъ рѣчи, обладающихъ знаніемъ самымъ посредственнымъ, пріобрѣтаемымъ чрезъ недостаточное слушаніе при маломъ прилежаніи. Удивленный его ученостью, я говорю: ты, который разверзаешь противъ насъ величественныя уста, ты утонченно созерцаешь таинство едва едва въ бодрственномъ состояніи, какъ бутто сквозь сонъ и въ опьянѣломъ состояніи. Нѣкоторые порицаютъ единство, которое во Христѣ, перетолковывая его неправо, на собственный ладъ, помимо того, что̀ предложено въ священномъ Писаніи. Говорятъ, что природы взаимно раздѣлены и раздѣляются всѣми способами, та и другая существуетъ особенно и раздѣленно, а человѣкъ, спорятъ, соединенъ съ Богомъ чрезъ обитаніе, по одному достоинству, то есть, по силѣ или по извѣстному наименованію сыновства. Такія мнѣнія уничтожаетъ анаѳематство и возстаетъ противъ столь возмутительнаго пустословія. Оно утверждаетъ, что никоимъ образомъ не должно раздѣлять Слово, естественно, то есть, не по обитанію, а истинно присоединившееся къ святой плоти, имѣющей разумную душу, чтобы не изобразить двухъ сыновъ и не раздѣлить нераздѣльнаго. Но онъ, не понимая, въ чемъ состоитъ естественное единство, то есть, единство истинное, не

сливающее естествъ и не смѣшивающее такъ, чтобы тому и другому слѣдовало существовать иначе, чѣмъ тогда, употребляетъ слабое и свойственное дѣтямъ доказательство для утвержденія того, что будтобы правильно мыслитъ и говоритъ: если единство произошло естественное, то истощаніе Слова было не произвольное, а вызванное какъ-бы силою и необходимостію. Нрирода обыкновенно дѣйствуетъ принудительно. На это пусть кто нибудь скажетъ ему: голодъ, жажда и прочее, что̀ ты самъ назвалъ, суть природныя несовершенства и производятъ въ насъ движеніе, такъ какъ мы обладаемъ природою, подлежащею возбужденіямъ; божественное же и неизрѣченное естество Слова, отнюдь не подлежащее недугамъ и необходимости, ни кѣмъ ни само собой не было принуждено къ тому, чтобы противъ воли принять плоть, усвоить себѣ мѣру человѣчества и воспріять сѣмя Авраамово. Ни для кого не составитъ труда увидѣть, если захочетъ, какъ несмысленно у него сказано. Говоритъ, что природное совершенно подчинено законамъ необходимости, и въ доказательство этого приводитъ то, что мы чувствуемъ голодъ и жажду независимо отъ нашей воли, по призыву къ этому природы, хоть бы кто и не хотѣлъ. Человѣку искусному, имѣющему свѣдущій въ этихъ предметахъ умъ, слѣдо-

вало бы усматривать серьезныя вещи, стоющія большаго затрудненія. Если справедливо, что человѣкъ по природѣ разуменъ, то поэтому онъ противъ воли и по принужденію разуменъ! Что же? Скажи мнѣ, ужели Богъ не по природѣ есть Богъ, или не по природѣ святъ, праведенъ, благъ, жизнь, свѣтъ, мудрость и добро? Ужели и самъ противъ воли и по принужденію есть то̀, что̀ есть? Но я думаю, желая такъ разсуждать, надобно ясно обнаружить величайшее безуміе. Итакъ какая ложь у насъ, хоть онъ и воздвигъ непобѣдимую и неодолимую стѣну? И столько слабыя высказываетъ предположенія, и слыша, что произошло природное соединеніе, то есть, истинное, непричастное превращенію и совершенно неслiянное стеченіе субстанцій, усиливается ниспровергнуть силу сказаннаго такъ, чтобъ казалось, что не дѣйствительно произошло, но по подобію, которое беретъ отъ насъ. Дерзкій не страшится подчинять естество Слова неотразимой необходимости! Истощилъ Себя не безъ воли; но Единородный добровольно содѣлался человѣкомъ, и не такъ, какъ говоришь ты, принялъ человѣчество, даровавъ ему только обитательное соединеніе, и увѣнчавъ благодатію сыновства, какъ насъ. Итакъ хотя и прилично намъ мыслить, что соединились субстанціи, что Слово содѣлалось человѣкомъ и

воплотилось, что соединеніе, сообразно сему, называется нѣкоторымъ образомъ природнымъ, чтобъ не дать мѣста неистинному, обитательному соединенію, которое принадлежитъ намъ, какъ участникамъ божественной природы, о чемъ говоритъ Павелъ: *прилѣпляяйся Господеви, единъ духъ есть* (1 Кор. 6, 17); однакожъ Слово Божіе, чуждое и свободное отъ возбужденій, не подлежитъ необходимости и власти природы. Не хотѣть раздѣлять на двое соединенное послѣ соединенія, по моему мнѣнію, дѣло совершенно неукорительное и незаслуживающее обвиненія, тѣмъ болѣе, что этотъ добрый Өеодоритъ беретъ въ примѣръ человѣка, который даже, по нашему, мыслится какъ одинъ, и не позволяетъ дѣлить его на двое, хотя самое его разсужденіе не отвергаетъ дробленія и дѣленія на сколько нужно для того, чтобъ знать, что одно по природѣ своей есть душа, а другое по природѣ—тѣло. Итакъ чрезъ размышленіе о божествѣ и человѣчествѣ, тщательно доискиваясь единенія, въ подобномъ смыслѣ, совершившагося во Христѣ, говоримъ, что произошло истинное стеченіе въ единеніи, при чемъ не забываемъ, что Слово Божіе по природѣ есть нѣчто иное, чѣмъ плоть, и—иное плоть по своей природѣ. Не разсѣкать однажды соединенное—это еще не все; духъ истинной вѣры никому не позволяетъ

дѣлить на двухъ сыновъ единаго Христа и Сына и Господа, какъ учитъ святое и богодухновенное Писаніе. Но очевидно, что онъ мало заботится объ истинныхъ догматахъ и съ большимъ стараніемъ избѣгаетъ уразумѣть нѣчто изъ того, чтò необходимо для пользы, какъ что либо такое, чтò можетъ принесть вредъ, ложью, какъ видно, хвалится и даже чрезвычайно настроенъ къ злословію. Пусть выслушаетъ отъ насъ: *что хвáлишися во злобѣ, сильне? беззаконіе весь день, неправду умысли языкъ твой* (Пс. 51, 3. 4).

Анаѳематство 4-е.

Кто изрѣченія евангельскихъ и апостольскихъ книгъ, употребленныя святыми ли о Христѣ, или Имъ самимъ о Себѣ, относитъ раздѣльно къ двумъ лицамъ или vпостасямъ, и одни изъ нихъ прилагаетъ къ человѣку, котораго представляетъ отличнымъ отъ Слова Божія, а другія, какъ богоприличныя, къ одному только Слову Бога Отца: да будетъ анаѳема.

Возраженіе Ѳеодорита.

И это родственно тому, чтò уже сказано. Хочетъ, какъ-бы сдѣлавъ ограниченіе, не видѣть никакого различія въ словахъ евангельскихъ и апостольскихъ писаній, и это тогъ,

который, быть можетъ, хвалится тѣмъ, что ратуетъ противъ Арія и Евномія и другихъ ересіарховъ. Пусть прилежный учитель священныхъ догматовъ скажетъ, какимъ образомъ онъ обличаетъ богохульство еретиковъ, въ то время, какъ усвояетъ Богу Слову тò, чтò смиренно и прилично сказано о образѣ раба? Допуская это, они установляютъ догматъ, что Сынъ Божій есть меньшій и твореніе и созданіе и рабъ и принадлежитъ къ несуществующему. И такъ мы мыслящіе не тò, чтò они, исповѣдуя, что Сынъ Отца сосуществуетъ и совѣченъ Богу, художникъ и творецъ всего, украситель, кормчій и правитель, во всемъ премудръ и всемогущъ, утверждая даже, что Онъ есть само могущество, сама жизнь и сама премудрость, кому мы припишемъ слѣдующее: *Боже мой, Боже мой, вскую мя оставилъ еси* (Мѳ. 27, 46)? еще: *Отче мой, аще возможно есть, да мимо идетъ отъ мене чаша сія* (Мѳ. 26, 39); и еще: *Отче, спаси мя отъ часа сего* (Іоан. 12, 27); *О дни же томъ, или о часѣ, никтоже вѣсть, ни ангели, иже суть на небесѣхъ, ни Сынъ, токмо Отецъ* (Марк. 13, 32), и все прочее, чтò сказано самимъ Имъ, или святыми апостолами сказано и написано смиренно? Кому припишемъ голодъ и жажду? Кому бодрствованіе и сонъ, невѣдѣніе и страхъ? Кто нуждался въ

помощи ангеловъ? Если это свойства Бога Слова, то какимъ образомъ Онъ называется мудростію и мудрость обнаруживаетъ невѣдѣніе? Еще почему носитъ имя премудрости, коль скоро подверженъ немощи невѣдѣнія? Какимъ образомъ будетъ истиненъ, когда говоритъ, что имѣетъ все, что̀ имѣетъ Отецъ, и не имѣетъ вѣдѣнія Отца? *О дни же томъ* (*и часъ*) *никтоже вѣстъ, ни ангели небесніи, токмо Отецъ мой единъ* (Мѳ. 24, 36). Какимъ образомъ будетъ неизмѣнный образъ Отца, когда не все имѣетъ, что̀ имѣетъ Отецъ? Итакъ если истиненъ былъ говорившій, что онъ не знаетъ, то кто бы могъ думать объ немъ это? А если и зная день, говорилъ, что не знаетъ его, то смотри, къ какому богохульству должно привести соединеніе, какъ (обманываетъ) истина, незаслуженно называемая истиною, если заключаетъ въ себѣ что нибудь противное истинѣ? А если не обманываетъ истина, то Слово Божіе не незнаетъ день, который само сотворило, и въ который имѣетъ судить вселенную; но имѣетъ вѣдѣніе Отца, какъ непреложный образъ. Такимъ образомъ невѣдѣніе принадлежитъ не Богу Слову, но образу раба, который лишь настолько имѣлъ знанія, сколько открывало обитающее въ немъ божество. Это же должно сказать и о прочемъ, подобномъ тому. Сообразно ли съ здравымъ

смысломъ, чтобы Богъ Слово могъ сказать Отцу: *Отче, аще возможно есть, да мимо идетъ отъ меня чаша сія: обаче не якоже азъ хощу, но якоже Ты* (*Господи*) (Мө. 26, 39). Ибо здѣсь опять встрѣчается много несообразнаго. И во-первыхъ то, что несогласны будутъ Отецъ и Сынъ, одного хочетъ Отецъ, другаго хочетъ Сынъ: *обаче не якоже азъ хощу, но якоже Ты* (*Господи*). Далѣе большое невѣдѣніе въ Сынѣ. Онъ не знаетъ, возможно ли, или не возможно, чтобъ миновала чаша. А сказать это о Богѣ Словѣ вполнѣ нечестиво и богохульно. Тотъ, который затѣмъ и пришелъ, и добровольно воспріялъ нашу плоть, кто истощилъ Себя, Тотъ зналъ въ совершенствѣ, какой долженствовалъ быть конецъ домостроительственной тайнѣ; потому и святымъ апостоламъ предсказывалъ: *се восходимъ во Іерусалимъ, и Сынъ человѣческій преданъ будетъ..... языкомъ на поруганіе и біеніе и пропятіе, и въ третій день воскреснетъ* (Мө 20, 18, 19). Кто предсказалъ это прежде, и возбранялъ Петру, молящему, чтобъ этого не было,— какимъ образомъ Онъ молился, чтобъ этого не было, если въ совершенствѣ зналъ все, имѣющее случиться. Ужели не странно: Авраамъ за много вѣковъ предвидѣлъ день этотъ и возрадовался, подобно и Исаія предсказалъ спасительное Его страданіе, Іеремія также,

Даніилъ, Захарія и весь ликъ пророковъ, а самъ Онъ не знаетъ, проситъ избавленія и молится, чтобъ служить спасенію міра? Слѣдственно эти слова относятся не къ Богу Слову, а къ образу раба, который боялся смерти, потому что смерть не была еще сокрушена. Дозволивъ страхъ, Богъ Слово допускаетъ этому образу говорить такія слова, чтобъ намъ не принять его за естество Отца и происшедшаго отъ Авраама и Давида не заподозрить какъ мечту или фантазію, какъ предположила жалкая толпа нечестивыхъ еретиковъ. Итакъ что̀ сказано и произошло приличное Богу, то̀ мы припишемъ Богу Слову, что̀ же сказано и совершилось смиренно, мы усвоимъ образу раба, чтобъ не заболѣть недугомъ богохульства, какъ Арій и Евномій.

Защищеніе Кирилла.

Какъ было бы хорошо, еслибъ умъ твой, свободный отъ ненависти и страстей, отыскалъ истину въ нашихъ словахъ! Но онъ не заботится объ томъ и опять направляетъ это къ тому же, что̀ ему нравится. Ибо говоритъ: и это подобно тому, что̀ уже было сказано; хочетъ, какъ-бы сдѣлавъ ограниченіе, не видѣть никакого различія въ словахъ апостольскихъ и евангельскихъ Писаній, и это тотъ, который, быть можетъ, хвалится тѣмъ, что ратуетъ

противъ Арія, Евномія и другихъ ересіарховъ. Это онъ; я же говорю, что я настолько же далекъ отъ того, чтобъ говорить, что природы взаимно ограничивали одна другую, что допущено смѣшеніе, сліяніе или превращеніе, насколько онъ далекъ отъ истиннаго образа мыслей. Мы не устраняемъ различнаго образа выраженій; знаемъ, что нѣкоторыя изъ нихъ таковы, что говорятъ прилично о Богѣ, другія приспособлены къ человѣческой природѣ; первыя соотвѣтствуютъ великой славѣ, послѣднія же мѣрѣ истощанія. Повторяемъ, что ихъ мы не распредѣляемъ между двумя лицами, во всѣхъ отношеніяхъ различными одно отъ другаго. Если единъ есть Господь нашъ Іисусъ Христосъ и едина вѣра въ Него и едино крещеніе, то одно должно быть и лице у него, какъ у одного. Поелику Богъ есть и человѣкъ вмѣстѣ, и Онъ обнаруживаетъ себя даже безъ укоризны, потому что самъ употребляетъ слова, или достойныя Бога, или приличныя человѣку: то божественное и неизрѣченное естество ни въ какомъ отношеніи не уменьшается, сравнительно съ Отцемъ, изъ за того, что говорится объ ней мыслимое о человѣчествѣ, не отрицается вѣра въ домостроительство съ плотію отъ проповѣданія, что Богъ, съ тѣмъ, что̀ Онъ есть по божеству, сдѣлался вмѣстѣ и человѣкомъ, подобнымъ намъ. Итакъ все при-

надлежитъ одному Христу—и то̀, что̀ приличествуетъ Богу, и то̀, что̀ относится къ человѣчеству. Если Слово, происходящее отъ Бога Отца, не сдѣлалось человѣкомъ, то не должно говорить о Немъ человѣчески, какъ объ насъ. А если истинно, что Богъ сдѣлался причастнымъ плоти и крови, подобно намъ, и во всемъ уподобился братіи (Евр. 2, 12. 14), то есть, намъ: то зачѣмъ такъ неразумно порицаютъ премудрое домостроительство, отказывая въ человѣческомъ названіи, и скромность рѣчи, говорящей о домостроительствѣ, усиливаясь разумѣть о другомъ отдѣльномъ отъ Сына, о образѣ раба, какъ говорятъ они сами? Вполнѣ неразумно дѣлать видъ, что боятся безумства еретиковъ, и въ тоже время дозволять себѣ понимать преданіе истинной вѣры внѣ благоприличнаго смысла. Лучше и разумнѣе будетъ, если сказать, что человѣческія названія приписываются не другому лицу, мыслимому особенно и отдѣльно отъ Сына, и, какъ у нихъ принято говорить, образу раба, а преимущественно мѣрѣ человѣчества Его. Ибо Тому, кто Богъ и человѣкъ вмѣстѣ, должно приписывать оба рода названій. Но я дивлюсь, какимъ образомъ онъ (Θеодоритъ) и самъ представляется исповѣдающимъ единаго Христа, который есть Богъ и человѣкъ вмѣстѣ, и несмотря на то, какъ-бы вдругъ позабывши то,

что, полагаемъ, хорошо знаетъ, снова дѣлитъ одного на двое. Ибо предлагаетъ слова: о дни же томъ, или о часѣ, никтоже вѣсть, ни ангели, иже суть на небесѣхъ, ни Сынъ, токмо Отецъ (Марк. 13, 32). Далѣе присовокупляетъ, что Слово, рожденное отъ Бога Отца, есть премудрость, которая должна предузнавать все будущее, и говоритъ: «итакъ невѣдѣніе принадлежитъ не Богу Слову, по образу раба, который настолько имѣлъ вѣдѣнія въ то время, насколько открывало ему обитающее въ немъ божество. Это же должно сказать и о прочемъ, подобномъ тому» Итакъ ежели не лжешь, говоря, что единъ есть Господь и Іисусъ Христосъ, то зачѣмъ раздѣляешь и не стыдишься называть двухъ сыновъ? Не ясно ли произойдутъ два, если тотъ, кто имѣетъ ограниченное знаніе, не одно и тоже съ тѣмъ, кто знаетъ все, если кто совершенъ въ премудрости, и знаетъ столькоже, сколько Отецъ, не одно и тоже съ получающимъ откровеніе по частямъ? И если есть единъ, единъ по причинѣ истиннаго соединенія и нѣтъ другаго въ отдѣльности, особности, то выходитъ, что ему принадлежитъ знаніе и видъ незнанія. Итакъ знаетъ самъ по божеству, какъ премудрость Отчая; но ставши подъ уровень невѣдущаго человѣчества, домостроительственно совершаетъ то, что свойственно и другимъ, хотя, какъ я сказалъ преж-

де, нѣтъ ничего, чего бы Онъ не зналъ, но все знаетъ съ Отцемъ. Ибо зачѣмъ Онъ называется чувствующимъ голодъ (Матѳ. 4, 3), утрудившимся отъ пути (Іоан. 4, 6), коль скоро самъ есть жизнь и Богъ животворящій, самъ есть хлѣбъ живый, сходящій съ небеси и дающій жизнь міру и наконецъ самъ Владыка добра (Іоан. гл. 6)? Затѣмъ, чтобы вѣровали, что Онъ по-истинѣ содѣлался человѣкомъ, воспріялъ Себѣ человѣческое, имѣетъ постоянное пребываніе въ совершенствахъ своего естества и безразлично содержитъ то, въ чемъ всегда былъ, есть и будетъ. Кто сказалъ, что откровеніе дано природѣ раба обитающимъ въ ней Богомъ, притомъ откровеніе ограниченное, тотъ уже превращаетъ Еммануила въ пророка нашего, богоноснаго человѣка и нѣчто другое. Далѣе думаетъ, будто говоритъ нѣчто остроумное и неопровержимое: «если Божіе Слово восклицаетъ»,—говоритъ онъ,—«Отче, аще возможно есть, *да мимо идетъ отъ мене чаша сія*: то во-первыхъ Оно разногласно съ Отцемъ и неправедно молится о томъ, чтобъ не пить чаши, зная, что Его страданія принесутъ спасеніе міру». Итакъ пусть и отъ насъ выслушаетъ въ свою очередь блуждающій въ непотребныхъ умствованіяхъ: поелику ты думаешь, что должно удалять отъ Бога Слова такія выраженія и усвоять ихъ одной

природѣ раба, то не дробишь ли снова одного на двухъ сыновъ? И кто изъ людей умныхъ не сознаетъ очевидности этого? Можетъ быть кто либо, раздѣляющій твои умствованія, скажетъ, что невѣроятно и несообразно съ здравымъ смысломъ, чтобы образъ раба избѣгалъ страданія и казался въ противорѣчіи Отцу или даже обитающему въ этомъ образѣ Слову. Думаю, что Онъ зналъ, что страданіе Его спасительно для всего небеснаго и земнаго, и принесетъ жизнь тѣмъ, которые подчинены смерти. Говоритъ, должно было здраво взглянуть на объятаго великимъ страхомъ и готоваго повиноваться божественному мановенію. Скажи пожалуй, ужели ты не чувствуешь, что безразсудно пустословишь? Что значитъ эта нелѣпая неосновательность мыслей? Я безъ замедленія сказалъ бы, что малозначительно въ Словѣ, рожденномъ отъ Бога, все человѣческое. Я спрошу, кому принадлежитъ истощаніе и кто понесъ его добровольно? Ибо если, какъ они говорятъ, природа раба, которая происходитъ отъ сѣмени Давидова: то какимъ образомъ или при какомъ условіи дошла она до истощанія, ежели была воспринята Богомъ? Если же называется истощившимся Слово, которое существуетъ въ одномъ образѣ и равенствѣ съ Богомъ Отцемъ: то опять какимъ образомъ или по какому условію истощилось, если из-

бѣгало истощанія? Приписывать истощаніе Богу Слову, который не знаетъ превращенія или страданія,—значитъ заключать и говорить нѣчто о человѣкѣ, по домостроительственному присоединенію къ плоти. Хотя Онъ и сдѣлался человѣкомъ, однакожъ сущность таинства никакимъ образомъ не вредитъ Его природѣ. Онъ пребываетъ тѣмъ же, чѣмъ былъ, даже и отдаваясь человѣчеству для спасенія и жизни міра. Поэтому, относя евангельскія и святыхъ апостоловъ слова не къ двумъ лицамъ, но къ единому Христу и Сыну и Богу, мы и не уменьшаемъ божественное Его естество и славу, ради Его человѣчества, и не отвергаемъ домостроительства, но вѣруемъ въ воплощеніе самого Слова, ради насъ совершившееся.

Анаѳематство 5-е.

Кто дерзаетъ называть Христа человѣкомъ Богоноснымъ, а не, лучше, Богомъ истиннымъ, какъ Сына единаго (со Отцемъ) по естеству, такъ какъ Слово стало плотію и приблизилось къ намъ, воспріявъ нашу плоть и кровь: да будетъ анаѳема.

Возраженіе Ѳеодорита.

Мы говоримъ, что Слово Божіе, подобно намъ, содѣлалось причастнымъ плоти и крови и души безсмертной, по единенію съ ними. Но

что бы Богъ Слово содѣлался плотію чрезъ нѣкоторое превращеніе, этого мы не только не говоримъ, но и обвиняемъ въ нечестіи тѣхъ, которые говорятъ это. А сіе, кажется, противно и этимъ словамъ. Ибо если Слово превратилось въ плоть, то не пріобщилось нашей плоти и крови. А если присоединилось къ плоти и крови, то какимъ образомъ иначе, а не такъ, Оно присоединилось? А если плоть есть нѣчто иное, чуждое Его состава, то Онъ не превратился въ плоть. Такимъ образомъ, употребляя слово пріобщеніе, мы боготворимъ Сына, какъ единаго, боготворимъ и воспринявшаго и воспринятое въ Немъ; но помнимъ разность естествъ и не избѣгаемъ называть его богоноснымъ человѣкомъ, какъ и называется Онъ у многихъ изъ святыхъ отцевъ, изъ коихъ напримѣръ употребилъ это имя святый Василій великій въ словѣ къ Амфилохію о Святомъ Духѣ и въ изъясненіи 59 псалма. Называемъ же богоноснымъ человѣкомъ не въ томъ смыслѣ, что Онъ принялъ какую нибудь частную благодать, а въ томъ, что всецѣло обладаетъ единымъ божествомъ Сына. Изъясняя это, блаженный Павелъ говорилъ: *братіе, блюдитеся, да никтоже васъ будетъ прелщая философіею и тщетною лестію, по преданію человѣческому, по стихіямъ міра, а не по Христѣ: яко въ томъ*

живетъ всяко исполненіе божества тѣлеснѣ (Кол. 2, 8. 9).

Защищеніе Кирилла.

Опять весьма легко показать, какъ безпутно онъ здѣсь пустословствуетъ. Мы говоримъ, не должно называть Христа Богоноснымъ человѣкомъ, чтобы не представлять Его, какъ одного изъ святыхъ, но Богомъ истиннымъ, вочеловѣчившимся и воплотившимся Словомъ Божіимъ. Опять преслѣдуетъ то̀, что̀ сказано справедливо, и на разные лады говоритъ необыкновенное и лживое. Говоритъ, что мы называемъ Божіе Слово превратившимся въ естество плоти и выкапываетъ основанія, коими усиливается показать, что Божіе Слово исключаетъ превращеніе. Я по необходимости долженъ сказать здѣсь то̀, что̀ весьма часто говорилъ. Такъ какъ никто не говоритъ, что божественная и невредимая природа Слова преобразовалась въ земную плоть, а всѣ единогласно исповѣдуютъ, что она неспособна къ превращенію: то напрасный поднимаете вы на себя трудъ, чтобъ научить чуждыхъ обольщенія, что Слово Божіе по природѣ своей непревратимо и неизмѣнимо. Кто будетъ столько несмысленъ и безуменъ, что захочетъ вѣрить и говорить столь гнусное и, быть можетъ, презираемое самыми несмысленными? Я

не понимаю, какимъ образомъ обвиняется въ томъ, что ставитъ Еммануила подъ одинъ уровень съ пророками, обвиняется тотъ, кто повсюду говоритъ, что Еммануилъ есть Богъ. Онъ называетъ Его (Сына) Богоноснымъ человѣкомъ, который подобенъ намъ, носящимъ въ себѣ обитающаго Духа Святаго и Бога всяческихъ. Ибо (Духъ) обитаетъ въ сердцахъ нашихъ и мы—храмы Бога живаго. И не будетъ говорить, что Слово стало человѣкомъ и думать, что Богъ обитаетъ въ человѣкѣ. И хотя истинно слово блаженнаго Павла: *яко въ томъ живетъ всяко исполненіе божества тѣлеснѣ* (Кол. 2, 8), разумѣется, не чрезъ обитаніе; однакожъ онъ говоритъ, что *единъ Богъ Отецъ, и единъ Господь Іисусъ Христосъ, имже вся* (1 Кор. 8, 6). Кромѣ этого скажетъ кто нибудь, что даже въ человѣкѣ живетъ духъ его, почему и написано объ нѣкоторыхъ: *живущихъ же въ бренныхъ храминахъ* (Іов. 4, 19), въ числѣ коихъ и мы сами обитаемъ въ подобной же храминѣ; но вѣдь человѣкъ мыслится и на самомъ дѣлѣ есть одинъ по причинѣ устройства своего изъ плоти и разумной души, въ ней обитающей. Итакъ отъ чего не перестаетъ поносить правое и отнюдь непревратное ученіе вѣры? Иногда называетъ единымъ Христомъ и Сыномъ и Господомъ Богомъ и человѣкомъ вмѣстѣ;

иногда же, давая Ему мѣру пророковъ, называетъ богоносныъ человѣкомъ, быть можетъ не зная, что тѣмъ равняетъ его съ нами, если, то есть, Онъ не есть во-истину Богъ, а храмъ, въ которомъ обитаетъ Богъ Слово, подобно какъ въ насъ. Но божественное Писаніе говоритъ иначе: *Слово плоть бысть*, говоритъ оно, *и вселися въ ны* (Іоан. 1, 14), чтобы кто не сталъ думать, что Онъ преобразовался въ природу плоти по превращенію и перемѣненію. А коль скоро сталъ плотію, то есть, человѣкомъ, не есть уже богоносный человѣкъ, но Богъ, по своему изволенію предающій Себя истощанію, и принимающій въ собственность плоть, занятую отъ жены, плоть, говорю, не чуждую души и ума, но обладающую душею и разумомъ. Мы знаемъ, что Онъ называлъ тѣло свое храмомъ, но не по обитанію, какое напримѣръ основалъ въ насъ чрезъ Святаго Духа,—а исповѣдуется, по причинѣ единенія, какъ единый Христосъ, Сынъ и Господь.

Анаѳематство 6-е.

Кто дерзаетъ говорить, что Слово Бога Отца есть Богъ или Владыка Христа, а не исповѣдуетъ, лучше, Его же самого Богомъ и вмѣстѣ человѣкомъ, такъ какъ по писаніямъ (Іоан. 1, 14) Слово стало плотію: да будетъ анаѳема.

Возраженіе Θеодорита.

Блаженный Павелъ говоритъ, что природа раба воспринята Словомъ Божіимъ; но поелику воспріятіе предшествуетъ единенію, то блаженный Павелъ, различая эти понятія, называетъ образъ раба природою воспринятою; имя рабства не имѣетъ мѣста въ происшедшемъ соединеніи. Въ посланіи къ вѣрующимъ въ Него, апостолъ говорилъ: *тѣмже убо нѣси рабъ, но сынъ* (Гал. 4, 7), и Господь ученикамъ: *не ктому васъ глаголю рабы...... васъ же рекохъ други* (Іоан. 15, 15); тѣмъ болѣе свободенъ отъ рабства первенецъ нашей природы, чрезъ котораго и мы достигли дара усыновленія. Итакъ исповѣдуемъ Бога и самый образъ раба, по причинѣ присоединенія его къ самому Богу; и вѣруемъ слову пророка, называющаго еще младенца Еммануиломъ, и рожденнаго отрока Ангеломъ великаго совѣта, Чуднымъ, Совѣтникомъ, Богомъ крѣпкимъ, Властелиномъ, Княземъ мира и Отцемъ будущаго вѣка (Иса. 7, 14. 9, 6). Однакожъ, проповѣдуя воспріятіе природы послѣ соединенія, пророкъ называетъ рабомъ того, кто произошелъ отъ сѣмени Авраамова, и такъ говоритъ: *рабъ мой еси ты, Израилю, и въ тебѣ прославлюся* (Иса. 49, 3), и опять: *тако глаголетъ Господь, создавый мя отъ чрева раба себѣ* (5), и немного спустя: *дахъ тя въ завѣтъ рода* (израилева),

во свѣтъ языкомъ, еже быти тебѣ во спасеніе, даже до послѣднихъ земли (6). А то̀, что̀ образовалось во чревѣ, то̀ не есть Богъ Слово, но образъ раба. Ибо Богъ Слово сталъ плотію не чрезъ превращеніе, но чрезъ воспріятіе плоти, одаренной разумною душою.

Защищеніе Кирилла.

Таинство домостроительства Единороднаго съ плотію здѣсь также неменѣе оградитъ слова сказанныя нами выше, и покажетъ ихъ сообразность и разумность, и это легко. Ибо единородный Сынъ, сущій въ образѣ Бога Отца, равный Ему во всемъ, во славѣ и свободѣ, называется, по воспріятіи природы раба, братомъ тѣмъ, которые были подъ игомъ рабства, то есть, братомъ намъ. Такимъ образомъ, какъ одинъ изъ насъ, Онъ отдалъ дидрахму требующимъ дани и былъ подъ закономъ, какъ человѣкъ (Мѳ. 17, 24—27), будучи законодателемъ по божеству, и училъ своихъ учениковъ: хотя по естеству своему былъ свободенъ, какъ Богъ и отъ Бога, потому что во-истину есть Сынъ и въ образѣ раба по плоти. Однакожъ почитая, по причинѣ истощанія, образъ раба какъ-бы своею собственностію, подчинялся сборщикамъ податей. Такимъ образомъ, если кто скажетъ, что Онъ называется рабомъ по словамъ пророковъ, то оскорбляться этимъ никонмъ об-

разомъ неприлично. Ибо они знали чрезъ откровеніе Святаго Духа, что Слово, сущее отъ Бога Отца, содѣлавшись человѣкомъ, съ одной стороны было такъ свободно, какъ Сынъ, и съ другой стороны не отвращалось мѣры истощанія, сообразуясь съ игомъ нашего рабства. Такъ и Бога называетъ своимъ Отцемъ, хотя по естеству и самъ собою былъ Богъ и никоимъ образомъ не менѣе Отца по величію. Итакъ когда Несторій слѣдующее писалъ о Христѣ: «но столько пострадавшій милосердый первосвященникъ—не Богъ, воскреситель того, кто пострадалъ», и Слово Божіе называлъ Богомъ Христа, присовокупляя при этомъ: «былъ и младенецъ и Господь младенца»: то мы утверждаемъ, что его рѣчи не только безобразны, но и въ высшей степени нечестивы. Ибо если Слово, которое отъ Бога, есть Богъ Христа, то, во всякомъ случаѣ и безъ всякаго сомнѣнія, выйдутъ два. А какъ представить младенца и вмѣстѣ Господа младенца. Итакъ не слѣдуетъ говорить, что Еммануилъ есть Богъ и Господь самъ Себѣ, коль скоро Онъ въ одно и тоже время Богъ и человѣкъ, съ тѣхъ поръ, какъ Слово Божіе воплотилось и вочеловѣчилось. Когда же кто станетъ сомнѣваться, что божество есть нѣчто иное по своему естеству, и нѣчто другое—человѣчество по своему естеству? Не смотря на то, оба естества—божество

и человѣчество составляютъ одного Христа по единенію домостроительственному.

Анаѳематство 7-е.

Кто говоритъ, что Іисусъ какъ человѣкъ былъ орудіемъ дѣйствій Бога Слова и окруженъ славою Единороднаго, какъ существующій отдѣльно отъ Него: да будетъ анаѳема.

Возраженіе Ѳеодорита.

Если природа человѣческая смертна, а Богъ Слово, будучи жизнь и податель жизни, возстановило и вознесло на небеса храмъ, разрушенный іудеми: то какъ образъ раба не прославляется чрезъ образъ Божій? Если смертная природа сдѣлалась безсмертною чрезъ единство съ Богомъ Словомъ, то она получила то, чего не имѣла. Если же получила то, чего не имѣла, и прославлена, то прославлена тѣмъ, отъ кого получила это. Потому и апостолъ восклицаетъ: *кое преспѣющее величество силы Его въ насъ вѣрующихъ по дѣйству державы крѣпости Его, юже содѣя о Христѣ, воскресивъ Его отъ мертвыхъ* (Еф. 1, 19. 20).

Защищеніе Кирилла.

Тѣ, которые называютъ Христа, выражаютъ тѣмъ не то, что Онъ есть подобный намъ, обыкновенный человѣкъ, но что Онъ есть во-

человѣчившееся и воплотившееся Слово, рожденное отъ Бога; и потому, если говорится, что Онъ совершилъ что либо приличное преимущественно Богу, чрезъ свое тѣло, которое сдѣлалъ своимъ служебнымъ органомъ: то тѣмъ неменѣе дѣйствіе принадлежитъ Христу, самому Господу добра, не уступающему другому это дѣйствіе; такъ какъ Онъ далъ власть блаженнымъ апостоламъ противъ духовъ нечистыхъ, власть изгонять ихъ и исцѣлять всякій недугъ и всякую язву въ народѣ. Поэтому блаженный Павелъ говоритъ: *не смѣю бо глаголати, что, ихже не содѣя Христосъ мною, въ послушаніе языковъ, словомъ и дѣломъ, въ силѣ знаменій и чудесъ, силою Духа Божія* (Римл. 15, 18. 19. Блаженные ученики нѣкогда съ радостію приступили ко Христу и говорили: *Господи, и бѣси повинуются намъ о имени твоемъ* (Лук. 10, 17). Говоримъ, что святые люди были подвигнуты къ дѣйствованію Христомъ въ духѣ; но Іисусъ, мыслимъ, не такъ былъ возбужденъ въ Духѣ Словомъ къ дѣйствованію, какъ будто бы былъ другой сынъ, кромѣ Единороднаго отъ Отца. Единеніе показало одного, и потому мы остерегаемся дѣлить Его на двухъ. Ибо хотя, по Писанію, Слово стало плотію; однакожъ, по истинному единству, которое превышаетъ и разумъ и слово, есть такой единородный Сынъ. Итакъ

одинъ и единый Христосъ Іисусъ чрезъ тѣло свое, какъ чрезъ органъ, совершалъ Божіи велѣнія, но силу совершенія получилъ не по подобію святыхъ. Говорить это было бы нечестиво и весьма непристойно. Если, будучи жизнію и жизнеподателемъ, Онъ воскресилъ тѣло свое отъ мертвыхъ и прославилъ Себя самого, показавъ свое животворящее естество: то и не предоставилъ никому другому, кромѣ Себя, славу совершенія своего дѣла. И такъ говорилъ Богу Отцу, который на небесѣхъ: *Отче, прослави Мя славою, юже имѣхъ у Тебе прежде міръ не бысть* (Іоан. 17, 5), хотя былъ Богъ и отъ Бога по естеству и Владыка славы. Потомъ какимъ образомъ, будто нуждаясь въ славѣ, проситъ славу, которую имѣлъ прежде міръ не бысть? Потому, что сталъ человѣкомъ и по благоволенію Божію за всѣхъ вкусилъ смерть по плоти (Евр. 2, 9), по словамъ блаженнаго Павла; отсюда, какъ-бы предотвращая поношеніе безчестія, предсказалъ свое воскресеніе, по которому и познается нами, какъ животворящій, и вѣруемъ въ Него, какъ въ Бога. Итакъ прославилъ не иного кого нибудь, но Себя самого, когда присоединенный къ себѣ храмъ по-истинѣ сдѣлалъ превосходнѣйшимъ чрезъ смерть. Что же до вѣры въ то, что присоединенное къ Нему тѣло не чуждо души и ума, но имѣетъ душу

и тѣло, то объ этомъ мы говорили весьма часто.

Анаѳематство 8-е.

Кто дерзаетъ говорить, что воспринятому (Богомъ) человѣку должно покланяться вмѣстѣ съ Богомъ Словомъ, должно Его прославлять вмѣстѣ съ Нимъ и вмѣстѣ называть Богомъ, какъ одного въ другомъ (ибо такъ думать заставляетъ постоянно прибавляемая частица— συν *вмѣстѣ съ*), а не чтитъ Еммануила единымъ поклоненіемъ и не возсылаетъ Ему единаго славословія, такъ какъ Слово стало плотію: да будетъ анаѳема.

Возраженіе Ѳеодорита.

Я говорилъ часто, что мы одно усвоили прославленіе Христу Господу и исповѣдуемъ Его Богомъ и вмѣстѣ человѣкомъ. Ибо этому научаетъ смыслъ единства; но говорить объ особенности естествъ мы не перестанемъ. Ибо ни Богъ Слово не потерпѣлъ превращенія въ плоть, ни человѣкъ переставъ быть тѣмъ, чѣмъ былъ, не преобразовался въ естество божественное. Такимъ образомъ мы покланяемся Господу Христу, признавая въ Немъ разности того и другаго естества.

Защищеніе Кирилла.

Но мы, превосходный мужъ, привыкшіе вѣрить въ лучшее и истиннѣйшее, прилагая тонкую проницательность къ тщательному уясненію и познанію сего таинства, согласно тому, что представляется въ священномъ Писаніи и объясненіяхъ на оное у святыхъ отцевъ, говоримъ, что не человѣкъ воспринятъ Богомъ Словомъ и присоединенъ къ нему чрезъ нѣкоторое внѣшнее отношеніе, но опредѣляемъ, что Онъ (Богъ Слово) сталъ человѣкомъ, и что по этой причинѣ удалились отъ благочестія догматовъ тѣ, которые отваживаются называть человѣка воспринятымъ и утверждать, что онъ спокланяемъ Сыну Божію, какъ особый особому. Если Онъ есть Богъ и человѣкъ вмѣстѣ, и поклоненіе Ему, какъ одному, единое, а не сопокланяется (только) и не соименуется Богу, то не должно вѣрить, что Еммануилъ есть простой и подобный намъ человѣкъ, лишь по благодати причастный божественной славѣ; но должно исповѣдывать, что Онъ есть Богъ во плоти ради насъ, то есть, сталъ человѣкомъ не чрезъ измѣненіе естества по отчужденію отъ него или преложенію, но единственно чрезъ строительство единенія.

Анаѳематство 9-е.

Кто говоритъ, что единый Господь Іисусъ Христосъ прославленъ Духомъ, въ томъ смыслѣ, что пользовался чрезъ Него какъ-бы чуждою силою и отъ Него получилъ силу побѣждать нечистыхъ духовъ и совершать въ людяхъ божественныя знаменія, а не почитаетъ собственнымъ Его Духомъ, чрезъ котораго Онъ совершалъ чудеса: да будетъ анаѳема.

Возраженіе Ѳеодорита.

Очевидно, онъ предпринялъ предать анаѳемѣ не только тѣхъ, которые нынѣ благочестиво мыслятъ, но даже тѣхъ, которые были въ древнія времена провозвѣстниками истины, даже самихъ евангелистовъ, ликъ святыхъ апостоловъ и архангела Гавріила. Ибо онъ первый провозвѣстилъ, что Христосъ, который является во плоти, раждается отъ Святаго Духа, и такъ еще прежде зачатія, какъ и послѣ зачатія, училъ Іосифа. На вопросъ Маріи: *како будетъ сіе, идѣже мужа не знаю?*— онъ говорилъ: *Духъ Святый найдетъ на тя, и сила Вышняго осѣнитъ тя: тѣмъже и раждаемое свято, наречется Сынъ Божій* (Лук. 1, 35. 36). Іосифу сказалъ: *не убойся пріяти Маріамъ жены твоея: рождшеебося въ ней отъ Духа есть Свята* (Матѳ. 1, 20). Евангелистъ: *обрученнѣй бо бывши*

матери Его Маріи Іосифови, обрѣтеся имущи во чревѣ отъ Духа Свята (18). И самъ Господь, пришедши въ іудейскую синагогу и взявъ книгу пророка Исаіи, когда прочиталъ то мѣсто у него, гдѣ говорится: *Духъ Господень на мнѣ, егоже ради помаза мя* и прочее, присовокупилъ: *днесь сбыстся писаніе сіе во ушію вашею* (Лук. 4, 21). Да и блаженный Петръ въ бесѣдѣ съ іудеями свидѣтельствуетъ это: *Іисуса, иже отъ Назарета, яко помаза Его Богъ Духомъ Святымъ* (Дѣян. 10, 38). Исаія еще задолго изрекъ такое пророчество: *изыдетъ жезлъ изъ корене Іессеова, и цвѣтъ отъ корене его взыдетъ: и почіетъ на немъ Духъ Божій, Духъ премудрости и разума, Духъ совѣта и крѣпости, Духъ вѣдѣнія и благочестія; и исполнитъ Его Духъ страха Божія* (Ис. 11, 1—3); и опять: *Іаковъ отрокъ мой, воспріиму и: Израиль избранный мой, пріятъ его душа моя, дахъ Духъ мой нань, судъ языкомъ возвѣститъ* (42, 1). Это свидѣтельство и евангелистъ привелъ въ своемъ писаніи. И самъ Господь въ евангеліи говоритъ іудеямъ: *аще ли же о перстѣ Божіи изгоню бѣсы, убо постиже на васъ царствіе Божіе* (Лук. 11, 20); и Іоаннъ: *пославый мя крестити водою, той мнѣ рече: надъ Негоже узриши Духа сходяща и пребывающа*

на немъ, той есть крестяй Духомъ Святымъ (Іоан. 1, 33). Такимъ образомъ этотъ тонкій изслѣдователь священныхъ догматовъ не пророковъ только и апостоловъ, не одного архангела Гавріила предаетъ анаѳемѣ, но простираетъ богохульство на самого Спасителя всѣхъ. Мы показали, что и самъ Господь послѣ изрѣченія: *Духъ Господень на мнѣ, Егоже ради помаза мя*, сказалъ: *днесь сбыстся писаніе сіе во ушію вашею*; теперь опять говоритъ, что о Духѣ Святомъ изгоняетъ демоновъ, когда нѣкоторые говорили, что Онъ изгоняетъ ихъ силою Веельзевула. Мы не говоримъ, что Богъ Слово, сосущественный и совѣчный Отцу, образованъ (во чревѣ Маріи) и соединенъ Духомъ Святымъ, но что въ послѣдніе дни Онъ воспринялъ человѣческое естество. Что до того, свойственъ ли Духъ Сыну, то, если онъ (Кириллъ) говоритъ, что (Духъ) одного съ Нимъ (Сыномъ) естества и отъ Отца происходитъ, то мы исповѣдуемъ это вмѣстѣ съ нимъ и пріемлемъ, какъ благочестивое слово. Если жъ говоритъ, что Онъ отъ Сына и чрезъ Сына имѣетъ бытіе, то это отвергаемъ, какъ богохульное и нечестивое. Ибо вѣруемъ словамъ Господа: *Духъ, иже отъ Отца исходитъ* (Іоан. 15, 26) и подобнымъ же словамъ святаго Павла: *мы же не*

духа міра сего пріяхомъ, но Духа, иже отъ Бога (1 Кор. 2, 12).

Защищеніе Кирилла.

Я уже сказалъ, что сила главъ (XII) ниспровергаетъ и пустословіе и богохульство и въ высшей степени презрительныя слова Несторія. Ибо по поводу словъ о Святомъ Духѣ: «это тотъ, кто доставилъ Христу такую славу, кто содѣлалъ Его страшнымъ для демоновъ, кто даровалъ Ему восшествіе на небеса»—по поводу такого суемудрія о Христѣ, какъ о какомъ либо подобномъ намъ, обыкновенномъ человѣкѣ, необходимо провозглашена анаѳема—не противъ тѣхъ, которые называютъ Іисуса прославленнымъ отъ Духа Святаго, то есть, вочеловѣчившимся Словомъ Божіимъ, но противъ тѣхъ, которые безстыдно говорятъ, что Онъ чрезъ Духа пользовался какъ-бы постороннею силою. Помнимъ, что Онъ ясно сказалъ о Святомъ Духѣ: *Онъ Мя прославитъ* (Іоан. 16, 14). Знаемъ при этомъ, что дѣйствіемъ Духа Святаго Онъ попиралъ лукавыя и нечистыя силы, но не такъ говоримъ объ Немъ, какъ о комъ либо изъ святыхъ, пользующимся силою Святаго Духа, совершенно постороннею для него. Ибо Духъ былъ и есть *Его*, какъ, безъ сомнѣнія, и Отца. И это весьма достаточно изъяснитъ намъ божественный

Павелъ въ слѣдующихъ словахъ: *сущіи же во плоти Богу угодити не могутъ; вы же нѣсте во плоти, но въ Дусѣ, понеже Духъ Божій живетъ въ васъ; аще же кто Духа Христова не имать, сей нѣсть Еговъ* (Римл. 8, 8. 9). Духъ Святый исходитъ, по слову Спасителя, отъ Бога Отца, но нечуждъ и Сыну; ибо Сынъ имѣетъ все отчее. Онъ самъ научилъ этому, говоря о Святомъ Духѣ: *вся, елика имать Отецъ, моя суть: сего ради рѣхъ, яко отъ моего пріиметъ и возвѣститъ вамъ* (Іоан. 16, 15). Итакъ Духъ Святый прославилъ Іисуса, совершая дивное, однакожъ прославилъ, какъ Духъ *Его*, а не какъ чуждая сила, и Духъ тѣмъ болѣе совершеннѣйшій, что исповѣдуется, какъ Богъ. Итакъ мы не взнесли хулы ни на святыхъ ангеловъ, ни на пророковъ, какъ поставилъ себѣ въ обязанность сказать тотъ, кто только обвинять и знаетъ. Какъ цѣль у него и его сообщниковъ та, чтобы дѣлить единаго Христа на двухъ и называть Его прославляемымъ и возбуждаемымъ къ дѣйствію, а сего (Духа) прославляющимъ и возбуждающимъ къ дѣйствію: то они безумно поносятъ всякое благочестивое слово, равно какъ и тѣхъ, которые отвлекаютъ ихъ отъ превратнаго образа мыслей. Поэтому, заведя рѣчь о блаженномъ Гавріилѣ, клеветникъ этотъ говоритъ: онъ первый про-

возгласилъ, что тотъ, который во плоти, Христосъ, рожденъ отъ Духа Святаго. Такимъ образомъ одинъ Христосъ, который во плоти, потомъ другой опять особенный Христосъ— Слово, сущее отъ Отца! Гдѣ же единство? И какая польза изъ того, если мыслить и проповѣдывать, что два Христа, оба отдѣльные и особенные одинъ отъ другаго? Хотя по этой причинѣ и надѣваютъ они личину благочестія, говоря, что Христосъ одинъ, однакожъ на самомъ дѣлѣ представляющіе двухъ, пусть выслушаютъ отъ насъ: *доколѣ вы храмлете на обѣ плеснѣ ваши* (3 Цар. 18, 21). Лучше идти прямо, имѣя правую и твердую вѣру, неколеблемую несмысленными мудрованіями.

Анаѳематство 10-е.

Божественное Писаніе говоритъ, что Христосъ былъ первосвященникомъ и ходатаемъ нашего исповѣданія, что Онъ принесъ Себя за насъ въ пріятное благоуханіе Богу и Отцу. Итакъ, если кто говоритъ, что первосвященникомъ и ходатаемъ нашимъ былъ не самъ Богъ Слово, когда сталъ плотію и подобнымъ намъ человѣкомъ, а какъ-бы другой нѣкто, отличный отъ Него, человѣкъ, произшедшій отъ жены; или кто говоритъ, что Онъ принесъ Себя въ приношеніе и за самого Себя, а не за насъ только однихъ, такъ какъ, не зная грѣха,

Онъ не имѣлъ нужды въ приношеніи (за Себя): да будетъ анаѳема.

Возраженіе Ѳеодорита.

Неизмѣняемое естество не превратилось въ естество плоти, но восприняло человѣческое естество и поставило его превыше общихъ первосвященниковъ, какъ учитъ блаженный Павелъ: *всякъ первосвященникъ, отъ человѣкъ пріемлемъ, за человѣки поставляется на службы, яже къ Богу, да приносити дары же и жертвы о грѣсѣхъ, сострадати могій невѣжествующимъ и заблуждающимъ: понеже и той немощію обложенъ есть. И сего ради долженъ есть якоже о людѣхъ, такожде и о себѣ приносити за грѣхи* (Евр. 5, 1. 2. 3). И немного ниже въ изъясненіе сего говоритъ: *якоже и Ааронъ, тако и Христосъ* (ст. 4. 5). Потомъ показывая слабость воспринятаго естества, говоритъ: *иже во днѣхъ плоти своея, моленія же и молитвы къ могущему спасти его отъ смерти, съ воплемъ крѣпкимъ и со слезами принесъ, и услышанъ бысть отъ благоговѣинства, аще и Сынъ бяше, обаче навыче отъ сихъ, яже пострада, послушанію; и совершився бысть всѣмъ послушающимъ его виновенъ спасенія вѣчнаго: нареченъ отъ Бога первосвященникъ, по*

чину Мелхиседекову (ст. 7. 8. 9. 10). Итакъ кто это, который совершенъ подвигами добродѣтели, а не по естеству? Кто это обнаружилъ повиновеніе, не зная его, пока не испыталъ? Кто это жилъ въ благоговѣніи, съ воплемъ крѣпкимъ и со слезами приносилъ моленіе, не имѣя силы спасти себя, но молился могущему его спасти и просилъ освобожденія отъ смерти?— Не Богъ Слово, который безсмертенъ, безстрастенъ, безтѣлесенъ, память о которомъ, по слову пророка, есть радость и свобода отъ слезъ. Ибо Онъ самъ отеръ слезу съ всякаго лица. Еще слова пророка: *помянухъ Бога и возвеселихся* (Пс. 76, 4). Онъ увѣнчаваетъ живущихъ по вѣрѣ, знаетъ все, прежде нежели что получило бытіе, имѣетъ все, что есть у Отца, и есть неизмѣняемый образъ Отца, въ Себѣ самомъ изображаетъ Отца. Но это—то̀, что̀ Онъ воспринялъ отъ сѣмени Давида, что̀ смертно, подлежитъ страданію и трепещетъ смерти, хотя это самое впослѣдствіи разрушило власть смерти по причинѣ единства съ воспринявшимъ его Богомъ; это—то̀, что̀ ходило во всякой правдѣ и говорило къ Іоанну: *остави нынѣ, тако бо подобаетъ намъ исполнити всяку правду* (Мѳ. 3, 15). Оно получило имя священника по чину Мелхиседекову, облечено въ немощь нашей природы и не есть всемогущее Слово Божіе. Почему не-

много прежде и говоритъ блаженный Павелъ: *не имамы бо архіереи не могуща спострадати немощемъ нашимъ, но искушена по всяческимъ по подобію, развѣ грѣха* (Евр. 4, 15). Естество, взятое отъ насъ и ради насъ, которое, не зная грѣха, перенесло искушеніе нашихъ страданій, не то, которое восприняло его ради нашего спасенія. Но въ началѣ главы сей апостолъ учитъ опять слѣдующему: *разумѣйте посланника и святителя исповѣданія нашего Іисуса Христа, вѣрна суща сотворшему Его, якоже и Моисей во всемъ дому Его* (Евр. 3, 1. 2).—Никто изъ православныхъ нескажетъ, что твореніе есть несотворенное, несозданное и совѣчное Отцу Божіе Слово, но—что это тотъ, кто произошелъ отъ сѣмени Давида, и непричастный никакому грѣху, содѣлался святителемъ нашимъ и жертвой, принесши за насъ самого себя, и нося уже въ себѣ Слово Божіе, сущее отъ Бога, соединенное и неразрывно связанное съ нимъ.

Защищеніе Кирилла.

Пророкъ Іеремія, преисполненный скорби, говорилъ Израилю, оскорбляющему и вызывающему на гнѣвъ Бога: *кто дастъ главѣ моей воду и очесемъ моимъ источникъ слезъ: и плачуся день и нощь, о побіенныхъ дщере людей моихъ* (Іер. 9, 1). Я ду-

маю, что эти слова относятся не къ Израилю только, но и къ тѣмъ, которые имѣютъ необузданныя и невоздерживающіяся противъ Христа уста; они—*продерзителе, себе угодницы, славы не трепещутъ хуляще* (2 Петр. 2, 10), какъ написано. По-истинѣ достойны плача и стенанія тѣ, которые, по великому безумію, оставивъ правый и неукоризненный путь благочестія во Христѣ, избираютъ лукавыя стези и искажаютъ красоту истины развращенными вымыслами чувствъ. Итакъ пусть выслушаютъ полюбившіе мыслить то, что всѣми презираемо: *прельщаетеся, не вѣдуще писанія* (Мѳ. 22, 29), ни преславнаго и великаго таинства воплощенія. Ибо богодухновенныя Писанія учатъ, что Еммануилъ есть вочеловѣчившійся Богъ, что пріобщился плоти и крови, подобно какъ и мы, утверждаютъ, что Онъ есть Слово Бога Отца и сталъ плотію, то есть, человѣкомъ, не чрезъ превращеніе или измѣненіе, но по силѣ неизрѣченнаго соединенія. И потому мы говоримъ: единъ Господь Іисусъ Христосъ, едина вѣра и едино крещеніе. Тѣ, которые уклонились отъ истинныхъ догматовъ и грубымъ и надмѣннымъ умомъ своимъ возмущаются противъ священныхъ Писаній, одно то лишь признаютъ, что самимъ представляется хорошо, тѣ говорятъ, что человѣкъ воспріятъ Богомъ Словомъ также, можетъ быть,

какъ сказано чрезъ одного изъ святыхъ пророковъ: *не бѣхъ пророкъ азъ, ниже сынъ пророчь, но пастырь бѣхъ, и ягодичія обирая: и поя мя Господь отъ овецъ* (Амос. 7, 14. 15), и какъ сказалъ Давидъ: *пріемляй кроткія Господь* (Пс. 146, 6), говорятъ, что воспринятъ чрезъ внутреннее расположеніе или духовное сродство, которое состоитъ въ изволеніи, благодати, освященіи, подобно тому, какъ и мы сами соединены съ Господомъ— *единъ духъ съ Господемъ* (1 Кор. 6, 17). Но не такъ вочеловѣчился Богъ и не такъ пріобщился плоти и крови подобной намъ, но сдѣлалъ человѣка болѣе сродственнымъ Себѣ и притомъ не инымъ образомъ, а только какъ говорятъ пророки, апостолы и всѣ другіе святые. Или думаешь, что святый Павелъ обманываетъ освященныхъ чрезъ вѣру, весьма ясно говоря объ Единородномъ: *яко васъ ради обнища богатъ сый* (2 Кор. 8, 9)? Нѣтъ! Провозвѣстникъ истины говоритъ совершенную истину. Но кто богатъ, и какимъ образомъ онъ обнищалъ? Еще спросимъ, если человѣкъ воспринятъ Богомъ, какъ они и сами положили себѣ мыслить и говорить, то какимъ образомъ воспринятый дѣлается бѣденъ, тотъ, который украшенъ вышеестественными богатствами? Ибо прославленъ! А если это не истинно, то они уничтожатъ воспріятіе, какъ

нѣчто низводящее человѣчество въ худшее и низшее состояніе. Но мыслить такимъ образомъ нелѣпо. Отсюда не бѣденъ тотъ, кто воспринятъ. Итакъ остается сказать, что тотъ, кто богатъ, какъ Богъ, сталъ бѣдностію подобенъ намъ. Итакъ какимъ же образомъ обнищалъ? Станемъ разсуждать, потому что это необходимо. Исповѣдуемый неизмѣннымъ по естеству не превратился въ естество плоти, оставивъ свое. Ибо пребываетъ тѣмъ, чѣмъ былъ, то есть, Богомъ. Итакъ гдѣ видимъ допущеніе нищеты. Ужели въ томъ, что Онъ воспріинялъ нѣкоего подобнаго намъ, какъ положили себѣ говорить шуты Несторіева нечестія? И что за обнищаніе и истощаніе въ томъ одномъ, что восхотѣлъ почтить человѣка подобнаго намъ? Богъ всяческихъ отнюдь не унижается чрезъ добро. Итакъ какимъ образомъ обнищалъ? Тѣмъ, что будучи Богомъ и Сыномъ Бога Отца, сдѣлался человѣкомъ, родившись по плоти отъ сѣмени Давида, принявъ образъ рабства, то есть, человѣчества,— Тотъ, который былъ въ образѣ Бога и Отца, въ которомъ и чрезъ котораго все, который всего творецъ. Но сдѣлавшись человѣкомъ, Онъ не стыдится человѣчества. Ибо кто не возгнушался сдѣлаться человѣкомъ подобно намъ, тотъ какъ станетъ стыдиться того, чрезъ что могъ дѣйствительно сдѣлаться подобнымъ намъ ради

насъ? Если устранить отъ Него человѣческія отношенія и наименованія, то мы никакимъ образомъ не будемъ различаться отъ тѣхъ, которые, если только это можетъ быть, почти совлекаютъ съ Него плоть и, не вѣруя божественнымъ Писаніямъ, ниспровергаютъ таинство вочеловѣченія, спасеніе міра, надежду, воскресеніе. Но, быть можетъ, кто нибудь скажетъ, что недостойно и унизительно для Бога Слова проливать слезы, страшиться смерти, избѣгать чаши, быть первосвященникомъ? Правда и я самъ скажу, что это само по себѣ несовмѣстно съ божественнымъ и превысшимъ естествомъ и славой; но въ этомъ мы созерцаемъ то обнищаніе, которое Онъ добровольно понесъ за насъ. Если тебѣ кажется столько важнымъ уничиженіе истощанія, то ты тѣмъ болѣе долженъ удивляться божественной любви къ тебѣ. Что̀ ты называешь уничижительнымъ, то̀ добровольно совершилъ онъ ради тебя; Онъ проливалъ слезы по человѣчески, чтобы предотвратить твою слезу. Промыслительно предавая на страданіе плоть, временно собственную Ему, страшился, чтобы сдѣлать насъ мужественнѣйшими. Избѣгалъ чаши, чтобы крестъ обличилъ нечестіе іудеевъ. Называется слабымъ по человѣчеству, чтобы чрезъ Него ты пересталъ быть слабымъ. Вознесъ молитвы и моленія, чтобы преклo-

нить слухъ Отца къ твоимъ молитвамъ. Спалъ чтобы научить тебя бодрствовать въ искушеніяхъ и быть прилежнѣе къ молитвѣ. Упрекая нѣкоторыхъ спавшихъ святыхъ апостоловъ, Онъ говорилъ: *тако ли не возмогосте единаго часа побдѣти со Мною? Бдите и молитеся, да не внидете въ напасть* (Мѳ. 26, 40. 41). Показавъ дѣла свои и образъ святаго жительства своего на земли, Онъ усвоилъ себѣ и немощи человѣчества. Для чего? Для того, чтобы вѣровали, что Онъ сталъ истиннымъ человѣкомъ, хотя пребывалъ тѣмъ, чѣмъ былъ, то есть, Богомъ. Но я не знаю, какимъ образомъ тѣ, которые дѣлаютъ видъ, что вѣруютъ во единаго Христа, Сына и Господа, Бога и человѣка, не хотятъ называть Слово, рожденное отъ Отца, святителемъ и посланникомъ нашего исповѣданія, когда Оно стало человѣкомъ, но утверждаютъ, что это какъ-бы нѣкоторый другой, подобный человѣкъ, призванный для сего отъ сѣмени Давида, быть можетъ, изъ опасенія, чтобы, отвергнувъ превратное ученіе Несторія, не подвергнуться подозрѣнію въ правомъ образѣ мыслей. Ибо онъ (Несторій) такъ сказалъ: «*сдѣлался* вѣренъ Богу первосвященникъ; *сдѣлался*, слѣдовательно не отъ вѣка былъ первосвященникомъ тотъ, кто мало помалу возвышался въ достоинство первосвященника». Потомъ,

думая подтвердить истину своихъ словъ, указываетъ на основаніе, говоря: «о немъ въ евангеліи сказано: *отроча растяше и крѣпляшеся духомъ, исполняяся премудрости: и благодать Божія бѣ на немъ* (Лук. 2, 40); также: *отнюдуже долженъ бѣ по всему подобитися братіи, да милостивъ будетъ и вѣренъ первосвященникъ* (Евр. 2, 17)». Усердный подражатель его мерзости, этотъ превосходный Ѳеодоритъ не стыдится говорить: «воспринялъ человѣческую природу и возвысилъ ее надъ обыкновенными первосвященниками, какъ говоритъ и божественный Павелъ: *всякъ бо первосвященникъ отъ человѣкъ пріемлемь, за человѣки поставляется на службы, яже къ Богу, да приноситъ дары же и жертвы о грѣсѣхъ, спострадати могій невѣжествующимъ и заблуждающимъ: понеже и той немощію обложенъ есть. И сего ради долженъ есть якоже о людехъ, такожде и о себѣ приносити за грѣхи*» (Евр. 5, 1. 2. 3). Но скажи мнѣ, страшитъ что ли тебя образъ святительства въ Спасителѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ? Говоришь, что неприлично Богу Слову человѣчески священнодѣйствовать въ дѣлѣ спасенія? Итакъ отнимай образъ, отрицай вочеловѣченіе Слова, по причинѣ коего Оно наименовано первосвященникомъ. Ужели находишь, что Оно

священнодѣйствуетъ Отцу, какъ другому и высшему Богу? Ужели ты нашелъ, что Онъ приноситъ жертвы по обычаю тѣхъ, которые избираются отъ человѣкъ и могутъ спострадать невѣжествующимъ и заблуждающимъ, потому что и сами обложены немощію? Не замѣтилъ ты, что Онъ отъ всѣхъ требуетъ въ жертву Себѣ и всесвятому Духу вѣры или исповѣданія вѣры? Скажи, ужели думаешь, что въ характерѣ человѣческаго жетвоприношенія требовать вѣры отъ тѣхъ, которые принесли себя въ жертву благоуханія въ духѣ? Созерцай иначе существо Бога, хотя и говорится, что Онъ человѣчески священнодѣйствуетъ въ дѣлѣ спасенія. Ибо онъ возсѣдитъ съ Богомъ и Отцомъ и на горнемъ сѣдалищѣ является совершеннымъ. Тебя смущаетъ человѣческое? И приличествующее Богу не освобождаетъ тебя отъ этого смущенія? Не соглашаешься изъ самыхъ дѣлъ видѣть, что Еммануилъ есть Богъ и человѣкъ, но безстыдно и упорно блуждая во всякомъ нечестіи, говоришь, что Онъ трудами усовершается въ добродѣтели и понемногу возвышается до достоинства первосвященства. Если возвысился, то какимъ образомъ дошелъ до истощанія и обнищанія? Если усовершился въ добродѣтели, то сдѣлался совершеннымъ изъ несовершеннаго и притомъ во времени; а все, что̀ несовершенно,

все тò—худо, а что̀ худо, тò—грѣхъ. Какимъ же образомъ написано объ Немъ, что *не совершилъ грѣха* (1 Петр. 2, 22)? Не задалъ ли ты себѣ цѣль говорить о томъ, что подчинено? Итакъ кто, говоритъ (Ѳеодоритъ), отправлялъ священство? Кто достигъ совершенства въ добродѣтели трудами, а не по естеству совершенъ? Кто въ испытаніяхъ научился повиновенію, а прежде не зналъ онаго? Кто жилъ въ благоговѣніи, съ плачемъ крѣпкимъ и со слезами возносилъ молитвы, и, самъ не имѣя силы спасти себя, просилъ о томъ могущаго спасти его отъ смерти?—О дерзостный и беззаконнѣйшій голосъ! Что сдѣлаютъ слезы для омытія грѣха тѣхъ, которые дали себѣ обязанность такъ мыслить? Если ты принимаешь единство, то какимъ образомъ не знаешь, что говорено было тебѣ о Богѣ, содѣлавшемся человѣкомъ? Унизился Онъ въ тебѣ и ты злонамѣренно восклицаешь: *милосердъ ты Господи: не иматъ быти тебѣ* сіе (Мѳ. 16, 22). И такимъ образомъ услышишь слова: *иди за мною сатано, соблазнъ ми еси* (ст. 23). Но въ концѣ словъ своихъ говоритъ (Ѳеодоритъ): «итакъ это—сущій отъ сѣмени Давида первосвященникъ, носящій въ себѣ присоединенное и нераздѣлимо связанное Слово, происходящее отъ Отца». Какимъ образомъ говоришь, что Слово Божіе присоединено къ происшедшему

отъ сѣмени Давида, если первосвященство приписываешь одному происшедшему отъ сѣмени Давида? Ежели истинно единство, то во всякомъ случаѣ не два, а одинъ Христосъ и одинъ изъ обоихъ. Итакъ явно, что они притворяются исповѣдующими единство, обманывая простые умы, и признаютъ связь внѣшнюю—по обитанію, связь, которая присуща и намъ, содѣлавшимся чрезъ Духа причастными Его божественному естеству. Итакъ отвратимъ вниманіе отъ ихъ безумства; обратимся къ правой и неповрежденной вѣрѣ, къ евангельскимъ и апостольскимъ уставамъ.

Анаѳематство 11-е.

Кто не исповѣдуетъ плоть Господа животворящею и собственно принадлежащею самому Слову Бога Отца, но принадлежащею какъ-бы другому кому, отличному отъ Него, и соединенному съ Нимъ по достоинству, то есть, пріобрѣтшему только божественное (въ себѣ) обитаніе, а не исповѣдуетъ, какъ мы сказали, плоть Его животворящею, такъ какъ она стала собственною Слову, могущему все животворить: да будетъ анаѳема.

Возраженіе Ѳеодорита.

Я думаю, что онъ представляется заботящимся объ истинѣ съ тою цѣлію, чтобы, по-

крывъ тѣмъ лживость своего мнѣнія, не показаться проповѣдующимъ тоже, что проповѣдуютъ и еретики. Но ничего нѣтъ могущественнѣе истины, которая разсѣеваетъ лучами своими мракъ обольщенія. Просвѣщенные сею истиною мы разоблачимъ лживость его вѣры. Во-первыхъ онъ никогда не упоминаетъ о томъ, что плоть (Слова) разумная, и не исповѣдуетъ, что воспринятый есть человѣкъ совершенный; но, слѣдуя ученію Аполлинарія, всегда называетъ ее просто плотію; во-вторыхъ онъ распространяетъ въ своихъ рѣчахъ мысль о смѣшеніи, только иными словами, и ясно говоритъ, что плоть Господня неодушевленна. Кто, говоритъ онъ, учитъ, что плоть Господа несобственна Слову Бога Отца, но какъ-бы другому, помимо Его, анаѳема да будетъ. Изъ этого открывается, что онъ не исповѣдуетъ, что Слово восприняло душу, но только плоть, вмѣсто же души служило для этой плоти само Слово. Мы называемъ плоть Господа и животворною, и одушевленною, и разумною по силѣ соединенія съ нею божественнаго животворящаго естества. А онъ по неволѣ признаетъ раздѣленіе двухъ естествъ, когда говоритъ о плоти и Словѣ Божіемъ, и плоть называетъ собственною Слову. Итакъ Богъ Слово не превратился въ естество плоти, но имѣетъ собственною плоть,

то есть, воспринятое естество, и чрезъ единеніе содѣлываетъ его животворнымъ.

Защищеніе Кирилла.

Тѣ, которые отпали, по невѣдѣнію, отъ правыхъ и истинныхъ ученій и почти говорятъ: *положихомъ лжу надежду нашу, и лжею покрыемся* (Иса. 28, 15), проповѣдуютъ безразсудно, забывая внушенія божественнаго Писанія, которое говоритъ: *судъ праведенъ судите* (Зах. 7, 9), и опять: *свидѣтель лживъ безъ муки не будетъ* (Притч. 19, 5). Святое тѣло Спасителя нашего Христа мы называемъ животворнымъ; ибо оно собственно не одному только, подобному намъ, обыкновенному человѣку, но и по-истинѣ собственно Слову все животворящему, собственно такъ, какъ если бы случилось кому нибудь изъ насъ называть свое тѣло собственнымъ. Но этотъ добрый мужъ, не забывъ ни одного рода злорѣчія противъ насъ, хотя и согласенъ съ тѣмъ, что я сказалъ, однакоже налагаетъ на меня позоръ Аполлинаріевой ереси, и не стыдится говорить, будто я подъ другими словами скрываю заблужденіе о смѣшеніи или сліяніи и утверждаю, что неодушевленна плоть, соединившаяся со Словомъ. Но, превосходный мужъ, скажетъ кто либо и справедливо: неужели тоже преступленіе возводишь на бла-

женнаго евангелиста Іоанна? ибо говоритъ: *Слово плоть бысть* (Іоан. 1, 14). Также нагло устремляешься на него, и говоришь, что не упоминаетъ о душѣ разумной и плоть Господа называетъ неодушевленною. Что, если услышишь слова самого Христа, Спасителя всѣхъ насъ: *аминь аминь глаголю вамъ, аще не снѣсте плоти Сына человѣческаго, ни піете крове Его, живота не имате въ себѣ* (Іоан. 6, 53); и еще: *ядый мою плоть, и піяй мою кровь, во мнѣ пребываетъ, и Азъ въ немъ* (ст. 56); и опять: *и хлѣбъ, егоже Азъ дамъ, плоть моя есть, юже Азъ дамъ за животъ міра* (ст. 51). Обвиняй, если угодно, и эти слова Его! Ибо называетъ единственно плотію и не дѣлаетъ въ нихъ совершенно никакого упоминанія о душѣ разумной. А если бы ты былъ мудръ и проницательнаго ума, то не незналъ бы, что существо, состоящее изъ души и тѣла, то есть, человѣкъ, иногда означается однимъ именемъ плоти. Ибо говоритъ: *и узритъ всяка плоть спасеніе Божіе* (Лук. 3, 6). Итакъ когда сказано, что Слово стало плотію, не незналъ (Ѳеодоритъ), что вполнѣ упоминается здѣсь и о душѣ разумной. Но, какъ я уже сказалъ, онъ прикрылся ложью и старается злословить, чтобы показать, что̀ говоритъ нѣчто, потому что не зналъ, что сказать противъ насъ. Между тѣмъ отцы не такъ

мыслили. Отцы утверждаютъ, что Слово Бога Отца стало человѣкомъ, соединившись съ плотію, имѣющею разумную душу. Соединеніе же произошло безъ слiянія и совершенно свободно отъ измѣненія. Ибо неизмѣнно Слово, рожденное отъ Отца. И такъ вѣруемъ.

Анаѳематство 12-е.

Кто не исповѣдуетъ Бога Слова пострадавшимъ плотію, распятымъ плотію, принявшимъ смерть плотію и наконецъ ставшимъ перворожденнымъ изъ мертвыхъ, такъ какъ Онъ есть жизнь и животворящь, какъ Богъ: да будетъ анаѳема.

Возраженіе Ѳеодорита.

Страданія свойственны подверженному страданію. Безстрастное выше возможности страдать. Поэтому потерпѣлъ страданіе образъ раба, то есть, въ соединеніи съ образомъ Бога, по соизволенію его на страданіе ради пріобрѣтенія спасенія чрезъ него по усвоенію страданій себѣ самому въ силу соединенія. Такимъ образомъ пострадалъ не Христосъ, но человѣкъ, воспринятый отъ насъ Словомъ. Отсюда Исаія, пророчествуя, восклицаетъ: *человѣкъ въ язвѣ сый, и вѣдый терпѣти болѣзнь* (Иса. 53, 3). И самъ Господь Христосъ говоритъ іудеямъ: *нынѣ же ищете мене убити, человѣка, иже истину вамъ глаголахъ*

(Іоан. 8, 40). Убивается не сама жизнь, но тотъ, кто имѣетъ природу смертную. И въ другомъ мѣстѣ, уча іудеевъ, Господь сказалъ слѣдующее: *разорите церковь сію, и треми деньми воздвигну ю* (Іоан. 2, 19). Разоренный есть тотъ, кто отъ сѣмени Давида; возстановило же сего разорённаго единородное Слово Божіе, отъ Отца безстрастно рожденное прежде вѣковъ.

Защищеніе Кирилла.

Естество Бога Слова, по общему исповѣданію, безстрастно. Я думаю, что это очевидно для всякаго и ничье безуміе не возстанетъ противъ Слова настолько, чтобы сказать, что Его таинственное, превысшее природы и возможности страданія, естество обложено нашими немощами. Но какъ страданіе долженствовало принести спасеніе міру, а Слово, раждающееся отъ Отца, не могло страдать въ собственномъ естествѣ: то совершаетъ дѣло спасенія съ великимъ искусствомъ, дѣлаетъ собственностію тѣло, могущее страдать, почему и называется пострадавшимъ плотію, подверженною страданію, пребывая самъ, божественною природою, внѣ страданія. Такимъ образомъ, поелику пострадалъ добровольно плотію, то и называется Спасителемъ всѣхъ.

Такъ говоритъ Павелъ: *яко да благодатію Божіею за всѣхъ вкуситъ смерти* (Евр. 2, 9). Свидѣтельствуетъ это и св. Петръ, премудро говоря: *Христу убо пострадавшу за ны плотію* (1 Петр. 4, 1), а не божественнымъ естествомъ. Иначе какимъ образомъ Господь славы называется распятымъ? Какимъ образомъ Тотъ, чрезъ котораго, по словамъ св. Павла (Евр. 2, 10), все сотворено, данъ Богомъ Отцемъ во главу тѣлу Церкви, даже сталъ перворожденнымъ изъ мертвыхъ? Чрезъ усвоеніе себѣ страданій, которыя были собственны Его плоти! Господь же славы не можетъ быть обыкновеннымъ человѣкомъ и такимъ, каковы мы. Но ты, быть можетъ, скажешь, что довольно соединенія (естествъ) для того, чтобы единаго Христа и Господа назвать пострадавшимъ. Итакъ всѣмъ должно исповѣдывать, что Слово Божіе есть Спаситель, пребывшій бестрастнымъ въ божественномъ естествѣ, но пострадавшій, какъ говоритъ Петръ, плотію. Ибо, по причинѣ истиннаго соединенія (естествъ), для Него стало собственностію тѣло, которое вкусило смерть. Иначе какимъ образомъ происшедшій отъ іудеевъ по плоти есть Христосъ и *сый надъ всѣми Богъ благословенъ во вѣки, аминь.* (Рим. 9, 5)? Въ чью смерть мы крестились? Въ чье вѣруя воскресеніе, получаемъ оправданіе? Слово Бо-

жіе, по собственному естеству, не можетъ умирать, даже есть самая жизнь. Итакъ ужели мы крестились въ смерть обыкновеннаго человѣка и, чрезъ вѣру въ него, получаемъ оправданіе? Или лучше, что̀ и истинно, провозглашаемъ смерть Бога воплотившагося и пострадавшаго за насъ плотію, и исповѣдуя воскресеніе слагаемъ съ себя тяжесть грѣха? *Куплени бо есте цѣною* (1 Кор. 6, 20), *не истлѣннымъ сребромъ или златомъ..... но честною кровію я́ко агнца непорочна и пречиста Христа* (1 Петр. 1, 18. 19). И кромѣ сего можно бы многое другое говорить; нетрудно бы привести свидѣтельства святыхъ отцевъ. Но, я думаю, и этого довольно для наученныхъ. Ибо написано: *даждь премудрому вину, и премудрѣйшій будетъ; сказуй праведному, и приложитъ пріимати* (Притч. 9, 9. 10).

—

Кирилла, архіепископа александрійскаго, о воплощеніи Бога Слова.

Правильное пониманіе божественнаго Писанія, отличающее умы святыхъ, служитъ украшеніемъ ихъ душъ. Духъ Святый открываетъ имъ бездну вѣчнаго познанія и премудрости Христовой. Богъ, Отецъ всѣхъ, прославляется ими. «Я открою тебѣ, сказано въ Писаніи, тайныя и невидимыя сокровища» (Ис. 45, 3).

Сокровищами истиннаго познанія я считаю очи ума, которыя смотрятъ прямо и безпристрастно. На тѣхъ, которые познали Бога, Онъ изливаетъ всесовершенные и непостижимые для человѣческаго ума дары. Всесовершенный Богъ нашъ, Господь всѣхъ, обильно награждаетъ совершенствами и благами ведущихъ добрую жизнь. Особенная любовь Его и благоволеніе объемлетъ тѣхъ, которые служатъ Ему чистымъ и нелицемѣрнымъ сердцемъ.— Итакъ всѣ, обыкшіе истинно мудрствовать, да приступаютъ ко Христу,—вѣчному источнику (премудрости), слыша евангельскій гласъ: *аще кто жаждетъ, да пріидетъ ко Мнѣ, и піетъ* (Іоан. 7, 37). Не узнавъ напередъ таинства благочестія, не слѣдуетъ безразсудно изслѣдовать и разсуждать о Христѣ. Обманщики и обольстители сердецъ слушателей тѣ, которые утверждаютъ, что Богъ Слово, принявъ (плоть) человѣка, прошелъ чрезъ святую Дѣву, и что этотъ человѣкъ созданъ самимъ же Богомъ Словомъ. Такіе не понимаютъ таинства благочестія и унижаютъ цѣну домостроительства Единороднаго. Мы же, братія, не такъ научены. Родившагося отъ святой Дѣвы мы признаемъ и совершеннымъ Богомъ и совершеннымъ человѣкомъ, одареннымъ разумною душой. Поэтому святую Дѣву мы называемъ Богородицею, и говоримъ, что Богъ

Слово существенно, не мыслію только, а на самомъ дѣлѣ, обиталъ въ ней, и что Онъ, когда былъ и двухъ или трехъ мѣсяцевъ, есть Сынъ Божій и вмѣстѣ Сынъ человѣческій. Особенности же, приписываемыя божественнымъ Писаніемъ то Его человѣческому естеству, то Его божественному могуществу, по нашему убѣжденію, соединились въ Немъ въ одну личность. Онъ былъ одинъ и тотъ же, когда спалъ и когда укротилъ своимъ могуществомъ море и вѣтры; одинъ и тотъ же, когда утомлялся на пути, и когда ходилъ по морю и проходилъ пустыню, по своему могуществу. Итакъ, безъ всякаго сомнѣнія, Онъ былъ Богъ и вмѣстѣ человѣкъ. Ибо что̀ было бы удивительнаго, если бы какой нибудь человѣкъ, подобный намъ, одаренный могуществомъ, совершалъ чудеса? Божественное Писаніе показываетъ намъ, что Богъ Слово не воображеніемъ или мнимымъ образомъ умалилъ Себя, а на самомъ дѣлѣ. Чрезъ пророковъ и апостоловъ оно ясно возвѣстило намъ, что Онъ есть Богъ и вмѣстѣ человѣкъ. Итакъ на самомъ дѣлѣ были: зачатіе Бога отъ Дѣвы, Его рожденіе, Его сходство съ нами во всемъ, Его страданіе, проповѣдь во тьмѣ и сѣни (сѣдящимъ), Его воскресеніе и наконецъ вознесеніе на небо. Невмѣстимый, принявъ плоть отъ Маріи, опредѣляетъ заключиться

въ дѣвическомъ чревѣ. Безпредѣльный, содержится плотію. Неизмѣняемый, принимаетъ человѣческій образъ. Безстрастный, страдаетъ по насъ и за насъ своею плотію. Неразлучно пребывающій съ Богомъ и Отцемъ, *на земли*, по Писанію, *явися, и съ человѣки поживе* (Варух. 3, 38). Неприкосновенный, пробождается копьемъ отъ нечестивыхъ. Безстрастный, добровольно переноситъ для насъ крестъ. Безсмертный свѣтъ, подвергается смерти крестной. Бывшій въ лонѣ Отчемъ, не отказывается вознестись съ своею плотію на небо. Тѣхъ же, которые говорятъ, что Богъ Слово принялъ какого нибудь человѣка, подобнаго намъ, не бывъ съ нимъ ѵпостаснымъ, дѣйственнымъ и живымъ Сыномъ, и въ видахъ домостроительства живя почеловѣчески, святой соборъ, бывшій въ Ефесѣ, отвергаетъ.

Пренie о томъ же.

Вопросъ. Зачѣмъ невмѣстимый Богъ вмѣстился въ дѣвическомъ чревѣ?— *Отвѣтъ.* Затѣмъ, что Онъ благоволилъ искупить родъ смертныхъ и привести его отъ рабства къ свободѣ.

Вопросъ. Зачѣмъ безначальный претерпѣлъ рожденіе отъ жены?— *Отвѣтъ.* Такъ какъ всѣ люди состояли подъ проклятіемъ

(ибо были подъ владычествомъ грѣха), то Онъ проникъ въ начала нашего естества затѣмъ, чтобы освятить рожденіе людей и саму утробу.

Вопросъ. Зачѣмъ непреложное и неизмѣняемое Слово Божіе поселилось между людьми, и сдѣлалось человѣкомъ?—*Отвѣтъ.* Слову Божію благоугодно было жить почеловѣчески и уподобиться намъ во всемъ, кромѣ грѣха, затѣмъ, что Оно благоволило спасти родъ человѣческій.

Вопросъ. Какимъ образомъ вы осмѣливаетесь усвоять безстрастному сонъ, утомленіе, крестъ, голодъ и все прочее, свойственное тому, что̀ подвѐржено тлѣнію?—*Отвѣтъ.* Прошу беречься злословія. Я уже сказалъ, что Слово Божіе, по преданію писаній, облеклось въ страстную плоть и соединилось съ ней. Явившись въ этой плоти, Богъ Слово и Сынъ Божій переносилъ трудъ, сонъ и все человѣческое, кромѣ только грѣха. Тлѣнію Онъ не подвергался, потому что неврежденное и животворное Слово Божіе выше тлѣнія и гибели, но Его цѣль была избавить родъ человѣческій отъ погибели. Нельзя, по моему мнѣнію, упрекать царя, если онъ, желая спасти свою собственность, облекается въ рабскую одежду. И кто дерзнетъ упрекнуть Того, который, будучи свободнымъ по своему естеству, не по-

гнушался для насъ сдѣлаться человѣкомъ и жить между нами? Прими благоволеніе Отца, даровавшаго намъ своего собственнаго Сына. Не изслѣдуй, прошу, этого дѣла. Оно не нуждается въ языческой мудрости и мірскомъ чувствѣ, а чуждо того и другаго. *Блаженъ еси, Симоне варъ Іона,* сказалъ Господь Петру, *яко плоть и кровь не яви тебѣ, но Отецъ мой иже на небесѣхъ* (Мат. 16, 15). Уразумѣніе пришествія Сына Божія есть небесный даръ.

Вопросъ. Какимъ образомъ Творецъ всего, Богъ Слово, неприкосновенный, невидимый, неизмѣняемый, безпредѣльный, претерпѣлъ крестъ и смерть на обыкновенномъ деревѣ?—*Отвѣтъ.* Крестъ и смерть претерпѣлъ своею плотію Богъ Слово для того, чтобы насъ освободить отъ смерти и тлѣнія. Онъ положилъ за насъ собственную, а не чужую душу. Такое соединеніе необъяснимо. Ибо Онъ самъ говоритъ: *область имамъ положити душу мою, и область имамъ паки пріяти ю* (Іоан. 10, 18). Его душѣ свойственно тужить, печалиться, разставаться съ тѣломъ, равно какъ и плоти свойственно утомляться, распинаться, воскресать, возноситься въ горняя. Все это однакоже неразлучно съ Нимъ, какъ Богомъ. Душа и тѣло неразлучны съ божествомъ.

Вопросъ. Какимъ образомъ всемогущее Слово Отчее воскресло и неистлѣнное повинно было истлѣнію?— *Отвѣтъ.* Плоть Бога Слова не потерпѣла истлѣнія. Уже давно пророкъ возвѣстилъ о Христѣ: *не даси преподобному твоему видѣти истлѣнія* (Пс. 15, 10). Сынъ Божій претерпѣлъ добровольное страданіе, содержа въ Себѣ необъятнаго Отца, и обратно Имъ содержимый. Пребывая въ лонѣ Отчемъ, Онъ неизъяснимымъ образомъ заключался въ собственной плоти. Въ третій день Сынъ Божій, по разрушеніи ада, ожилъ и въ своей плоти явился намъ, освободивъ насъ отъ смерти и тлѣнія. Итакъ страданіе Бога, воскресеніе, вознесеніе и наконецъ сходство съ нами во всемъ, кромѣ грѣха, были не мнимыя, а истинныя. Тому вмѣстѣ со Отцемъ и Духомъ Святымъ да будетъ слава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Опредѣленія епископовъ, бывшихъ на соборѣ въ Никеѣ, о воплощеніи Бога Слова, Сына Отча, и изложеніе этого собора противъ Павла самосатскаго.

Исповѣдуемъ Господа нашего Іисуса Христа, прежде вѣковъ рожденнаго отъ Отца по существу, а въ послѣдніе дни родившагося отъ Дѣвы по плоти; одно лице, состоящее изъ небеснаго божества и человѣческой плоти, и

какъ человѣкъ одно; совершеннаго Бога и совершеннаго человѣка; совершеннаго же Бога съ тѣломъ, но не по тѣлу Бога; совершеннаго же человѣка съ божествомъ, но не по божеству человѣка; всецѣло покланяемаго съ тѣломъ, но не по тѣлу покланяемаго; всецѣло покланяющагося съ божествомъ, но не по божеству покланяющагося; всецѣло несозданнаго съ тѣломъ, но не по тѣлу несозданнаго; всецѣло образовавшагося (во чревѣ Дѣвы) съ божествомъ, но не по божеству образовавшагося; всецѣло единосущнаго Богу съ тѣломъ, но не по тѣлу единосущнаго Богу. Не единосущенъ есть людямъ по божеству, но единосущенъ намъ по плоти, пребывая съ божествомъ. Говоримъ, что Онъ единосущенъ Богу по духу, но не говоримъ, что Онъ единосущенъ людямъ по духу. Напротивъ же проповѣдуемъ, что Онъ единосущенъ людямъ по плоти, но не проповѣдуемъ, что Онъ единосущенъ Богу по плоти. Какъ по духу не единосущенъ намъ, такъ единосущенъ по нему Богу; и какъ не единосущенъ по плоти Богу, такъ единосущенъ по ней намъ. Какъ высказываемъ эти разности и объясненія, не для раздѣленія одного нераздѣльнаго лица, но для обозначенія свойствъ Слова и плоти, и не для сліянія раздѣльнаго: такъ проповѣдуемъ и то, что касается нераздѣльнаго сочетанія.

Бесѣда Кирилла, архіепископа александрійскаго, сказанная въ Ефесѣ.

Внимающіе святому Писанію имѣютъ сердце мудрое, пламенѣющее свѣтомъ добрыхъ дѣлъ и истинной вѣры. Любовь къ истинному познанію сопровождаетъ такую жизнь. Ясный свидѣтель этого самъ Спаситель, взывающій къ небесному Отцу и Богу: *се же есть животъ вѣчный, да знаютъ Тебе единаго истиннаго Бога, и Егоже посламъ еси Іисусъ Христа* (Іоан. 17, 3). Итакъ познаніе Сына, соединенное съ познаніемъ Отца, при одинаковомъ условіи есть животворное познаніе Бога. Если отдѣлить одно отъ другаго, совершенно невозможно будетъ познаніе Бога. Господь нашъ Іисусъ Христосъ говоритъ іудеямъ: *ни Мене вѣсте, ни Отца моего; аще Мя бысте вѣдали, и Отца моего вѣдали бысте* (Іоан. 8, 19). Іудеи думали, что ихъ отцы видѣли на горѣ Сына Божія по естеству, когда Онъ сходилъ на гору синайскую въ видѣ огня; думали, что они слышали Его голосъ, и по этой причинѣ Моисея, служителя таинъ, почтили особеннымъ удивленіемъ, а Господа нашего Іисуса Христа презрѣли за человѣческое естество, говоря: *мы вѣмы, яко Моисеови глагола Богъ, сего же не вѣмы откуду есть* (Іоан. 9,

29). И что имъ на это сказалъ Христосъ: *аминь, аминь глаголю вамъ, ни гласа Его нигдѣже слышасте, ни видѣнія Его видѣсте, и словесе его не имате пребывающа въ васъ, зане, Егоже той посла, сему вы вѣры не емлете* (Іоан 5, 38). Истина говоритъ совершенную правду. Естество Бога не было видимо на горѣ синайской, а видѣнъ былъ только огонь. При этомъ издавались звуки трубъ, восходилъ дымъ, и образы истины прообразовали саму истину. Богъ всѣхъ сходитъ на гору синайскую въ видѣ огня. Для чего въ видѣ огня? Намѣреваясь дать іудеямъ законъ, Богу удобнѣе было сойти въ видѣ огня, для того, чтобы вразумить этихъ преступниковъ закона, что они будутъ имѣть дѣло съ огнемъ. Потому блаженный Моисей, устрашая грѣшниковъ, обыкновенно восклицалъ: *Богъ нашъ огнь потребляяй* (Втор. 4, 24). При этомъ были еще дымъ и мракъ. Мракъ давалъ знать, что Бога невозможно познать, а дымъ означалъ слезы своевольныхъ презрителей закона, такъ какъ тѣлесный глазъ источаетъ отъ дыма слезы. Итакъ Іудеи не видѣли лица Отчаго, а мы видѣли его во Христѣ. Онъ есть точнѣйшая и чистѣйшая красота родившаго, Его образъ и сіяніе. Хотя Слово, пребывая Богомъ, приняло плоть и кровь и назвалось сыномъ человѣческимъ, принявъ

тѣло не бездушное и не чуждое ума, какъ утверждаетъ безумный еретикъ Аполлинарій: не смотря на это, Оно всегда было Богомъ. Тайну эту Онъ открывалъ нѣкогда святымъ отцамъ, и ее можно видѣть изъ многихъ изреченій святыхъ пророковъ. Изъ книги Бытія, частію, мы видимъ, что Сынъ былъ видѣнъ въ образѣ человѣческомъ, и что Онъ названъ при этомъ Богомъ.

Когда блаженный Іаковъ, оставивъ Месопотамію, спѣшилъ возвратиться въ домъ отца, и взявъ обѣихъ дочерей Лавана съ дѣтьми, прижитыми отъ нихъ, привелъ ихъ къ потоку, по имени Іаковъ: тогда, какъ повѣствуетъ Писаніе, отпустивъ дѣтей и женъ, онъ остался одинъ,—и съ нимъ до утра боролся мужъ. Увидѣвъ, что нельзя его осилить, этотъ мужъ коснулся его бедра и повредилъ его. *И рече ему* мужъ, боровшійся съ нимъ: *пусти мя, взыде бо заря. Онъ же рече: не пущу тебе, аще не благословиши мене... И благослови его тамо. И прозва Іаковъ имя мѣсту тому: видъ Божій, видѣхъ бо Бога лицемъ къ лицу, и спасеся душа моя* (Быт. 32, 26. 29. 30). О мудрость, достойная святыхъ! Патріархъ видѣлъ предъ собой борца, а между тѣмъ восклицалъ: *видѣхъ Бога лицемъ къ лицу, и спасеся душа моя.* По откровенію Святаго Духа онъ тотчасъ уразумѣлъ таин-

ство воплощенія. Замѣть слѣдующее. Цѣлую ночь боролся съ Іаковомъ мужъ, когда же возсіялъ день, онъ сказалъ: *пусти мя, взыде бо заря.* Что это означаетъ? То, что Христосъ борется и сражается съ тѣми, которые, подобно находящимся во мракѣ и ночи, имѣютъ въ умѣ и сердцѣ мракъ невѣдѣнія; но когда въ нихъ умахъ занимается заря, и свѣтъ истиннаго богопознанія начинаетъ сіять въ нихъ, подобно дню, тогда Христосъ оканчиваетъ борьбу. Ибо Онъ вооружается противъ тѣхъ, которые имѣютъ, подобно находящимся во тьмѣ и мракѣ, темное и мрачное сердце, а не тѣхъ, которые ходятъ во свѣтѣ и имѣютъ духовную зарю. Итакъ, человѣкъ, прими духовную зарю, да возсіятъ тебѣ свѣтъ истины. Перестань бороться со Христомъ. Не знающій надъ собой побѣды, всегда побѣждаетъ. Единородное Слово Божіе хотя и сдѣлалось человѣкомъ, но не престало по естеству быть и Богомъ. Измѣниться Онъ никакъ не можетъ. Итакъ по Отцѣ Онъ есть Слово, а по Матери человѣкъ по плоти. Единъ есть Богъ Отецъ, изъ котораго все, и единъ Господь Іисусъ Христосъ, чрезъ котораго все, и единъ Духъ Святый, въ которомъ все. Тому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Беспда Акакія, архіепископа мелитинскаго, сказанная въ Ефесѣ, въ собраніи отцевъ.

При взглядѣ на это свѣтлое и духовное общество святаго собора, я ощущаю, возлюбленные, и радость и вмѣстѣ упованіе. Радость,— такъ какъ и мнѣ, меньшему изъ всѣхъ, въ это обширное море мудрости приходится пустить легкій челнъ слова; упованіе,—потому что великія волны раздора скоро прекратятся, и во всей Церкви водворится тишина мира Господня. Если двѣнадцать учениковъ, воззвавъ ко Господу, тотчасъ утишили бурю, когда ихъ корабль былъ обуреваемъ вѣтрами, то тѣмъ болѣе, безъ сомнѣнія, можно надѣяться этого теперь, когда столько учениковъ, единодушно собравшихся, умоляютъ Господа своими голосами, когда здѣсь присутствуетъ великій и мудрый правитель, не боящійся никакихъ вѣтровъ и бурь, но благоразумно допускающій къ рулю и другихъ гребцовъ, убѣждая ихъ взяться за него и не переставая единодушно взывать ко Господу: *Господи, не радиши ли, яко погибаемъ* (Мар. 4, 38)? Тотчасъ внявъ его голосу, Онъ сказалъ, не смотря на шумъ жестокихъ волнъ моря: *молчи, престани* (ст. 39). Весьма прилично порадоваться о настоящемъ по-

ложеніи вещей, и воздать должное благодареніе Богу. Ибо буря, поднявшаяся повидимому противъ истины, собрала во едино земныя свѣтила, которыхъ жизнь есть благая воня для Бога, а цѣль единодушное проповѣданіе одной и тойже истины. Ибо мы поучаемъ приходящихъ къ намъ тому, чему сами вѣруемъ. А вѣруемъ мы, что единъ есть Господь нашъ Іисусъ Христосъ, единородный Сынъ Божій, Богъ Слово; прежде всѣхъ вѣковъ отъ единаго Отца, и въ послѣдніе дни въ образѣ раба; единъ отъ единаго горѣ, единъ отъ единой долу: то и другое божественно, а человѣчески потому, что рожденъ въ нашей плоти и младенчествѣ; безстрастный по божеству, но добровольно пострадавшій за насъ плотію; не неволею подъемлющій домостроительство, но добровольно Себя умалившій, принявъ зракъ раба. И для чего принявъ? для того, чтобы и тебя сдѣлать участникомъ славы. Объ этомъ свидѣтельствуетъ Павелъ, говоря: *наше житіе на небесѣхъ есть, отъонудуже и Спасителя ждемъ Господа нашего Іисуса Христа, иже преобразитъ тѣло смиренія нашего, яко быти ему сообразну тѣлу славы Его* (Филип. 3, 20. 21). Принявъ добровольно тѣло раба и соединившись съ плотію, какимъ образомъ Онъ избѣжалъ рабскихъ страданій, а если избѣ-

жалъ, то зачѣмъ принималъ страстный зракъ раба? Принявъ зракъ раба, Онъ не отказался отъ рабскихъ страданій, потому что былъ послушливъ. Владычествующій на небѣ, на землѣ сдѣлался покорнымъ. Бывшій Сыномъ горѣ, на землѣ сдѣлался отрокомъ. Я напомню тебѣ извѣстное пророчество. Блаженный Исаія восклицаетъ: *отроча родися намъ, Сынъ и дадеся намъ* (Ис. 9, 6). Что значитъ *дадеся*? то, что Онъ не только былъ рожденъ, но и данъ, Сый данъ былъ. *Егоже начальство на рамѣ Его.* Какая область воплощеннаго Бога Слова? Церковь. А что Онъ самъ? Глава тѣла Церкви. Зачѣмъ Онъ носитъ свою область *на рамѣ*? Потому Онъ возложилъ ее на свои рамена, что она была попрана. *Егоже начальство на рамѣ Его*; *и нарицается имя Его велика совѣта Ангелъ.* Нарицается по таинству домостроительства. Что значитъ: *Совѣтникъ, Богъ крѣпкій, Властелинъ, Отецъ будущаго вѣка*? То, безъ сомнѣнія, что Онъ владыка горѣ, долу подданный; Сынъ горѣ, долу отрокъ; дивный совѣтникъ горѣ, долу человѣкъ; Богъ крѣпкій горѣ, на землѣ человѣкъ, заушаемый, подвергающійся безславію, пригвождаемый ко кресту и претерпѣвающій на немъ смерть. Ибо изъ того, что касается зрака раба, принятаго Богомъ, Онъ ничего не отринулъ, чтобы устроить намъ жизнь спасе-

нія и излить на насъ благодѣяніе, заслуженное этимъ великимъ уничиженіемъ. *Не отметаю благодати Божія* (Гал. 2, 20). Я отказываюсь высказывать то, что Онъ перенесъ для меня. Бестрастный, соединивъ Себя съ страстною плотію, не отказался отъ страданій, но перенесъ ихъ для моего спасенія. Дѣву Богородицу я не лишаю той чести, какую она усвоила себѣ заслугами въ домостроительствѣ. Если прилично, возлюбленные, прославлять на ряду съ жертвенниками Христовыми безславный крестъ, носившій Христа, тѣмъ болѣе прилично чтить Богородицу, принявшую въ себя Божество для столь великаго благодѣянія. Итакъ святая Дѣва есть Богородица. Богъ, родившійся отъ нея, не заимствовалъ отъ нея никакихъ началъ бытія, кромѣ тѣхъ, чтобы быть человѣкомъ. Итакъ, еретикъ, не обѣщай себѣ извиненія, когда ты злословишь такого человѣка, поставляя его въ рядъ рабовъ и твореній. Не хвались, іудей, какъ будто ты распялъ простаго человѣка. Не за простаго человѣка восклицалъ съ негодованіемъ блаженный Давидъ противъ этого рода: *да помрачатся очи ихъ, еже не видьти, и хребетъ ихъ выну сляцы* (Пс. 68, 24). Не падетъ упованіе Церкви, если она возложила свою надежду на такого человѣка. Она должна имѣть вѣру бла-

женному Павлу, который говоритъ: *Аще бо по человѣку со звѣремъ боряхся въ Ефесѣ, кая ми польза* (1 Кор. 15, 32)? Не по человѣку, не за человѣка блаженные апостолы положили свою жизнь въ ранахъ, темницахъ, бичеваніяхъ, не по человѣку, не за человѣка святые мученики, сражаясь по всему лицу земли, убиваемые и поражаемые, оставили сей міръ, а за Господа нашего и Бога, который былъ прежде всѣхъ вѣковъ, а послѣ явился на землѣ и жилъ съ человѣками, какъ овца веденъ былъ на заколеніе, воскресъ въ третій день, явился пяти стамъ братьямъ, вмѣстѣ бывшимъ, и въ виду учениковъ вознесся на небо, откуда подобнымъ образомъ имѣетъ опять прійти судить живыхъ и мертвыхъ. Сія есть вѣра наша; на этомъ основаніи построена наша Церковь, которую *врата адова не одолѣютъ* (Матѳ. 16, 18). О если бы, вашими молитвами укрѣпляемый, я могъ воздать достойныя хвалы святѣйшему Богу, которому да будетъ слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Бесѣда Ѳеодота, епископа анкирскаго, сказанная въ день рождества Спасителя нашего Іисуса Христа, и читанная на томъ же соборѣ.

Радостна и удивленія достойна причина настоящаго торжества. Радостна, потому что служитъ источникомъ общаго спасенія людей; удивленія достойна, потому что превышаетъ законы природы. Природа никогда не знала родившей дѣвы. Благодать же явила и родившую, и сохранила Дѣву; содѣлала ее матерью и не повредила дѣвства. Ибо благодать сохранила чистоту. О земля ненасѣянная, произрастившая спасительный плодъ! О Дѣва, превзошедшая самый рай сладостей! Ибо рай принесъ извѣстный родъ растительности, произведши изъ дѣвственной земли растенія; но сія Дѣва лучше той земли. Ибо произвела не дерева плодоносныя, а жезлъ Іессеевъ, приносящій спасительный плодъ людямъ. И та земля была дѣвственна, и сія—Дѣва; но тамъ Богъ повелѣлъ раждаться деревамъ; а здѣсь самъ Творецъ по плоти сдѣлался сѣменемъ сей Дѣвы. Ни та земля не имѣла сѣмянъ до произведенія деревъ, ни сія рожденіемъ не нарушила дѣвства. Дѣва содѣлалась славнѣе рая. Ибо рай былъ предъ Богомъ землею воздѣлываемою, а сія родила по плоти самого

Бога, когда Онъ восхотѣлъ соединиться съ природою человѣка. Видишь ли, какимъ образомъ совершилось чудное таинство, превосходящее законы природы? Видишь ли сверхъестественное дѣло, совершенное единственно силою Божіею? Видишь ли Слово, раждающееся превыше всякаго слова? Ибо что родившійся есть Богъ Слово, явно изъ того, что Онъ не нарушилъ дѣвства. Раждающая только плоть перестаетъ быть дѣвою; но какъ родилось во плоти Слово Божіе, то Оно сохраняетъ дѣвство, являя Себя Словомъ. Когда же слышишь о Словѣ, разумѣй существенное и ѵпостасное Слово, а не то, которое произносится устами. Итакъ раждается единородный Сынъ Божій, называемый также Словомъ, становясь Словомъ не въ слѣдствіе рожденія, но дѣлая рожденіе началомъ своего вочеловѣченія. Ибо Богъ Слово прежде вѣковъ былъ совѣченъ раждающему, благоволилъ же содѣлаться человѣкомъ для людей, не измѣненіемъ божественной природы, но чудесно и по божественной волѣ, дѣлая рожденіе началомъ своего вочеловѣченія. Посему и какъ человѣкъ раждается, и какъ Богъ Слово сохраняетъ дѣвство. Ибо и наше слово, когда раждается, не портитъ ума; такъ и существенное и ѵпостасное Слово Божіе, пріемля рожденіе, не нару-

шаетъ дѣвства. Итакъ совершившееся выше законовъ природы; не нисходи къ симъ законамъ. Я говорю тебѣ о чудѣ; не прибѣгай къ умствованіямъ. Я говорю тебѣ о Богѣ, пріемлющемъ рожденіе, а не начало божества. Будучи Богомъ, Онъ усвоилъ Себѣ рожденіе, а не рожденіе содѣлало Его Богомъ. Восхотѣвшій быть тѣмъ, чѣмъ не былъ, остался тѣмъ, чѣмъ былъ. Онъ избираетъ рожденіе, какъ начало домостроительства. Онъ содѣлался человѣкомъ, не измѣняя божественнаго естества, не оставляя свойства божественнаго существа. *Ты тойжде еси, и лѣта твоя не оскудѣютъ* (Пс. 101, 28), говоритъ божественное Писаніе, и еще: *Ты, пребываяй во вѣки* (Варух. 3, 3), показывая этимъ неизмѣняемость божественнаго существа. И опять говоритъ Богъ: *Азъ Господь Богъ вашъ и не измѣняюся* (Малах. 3, 6). Итакъ Онъ содѣлался человѣкомъ, не измѣняя божественнаго существа, не превращая его въ иное естество. Совершившееся не было бы чудомъ, если бы Онъ, измѣнивши свое естество, принялъ иное. У насъ много бываетъ подобныхъ измѣненій вещей, но здѣсь Богъ совершаетъ чудо, потому что пребывая тѣмъ, чѣмъ былъ, Онъ содѣлался тѣмъ, чѣмъ не былъ. Тоже самое показывая, великій апостолъ сказалъ: *иже во образѣ Божіи сый* (Филипп. 2, 6). Онъ говоритъ:

сый, а не бывшій нѣкогда, чтобы показать неизмѣняемость естества. *Иже во образѣ Божіи сый, не восхищеніемъ непщева быти равенъ Богу.* Онъ говоритъ, что есть равенъ Богу, а не то, что будетъ нѣкогда. Потомъ опять восклицаетъ, говоря: *но Себе умалилъ, зракъ раба пріимъ* (Филипп. 2, 7). Видишь ли, какъ Онъ, пребывая тѣмъ, чѣмъ былъ, умалилъ Себя до зрака раба, оставаясь тѣмъ, дѣлаясь симъ; совершаетъ чудо, не измѣняя своего естества; Онъ благоволитъ, непринужденный къ тому, измѣненіемъ своего существа. Творитъ то, что говоритъ, хотя это было выше законовъ природы; потому что Богъ имѣетъ силу совершать чудеса, невзирая на законы природы. Поэтому, будучи Богомъ, Онъ умаляется до зрака раба; будучи равнымъ Богу, Онъ дѣлается человѣкомъ; сый прежде вѣковъ, претерпѣваетъ рожденіе и совершаетъ чудеса, непостижимыя для естественнаго разума.

Оттого язычники тайну Христову почитаютъ безуміемъ, а іудеи ученіе о домостроительствѣ называютъ соблазномъ,—что засвидѣтельствовалъ и Павелъ, говоря: *мы проповѣдуемъ Христа распята, іудеемъ убо соблазнъ, еллиномъ же безуміе* (1 Кор. 1, 23). Почему для еллиновъ—безуміе? Потому, что *душевенъ человѣкъ не пріемлетъ яже Духа*

Божія: *юродство бо ему есть* (1 Кор. 2, 14). Душевный человѣкъ, привязывающійся къ естественному и изслѣдующій все по началамъ естественнаго разума, почитаетъ безуміемъ чудеса Божіи, какъ не имѣющія въ себѣ естественныхъ причинъ. Еллинъ, когда слышитъ, что Спаситель прошелъ сквозь затворенныя двери, перенося это на свое грубое и нуждающееся въ мѣстѣ тѣло, смѣется, не вѣря чуду, а изыскивая причину явленія. Также, когда слышитъ, что Дѣва, по рожденіи, осталась Дѣвою, считаетъ это глупостію, потому что не научился вѣрить въ чудодѣйственность божественную. Посему, когда слышитъ, что Богъ содѣлался человѣкомъ непреложно, находитъ это дѣломъ невозможнымъ, требуя здѣсь измѣненій въ природѣ. Но не такъ научилъ Павелъ, говоря, что Тотъ, кто равенъ Богу, сдѣлался человѣкомъ (Филипп. 2, 7. 6); ибо Онъ уничижилъ самого Себя, не оставляя полноты божества. Почему и сказалъ: *мы проповѣдуемъ Христа распята, іудеемъ убо соблазнъ, еллиномъ же безуміе* (1 Кор. 1, 23). И почему еллинамъ безуміе? Если распинается на крестѣ простой человѣкъ, то никто не почитаетъ глупымъ то, что совершается естественно. Если страдаетъ то, чему естественно страдать, то какъ почитаютъ безумнымъ повѣствованіе объ этомъ? Но какъ мы

проповѣдуемъ, говоритъ онъ, Христа распятаго, котораго также называемъ Божіею силою и Божіею премудростію, (*самимъ званнымъ, іудеемъ же и еллиномъ, Христа Божію силу и Божію премудрость* 1 Кор. 1, 24), проповѣдуя, что распятый есть Божія премудрость: то еллины называютъ это безуміемъ, не умѣя вѣрить чудодѣйствію Божію, а въ разсужденіи всѣхъ вещей употребляя свои умствованія, и думая, что мы наносимъ оскорбленіе Богу, когда говоримъ, что Онъ усвоилъ себѣ наши страданія, чтобы спасти страждущихъ. Ибо они не видятъ исполненія этой спасительной и достойной благости Божіей цѣли, а только говорятъ, что Богъ усвоилъ Себѣ страданія, не обращая вниманія на то, что чрезъ это совершилось дѣло спасенія человѣческаго. Но ничто, спасительное для человѣка, не унижаетъ Бога; чрезъ это Богъ не является подлежащимъ страданію, а человѣколюбивымъ. Но я не смѣю, говоритъ, приписывать Богу человѣческія немощи. Слѣдовательно, по словамъ твоимъ, Онъ не спасъ человѣка своими страданіями, не посрамилъ на крестѣ власти діавола, не пригвоздилъ къ древу нашихъ грѣховъ, не исцѣлилъ немощей человѣческихъ и не упразднилъ смерти смертію? Ибо если Богъ не усвоилъ Себѣ страданій, то отъ чего бы страданія Христа произ-

вели такія дѣйствія? Какимъ образомъ явились бы такія силы? Какъ смерть разрушилась бы смертію, если Богъ не усвоилъ ея Себѣ? Но эти страданія, усвоенныя Богомъ, получили силу производить такія дѣйствія отъ божества,—такъ какъ, будучи усвоены Богомъ, они не измѣнили существа Божія, которое навсегда остается безстрастнымъ. Какимъ образомъ пригвождено ко кресту бывшее противъ насъ рукописаніе грѣховъ, если простой человѣкъ претерпѣлъ крестъ? Какимъ образомъ крестъ распялъ бы грѣхъ, или смерть упразднила бы владычество смерти, если бы они не принадлежали Богу и не получили силы отъ Него, который принадлежащее намъ усвоилъ Себѣ, не потерпѣвши ничего въ своемъ естествѣ? Показывая это самое, великій апостолъ сказалъ, что никто изъ князей вѣка сего не уразумѣлъ тайны страданій Господнихъ. *Аще*, говоритъ, *быша разумѣли, не быша Господа славы распяли* (1 Кор. 2, 8). Посему мы говоримъ, что Онъ остается тѣмъ, чѣмъ былъ, и сдѣлался тѣмъ, чѣмъ не былъ. Ибо, оставаясь въ сущности тѣмъ, чѣмъ былъ, Онъ принялъ немощи, соединившись съ немощною природою. Онъ сдѣлался послушливымъ, не отлагая царства, сдѣлался человѣкомъ, оставаясь Богомъ и Словомъ, и будучи безплотенъ по естеству, сдѣлался плотію непреложно. Ка-

кимъ образомъ? Не такъ, какъ ты можешь думать, но такъ, какъ Онъ имѣетъ силу совершать чудеса. Ибо, когда я говорю тебѣ о чудѣ, оставь свои умствованія; знаменія и чудеса утверждаются вѣрою въ Бога, а не изслѣдуются разумомъ. По нашему разумѣнію нѣтъ никакого чуда, а между тѣмъ каждое изъ чудесъ совершалось, хотя разумъ нашъ не постигаетъ этого. Это признали и волхвы, которые повѣрили звѣздѣ и не усиливались изслѣдывать явленіе. Варвары принимаютъ вѣрою чудеса, а ты вѣрующій почему остался невѣрующимъ, нисшадая къ человѣческому разуму. Пришедшіе изъ Халдеи, по сказанію евангелиста, нынѣ показали тайну своими дарами, если правильно разумѣть намѣреніе этихъ варваровъ. Они приносятъ три рода сокровищъ: золото, ливанъ и смирну, золото—потому, что пріемлющій честь есть Царь; ливанъ—потому, что раждаемый есть Богъ, ибо этотъ даръ по обычаю приносили тѣмъ, коихъ почитали богами; принесли также и смирну, указывая ею, какъ я думаю, на смертныя страданія. Видишь ли, какъ даже волхвы исповѣдали, что Онъ и пребылъ Богомъ, и сдѣлался человѣкомъ, воспріемлющимъ смерть? Онъ сдѣлался подобнымъ мнѣ, чтобы возвести до своего достоинства нашу природу. Ибо соединеніе производитъ это, сообщая одному то, что свойствен-

но другому. Итакъ Онъ, будучи Богомъ, сдѣлался человѣкомъ для того, чтобы человѣкъ былъ Богомъ ([1]), возвысившись чрезъ эту связь до божественной славы, такъ чтобы одинъ и тотъ же и былъ прославленъ, какъ Богъ, и претерпѣлъ то, что свойственно человѣку. И это исповѣдали съ нами тѣ, кои исповѣдуютъ божество и человѣчество вмѣстѣ. Ибо то, что соединено, считается не двумя, а однимъ. Но опять, если ты раздѣляешь мыслію и смотришь на каждую часть въ отдѣльности, то, безъ сомнѣнія, разрушаешь единство. Ибо невозможно вмѣстѣ и сохранить единство и разсматривать то и другое въ отдѣльности; но что соединено, то неразрывно едино и никакъ не составляетъ двухъ. Но ты говоришь: я раздѣляю только въ мысли. Слѣдовательно тою же мыслію разрушаешь единство. Ибо чѣмъ разъединяешь одно отъ другаго, тѣмъ самымъ разрываешь связь. Итакъ зачѣмъ ты разрушаешь домостроительство спасенія, разумѣя два и отвергая единство? Великій апостолъ говоритъ: *Іисусъ Христосъ вчера и днесь, той же и во вѣки* (Евр. 13, 8), называя одного и тогоже и вѣчнымъ Богомъ, и

(1) Т. е. въ лицѣ Іисуса Христа, какъ Богочеловѣка.

человѣкомъ, получившимъ начало во времени, изъ которыхъ однимъ Онъ былъ прежде, а другимъ содѣлался послѣ. Но какимъ образомъ, скажетъ кто нибудь, Единородный содѣлался рабомъ, оставаясь тѣмъ, чѣмъ былъ, и содѣлавшись тѣмъ, чѣмъ не былъ? Если хочешь знать, то знай только то, что содѣлался, а какимъ образомъ, это вѣдомо одному Творцу чудесъ. Ты не можешь мнѣ сказать, какимъ образомъ у египтянъ рѣка превратилась въ кровь, тогда какъ природа воды осталась неизмѣнною. Ибо, тогда какъ евреи употребляли воду, для египтянъ напротивъ Нилъ сдѣлался кровію: сдѣлался тѣмъ, чѣмъ не былъ, оставаясь тѣмъ, чѣмъ былъ. Какимъ образомъ? скажи мнѣ; но ты не можешь сказать. Ибо чудо есть дѣло Божіе, необъяснимое разумомъ. Еще, какимъ образомъ въ Египтѣ свѣтъ сдѣлался мракомъ, тогда какъ свѣтъ не изчезъ, а оставался тѣмъ, чѣмъ былъ? Ибо для израильтянъ былъ день, и яркій свѣтъ свѣтилъ имъ, а для египтянъ этотъ свѣтъ сдѣлался мракомъ, и тогда какъ видѣнное было одно, это былъ свѣтъ и вмѣстѣ мракъ; свѣтъ не перемѣнился, а тьма явилась. Потому что тьма явилась въ то время, какъ свѣтъ отъ этого не потерпѣлъ ничего, по чудодѣйствію Божію, не ограничивающемуся естественными условіями. Итакъ, какимъ образомъ вода въ Нилѣ, оставаясь

водою, сдѣлалась кровію? Или какъ свѣтъ, оставаясь съ своими естественными свойствами, сдѣлался мракомъ? Ибо одно не потерпѣло поврежденія, и другое сдѣлалось. Вода въ своихъ свойствахъ не испортилась,—это доказали евреи, употреблявшіе ее въ питье. Между тѣмъ и самая природа воды осталась въ своихъ предѣлахъ, и сдѣлалась кровію, чѣмъ не была, такъ какъ Богъ являетъ чудо непонятнымъ для насъ образомъ. Также, какимъ образомъ вавилонское пламя сдѣлалось для трехъ отроковъ росою? и пламя было, и роса явилась, и какъ то, такъ и другое обнаруживались въ свойственнымъ имъ дѣйствіяхъ. Что была роса, это показали три отрока, для которыхъ она служила прохладою, а что было также пламя, это доказали вавилоняне, сожженные имъ. Видишь, какимъ образомъ огонь остался огнемъ, и сдѣлался росою: видѣнное составляло не двѣ вещи, не двѣ природы, но было однимъ и тѣмъ же: что было пламенемъ, то сдѣлалось росою, при чемъ пламя не измѣнилось, какъ показали вавилоняне, но оставаясь тѣмъ, чѣмъ было, сдѣлалось росою, какъ доказали праведники. Итакъ не спрашивай меня болѣе объ образѣ знаменій Божіихъ; ибо я опять скажу тебѣ: чудеса показываютъ только, что совершилось, а знать образъ совершенія я предоставляю Богу. Затѣмъ скажи

мнѣ: если Богъ совершилъ это чудо, пламя сдѣлалъ росою, не измѣняя пламени и превращая его въ росу, желая разрушить силу тиранна, защитить невинно осужденныхъ и истребить виновныхъ варваровъ, если такого рода чудо совершилъ Богъ, сохранивши огонь въ его естественныхъ свойствахъ, и показавши росу, совершилъ для сохраненія трехъ отроковъ, то можешь ли сомнѣваться въ томъ, что Богъ, оставаясь Богомъ, содѣлался человѣкомъ для спасенія міра? Если Ему не было нужды измѣнять пламя, чтобы произвести росу, то почему, восхотѣвъ сдѣлаться человѣкомъ для спасенія людей, Онъ имѣлъ бы необходимость измѣнить свое естество? Огонь, не измѣняясь, сдѣлался росою; а ты говоришь, какимъ образомъ Богъ пребываетъ Богомъ и дѣлается человѣкомъ? Восхотѣвъ спасти нашу природу, Богъ устроилъ спасеніе не чрезъ другихъ, но чрезъ Себя самого. Потому что никакая тварь не могла спасти насъ по причинѣ глубокаго укорененія въ насъ грѣха и неправды. Ибо долговременная привычка къ неправдѣ заступила въ людяхъ мѣсто природы, искажая природу. Пророкъ пророчествовалъ, но его проповѣдь не имѣла силы, потому что неправда брала надъ нею верхъ. Ангелы были служителями нашего спасенія, и великій апостолъ такъ свидѣтельствуетъ объ ангелахъ:

не веси ли суть служебніи дуси, въ служеніе посылаеми за хотящихъ наслѣдовати спасеніе (Евр. 1, 4). Ангелъ, существо высшее по природѣ, служилъ нашему спасенію, но человѣкъ, склонный по своей волѣ ко злу, не спасался. Итакъ ничто не сильно было побѣдить человѣческое нерадѣніе. Ибо зло людей нечестивыхъ брало верхъ надъ усиліями добрыхъ, не потому, что бы Богъ побѣждался, но потому, что добродѣтель Онъ предоставляетъ хотѣнію свободной воли. Ибо Богъ не принуждаетъ тебя творить правду и не влечетъ тебя насильно къ добродѣтели, чтобы ты самъ, добровольно совершая добродѣтель, обращалъ ее въ собственное свое дѣло. Итакъ что же? Такъ какъ и пророки были побѣждены и учители ничего не сдѣлали, и законъ былъ безсиленъ, и попеченіе ангеловъ было тщетно, когда воля человѣческая не слѣдовала добру, то приходитъ самъ Творецъ природы, чтобы возстановить падшую природу, приходитъ не съ сильнымъ шумомъ, какъ Богъ, не съ громами, поражающими слухъ, не окруженный облаками и не показывая въ облакахъ страшныхъ молній, не устрашая слушающихъ звукомъ трубнымъ, какъ нѣкогда являлся іудеямъ, чтобы внушить страхъ, не удаляетъ раба, но наипаче призываетъ его своею благодатію и благостію. Онъ не приходитъ въ сонмѣ ар-

хангеловъ, не приводитъ въ движеніе воинство ангеловъ, ибо не хотѣлъ устрашить уклонившагося отъ Его закона. Но приходитъ Владыка всѣхъ въ образѣ раба, окруженный бѣдностію, чтобы не устрашить уловляемаго имъ, раждается въ незнатномъ мѣстѣ, избравши для сего безъизвѣстную область; раждается отъ бѣдной Дѣвы, принимаетъ всю нищету, чтобы безъ шума уловить человѣка во спасеніе. Ибо если бы Онъ родился въ знатности и явился окруженный великимъ богатствомъ, то невѣрующіе сказали бы, что богатство произвело перемѣну во вселенной. Если бы Онъ избралъ великій Римъ, то опять перемѣну во вселенной отнесли бы къ силѣ гражданской. Если бы Онъ былъ сынъ царя, то успѣхъ приписали бы власти. Если бы Онъ явился сыномъ законадателя, то успѣхъ приписали бы его законамъ. Но что Онъ дѣлаетъ? Онъ проходитъ всѣ состоянія бѣдности и незнатности, всѣ степени скудости, для многихъ неизвѣстныя, чтобы въ преобразованіи міра познано было дѣйствіе одного только Божества. Для сего Онъ избираетъ бѣдную мать, еще болѣе бѣдное отечество; терпитъ нищету и эту нищету показываютъ тебѣ ясли. За недостаткомъ ложа, на которое Онъ возлегъ бы, какъ Господь, Онъ полагается въ ясляхъ,—и такая

крайняя нищета служитъ прекраснымъ объясненіемъ пророчества. Онъ полагается въ ясляхъ, показывая тѣмъ, что Онъ даетъ пищу самымъ неразумнымъ животнымъ. Слово Божіе, полагаясь въ *ясляхъ* и живя въ нищетѣ, привлекаетъ къ Себѣ богатыхъ и бѣдныхъ, краснорѣчивыхъ и имѣющихъ недостаточный даръ слова. Видишь, какимъ образомъ состояніе нищеты послужило исполненію пророчества, и нищета открыла всѣмъ доступъ къ Нему, обнищавшему насъ ради. Ибо никто не удалялся отъ Христа изъ боязни Его богатыхъ сокровищь, никому не возбранила придти къ Нему высота царства; Онъ явился общедоступнымъ и бѣднымъ, принесшимъ Себя во спасеніе всѣхъ. Божественное Слово по плоти полагается въ *ясляхъ* для того, чтобы какъ разумное, такъ и не разумное имѣло часть въ спасительной пищѣ. Объ этомъ, мнѣ кажется, предвозвѣстилъ еще пророкъ, когда говорилъ о тайнѣ сихъ яслей: *позна волъ стяжавшаго и оселъ ясли господина своего, Израиль же мене не позна и людіе мои не разумѣша* (Ис. 1, 3). Потому что, хотя рѣчь имѣетъ тотъ простѣйшій смыслъ, что евреи грубѣе самыхъ неразумныхъ животныхъ, однакожь можетъ указывать и на ясли Господа, положенный въ которыхъ, Онъ содѣлался пищею для нераз-

умнѣйшихъ [1]. Ибо пророкъ не неопредѣленно выражается о ясляхъ, но называетъ ихъ яслями господина своего, означая такимъ образомъ, какъ я думаю, опредѣленныя ясли. Но объ этомъ пусть любомудрствуетъ кто какъ хочетъ, услаждаясь различнымъ разумѣніемъ божественнаго Писанія. Мы же покажемъ, что богатый по божеству обнищалъ ради насъ, содѣлывая спасеніе благопріемлемымъ для всѣхъ. Это самое выражая, Павелъ сказалъ: *ради насъ обнища богатъ сый, да мы нищетою Его обогатимся* (2 Кор. 8, 9). Кто былъ этотъ богатый? Почему Онъ богатъ? И какимъ образомъ Онъ обнищалъ ради насъ? Пусть скажутъ намъ тѣ, которые отдѣляютъ человѣка отъ Бога Слова, соединенное раздѣляютъ раздѣльнымъ представленіемъ естествъ, называя Христа чѣмъ-то двоякимъ, и приводя это въ силу только мысли своей для защищенія себя. Итакъ скажи мнѣ, кто это, будучи богатымъ, обнищалъ моею нищетою? Тотъ ли, кто явился человѣкомъ, котораго ты отдѣляешь отъ божества? Но Онъ никогда не былъ богатъ, а родился бѣднымъ отъ бѣдныхъ родителей. Итакъ кто этотъ богатый, и чѣмъ богатъ Онъ, обнищавый ради насъ? Богъ бо-

---

(1) Т. е. іудеевъ и язычниковъ,—въ таинствѣ евхаристіи.

гатъ своимъ творенiемъ. Итакъ Богъ же и обнищалъ, усвоивъ себѣ нищету видимой природы. Онъ и богатъ божествомъ, и обнищалъ ради насъ. Ты не можешь назвать богатымъ человѣка, который бѣденъ по природѣ и по состоянiю, не можешь сказать и того, что обнищалъ богатый божественнымъ величiемъ, если не припишешь Ему того, что свойственно человѣку. Посему и апостолъ, соединяя славу божества съ человѣческими немощами, и соединеное не желая раздѣлять ни мыслiю, ни словомъ, объ одномъ и томъ же говоритъ, что Онъ и богатъ по божеству и обнищалъ по немощамъ, богатъ самъ въ Себѣ и претерпѣлъ нищету ради насъ. Итакъ если богатый божествомъ обнищалъ человѣческою нищетою, то какъ не претерпѣлъ Онъ и остальное, благоволивши по милости своей содѣлаться человѣкомъ? Но довольно объ этомъ. Ты обрати взоръ свой на бѣднѣйшее жилище Того, кто богатъ на небесахъ, смотри на ясли сѣдящаго выше херувимовъ, смотри на пелены, которыми повитъ связавшiй море пескомъ, смотри на дольнюю Его нищету съ размышленiэмъ о горнемъ Его богатствѣ. Если ты такъ будешь размышлять о божественномъ снисхожденiи Бога Слова, то усмотришь величiе Его благодати и человѣколюбiя. Ибо и въ самой этой нищетѣ открывается богатство божества Его,

когда звѣзда указываетъ бѣднаго волхвамъ и приводитъ къ яслямъ бѣднаго варваровъ. Кромѣ того о семъ обнищавшемъ возвѣстили пастырямъ радующіеся ангелы, воспѣвая богатство божества Его. И волхвы принесли ливанъ явившемуся, какъ Богу, не отдѣляя естества отъ естества и мыслію своею не раздѣляя соединеннаго, но чрезъ чудо признавали въ явившемся Бога, принесли ливанъ Ему, показывая симъ самымъ божественное достоинство (Его). И ангелы не раздѣляли мысленно, какъ ты, родившагося отъ Бога Слова, но признавая однимъ и тѣмъ же и видимаго и мыслимаго, взывали: *слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, во человѣцѣхъ благоволеніе* (Лук. 2, 14), не такъ, чтобы говорили одно, а разумѣли другое, какъ это ты дѣлаешь, и, словами исповѣдуя единаго Христа Іисуса, раздѣляли Его мыслію, подобно тебѣ, у котораго мысли противорѣчатъ словамъ, но прославили одного и того же Бога. Такимъ образомъ въ нищетѣ и въ ясляхъ Онъ явился всѣмъ. Посему Онъ и обвивается пеленами и прославляется ангелами, и полагается въ ясляхъ и возвѣщается звѣздою, не низшедшею къ волхвамъ звѣздою, ибо звѣзды не перемѣняютъ своихъ мѣстъ. Но такъ какъ въ Халдеѣ много наблюдателей за движеніями звѣздъ, нѣкая высшая сила, роководя волхвовъ, при-

няла видъ звѣзды, дабы халдеи изъ того, чему научились, узнали то, чего не знали, и, занимаясь астрономіею, у самихъ звѣздъ научились тайнамъ Христовымъ. Что это была не звѣзда, а сила ангельская, руководившая варваровъ къ вѣрѣ,—это показываетъ самъ евангелистъ, когда говоритъ, что эта звѣзда днемъ иногда являлась, иногда снова скрывалась, а иногда вела волхвовъ и шла вмѣстѣ съ ними въ Виѳлеемъ, чтобы никто не могъ сказать, будто это сдѣлала одна изъ обыкновенныхъ, видимыхъ звѣздъ, а не сила, явившаяся астрономамъ въ видѣ звѣзды. Говоря далѣе о звѣздѣ, что она остановилась надъ младенцемъ, онъ ясно показываетъ, что явившееся было не иное что, какъ сила. Ибо изъ числа звѣздъ, расположенныхъ на небѣ, ни одна не могла остановиться надъ младенцемъ,—такъ какъ обширность небеснаго пространства, неизмѣримая для взора, не даетъ чувству видѣть ясно ни положенія, ни движенія звѣздъ. *Ста*, сказано, *звѣзда верху, идѣже бѣ отроча*. Слѣдовательно явившаяся звѣзда, спустившись съ высоты, стала ниже, чтобы своимъ положеніемъ указать рожденіе царя. Ибо волхвы искали царя, спрашивали о рожденіи царя и говорили іудеямъ: *гдѣ есть рождейся царь іудейскій? видѣхомъ бо звѣзду Его на востоцѣ, и пріидохомъ поклонитися*

Ему (Мате. 2, 2). Ты, вохвъ, царя ищешь? для чего же приносишь Ему, какъ Богу, ливанъ? Но я позналъ Царя и Бога. Потому приношу Ему и золото и ливанъ, означая этими дарами Царя и Бога вмѣстѣ.

Тотъ, кто неизреченною силою призвалъ къ вѣрѣ волхвовъ, установилъ въ настоящій день и этотъ свѣтлый праздникъ; но теперь Онъ уже не полагается въ *ясляхъ*, но предлагается на этой спасительной трапезѣ. Тѣ ясли сдѣлались какъ-бы началомъ этой трапезы. Для того Онъ положенъ былъ въ ясляхъ, чтобы вкушаемъ былъ на этой трапезѣ, и былъ для вѣрныхъ спасительною пищею. Тѣ ясли означали сію трапезу, а Дѣва дала начало симъ ликамъ дѣвъ; простота виѳлеемскаго вертепа указывала на эти славные храмы, и тогдашнія пелены послужили къ разрѣшенію настоящихъ грѣховъ. Видишь ли, какія прекрасныя дѣйствія совершаетъ нынѣ нищета? Видишь ли, источникомъ какого богатства сдѣлалась бѣдность? Сдѣлало ли какой нибудь вредъ это временное уничиженіе, принесшее столько сокровищь міру? Зачѣмъ же ты осуждаешь во Христѣ виѳлеемское уничиженіе? Зачѣмъ выставляешь на видъ нищету, не обращая вниманія на блага, доставленныя ею міру? Зачѣмъ называешь недостойными Бога страданія, которыя были причиною стольких

благъ? Зачѣмъ отнимаешь у Единороднаго раны, изъ которыхъ проистекло такое спасеніе людямъ? Зачѣмъ ты привязываешься къ страданіямъ, и не смотришь на то, сколько благъ они принесли міру? Зачѣмъ называешь недостойною Бога нищету, посредствомъ которой міръ обогатился вѣрою? Зачѣмъ называешь недостойною Бога смерть, которою Богъ разрушилъ смерть? Для чего отнимаешь у Бога крестъ, которымъ Богъ восторжествовалъ надъ нечестіемъ демоновъ? Зачѣмъ этого только ты не признаешь въ Богѣ, который пригвоздилъ нашъ грѣхъ ко кресту? Не отвергай страданій, изъ которыхъ раждается безстрастіе. Не порицай уничиженія, которымъ разрушается власть діавола. Не осуждай въ Богѣ заушенія, которымъ Онъ освободилъ человѣка отъ грѣховъ. Не говори, что недостойны Бога узы, которыми Онъ разрѣшилъ узы грѣховныя. Не называй недостойною Бога нищету, чрезъ которую діаволъ, бывъ богатъ ложью, оскудѣлъ. Не осуждай креста, разрушившаго алтари. Не презирай гвоздей, которыми Христосъ соединилъ міръ въ единомысліе вѣры. Ты обращай вниманіе не на то, что уничиженно, а на то, что произведено изъ этого понесшимъ уничиженіе. И тогда, если ты благоразуменъ и вѣришь вещамъ очевиднымъ, не скажешь, что это было дѣло простаго человѣка, под-

верженнаго страдавіямъ. Почему ты называешь низкимъ то, что Богъ воспріялъ Себѣ для нашего спасенія? Ибо, хотя это суть немощи и по природѣ и по названію, однакожъ онѣ служатъ къ уврачеванію нашихъ немощей. Итакъ ты называй ихъ не немощами, а врачествомъ противъ немощей. Также не выставляй въ упрекъ божеству дѣвственные члены. Ибо по природѣ своей члены не заслуживаютъ осужденія, но привходящія безчестныя страсти вредятъ благородству тѣла. Члены по природѣ не постыдны, но они унижаются нечистыми пожеланіями. Ибо, если бы они были постыдны по природѣ, то Богъ не сотворилъ бы ихъ своими руками, такъ какъ Богъ есть творецъ не постыднаго, но прекраснѣйшаго. Ибо, говоритъ слово Божіе, и *видѣ Богъ вся, елика сотвори, и се добра зѣло* (Быт. 1, 31). Въ твореніи Божіемъ нѣтъ ничего злаго по природѣ, и Богъ не сотворилъ ничего постыднаго; но мы, ниспавши изъ первобытнаго состоянія, обезчестили свою природу нечистыми пожеланіями. Итакъ, если Бога нельзя обвинять за то, что Онъ сотворилъ женское естество, то для Него не безчестно было и обитать въ немъ. Не недостойно Бога обитать въ своемъ твореніи.

Далѣе, если ты спросишь, почему Онъ, оставивъ небо, обиталъ въ утробѣ, то я отвѣчу

тебѣ: потому, что Онъ, будучи Богомъ, содѣлался человѣкомъ для человѣка, не переставая быть Богомъ и не измѣняя своего существа. Итакъ мы должны исповѣдывать одного и тогоже Богомъ и человѣкомъ,—Богомъ предвѣчнымъ и человѣкомъ, получившимъ начало въ рожденіи, не два лица, но одно, и не такъ, чтобы объ одномъ говорили, а двухъ разумѣли. Ибо не должно быть противорѣчія между мыслію и словомъ. Мы не должны разумѣть двухъ, а исповѣдывать одного. Ибо что̀ соединено по божественному домостроительству и чудеснымъ образомъ, то̀ не раздѣляется ни словомъ, ни мыслію. Когда въ какой нибудь мысли раздѣляется соединенное, тогда разумѣется раздѣленное, а самая мысль бываетъ ложною, раздѣляя то̀, что̀ всегда соединено. Слѣдовательно мысль надобно согласовать съ словомъ и называть одно и тоже лице Христомъ и притомъ человѣкомъ и Богомъ. Посему и разумѣй одно лице. Если же ты будешь говорить объ одномъ лицѣ, а разумѣть два, то мысль твоя будетъ въ противорѣчіи съ словомъ. Итакъ не говори о двухъ, раздѣленныхъ какимъ нибудь различіемъ. Если ты соединилъ словомъ, а раздѣлилъ мыслію, то ты отвергъ единство. Итакъ не доводи ума своего до раздѣленія естествъ, когда Богъ чудеснымъ образомъ произвелъ единство; вѣрь

чуду, и не испытывай умомъ совершившагося. Не старайся разрѣшать чудо, чтобы найти его законы. Ибо то не есть чудо, въ чемъ познаются законы. Если извѣстны законы явленія, то это явленіе уже не есть знаменіе или чудо. Если же это знаменіе и чудо, то, оставивъ разсужденіе, воспріими вѣру и исповѣдуй одного Господа Іисуса Христа, Бога и человѣка вмѣстѣ, не раздѣляемаго мыслію, для того, чтобы мы, раздѣляя своими мыслями соединенное, не отвергли домостроительства спасенія. Ибо, если единеніе Бога и человѣка познается чрезъ домостроительство спасенія, то тотъ, кто раздѣляетъ единство, отвергаетъ домостроительство спасенія. Итакъ будемъ имѣть вѣру, какъ въ домостроительство спасенія, такъ и въ чудеса, чтобы Христосъ, въ котораго мы вѣруемъ, исповѣдующимъ благодать Его даровалъ царство небесное. Сего царства да удостоимся достигнуть всѣ мы благодатію Христа, которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Тогоже Ѳеодота, епископа инкирскаго, бесѣда на день рожества Спасителя, читанная на соборѣ въ присутствіи епископа Кирилла.

Прекрасенъ предметъ настоящаго торжества, приносящій людямъ общее спасеніе. До-

стославно также и настоящее собраніе, пріемлющее дарованную благодать съ благодареніемъ. А благодать, обыкновенно, съ обиліемъ изливается на тѣхъ, которые пріемлютъ ее съ благодареніемъ. Потому что дары сообщаются по мѣрѣ благодарности тѣхъ, которые получаютъ ихъ. Когда оказываешь благодарность благодѣтелю за получаемый отъ него даръ, тогда не только вознаграждаешь за полученное, но обязываешь благодѣтеля къ большимъ благодѣяніемъ. Итакъ съ благодареніемъ принимайте сію предлагаемую благодать и настоящій праздникъ содѣлайте свѣтлымъ для насъ. Причиною же настоящаго праздника служитъ явленіе Бога между людьми, пришествіе всегда присущаго, присутствіе все наполняющаго, посѣщеніе все видящаго. *Во своя пріиде*, говоритъ слово Божіе, *и свои Его не пріяша*, и еще: *въ мірѣ бѣ, и міръ тѣмъ бысть, и міръ Его не позна* (Іон. 1, 10. 11). Но это невѣдѣніе не вмѣняется въ вину людямъ. Бога, по божественному Его естеству, не можетъ объять человѣческая мысль; разумъ человѣческій не можетъ созерцать Его; божественное естество не доступно понятію ума человѣческаго; оно выше того, что̀ постигается нашимъ чувствомъ. Итакъ у насъ нѣтъ познанія Бога, по причинѣ превосходства Его естества. Для устраненія этого великаго для насъ несчастія, невидимый при-

нимаетъ видимое естество; неприкосновенный принимаетъ на Себя осязаемое тѣло; невидимый Богъ становится видимымъ; Слово Божіе облекается въ тѣло; единородный Сынъ Божій соединяется съ своими рабами общеніемъ по рожденію для того, чтобы естество, превышающее разумъ человѣческій, не оставалось недоступнымъ. Не думай, будто родился Сынъ, чуждый божеству. Ибо издревле предъизображалось пришествіе Божіе, и непостижимый зримъ былъ всегда въ человѣческомъ образѣ, при помощи стихій видимыхъ для насъ. Иначе пусть предстанетъ іудей, пусть придетъ сюда невѣрующій явленію Бога въ человѣческомъ естествѣ; пусть скажетъ мнѣ: какимъ образомъ Моисей видѣлъ Бога? Видѣлъ ли онъ невидимое естество? никакъ; оно непостижимо для ума человѣческаго. Итакъ, какъ же видѣлъ, скажи, умоляю тебя. Онъ видѣлъ огонь, горящій изъ купины, но самой купины не опаляющій. Почему же не вѣруешь въ рождаемаго отъ Дѣвы, и сохранившаго Дѣву невредимою? Ты, слыша, что Богъ провозглашаетъ изъ купины и говоритъ Моисею: *Азъ есмь Богъ Авраамовъ, и Богъ Исааковъ, и Богъ Іаковль* (Исх. 3, 6), а самъ Моисей воздаетъ поклоненіе, вѣруешь, разумѣя не огонь видимый, а провозглашающаго Бога; когда же я упоминаю о дѣвической утробѣ, ты отвра-

щаешься. Скажи мнѣ: что маловажнѣе, купина ли, или дѣвическая утроба, чистая отъ всякой грѣховной страсти? Неужели ты не знаешь, что событія, совершившіяся въ древнія времена, заключаютъ въ себѣ образы новѣйшихъ событій, совершившихся теперь? Тайны предуказаны были древнимъ въ образахъ. Почему купина горитъ, огонь видѣнъ, и однакожь дѣйствія, свойственнаго огню, не совершается? Огонь свѣтитъ, а не опаляетъ, сіяетъ, а не пожираетъ, оказываетъ благодѣяніе, а не причиняетъ мученій. Неужели не усматриваешь ты въ купинѣ Дѣву? Неужели не видишь во огнѣ любви и человѣколюбія Того, кто снизшелъ къ намъ? Судія обращается между виновными, а судъ не производится. Судія находится среди осуждаемыхъ, а наказанія нигдѣ не видно. Судія приходитъ не съ судомъ, а съ ученіемъ, не съ осужденіемъ, а съ врачеваніемъ. Видишь, какъ тотъ таинственный огонь предъизображалъ явленное здѣсь милосердіе. Не дивись, что Богъ Слово раждается изъ дѣвической утробы. Богъ не дѣлаетъ ничего безславнаго въ томъ, что раждается для нашего спасенія. Не почитай естество божественное оттого униженнымъ и презрѣннымъ, что будто нѣкогда оно подлежало уничиженію. Все слабое и бренное, принятое Богомъ для нашаго спасенія, не наноситъ без-

честія Его естеству; Онъ усвоилъ Себѣ земное, чтобы спасти наше естество. Если же это низкое не дѣлаетъ никакого униженія естеству блаженнаго Бога и содѣлываетъ наше спасеніе: то какъ ты смѣешь говорить, будто то, что̀ дѣлается для насъ во спасеніе, наноситъ безчестіе Богу? Итакъ Богъ родился днесь отъ Дѣвы, а Дѣва, сохранивши непорочность дѣвства, содѣлалась матерію. Ибо дающій нерастлѣніе не производитъ растлѣнія, виновникъ нерастлѣнія не совершилъ никакого растлѣнія.

Фотинъ говоритъ, что родившійся нынѣ есть простой человѣкъ, и отрицая рожденіе Божіе, утверждаетъ, что произшедшій изъ утробы есть человѣкъ, отличный отъ Бо̀га; пусть же покажетъ мнѣ теперь, какъ могло случиться, чтобы человѣческое естество, произшедшее изъ дѣвической утробы, сохранило невредимыми ключи дѣвства. Ибо ни одна мать человѣка не остается дѣвою. Смотри, какъ рожденіе приводитъ насъ къ двумъ мыслямъ о самомъ рожденномъ. Если Онъ рожденъ подобно намъ, то Онъ человѣкъ; если же сохранилъ неповрежденнымъ дѣвство матери, то всѣ здравомыслящіе признаютъ рожденнаго Богомъ. Ибо Богъ приходитъ въ міръ, не переходя съ мѣста на мѣсто, но воспринимая мою природу, или, какъ я сказалъ, благоволивъ открыть Себя невидимаго по своему естеству.

Итакъ въ рожденіи Онъ получилъ начало, не для того, чтобы быть Богомъ, а для того, чтобы быть видимымъ для людей. Будучи Богомъ, Онъ, по своему милосердію къ намъ, восхотѣлъ сдѣлаться человѣкомъ, чтобы мы усвоили себѣ самого Творца, какъ уже сроднаго намъ, чтобы мы, обременявшіеся прежде свойствомъ собственныхъ дѣлъ, чрезъ Него самого получили дерзновеніе. Когда приводимый предъ судилище не можетъ опереться на свои добрыя дѣла, онъ возлагаетъ свои надежды на заслуги своего родственника. Итакъ что же? Является Богъ, какъ человѣкъ, не переходя съ мѣста на мѣсто, но невидимое свое естество представляя видимымъ, и будучи видимъ, какъ человѣкъ, является и родственнымъ людямъ, какъ говоритъ и евангелистъ: *Слово плоть бысть.* Но кто нибудь скажетъ: какъ возможно, чтобы Богъ Слово сдѣлался человѣкомъ? Ты спрашиваешь объ образѣ чудесъ Божіихъ? Но если бы мы могли понять непостижимость этого образа, то чудо было бы не чудомъ, а естественнымъ дѣломъ. Если же совершившееся есть знаменіе и чудо, то образъ совершенія предоставь чудодѣйствующему Владыкѣ. Я хочу, чтобы ты зналъ совершившееся и вѣрою получилъ отъ того пользу; а какимъ образомъ совершилось, это предоставь совершителю. Ты довѣряешься настав-

леніямъ и предписаніямъ врача, поручаешь свое здоровье его искусству и не изслѣдуешь съ любопытствомъ правилъ врачеванія. Точно также и несвѣдущій въ какомъ либо другомъ искусствѣ не ислѣдываетъ пріемы художника, но, зная произведеніе, то, какимъ образомъ художникъ создалъ его, предоставляетъ самому искусству; а ты стараешься изслѣдовать законы всѣхъ божественныхъ чудесъ, какъ будво тебѣ нужно знать эти законы для того, чтобы творить тѣже самыя чудеса вмѣстѣ съ Богомъ. Повторяю опять, что̀ уже сказалъ: событіе, образъ совершенія котораго мы знаемъ, не есть чудо или знаменіе. Вотъ примѣръ. Архитекторъ строитъ домъ; мы знаемъ образъ постройки, видимъ матеріалы вмѣстѣ сложенные, можемъ разсказать, какъ и изъ чего домъ построенъ, хотя по неопытности не годимся быть строителями. Единородное Слово Божіе Іисусъ Христосъ бреніемъ открылъ глаза слѣпому отъ рожденія; это выше нашего разумѣнія; и какъ не можетъ быть постигнуто разумомъ человѣческимъ, то и именуется чудомъ; событіе, выходящее изъ обыкновеннаго порядка вещей, называется знаменіемъ; и хотя мы знаемъ то, что̀ совершилось, но образа совершенія объяснить не можемъ. Изъ глины выдѣлывается только слабый сосудъ, или кирпичь, но не образуется изящная форма глазъ,

не дѣлаются тонкія перепонки, не составляется разнообразный и красивый видъ зрачка, не производится художественная округлость съ такою прелестью цвѣта. Изъ глины нельзя образовать такого благороднаго органа, какъ глазъ. Итакъ земля воспринимаетъ несвойственную ей форму (ибо она негодна къ тому, чтобы принимать форму глаза), не потому, чтобы самъ совершитель чудесъ служилъ законамъ природы, но потому, что природу покорялъ своему изволенію. Посему не ссылайся болѣе на слабость человѣчоской природы, и не говори: какимъ образомъ человѣческая природа могла вмѣстить въ себѣ Бога? какимъ образомъ Богъ содѣлался человѣкомъ? какимъ образомъ Богъ Слово явился въ видимой плоти? Но вѣруй совершившемуся, а образъ совершенія предоставь знать самому совершителю. Если ты хочешь, чтобы мы пояснили тебѣ сказанное какимъ нибудь примѣромъ, то я покажу, какимъ образомъ безтѣлесное воплощается, невидимое дѣлается видимымъ, неосязаемое становится осязаемымъ, не измѣняя собственнаго естества, но принимая видимый и осязаемый образъ. Слово, которое произносится людьми, которое мы употребляемъ въ разговорѣ съ другими и которымъ передаемъ другъ другу свои мысли, недоступно ни для зрѣнія, ни для осязанія; но

воспринимается только слухомъ. Однакожь, когда я беру собственное наше слово въ примѣръ ѵпостаснаго Слова Божія, то никто не долженъ думать, будто я говорю, что и божественное Слово произносится устами. Нѣтъ. Сынъ Божій называется Словомъ потому, что божественное Писаніе изображаетъ рожденіе Его безстрастнымъ,—такъ какъ и умъ человѣческій раждаетъ слово безстрастно. Поэтому св. Писаніе называетъ Его въ иномъ мѣстѣ Сыномъ Отца, а въ другомъ Словомъ, а иногда сіяніемъ Отца. Каждое изъ этихъ наименованій приписывается Ему для того, чтобы ты имѣлъ истинное понятіе о Христѣ, уклоняясь отъ всякой хулы. Слово Божіе усвояетъ Ему и другія наименованія, съ тѣмъ, чтобы передать ученіе о славѣ Божіей. Такъ, напримѣръ, желая выразить единосущіе Сына Божія съ Богомъ Отцемъ, слово Божіе называетъ Сына единороднымъ. Ибо, какъ твой сынъ одной съ тобою природы, то св. Писаніе для выраженія того, что Отецъ и Сынъ имѣютъ одну и туже сущность, называетъ Сына единороднымъ, отъ Отца рожденнымъ, Сыномъ Отца. Потомъ, такъ какъ съ словами рожденіе и сынъ у насъ соединяется понятіе о страданіи, которымъ сопровождается рожденіе, то св. Писаніе называетъ Сына еще Словомъ, выражая этимъ послѣднимъ именемъ безстрастность рожденія.

Но такъ какъ всякій сдѣлавшійся отцемъ, какъ человѣкъ, безспорно старше своего сына (ибо самое наименованіе отчества указываетъ то, что отецъ представляется въ мысли существующимъ прежде сына): то, чтобы ты не отнесъ этого и къ божественному естеству, но исповѣдывалъ Единороднаго сущимъ всегда съ Отцемъ, слово Божіе именуетъ Сына Божія сіяніемъ Отца. Ибо сіяніе хотя происходитъ отъ солнца, но не позже солнца; по нашимъ понятіямъ, какъ скоро есть солнце, тогда есть и сіяніе, изъ него истекающее. Итакъ наименованіе Сына сіяніемъ Отца показываетъ тебѣ вѣчное бытіе Его съ Отцемъ, наименованіе Его Словомъ — безстрастность Его рожденія, наименованіе Сыномъ—единосущіе Его со Отцемъ.

Но возвратимся къ прежнему предмету; покажемъ явленіе родившагося днесь Бога и уяснимъ примѣромъ, какъ невидимое по естеству становится видимымъ, и неосязаемое, по своему безтѣлесному естеству, дѣлается осязаемымъ. Слово, произносимое нами и употребляемое въ нашихъ разговорахъ другъ съ другомъ, есть слово невещественное, невидимое для глазъ и неподлежащее осязанію. Но когда это слово облекается въ форму буквъ и вещественныхъ предметовъ, то становится и видимымъ и осязаемымъ. Представь себѣ кого

нибудь, говорящаго съ другимъ человѣкомъ. Видишь ли ты слово, выходящее изъ его устъ? Или, можно ли осязать его рукою, когда оно произносится? Если то, что̀ сказано устно, напишешь на бумагѣ, тогда увидишь то, чего ты прежде не видѣлъ, и чрезъ бумагу и буквы осяжешь образъ рѣчи, которую прежде не могъ осязать. Почему это? Потому, что невещественное слово приняло вещество бумаги и облеклось въ форму буквъ. Указавъ этотъ наглядный примѣръ, я покажу, при помощи его, и то, какимъ образомъ единородный Сынъ Божій, Богъ Слово, сущій прежде всѣхъ вѣковъ съ Отцемъ, безтѣлесный по естеству и въ послѣдствіи времени принявшій человѣческую плоть, родился отъ Дѣвы, получилъ начало не для того, чтобы быть Богомъ, но для того, чтобы явиться въ человѣческомъ видѣ. Не говори мнѣ: если Единородный родился отъ Отца, то какъ Онъ опять раждается отъ Дѣвы? Отъ Отца Онъ родился по естеству, а отъ Дѣвы раждается по божественному домостроительству; тамъ раждается, какъ Богъ, а здѣсь, какъ человѣкъ. И твое слово есть также порожденіе твоего ума. Но если это слово, родившееся въ твоемъ умѣ, ты захочешь выразить въ веществѣ и буквахъ, начертить на бумагѣ, и напишешь буквы рукою: то слову своему нѣкоторымъ образомъ дашь новое

рожденіе, не потому, будтобы оно получаетъ свое начало съ того времени, какъ ты пишешь его рукою, или когда изображаетъ рука твоя буквы (ибо оно еще прежде родилось изъ ума), но потому, что въ то время оно начинаетъ быть видимымъ для глазъ чрезъ буквы, изображенныя рукою. Итакъ, если этотъ примѣръ для тебя ясенъ и вразумителенъ, то приложимъ образъ къ самому Первообразу. Въ этомъ примѣрѣ ты видишь умъ, а въ самомъ Первообразѣ, для уясненія котораго мы взяли его, разумѣй Отца; тамъ ты познаешь слово, произведенное умомъ, а здѣсь созерцай своею мыслью существенное и ѵпостасное Слово, раждаемое отъ Отца; тамъ видишь руку, раждающую слова чрезъ буквы, а здѣсь разумѣй Дѣву, раждающую Слово по плоти, не такъ, будто этимъ рожденіемъ она дала начало божеству, но такъ, что родила Бога, вочеловѣчившагося и явившагося людямъ. А такъ какъ Богъ сдѣлался тѣмъ, что̀ и я, то необходимо и родился такъ, какъ я, воспринявши вмѣстѣ съ моимъ естествомъ и мое рожденіе. Поэтому Богъ Слово усвоилъ Себѣ и рожденіе, и, избравши матерію Дѣву, прошелъ чрезъ славную дѣвическую утробу. Богъ не отвращается ни отъ чего, созданнаго Имъ, потому что въ твореніи Его нѣтъ ничего недостойнаго Его. Все, что̀ сотворено Богомъ,

добро и притомъ добро зѣло, какъ самъ Творецъ нашелъ свои творенія. Ибо *видѣ Богъ вся, елика сотвори; и се добра зѣло* (Быт. 1, 31). На все смотри глазами непомраченными отъ страстей, и если будешь смотрѣть такъ, какъ смотритъ Богъ, то увидишь, что *вся добра зѣло*. Отбрось страсти и увидишь красоту творенія. Итакъ что̀ удивительнаго въ томъ, что Богъ восхотѣлъ обитать въ своемъ твореніи и доселѣ?

Но ты говоришь, что Богу прилично жить на небѣ; а человѣка представляешь недостойнымъ Бога обиталищемъ, разсуждая о существѣ дѣла не по истинѣ, а по страсти и по предзанятому мнѣнію. Скажи мнѣ, что выше— человѣкъ, или небо? Не смотри на блескъ стихій, не предпочитай природѣ предметовъ красоту цвѣта, не изумляйся предъ лучами сіяющаго солнца. Не возмущайся тѣмъ, что я, по словамъ божественнаго Іова, *кожею и плотію* облеченъ (Іов. 10, 11); но обрати вниманіе на превосходство разумной души, разсмотри составъ человѣка, и ты удивишься этому творенію. Онъ имѣетъ разумъ, способный господствовать и управлять всѣми прочими животными; имѣетъ руки, которыя служатъ его здравому разуму, которыми, какъ орудіями, производитъ онъ всякаго рода искусства. Только онъ одинъ изъ всѣхъ тварей одаренъ свобод-

нымъ произволомъ (въ своихъ дѣйствіяхъ), одного только человѣка Богъ создалъ господиномъ его воли. Не видишь ли, что солнце вращается по закону необходимости? Не замѣчаешь ли, какъ постоянно и всегда одинаково его обращеніе? А отъ чего это? Оттого, что оно не обладаетъ свободною волею; а ты поступаешь свободно, дѣлаешь, что̀ хочешь, не терпишь никакого насильственнаго принужденія; ты созданъ свободнымъ по душѣ. Солнце раболѣпствуетъ необходимости, а человѣкъ одаренъ свободною волею. Кто же лучше, скажи мнѣ, рабъ или свободный? порабощенный ли игу необходимости, или свободный отъ всякой необходимости? Итакъ ничего нѣтъ удивительнаго, ничего невѣроятнаго и новаго въ томъ, что Богъ обиталъ въ человѣкѣ, котораго при сотвореніи благоволилъ облечь своимъ образомъ. Любовь свою къ человѣку Богъ показалъ въ самомъ началѣ, когда взялъ персть изъ земли и образовалъ его, содѣлавши истинымъ образомъ своего божества. Для чего Богъ, положивши въ совѣтѣ своемъ почтить человѣка такъ высоко, образовалъ его изъ такого низкаго вещества? Для чего Богъ создалъ человѣка не изъ блестящей матеріи солнца, но изъ земли, изъ персти земной, вещества столь низкаго и попираемаго ногами всѣхъ животныхъ? Хочешь ли знать, для чего? Богъ по-

чтилъ человѣка своимъ образомъ и образовалъ его изъ бренной матеріи для того, чтобы преимущество чести не возгордило человѣка, чтобы, будучи предпочтенъ (видимой) природѣ, удерживался отъ паденія мыслію о бренности своей природы и разумѣлъ, что преимущество чести даровано ему не по заслугамъ его, а по благости дарующаго. Итакъ дѣломъ благости творческой было и то, что образъ Божій произошелъ по своей природѣ изъ земли. Эта природа служитъ залогомъ смиренной души. Слѣдовательно человѣкъ—высокое животное, хотя въ послѣдствіи времени онъ и унизился отъ прившедшихъ къ нему страстей. Не смотри на его паденіе, а цѣни въ немъ высокое достоинство божественнаго образа до грѣхопаденія его. Зачѣмъ ты презираешь его падшаго, забывая о первоначальномъ его устройствѣ, и не обращая вниманія на то достоинство, которымъ онъ преисполненъ былъ сначала, и которое снова и съ избыткомъ возвратилъ ему Богъ, возсоединивши съ Собою свой образъ. Ничто не отвергнуто было благостію Божіею. Для благаго Господа не унизительно придти въ общеніе съ рабомъ въ рабскомъ его состояніи; чрезъ это не унижается Благій, а познается тѣмъ, что̀ Онъ есть. Не удивляйся этому. Если ты устроишь себя самого въ жилище для Бога, то и Богъ будетъ

обитать въ тебѣ, хотя и не такъ, какъ во Христѣ. Ибо во Христѣ живетъ вся полнота божества *тѣлеснѣ* (Колос. 2, 9). Но, о чудо! Вся полнота божества обитаетъ тѣлесно въ одномъ и однакожь наполняетъ все и возвышается надъ всею тварію, всецѣло находится въ одномъ и не отдѣляется ни отъ одного изъ твореній. И сказанное не должно казаться тебѣ невозможнымъ. Такъ, напримѣръ, я произношу теперь слово; это слово все находится въ одномъ, и также дѣлается присущимъ во всѣхъ; и все это слово усвоилъ себѣ одинъ, но отъ многихъ другихъ оно не отчуждается. Итакъ, если вещь, имѣющая начало и конецъ, вся существуетъ въ одномъ и вся обрѣтается во всѣхъ: то что удивительнаго, если Богъ и весь былъ на небѣ и весь находится во всемъ?

Итакъ причина торжества въ настоящій день заключается въ томъ, что Богъ, содѣлавшись человѣкомъ, воспріялъ человѣческое, чтобы сообщить человѣку божественное, усвоилъ Себѣ страданія (τὰ πάθη), чтобы даровать намъ безстрастное (ἀπάθειαν), подвергся смерти, чтобы даровать намъ безсмертіе. Онъ принялъ на Себя наши немощи, какъ свои собственныя; однакожь не измѣнилъ своему собственному естеству, и усвоилъ ихъ Себѣ по своему свободному хотѣнію; и это сдѣлать было весьма прилично, когда Онъ опредѣлилъ спасти

человѣка. Почему же Онъ усвоилъ Себѣ немощи человѣческой природы? Потому, что восхотѣлъ немощи уничтожить немощію же, смерть упразднить смертію и подобное побѣдить подобнымъ. Онъ воспріялъ на Себя крестъ, претерпѣлъ заушенія, возложилъ на Себя узы, чтобы страданія, сдѣлавшіяся страданіями самого Бога, получили силу противъ страданій. Отъ этого божественное естество не потерпѣло поврежденія, приняло на себя немощи, не измѣняясь само въ себѣ, но сообщило этимъ немощамъ силу противъ немощей. Ибо смерть, какъ смерть самого Бога, упразднила смерть; умирая, Богъ разрушаетъ владычество смерти, потому что Онъ былъ Богъ и человѣкъ вмѣстѣ. Но чтобы и это для тебя было яснѣе, обратимся къ примѣру, прежде приведенному нами. Представимъ себѣ, что царь издаетъ какой нибудь эдиктъ, возвѣщающій кому бы то ни было свободу, или другую царскую милость, и, выразивши свою волю буквами на какой либо хартіи, посылаетъ въ тотъ или другой городъ; представимъ, что этотъ эдиктъ, который на языкѣ римлянъ называется священнымъ, прехватилъ кто нибудь невѣрный, непокорный, недругъ государства и врагъ царя, и, перехвативши, разорвалъ; скажи мнѣ: что здѣсь разорвано, хартія ли только, или царскій декретъ? Если скажешь, что

одна хартія, то этотъ поступокъ,—раздраніе хартіи—можетъ искупиться слишкомъ малою цѣною,—виновникъ его или вовсе не былъ бы подверженъ никакому наказанію, или заплатилъ бы какихъ нибудь пять оволовъ. Между тѣмъ такой человѣкъ подвергается самому строгому наказанію, опредѣленному за уголовныя преступленія, не только какъ разорвавшій бумагу, но и какъ уничтожившій царскій декретъ, не смотря на то, что царское слово не терпитъ отъ этого ничего, оставаясь тѣмъ, что̀ по существу своему не можетъ быть осязаемо рукою или разрываемо. Однакожь оно какъ-бы разрывается, потому что ему усвояется то, что̀ свойственно бумагѣ и письменамъ. Изъ этого видишь, какимъ образомъ то̀, что̀ само по себѣ не подлежитъ никакому страданію, подвергается страданію, потому что сообщается съ предметомъ, подлежащимъ страданію. Слово само по себѣ не можетъ быть разорвано на части, но оно принимаетъ на себя страдательное состояніе бумаги и письменъ. Итакъ пусть не извиняется іудей тѣмъ, будто онъ пригвоздилъ ко кресту простаго человѣка. Ибо то̀, что̀ видимо для глазъ, была бумага, но то̀, что̀ сокрывалось въ ней невидимо, было царское слово, выраженное не языкомъ, а въ существѣ. Единородный называется Словомъ, не тѣмъ словомъ, которое произносится уста-

ми, но ипостасным и существенным, и как Слово, не подлежащее страданію, Оно не страдало въ своемъ естествѣ, но перенесло на Себя страданія видимой природы, какъ свои собственныя. И какъ царскій эдиктъ, явившись въ вещественномъ видѣ бумаги и письменъ, обратилъ на себя страдательное состояніе бумаги: такъ и единородное Слово Божіе усвоило себѣ страданія пригвожденнаго ко кресту тѣла. Почему, какъ тотъ, кто разорвалъ царскую священную хартію, подвергается тягчайшему наказанію, какъ-бы повредившій самый царскій эдиктъ: такъ и іудей, распявшій видимое естество І. Христа, подвергся за то наказанію, какъ возставшій противъ самого божественнаго Слова. Ибо Богъ наказываетъ за такое злодѣяніе, какъ за оскорбленіе Его самого. Но объ этомъ довольно сказано. Надобно взять въ расчетъ и вашу память. Ибо обиліе рѣчи, обременяя мышленіе слушателей, приводитъ слушателей къ забвенію того, что̀ было сказано. Благодать Божія да совершитъ то, чтобы вы могли и сами обнять памятью сказанное, и другимъ доставить изъ того пользу, и наслѣдовали царство небесное. Сего царства да достигнемъ всѣ мы—благодатію Іисуса Христа, которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Бесѣда Кирилла александрійскаго, говоренная въ Ефесѣ, въ день св. евангелиста Іоанна.

Никакое слово недостаточно для выраженія славы и достоинства святыхъ. Ибо они являются въ мірѣ, какъ *свѣтила, слово животно придержаще* (Филипп. 2, 16), какъ сказано въ Писаніи. А когда они проповѣдуютъ божественныя тайны, прилично сказать имъ отъ лица всѣхъ: *не вы* есте *глаголющіи, но Духъ Отца вашего глаголяй въ васъ* (Матѳ. 10, 20). Они провозвѣстили намъ Іисуса, истинный свѣтъ и жизнь вѣчную, которому мы говоримъ словами блаженнаго Давида: *вся земля да поклонится Тебѣ и поетъ Тебѣ: да поетъ же имени твоему, Вышній* (Псал. 65, 4). Когда законъ, обнародованный чрезъ Моисея, имѣлъ еще свою силу, и Евангеліе еще не было возвѣщено, тогда былъ *вѣдомъ во Іудеи Богъ, во Израили веліе имя Его* (Псал. 75, 2). Моисей былъ слабъ голосомъ и косноязыченъ; поэтому и законъ слышался только во Іудеѣ. Но когда возсіялъ истинный свѣтъ, и Богъ Слово, какъ одинъ изъ насъ, воспріялъ плоть и кровь (Евр. 2, 14), тогда все исполнилось Имъ: вездѣ храмы и алтари, вездѣ собранія торжествующихъ, поклонники, добрые пасты-

ри и стада духовныхъ овецъ, во множествѣ наполняющія священныя пристанища. До пришествія Спасителя нашего родъ человѣческій блуждалъ по землѣ: люди служили твари вмѣсто Творца (Рим. 1, 25), покланялись произведеніямъ рукъ своихъ, и у всякаго заблуждающаго богомъ было то̀, что̀ ему нравилось. Но явилось намъ, какъ я сказалъ, единородное Слово Божіе, добрый Пастырь, истинный Агнецъ. Святая и неискусомужная Богородица Марія родила изъ дѣвической утробы, какъ животворное сѣмя, вочеловѣчившагося Бога, свободнаго въ образѣ раба, уподобившагося намъ ради насъ и высшаго всей твари, Того, который умалилъ Себя ради насъ, и явился въ божественной славѣ, Того, который уничижилъ самого Себя и возсѣдаетъ на престолѣ со Отцемъ, Того, который истощилъ самого Себя и отъ своей полноты раздѣляетъ достойнымъ блага, Того, который по человѣчеству вмѣстѣ съ нами творитъ поклоненіе, и какъ Богъ, служитъ предметомъ поклоненія не на землѣ только, но и на небѣ. Ибо, по слову Божію, *егда вводитъ Первороднаго во вселенную, глаголетъ: и да поклонятся Ему вси ангели Божіи* (Евр. 1, 6. Псал. 96, 7). Какимъ образомъ Онъ введенъ былъ во вселенную? Эту тайну открой мнѣ ты, евангелистъ, скажи мнѣ ты, святый Іоаннъ, назы-

ваемый сыномъ грома, ты, поражающій вселенную великимъ и необычайно сильнымъ звукомъ, обладающій безсмертнымъ гласомъ! Вотъ какое собраніе пастырей приступило къ тебѣ; отвали намъ камень, какъ св. Іаковъ пастырямъ (Быт. 29, 10); открой намъ кладезь жизни, чтобы и мы нынѣ могли почерпать изъ источниковъ спасенія; въ особенности же предложи намъ свой источникъ жизни. Итакъ внемлите словамъ его: *въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово; сей бѣ искони къ Богу* (Іоан. 1, 1. 2). Что единородный Сынъ Божій неизреченнымъ образомъ родился отъ Отца, этому мы издревле вѣровали; ты, евангелистъ, присовокупи къ сему и остальное. Итакъ внимайте опять словамъ его: *и Слово плоть бысть* (Іоан. 1, 14); не вселилось въ человѣка, а содѣлалось плотію, т. е., человѣкомъ. Единородное Слово Божіе содѣлалось человѣкомъ, не переставая быть Богомъ, но и въ воплощеніи оставаясь тѣмъ, чѣмъ было. Ибо естество Слова неизмѣнно. Въ Немъ нѣтъ и тѣни измѣненія. Такъ разумѣть научилъ насъ св. евангелистъ,—эта истинно-великая и свѣтлѣйшая звѣзда, звѣзда спасительнѣйшая не для тѣхъ, которые переплываютъ это чувственное море, но для тѣхъ, которые стремятся къ благочестію, которые любятъ истину и желаютъ имѣть правую и

чуждую заблужденій вѣру. Итакъ кто хочетъ плавать такимъ образомъ, тотъ пусть впечатлѣетъ въ умѣ своемъ слова сего богослова, какъ-бы звѣзду;—тогда онъ преодолѣетъ свирѣпыя волны ересей, приплыветъ къ тихому пристанищу и достигнетъ самой истины, т. е. Христа, въ которомъ Отцу со Святымъ Духомъ слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Бесѣда Θеодота, епископа анкирскаго, говоренная въ Ефесѣ противъ Несторія, въ день святаго евангелиста Іоанна.

Чтò для нашего тѣла врачь, тò для души пастырь (ἱερεύς). Такъ какъ заблужденіе составляетъ душевную болѣзнь, которая, застарѣваясь, поражаетъ смертію: то благодать Св. Духа даровала для души священодѣйственное врачество и отсѣкла членъ, пораженный болѣзнію, не потому, что бы пренебрегла этимъ членомъ, но для того, чтобы сберечь остальные члены. Такъ какъ ядъ болѣзни, поражая членъ мало помалу сталъ бы распространять свое разрушительное дѣйствіе: то благодать отсѣкаетъ гнилой членъ, чтобы тѣмъ остановить распространеніе болѣзни. И это не жестокій какой нибудь способъ врачеванія, а цѣлительный. Врачь со слезами отсѣкаетъ членъ; но какъ онъ не щадитъ болѣзни, то и обращаетъ отнятіе

члена въ способъ врачеванія. Этотъ родъ врачеванія также не новый, но древній, употреблявшійся въ началѣ. Имъ врачевали и хранили сію досточтимую Церковь св. отцы. Ибо пастырь владѣетъ мечемъ не *для* того, чтобы причинять вредъ, а *для* того, чтобы врачевать. Внушая это, небесная благодать объявила Іереміи: ***се поставихъ тя днесь надъ языки, да искорениши и разориши, и расточиши и разрушиши, и паки созиждеши*** (Іерем. 1, 10). Ибо не насадится благочестіе, прежде чѣмъ исторгнется нечестіе. Сначала нужно орошать, съ усердіемъ земледѣльца засѣвать слова благочестія, а потомъ уже употреблять всякаго рода врачеванія. А когда болѣзненное разрушеніе усилится до такой степени, что не будетъ покоряться врачеству, употребляется врачебное отсѣченіе пораженныхъ болѣзнію членовъ. Ибо какъ иначе врачевать тѣхъ, которые дошли до такого состоянія, что поносятъ въ Богѣ дѣло человѣческой природы и благодать дѣлаютъ предметомъ посрамленія? Что ты скажешь? отвѣчай. Ты говоришь: я не допускаю, что Богъ страдалъ. Если ты относишь это къ естеству божественному, то не заблуждаешься. Если же ты совершенно отрицаешь страданіе, то отвергаешь домостроительство спасенія. Итакъ не укоряй Бога за страданія, но смотри на плоды

его страданій. Богъ снизшелъ въ состояніе униженія, но чрезъ то не потерпѣлъ умаленія въ существѣ своемъ, а намъ даровалъ благодать. Оставаясь тѣмъ, чѣмъ былъ, Онъ воспріялъ то, чѣмъ не былъ. Онъ не переставалъ быть Богомъ въ существѣ своемъ; содѣлался, по своей любви къ тебѣ, тѣмъ, что̀ ты. Итакъ не обращай въ посрамленіе образъ врачеванія, и не осуждай врача, если въ состояніи тѣлеснаго уничиженія Онъ содѣлалъ твое здравіе. Въ уничиженіи Его нѣтъ ничего безчестнаго; но Оно служитъ доказательствомъ человѣколюбія. Онъ низходитъ къ тебѣ не для того, чтобы оставаться долу, но для того, чтобы привлечь тебя къ Себѣ. Не отвергай низхожденія, чтобы не лишиться восхожденія; воспріими уничиженіе, которое породило твою славу. Божественное существо не потерпѣло никакого безчестія, но благодать даровала тебѣ блага. Господь уничижается ради тебя—раба, подвергшагося безчестію. Онъ взялъ на себя то̀, что̀ принадлежитъ тебѣ, потому что ты оставилъ то̀, что̀ свойственно Ему Мы удалились отъ благаго Господа и не сохранили благодати, дарованной Имъ. Мы получили въ наслажденіе райское блаженство, но нарушили законъ, измѣнили Законоположнику, склонились на сторону врага, и низпали съ высоты чести. Бѣглый рабъ скитался по

этой дольней странѣ и не поднималъ очей своихъ къ Господу; имъ овладѣли чувственныя страсти, сила грѣха держала его въ оковахъ. Онъ отчаявался въ возможности для человѣческаго ума взирать на Бога. Что же? Развѣ Богъ, по моему закоснѣнію, допуститъ потерю такого прекраснаго стяжанія, каково стяжаніе человѣка? Нѣтъ. Богъ не потерпѣлъ этого. Ибо неприлично было, чтобы зависть (діавола) взяла верхъ надъ благостію Господа; неприлично было также и то, чтобы даръ Божій покорился коварству діавола. Что же дѣлаетъ Господь? Приходитъ къ заблудшему рабу; ибо рабъ не могъ придти къ Нему самому. Онъ приходитъ къ рабу не въ величіи Владыки, не съ чинами ангеловъ, не въ сонмѣ архангеловъ, не съ огнемъ, сокрушающимъ стихіи; ибо это значило бы обратить въ бѣгство раба; а Онъ приходитъ съ тѣмъ, чтобы уловить раба и возвратить свое стяжаніе. Онъ не удаляетъ раба своимъ явленіемъ, но съ смиреннымъ лицемъ призываетъ къ собесѣдованію съ Собою; дѣлается сорабомъ, чтобы открыться Господомъ. Посему великій апостолъ говоритъ: *сіе да мудрствуется въ васъ, еже и во Христѣ Іисусѣ* (Филипп. 2, 5). Здѣсь называетъ Его Іисусомъ. Скажи, какое имя матерь дала младенцу? Ты назовешь Его именемъ Іисуса? Гдѣ же тотъ, кто

раздѣляетъ Христа? Гдѣ тотъ, кто таинство наше подводитъ подъ одно имя, но съ различными знаменованіями, кто называетъ Христомъ одного, а на самомъ дѣлѣ полагаетъ двухъ, одного раба, другаго Господа, одного страждущаго, другаго непричастнаго страданіямъ? Къ чему служитъ одно наименованіе, когда полагаются два предмета? *Сіе да мудрствуется въ васъ*, говоритъ апостолъ, *еже и во Христѣ Іисусѣ*. Того, кто видимъ былъ, называетъ Іисусомъ,—каковое наименованіе дала Ему матерь. Во всякомъ должны быть тѣже чувства, какія и во Христѣ Іисусѣ. Что же мы видимъ во Христѣ Іисусѣ? То, что *иже во образѣ Божіи сый, не восхищеніемъ непщева быти равенъ Богу* (Филипп. 2, 6). Что же это значитъ? Человѣкъ, пріобрѣтшій свободу, изъ превозношенія не терпитъ ничего рабскаго, чтобы не повредить какъ нибудь своей свободѣ. А Христосъ? такъ какъ Онъ былъ Господь по существу своему, то и не превозносится тѣмъ, что Онъ равенъ Богу. Тайна домостроительства спасенія не повредила божеству. *Иже во образѣ Божіи сый, не восхищеніемъ непщева быти равенъ Богу, но Себе умалилъ, зракъ раба пріимъ* (Филипп. 2, 6. 7). Объясни мнѣ уничиженіе Единороднаго. Какъ Онъ уничижилъ Себя, если не потерпѣлъ того, что̀ свойственно людямъ?

Впрочемъ, когда мы говоримъ, что Богъ страдалъ, то не относимъ страданій къ Его существу. Ибо Богъ по существу своему непричастенъ страданіямъ; но Онъ подвергся страданіямъ по своему соединенію съ тѣмъ, что можетъ страдать. Милосердый Господь опредѣлилъ сострадать своему рабу; но какъ по существу своему Онъ непричастенъ страданіямъ, то и исполнилъ свое опредѣленіе чрезъ соединеніе свое съ тѣмъ, что можетъ страдать. Такъ Господь пришелъ къ намъ; такъ предсталъ бѣглому рабу; Онъ явился, какъ сорабъ, и изливалъ благодѣнія, какъ Господь; носилъ въ Себѣ образъ раба и даровалъ благодать свою, какъ Господь; алкалъ, какъ рабъ, и умножалъ хлѣбы, какъ Господь; какъ человѣкъ, утомлялся, и, какъ Богъ, ходилъ по поверхности моря; страшился креста, какъ человѣкъ, ибо видимое Его естество подвергалось страданіямъ; а сокровенное существо Его открывалось чудесами. Такимъ образомъ, явившись человѣкомъ, Онъ всѣхъ насъ привелъ въ содружество съ Собою. Онъ поставилъ намъ учителемъ Іоанна, сына громова, который составляетъ даръ этой митрополіи и общее сокровище міра, и который въ одномъ стихѣ выражаетъ существо вѣры: *Слово плоть бысть* (Іоанн. 1, 14). Слово, которое было, стало плотію. Оно *было*—по естеству,

а *стало* — по домостроительству спасенія. Чрезъ Него и съ Нимъ Отцу, со Святымъ Духомъ, да будетъ слава и держава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Защитительная рѣчь Кирилла александрійскаго, къ императору Ѳеодосію.

Благочестивѣйшему, боголюбивѣйшему и христолюбивому императору нашему Ѳеодосію, всегда побѣдоносному, августу, Кириллъ о Господѣ спасенія (желаетъ).

Божественное и безсмертное естество, которое надъ всѣмъ владычествуетъ, которое живетъ во свѣтѣ неприступномъ и возсѣдаетъ на престолѣ высокомъ и Ему одному приличномъ, которому предстоятъ начала, господства, власти и святые серафимы, предъ которымъ, какъ говоритъ св. Писаніе, страшатся и трепещутъ всѣ твари,—это естество, столь преславное и достойное крайняго удивленія, имѣетъ и снисхожденіе, равное величію его превосходнаго и неизрѣченнаго могущества. Въ противномъ случаѣ сотворенная природа не могла бы сносить Его великой и неизрѣченной силы и власти. Поэтому блаженный пророкъ Давидъ, вознося къ Богу молитвы за себя и всѣхъ другихъ живущихъ на землѣ, говоритъ: помяни, Господи, *яко персть есмы*

(Псал. 102, 14); и опять: *аще беззаконія назриши, Господи, Господи, кто постоитъ* (Псал. 129, 3)? Поэтому же и блаженный Іовъ, искушаемый діаволомъ, удрученный жесточайшими и несносными бѣдствіями, восклицалъ къ Богу: *почто нѣси сотворилъ беззаконію моему забвенія, и очищенія грѣха моего* (Іов. 7, 21)? *Запечатлѣлъ ми еси беззаконія въ мещцѣ, назнаменалъ же еси, аще что неволею преступихъ* (14, 17). Но здѣсь, я думаю, тотчасъ скажетъ кто нибудь: зачѣмъ же, о великодушнѣйшій изъ подвижниковъ, упрекаешь Бога за то, что Онъ не являетъ своего милосердія? Когда ты согрѣшилъ, виновенъ ли Законодатель, что Онъ не забываетъ грѣховъ? нисколько. Онъ сказалъ: почему же милосердый по самой своей природѣ и безконечно превосходящій всѣхъ своею славою не являетъ на мнѣ своего милосердія и своей славы? Если бы было возможно для человѣческаго ума не падать при обстоятельствахъ всякаго рода: въ такомъ случаѣ Судія строго и тщательно судилъ бы его, запечатлѣвалъ бы беззаконія какъ въ мѣшкѣ, отказывалъ бы въ забвеніи грѣховъ тѣмъ, которые бы согрѣшали и невольно. Но такъ какъ много согрѣшаемъ всѣ мы, и быть свободнымъ отъ всякаго проступка свойственно только Ему одному: то должны быть забыва-

емы прегрѣшенія слабыхъ. Итакъ возвышеннымъ и великимъ свойственно имѣть и снизходительность. И дѣйствительно, это незлобіе, эта снизходительность принадлежатъ высочайшему божественному естеству; а въ слѣдъ и по примѣру его и вашему величеству, христолюбивѣйшіе императоры. По-истинѣ, вы нѣкоторый образъ и подобіе небеснаго царства; вамъ однимъ досталось въ удѣлъ господствовать надъ всѣми, сохранять и оберегать своихъ подданныхъ страхомъ и кротостію, и изливать на всю вселенную славное и мирное благоденствіе. Это-то и побудило меня успокоить ваше оскорбленное благочестіе правдивымъ защищеніемъ. При этомъ я невольно опускаю то, что особенно было бы полезно для моей цѣли, боясь оскорбить, всѣми признаваемое, право вашего величества. Ибо хотя я и могу сказать, что я чуждъ его (Несторія) безумія, но если бы, забывъ всякое приличіе, сталъ я утверждать, и притомъ предъ вами лично, что я ничѣмъ не увлекался, то сказалъ бы это, можетъ быть, не безнаказанно. Я боюсь противиться вашему мнѣнію не изъ опасенія подвергнуться несправедливости или чему нибудь такому, что постигло Израиля. Былъ ли кто нибудь такъ невиненъ, чтобы не погрѣшилъ когда нибудь? Много согрѣшаемъ всѣ мы, и человѣческая природа, какъ-бы

пораженная болѣзнію, удобопреклонна къ грѣху, такъ что и самый ревностный блюститель закона никогда не могъ считать себя совершанно чистымъ и безгрѣшнымъ предъ Богомъ, и слышалъ Бога, говорящаго къ нему: *се Азъ суждуся съ тобою, внегда рещи тебѣ: не согрѣшихъ* (Iер. 2, 35). Итакъ лучше и благоразумнѣе уступать сильнымъ и молить ихъ о прощеніи прегрѣшеній. Ибо, какъ я сказалъ, ваше величество должны забывать проступки, подражая въ этомъ самому Богу.

Я писалъ сначала къ вашему благочестію, потомъ также къ славнымъ императрицамъ, и дѣлалъ это вовсе не съ тѣмъ, чтобы произвесть въ вашемъ священнѣйшемъ домѣ разногласіе или какое нибудь смятеніе; нѣтъ, я не такъ несмысленъ и скудоуменъ;—но я знаю, что тѣ, которые поставлены служить святѣйшему Богу, должны быть трезвенны и бодрственны, должны наблюдать и тщательно исполнять угодное Ему, должны опасаться того, чтобы не подвергнуться вѣрной погибели, если окажутся лѣнивыми въ исполненіи своихъ обязанностей. Мы должны утверждать въ вѣрѣ тѣхъ, которые уже увѣровали въ Господа нашего Іисуса Христа, которыхъ Онъ пріобрѣлъ своею кровію, содѣлалъ истинными поклонниками и наименовалъ *родомъ избраннымъ, царскимъ священіемъ, народомъ святымъ, людьми*

обновленія, чтобы возвѣщали добродѣтели изъ тьмы всѣхъ призвавшаго въ чудный свой свѣтъ (1 Петр. 2, 9). Изрекая заповѣди избраннымъ въ священный санъ, Господь такъ говоритъ блаженному Iезекіилю: *сыне человѣчь, глаголи къ сыномъ людей твоихъ, и речеши къ нимъ: земля, на нюже аще наведу мечь, и поймутъ людіе земли человѣка единаго отъ себе, и поставятъ его себѣ въ стража, и узритъ мечь грядущій на землю, и вострубитъ трубою, и проповѣстъ людемъ, и услышитъ услышавый гласъ трубы, а не сохранится, и найдетъ мечь, и постигнетъ его, кровь его на главѣ его будетъ: яко слыша гласъ трубы и не сохранися, кровь его на немъ будетъ: а сей, понеже сохранися, душу свою избавилъ. И стражъ, аще увидитъ мечь грядущь, и не вострубитъ трубою* (*и не проповѣстъ людемъ*) *и людіе не охранятъ себе, и нашедъ мечь возметъ отъ нихъ душу, та убо беззаконія ради своего взяся, а крове ея отъ руки стража взыщу* (Iезек. 33, 2—6). Я думаю, не излишне будетъ обратить вниманіе на силу этихъ словъ, и не безполезно выяснить сокровенный ихъ смыслъ. Итакъ, когда ожидаютъ нашествія какихъ нибудь варваровъ, начальники города ставятъ нѣкоторыхъ на открытыхъ мѣстахъ и на вы-

сокихъ башняхъ, повелѣвая имъ постоянно смотрѣть въ поле, и внимательно наблюдать, чтобы съ какой нибудь стороны не пробрался въ городъ кто нибудь изъ непріятелей. Когда же стражи извѣстятъ городъ благовременно о непріятельскихъ замыслахъ, они признаются достойными немалыхъ почестей; напротивъ, когда своею безпечностію они допустятъ непріятелю овладѣть городомъ, или легко достигнуть чего нибудь, въ такомъ случаѣ расплачиваются своими головами и приговариваются къ самымъ тяжкимъ казнямъ. Подобнымъ же образомъ и каждый изъ іереевъ (такъ какъ поставленъ отъ Бога стражемъ) пріобрѣтетъ себѣ вѣнецъ своею бдительностію, если будетъ стараться возвѣщать людямъ опасное и угрожающее имъ зло. Если же онъ молчитъ, то впадаетъ въ бѣдствія, посылаемыя обыкновенно гнѣвомъ Божіимъ; потому что своимъ молчаніемъ допускаетъ впадать въ большія бѣдствія тѣхъ, которыхъ онъ долженъ бы своимъ голосомъ направить на путь истинный. Брань была предпринята не противъ какого нибудь частнаго и подобнаго намъ человѣка, а противъ Спасителя всѣхъ насъ, Христа Господа. По словамъ Писанія, *никтоже речетъ анаѳема Іисуса*, токмо о веельзевулѣ (1 Кор. 12, 3), т. е. никто не отрицается Христа, если не подущает-

ся къ тому отъ сатаны; и въ этомъ никто не сомнѣвается. Итакъ этотъ драконъ-отступникъ, т. е. сатана, нашедши неосторожнаго, особенно же развращеннаго умомъ человѣка, пастыря, дерзновеннымъ языкомъ его неразумно порицаетъ догматы истины, отнимаетъ у Христа Спасителя нашего самую существенную и очевидную славу Его (ибо дерзокъ и въ необузданномъ вѣроломствѣ безразсудно рѣшается и на самое гнусное), наполнилъ всѣ церкви смятеніями и раздорами. Когда же была преобореваема такимъ образомъ правая вѣра, повсюду возникали разногласія и сильно смущали и безпокоили вѣрующихъ сомнѣніемъ: не погрѣшаютъ ли они, почитая Христа истиннымъ Богомъ. И что затѣмъ послѣдовало? Заразительная болѣзнь, имѣющая началомъ своимъ ложь, а отцемъ сатану, поразила всю подсолнечную. И такъ какъ мы поставлены отъ Бога стражами, обязанными имѣть непрестанное попеченіе о людяхъ, то не должны ли были мы тотчасъ же смѣло взять священную и церковную трубу и возвѣстить о нашествіи діавольскаго меча тѣмъ, которые желаютъ соблюсти благочестіе? Ибо какое наказаніе опредѣлилъ Богъ тѣмъ, которые молчатъ? *крове ея отъ руки твоея взыщу*, говоритъ Онъ (Іезек. 33, 6). Но твое сердце, боголюбивѣйшій императоръ, было непоколебимо и

безопасно. Да, я торжественно возвѣщаю, а еще лучше меня и громче говорятъ о томъ самыя дѣла, и свидѣтельствуетъ время, что вы съ горячностію ревновали о благочестіи и спорили о славѣ съ вашими предками; мало того,—такъ какъ имъ еще дѣлаетъ честь то, что вы превосходите ихъ благодушіемъ, то я безъ всякой лести скажу, что вы заявили гораздо лучшій и достохвальный взглядъ на это дѣло. Я зналъ, какъ непоколебима въ васъ вѣра, какъ тверда любовь ко Христу. И не напрасно писалъ я, прося васъ оказать помощь другимъ, или лучше—всѣмъ церквамъ; потому что вы привыкли помогать. И какъ труба, возвѣщающая о нашествіи варваровъ, во всякомъ, особенно сильномъ и храбромъ воинѣ, возбуждаетъ мужество, а робкаго и новобранца заставляетъ бояться того, чтобы, попавшись какимъ нибудь образомъ по неблагоразумію въ ряды непріятелей, не сдѣлаться добычею ихъ жестокости: такъ и то, что я писалъ о Христѣ, возбудило ваше благочестіе противъ мечей діавола, а другихъ—легкомысленныхъ и удопреклонныхъ ко злу дѣлало осторожными и твердыми. Многіе не такъ легко и удобно принимаютъ таинство Христа; ученіе о Немъ чрезвычайно глубоко; даже люди, особенно сильные умомъ и непрестанно изучающіе писанія, едва познаютъ Его, и то

только какъ-бы въ зерцалѣ и гаданіи. А такъ какъ, по словамъ священнѣйшаго Павла, *тлятъ обычаи благи бесѣды злы* (1 Кор. 15, 13), и капля капающаго, какъ говоритъ Соломонъ, продалбливаетъ горы: то если бы тѣ вредныя рѣчи падали на умы людей на подобіе капли капающей сверху, то и въ такомъ случаѣ онѣ нѣкогда причинили бы весьма немало вреда. Итакъ составленное мною увѣщаніе полезно и необходимо, съ одной стороны, для обузданія тѣхъ, которые безъ всякаго разсужденія подняли брань противъ Христа, а частію для утвержденія и вразумленія тѣхъ, которые имѣли несовсѣмъ точное познаніе о таинствѣ, и рѣчами прелестника были колеблемы и потрясаемы, какъ жестокою бурей. А что я писалъ по необходимости, это можно доказать изъ самой сущности дѣла. Въ прежнія времена и много столѣтій назадъ, все человѣческое далеко было отъ Бога, потому что грѣшила вся земля, и какъ поетъ блаженный Давидъ, *вси уклонишася, вкупѣ неключимы быша*, всѣ даже до единаго (Псал. 13, 3), но *посѣтилъ есть насъ Востокъ съ высоты* (Лук. 1, 78): явилось къ намъ единородное Слово Божіе, обращалось съ живущими на землѣ (Варух. 3, 38), содѣлавшись подобнымъ намъ человѣкомъ, но пребывая въ тоже время по естеству Богомъ; уничтоживъ средостѣніе

ограды, соединилъ насъ чрезъ Себя самого съ Богомъ и Отцемъ (Ефес. 2); забывъ наши оскорбленія, Онъ освободилъ насъ отъ грѣха, который удалялъ насъ отъ Него, и оправдалъ вѣрою. Ибо Онъ есть миръ нашъ, по Писанію (Ефес. 2, 14). Итакъ поврежденіе вѣры повлекло бы за собой расторженіе узъ мира́ нашего, узъ, которыми мы соединяемся съ Богомъ, и помраченіе или изчезновеніе пути правды для умовъ нашихъ, чтобы не сказать болѣе; потому что мы оправдываемся чрезъ святое крещеніе, возвѣщая смерть Христа и вмѣстѣ исповѣдуя воскресеніе Его (Римл. 6, 3—11). Однакоже мы, христолюбивѣйшій императоръ, возвѣщаемъ смерть не обыкновеннаго человѣка, но вочеловѣчившагося Бога, страдавшаго, какъ писано, за насъ по плоти, живаго какъ Бога, и пребывающа́го безстрастнымъ по своему естеству. Слѣдовательно, когда надеждѣ христіанъ угрожала явная опасность отъ рѣчей прелестника и невѣжественнаго, разнузданнаго языка его, тогда мы, о императоръ, вынуждаемые необходимостію, вспомоществуемые оружіемъ самой истины, не могли оставить безъ защиты правовѣрующихъ. И къ этому побуждало насъ въ особенности слѣдующее. Блаженные отцы наши, получивши отъ Бога священство, безтрепетно выступали противъ развращенія еретиковъ,

своего времени, а въ особенности нечестивыхъ аріанъ, не смотря на то, что тогдашнее правительство не знало истины, даже было единомысленно еретикамъ, и скрежетало зубами противъ учителей Церкви. Препобѣждая въ себѣ всякій страхъ, они смѣло проповѣдали правое и неукоризненное ученіе вѣры. Они знали, что сказалъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ: *не убойтеся отъ убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убити: убойтеся же паче могущаго и душу и тѣло погубити въ геенѣ* (Матѳ. 10, 28). Итакъ, когда они не умолкали, защищая отъ нападеній враговъ славу Спасителя всѣхъ насъ, не взирая на то, что жесточайшихъ враговъ имѣли въ лицахъ, имѣвшихъ въ то время въ своихъ рукахъ власть надъ всѣми, могли ли мы не послѣдовать за ними по стези ихъ ревности о Христѣ и преданности Христу? Могли ли мы не противопоставить истину словамъ того хулителя? Какъ я сказалъ, мнѣ извѣстна была твердость вашего благочестія въ вѣрѣ: я твердо былъ увѣренъ, что онъ (еретикъ) вамъ угоденъ не болѣе, чѣмъ мнѣ: что же могло побуждать меня къ молчанію? Нерѣшительность едва не отвлекла меня отъ пріятной обязанности и не довела до оскорбленія Бога. Но я говорилъ самому себѣ: твое молчаніе не можетъ имѣть извиненій; своимъ молчаніемъ ты тяжко погрѣ-

нишь и предъ Богомъ и предъ людьми: благочестивъ и христолюбивъ тотъ, кого Богъ почтилъ императорскимъ достоинствомъ: такими же достоинствами блистаетъ и славная двоица свѣтлѣйшихъ императрицъ; таковы же и другія честныя и чудныя дѣвственныя лица; затѣмъ и остальные, близкіе къ первымъ и по сану и по достоинству, украшаясь правою и непорочною вѣрою, также удручаются чрезмѣрною скорбію, видя презрѣніе къ славѣ нашего Спасителя. Почему же ты не совершаешь мужественно того, что̀ считаешь угоднымъ Богу? Не должно ли почитать нерадивымъ того карабельщика, который не хотѣлъ бы плавать, когда парусъ направляется благопріятнымъ вѣтромъ? Не подвергся ли бы обвиненіямъ въ малодушіи и трусости тотъ, кто, будучи поставленъ въ строю и вспомоществуемый множествомъ храбрѣйшихъ воиновъ, струсилъ бы и бросилъ щитъ въ то время, какъ могъ бы одержать побѣду? Побуждая самого себя такими размышленіями и уповая на благочестіе вашего величества, я безбоязненно выступилъ на средину, считая необходимымъ обличать недостойныя ругательства противъ Христа.—Къ сказанному доселѣ считаю нужнымъ прибавить еще и слѣдующее. Избранъ былъ Несторій, какъ опытный въ евангельскихъ и апостольскихъ ученіяхъ, искусный въ распространеніи и умноже-

нии благочестія, и притомъ содержавшій правую и совершенно непорочную вѣру; и избранія этого человѣка желали и ваше величество, и всѣ предстоятели святыхъ церквей, и я самъ. Потому что, когда получилъ письма отъ рукополагавшихъ его благочестивѣйшихъ епископовъ, извѣщавшихъ меня о его рукоположеніи, я нимало не медля и самъ написалъ къ нимъ, выражая свою радость и похваляя ихъ избраніе, и желая (новопоставленному) всего лучшаго отъ Бога. А что послѣдовало за тѣмъ, виною тому должно считать не наше избраніе, а его непотребство. Онъ былъ избранъ, какъ агнецъ, а оказался волкомъ; избранъ, какъ добрый и вѣрный служитель, но возлюбилъ противное; избранъ, какъ плодоносный виноградникъ, а *сотвори*, какъ написано, *терніе* (Ис. 5, 2); избранъ, какъ трудолюбивый земледѣлецъ, а онъ разставилъ сѣти на пашнѣ; избранъ, какъ добрый пастырь, но сдѣлался свирѣпѣйшимъ лютѣйшихъ звѣрей. Потомъ, когда уже онъ,—не знаю вслѣдствіе какихъ причинъ,— недуговалъ развращенными мнѣніями, часто и притомъ многими былъ увѣщаваемъ. Но сдѣлали ли его лучшимъ эти увѣщанія? Пробудили ли въ немъ угрызеніе совѣсти? Обратили ли его на лучшее? Получилъ ли онъ отъ нихъ какую либо пользу для души своей? Возненавидѣлъ ли ложь? Возлюбилъ ли истину?

Отвергъ ли мракъ невѣжества? Взыскалъ ли свѣта? Престалъ ли пустословить противъ Христа? Убоялся ли множества противорѣчущихъ ему? Остановился ли, увидѣвъ многихъ и почти безчисленныхъ противниковъ? Отнюдь нѣтъ, какъ ясно доказалъ самый исходъ дѣла. Когда, по указу вашего величества, собрался со всѣхъ сторонъ нашъ святой соборъ въ ефесской митрополіи, прибылъ туда и онъ (Несторій); и тогда какъ ему слѣдовало бы плакать и скорбѣть о прежнемъ, онъ, какъ будто бы никому не сдѣлалъ препинанія тѣмъ, что дерзновенно пустословилъ, живя въ этомъ великоименитомъ городѣ; присоединилъ къ прежнему еще худшее, и не усумнился изрыгать еще болѣе гнусное противъ славы нашего Спасителя, слишкомъ мало, даже вовсе не обращая вниманія на возводимое на него обвиненіе въ богохульствѣ. Лучше умолчать о томъ, чтò онъ дерзнулъ говорить, и притомъ разсуждая съ святыми и прославившимися въ добродѣтеляхъ всякаго рода епископами, сверхъ того весьма искусными въ божественныхъ писаніяхъ. Сильно огорченные его богохульными рѣчами противъ Христа и приведенные въ крайнее негодованіе отъ его необузданнаго и дерзкаго языка, эти послѣдніе умыли предъ нимъ свои руки и не безъ слезъ донесли святому собору о томъ, чтò слышали отъ него, но не тайно, а смѣло,

съ полною увѣренностію въ справедливости своихъ словъ, и готовые изобличить его въ томъ, что онъ сказалъ противъ Христа то, о чемъ и помышлять беззаконно. Поступили же они такимъ образомъ, страшась суда божественнаго судилища. Они не имѣли недостатка въ любви, но болѣе пламенѣли божественною и непорочною любовію ко Христу. Какъ покорные скипетру вашей священной власти, будутъ ли то благородные военачальники, или украшенные какимъ нибудь другимъ саномъ и почестями, дѣлаются особенно знаменитыми и вамъ любезными, если исполняются негодованіемъ противъ тѣхъ, которые подвигаютъ дерзкій и необузданный языкъ противъ вашей власти, или которые хотѣли бы сдѣлать что нибудь иное противузаконное и непозволенное: точно также дѣлается достойнымъ всякой похвалы предъ Богомъ и предъ ангелами и священнослужитель Господень, если онъ никому не попускаетъ пустословить противъ божественной славы, а даже почитаетъ всѣхъ таковыхъ своими высочайшими врагами. Потому-то блаженный Давидъ, вмѣняя это себѣ въ великую славу, возвѣщаетъ такъ: *не ненавидящія ли тя, Господи, возненавидѣхъ? и о вразѣхъ твоихъ истаяхъ? совершенною ненавистію возненавидѣхъ я: во враги быша ми* (Псал. 138, 21. 22). Итакъ, если ху-

лящіе Христа любятъ Его, въ такомъ случаѣ несправедливо поступаютъ нападающіе на нихъ. Но если явно ненавидятъ Христа, и это не подлежитъ никакому сомнѣнію,—могутъ ли не быть достойными почтенія и весьма любезными Богу тѣ, которые противопоставляютъ сквернымъ догматамъ истинное и богоугодное ученіе?

Но есть еще и другое основаніе, по которому вашему величеству полезно и необходимо было прогнать отъ божественныхъ жертвенниковъ того, который оскверняль ихъ. Если вамъ угодно, я докажу это изъ божественнаго писанія. Нѣкогда израильтяне, мало уважая установленія мудрѣйшаго Моисея, и презирая данную имъ заповѣдь, отступили отъ Бога и, какъ написано, *послужиша идоломъ и всей силѣ небесный* (4 Цар. 17, 12. 16). Они дошли до такого непотребства и нечестія, что осквернили и самый божественный храмъ. За это прогнѣвался на нихъ Богъ и предалъ ихъ въ руки враговъ. Когда же получилъ царство Езекія, мужъ праведный и благочестивый, онъ исправилъ и очистилъ божественный храмъ отъ преступныхъ нововведеній и сдѣлалъ приличныя приношенія Богу вседержителю. Объ этомъ писаніе повѣствуетъ такъ: *и Езекія нача царствовати сый двадесяти и пяти лѣтъ. И рече имъ* (священникамъ и левитамъ),

глаголя: послушайте мя (мужи) левити, нынѣ очиститеся, и очистите домъ Господа Бога отецъ нашихъ, и изрините нечистоту изъ святилища. Яко отступиша отцы наши, и сотвориша лукавое предъ Господомъ Богомъ нашимъ, и оставиша Его (2 Парал. 29, 1. 5. 6). Сказавъ имъ и еще нѣчто спасительное, присовокупилъ: *и нынѣ не пренебрегайте, яко васъ избра Господь стояти предъ Нимъ, служити Ему, и да будете Ему служаще и кадяще. И восташа*, сказано, *левити*... и *собраша братію свою, и освятишася по заповѣди царевѣ повелѣніемъ Господнимъ, да очистятъ домъ Божій. И внидоша священницы внутрь церкве Господни, и извергоша всю нечистоту обрѣтенную въ дому Господни, и во дворѣ дому Господня* (тамже ст. 11—16). Потомъ священное писаніе прибавляетъ: *и въ день шестыйнадесять мѣсяца первиго совершиша. И внидоша внутрь ко Езекіи царю, и рекоша: очистихомъ вся, яже въ дому Господни* (ст. 17. 18). Затѣмъ здѣсь еще прибавляется: *и воста рано Езекія царь, и собра начальники града, и взыде въ домъ Господень. И вознесе тельцевъ седмь, и козловъ отъ козъ седмь за грѣхъ, за царство, и за святилище, и за Израиля* (ст. 20. 21). Замѣть, о христолюбивѣй-

шій императоръ, что благочестивый и праведный Езекія, вознамѣрившись принести Богу жертву, не прежде вошелъ въ храмъ Божій, и исполнилъ свое намѣреніе, какъ приказавши напередъ священникамъ Божіимъ очистить домъ Господень, и извергнуть изъ него всякую нечистоту. Когда же было исполнено его приказаніе, онъ торжественно вознесъ всесожженіе и возвеселился, и совершенно справедливо, что принесъ теперь пріятную жертву Богу, и особенно потому, что очистилъ храмъ отъ нечистоты. Нѣчто подобное совершено для славы Христа и вашимъ величествомъ. У васъ въ обычаѣ воскурять ѳиміамъ, украшать церкви, и щедрою рукою дѣлать въ нихъ приношенія во славу Божію. Но необходимо было прежде освободить и очистить храмъ отъ всякой нечистоты, и тогда уже могли вы принести благопріятную жертву Богу. Къ большему вашему прославленію предъ Богомъ и ангелами и людьми, вы дали приказаніе священникамъ,—и они очистили храмъ и освятили его, обуздавъ несмысленный и нечестивый языкъ.

Итакъ святый и вселенскій соборъ, угодный Христу, всѣхъ насъ Спасителю, имѣя попеченіе о вѣрѣ въ Него, и какъ-бы говоря вмѣстѣ съ писаніемъ: *ревнуя поревновахъ по Господѣ* (3 Цар. 19, 10), всѣми силами

старался объ уничтоженіи случившагося соблазна. А тѣ, которымъ свойственно, даже необходимо было, вмѣстѣ съ этими подвижниками, мужественно выступить въ бой немедля, и охотно вступить въ ратоборство, и сдѣлаться вмѣстѣ съ нами участниками наградъ за труды, понесенные за Христа, воспламениться одною съ нами ревностію и наполниться въ душѣ благочестивымъ ревніемъ,—тѣ оказались безчувственными и жестокосердыми, совершенно похожими по нечестію на того богохульника. Скорбя и сѣтуя не о славѣ Христа, а о томъ, который весьма много и безумно пустословилъ противъ Христа, они нападали на мужественно сражавшихся и объявившихъ себя противниками тѣхъ, которые дерзнули безразсудно мудрствовать о Христѣ, вопія почти слѣдующее: зачѣмъ вы обуздали дерзкій и необузданный языкъ? зачѣмъ совлекли овечью кожу съ хищнаго волка, и сдѣлали его всѣмъ извѣстнымъ? Ибо, негодовать на то, что обличенъ тотъ богохульникъ, по моему мнѣнію, значитъ не иное что, какъ восклицать то самое, что̀ я сказалъ уже. Правящій антіохійскою церковію, хотя получилъ повелѣніе вашего величества прибыть къ назначенному дню, однакоже не присутствовалъ на святомъ соборѣ. Онъ намѣренно медлилъ въ пути, чтобы этою медлительностію спосп-

шествовать нечестію того, который пустословилъ противъ Христа, или же (что̀ вѣроятно, или даже несомнѣнно) потому, что былъ единомысленъ съ нимъ. По прошествіи уже шестнадцатаго дня, прибыли наконецъ первенствующіе изъ его спутниковъ (они были митрополиты), и отъ его имени возвѣстили святому собору, что вовсе не слѣдуетъ дожидаться его прибытія, а лучше поспѣшить исполненіемъ опредѣленій. Тогда-то наконецъ святый соборъ, собравшись въ святой церкви, называемой *Маріею*, сдѣлалъ председателемъ своимъ и главою самого Христа: положено было на священномъ престолѣ честное евангеліе, какъ-бы такъ взывающее къ священнослужителямъ: *судъ праведный судите* (Зах. 7, 9); разсудите между евангелистами и рѣчами Несторія. Общимъ согласіемъ всѣхъ (отцевъ) соборъ осудилъ его (Несторія) мнѣнія, и заявилъ чистоту и превосходство евангельскаго и апостольскаго преданія; и такимъ образомъ сила истины восторжествовала. Потому что всѣ утвердили правую и непорочную вѣру, согласно и съ вашимъ мнѣніемъ, христолюбивѣйшіе императоры, такъ какъ и всякое ваше намѣреніе направляется къ тому, что̀ угодно Богу, и соединяется съ благочестіемъ, такъ какъ и вы никогда ничего не предпочитали истинѣ. А между тѣмъ Іоаннъ, получившій

жребій предстоятельства въ антіохійской церкви, нерадивый, безпечный и снисходительный, когда оскорбляется Христосъ, напротивъ внимательный и неумолимый, когда обвиняется открывшій злорѣчивыя уста противъ тогоже Христа, съ быстротою птицы прибылъ въ Ефесъ, самовольно сдѣлалъ въ пользу его (Несторія) все, чего только тотъ желалъ, не обращая рѣшительно никакого и ни на что вниманія, какъ будтобы не существуетъ вообще церковныхъ законовъ, и Богъ нимало не промышляетъ о человѣческихъ дѣлахъ. Дѣйствуя скорѣе по глупости, чѣмъ по благоразумію, подчиняясь болѣе гнѣву, чѣмъ господству трезвеннаго ума, онъ, едва только соскочилъ съ колесницы и вошелъ въ спальную комнату, еще покрытый пылью, тотчасъ же принялъ къ себѣ своихъ единомышленниковъ, произнесъ съ ними гнусный и крайне несправедливый приговоръ, (союзниками же его были ссыльные, отъявленные келестіане, и сподвижники несторіева безумства, по какому-то великому безразсудству, принявшіе участіе въ его преступномъ богохульствѣ противъ Христа), старался всячески опозорить весь святой соборъ, предавая мнимому отлученію отъ Церкви всѣхъ, собравшихся въ Ефесѣ со всего міра, славныхъ мужей, весьма извѣстныхъ вашему величеству, и прославившихся всякаго

рода добродѣтелями. А мнѣ и предстоятелю ефесской Церкви онъ нанесъ еще болѣе тяжкое поруганіе, произнося клеветы и говоря, будто мы единомудрствуемъ съ нечеетивымъ Аполлинаріемъ и одобряемъ скверныя и нечестивыя мнѣнія Арія и Евномія. Сдѣлалъ же онъ это, какъ я сказалъ, подъ вліяніемъ неумолимаго гнѣва, въ нечестивомъ бѣшенствѣ и въ чрезмѣрной гордости. По-истинѣ, меня это весьма удивляетъ; потому что онъ всегда казался благосклоннымъ и доброжелательнымъ ко мнѣ, никогда не осуждалъ моихъ рѣчей, съ великою благосклонностію и самъ писалъ ко мнѣ, и обратно принималъ мои письма; передъ самыми ефесскими вратами онъ едва не задушилъ меня въ своихъ объятіяхъ, и въ своихъ письмахъ ко мнѣ писалъ такъ: «боголюбезнѣйшему моему господину, святѣйшему сослужителю Кириллу, Іоаннъ о Господѣ желаетъ блага. Немало печалитъ меня то, что когда ваша святость прибыла въ Ефесъ, мнѣ осталось еще нѣсколько дней пути. Желаніе вашей святости больше всякой другой необходимости побуждаетъ меня скорѣе окончить этотъ путь». И далѣе: «итакъ, помолись, господине, чтобы безъ скорби провели мы эти остальные пять или шесть дней и могли увидѣться съ тобою и обнять священную для насъ и божественную твою главу. Привѣству-

ютъ святость твою, боголюбезнѣйшій господинъ, епископъ Іоаннъ, Павелъ и Макарій. Я и прочіе находящіеся со мною нижайше кланяемся всему находящемуся съ тобой братству. Прощай и продолжай молиться о насъ, мужъ боголюбезнѣйшій и святѣйшій». Итакъ почему, безъ всякаго оскорбленія съ моей стороны, вдругъ сдѣлался моимъ врагомъ тотъ, кто называлъ меня своимъ сослужителемъ и братомъ? Въ извиненіе своего проступка относительно меня, мнѣ кажется, онъ говоритъ, что писалъ ко мнѣ, скрывая еще вражду, которую намѣренъ былъ открыто объявить въ свое время. Но какъ же онъ называлъ меня сослужителемъ, если я былъ еретикъ, если былъ участникъ непотребнаго нечестія Аполлинарія, Арія и Евномія? Для чего называлъ мою главу святою, и сверхъ того священною! Не очевидно ли всякому, что кто въ заговорѣ съ варварами, тотъ конечно врагъ вашей священнѣйшей имперіи? А онъ, какъ говоритъ, скрывалъ ненависть и расточалъ любезности, а сердце имѣлъ преисполненное коварства и досады. Кто осмѣлится похвалить человѣка, привыкшаго жить такимъ образомъ? Быть можетъ, онъ думаетъ отыскать какихъ нибудь избраннѣйшихъ грековъ? Но и они ненавидѣли такого, который говоритъ одно, а въ сердцѣ носитъ другое. Остановимъ вниманіе на боже-

ственномъ писаніи. Мы слышали Бога, говорящаго подобнаго рода людямъ слѣдующее: *стрѣла уязвляющая языкъ ихъ, льстивіи глаголы устъ ихъ: пріятелю своему глаголетъ мирная, внутрь же себѣ имѣетъ вражду. Еда на сихъ не посѣщу, рече Господь, или людемъ таковымъ не отмститъ душа моя* (Іер. 9, 8. 9? Коварство и суровое, затаенное неудовольствіе ненавистны Богу: быть миролюбивымъ на словахъ, но въ тоже время имѣть въ душѣ вражду, непростительный грѣхъ, по суду Божію. И потому онъ угрожаетъ отмщеніемъ и за это. Но тотъ дерзкій ругатель и коварный клеветникъ, въ извиненіе своихъ, выше упомянутыхъ, проступковъ, не по невѣдѣнію впрочемъ, какъ кажется, отвѣтитъ на это и скажетъ: «и я также возревновалъ о Господѣ, какъ и святой соборъ; и мое опредѣленіе огорчило васъ потому, что вы еретики». Говоря это, онъ является подобнымъ тѣмъ, которые говорятъ у пророка Исаіи: *положихомъ лжу надежду нашу, и лжею покрыемся* (Ис. 28, 15). Положимъ даже, что этого, можетъ быть, никто не говоритъ словами, но это доказываютъ ясно самые поступки. Потому что гордый и надменный прежде всего обличается тѣмъ, что, понося и поражая однимъ бичемъ всѣхъ (сколько ихъ находится во вселенной) святыхъ священно-

служителей, хотѣлъ своимъ приговоромъ отлучить ихъ отъ общенія. Впрочемъ этимъ онъ причинилъ зла не столько послѣднимъ, сколько себѣ самому, отлучая себя отъ ихъ общенія: малосмысленные всегда, своими непристойными поступками, болѣе вредятъ себѣ самимъ, нежели тѣмъ, которымъ думали вредить. Кромѣ того, прилично ли, законно ли опредѣлять старшимъ наказанія, и не безразсудно ли возставать противъ людей, занимающихъ высшій санъ, презирать церковную дисциплину, устроительницу мира, и не подражать благоразумію живущихъ въ мірѣ? Ваше благочестивое величество опредѣлило степени достоинствъ. Каждый изъ удостоившихся какой нибудь чести, если только онъ сознаетъ свой санъ и свое мѣсто, уступаетъ высшимъ себя и не присвояетъ себѣ правъ, равныхъ правамъ послѣднихъ. А онъ (Іоаннъ, предстоятель антіохійскій), не обращая на это вниманія, и пренебрегая всякаго рода приличіями, въ какомъ-то необузданномъ и безразсудномъ увлеченіи несется на всѣхъ: и лишая самого себя общенія всѣхъ, воображаетъ однако, что онъ превосходно преуспѣваетъ въ своихъ дѣлахъ. Если онъ подлинно зналъ, что я и ефесскій епископъ заражены ересію: то что̀ препятствовало ему обвинить насъ письменно еще прежде своего прибытія

въ городъ Ефесъ и сдѣлать гласнымъ предметъ своего спора съ нами? Что̀ препятствовало ему, по прибытіи въ Ефесъ, увидѣться съ нами, принести на насъ открыто жалобу, открыть наши преступленія, позвать насъ къ отвѣту въ присутствіе св. собора, и наконецъ вмѣстѣ съ другими—или освободить отъ обвиненія, если мы мудрствовали и говорили справедливо, или подвергнуть наказанію, если бы оказалось, что мы хотимъ мудрствовать вопреки церковнымъ догматамъ? Ему не было неизвѣстно, что онъ напрасно обвинялъ насъ и сложилъ нечестивую клевету противъ праведныхъ. Онъ преслѣдовалъ насъ и тайно вредилъ намъ изъ уваженія и дружбы къ Несторію, и какъ-бы въ ночномъ сраженіи цѣлилъ въ насъ метательнымъ копьемъ, не видя насъ. Составивши хартію, преисполненную лживыхъ обвиненій, онъ осмѣлился довести ее до вашего благочестиваго слуха, не обращая вниманія на то, что̀ сказано въ божественномъ писаніи: *ничтоже ложно отъ языка цареви да глаголется* (Притч 24, 22). Узнавъ объ этомъ, мы представили свитки святому и вселенскому собору, съ одной стороны исповѣдуя въ нихъ правую и неповрежденную вѣру Церкви, съ другой—анаѳематствуя тѣхъ, которые слѣдуютъ Арію, Евномію и Аполлинарію. Нашъ поступокъ, думаю, былъ

вполнѣ сообразенъ съ закономъ. Между тѣмъ онъ впалъ въ такое безразсудство, даже трусость и отчаяніе, что не смѣлъ ни придти къ намъ, ни взирать на святой соборъ, тогда какъ напротивъ ему должно бы было мужественно идти впередъ, не дожидаться того, чтобы его позвали, а самому добровольно явиться, объявить виновныхъ достойными осужденія и отстаивать свое собственное рѣшеніе. Совѣсть не позволила ему сдѣлать ничего подобнаго, и онъ такъ боялся присутствовать на святомъ соборѣ, что не смѣлъ выдти изъ дома. А вѣроятно ли было, что бы избранные священнослужители, помня о священнослуженіи, помня слова Господа: *судите праведно*, и: *да не познаете лица въ судѣ, яко судъ Божій есть* (Втор. 1, 16. 17), не осудили насъ, если бы дознали, что мы еретики? Кромѣ того, онъ долженъ былъ составить записки дѣяній и представить ихъ вамъ. Во всѣхъ областяхъ и великихъ городахъ, изволеніемъ вашей власти, опредѣляется одинъ судья, которому предоставленъ судъ надъ главнѣйшими дѣлами; васъ онъ почитаетъ законодателемъ, и по вашимъ постановленіямъ производитъ судъ. Если же такъ, то вѣроятно ли, что бы люди, избранные Богомъ для священнослуженія, (и притомъ такое число ихъ), люди, возбуждавшіе во всѣхъ удивленіе блескомъ своей жизни, чти-

ли насъ болѣе, чѣмъ божественную заповѣдь? А что умъ его былъ исполненъ необузданной гордости и надменія, это ясно видно и изъ другихъ его дѣлъ. Вотъ уже почти три года, какъ изобрѣтатель новыхъ догматовъ Несторій началъ проповѣдывать свое богохульное ученіе въ Церкви. Когда открылась болѣзнь его души въ письмахъ святѣйшему епископу римской церкви Келестину, онъ услышалъ тотчасъ не строгое и суровое осужденіе, а увѣщаніе оставить развращенное мнѣніе, которымъ недуговалъ, и держать правую и непорочную вѣру. Увѣщеваемъ онъ былъ не однажды, а очень часто. Напротивъ онъ—тщательный (какъ онъ воображаетъ) истолкователь (я не хочу сказать что нибудь оскорбительное для него) божественныхъ догматовъ, хотя и много хвастается знаніемъ божественныхъ законовъ, никогда однакоже не обращался съ своими увѣщаніями къ тѣмъ, надъ которыми поругался, не сказалъ имъ ни одного слова, даже не осмѣлился защищать свою дерзость. Онъ подвергъ ихъ поруганію своимъ нечестивымъ рѣшеніемъ; и можетъ быть, громко тщеславился этимъ, такъ что услышитъ блаженнаго Давида, или лучше св. Духа, устами Давида говорящаго: *что хвалишися во злобѣ, сильне? Беззаконіе весь день, неправду умысли языкъ твой; яко бритву*

изощрену сотворилъ еси лесть. Возлюбилъ еси злобу паче благостыни, неправду неже глаголати правду. Возлюбилъ еси вся глаголы потопныя, языкъ льстивъ. Сего ради Богъ разрушитъ тя до конца: восторгнетъ тя, и преселитъ тя отъ селенія твоего, и корень твой отъ земли живыхъ (Псал. 51, 5—7).

Я знаю, нѣкоторые оправдываютъ его поступокъ съ нами, утверждая, что онъ справедливо разгнѣвался на насъ за то, что соборъ противъ богохульнаго Несторія состоялся безъ его присутствія. Но эти люди поступили бы несравненно справедливѣе, если бы, вмѣсто насъ, винили свою собственную медлительность. Притомъ же, почему онъ (Іоаннъ) не возненавидѣлъ, какъ лжецовъ и обманщиковъ, тѣхъ, которые прибыли прежде его и возвѣстили святому собору, что его дожидаться не слѣдуетъ, и что они пришли не самовольно, а по его приказанію,—почему не только не возненавидѣлъ ихъ, но имѣетъ ихъ въ числѣ лучшихъ своихъ друзей? Но допустимъ, что онъ, быть можетъ, дѣйствительно оскорбленъ: долженъ ли онъ былъ поэтому презирать божественные законы и забыть заповѣдь Божію: *неповинна и праведна да не убіеши* (Исх. 23, 7)? Долженъ ли онъ былъ осуждать не уличенныхъ ни въ какомъ преступленіи?

Долженъ ли онъ былъ нападать на братьевъ съ мечемъ нечестія, презирать церковные законы, клеветать, лгать, и притомъ предъ вашимъ величествомъ? Долженъ ли былъ уничтожать истинную и неповрежденную вѣру? Долженъ ли былъ, въ тоже время и по тойже причинѣ, покровительствовать изрыгавшему богохульства противъ Христа, и стараться утвердить ложь, ниспровергнуть истину? Скажетъ ли кто нибудь, что это плодъ благочестиваго ума, дѣло собора священнослужителей? Но я слышу слова Божіи: *устнѣ іереовы сохранятъ разумъ, и закона взыщутъ отъ устъ его* (Мал. 2, 7). Итакъ, очевидно, изъ того самаго, чѣмъ онъ думаетъ оправдать свой безразсудный поступокъ относительно насъ, только яснѣе узнается, что онъ поступилъ нечестиво. А я, христолюбивый императоръ, удалился изъ родины, оставилъ вашу Александрію съ радостію. Сильнѣйшій вѣтеръ напрягалъ паруса и ударялъ въ корабль на подобіе грома, высоко поднимавшіяся волны страшно шумѣли около высокихъ кормилъ; но я былъ бодръ и спокоенъ духомъ, презрѣлъ опасности бури, чтобы достигнуть вожделѣннѣйшаго лицезрѣнія вашего величества. Опять, когда избранные отъ святаго собора для защищенія его дѣяній отправились изъ Ефеса въ славный

городъ (¹), въ числѣ этихъ избранныхъ желалъ быть и я: во-первыхъ, чтобы увидѣть лично ваше величество, а потомъ, чтобы рѣшить споръ съ антіохійскимъ епископомъ и явно показать, что онъ клеветникъ, и что несправедливо разсвирѣпѣлъ и неистовствовалъ въ безсильной ярости на то, что я анаѳематствовалъ главныя богохуленія Несторія; потому что о правотѣ моей вѣры засвидѣтельствовали римская Церковь и святой соборъ, сошедшійся со всей, такъ сказать, подсолнечной. Когда прочитали мои письма къ Несторію, на соборѣ всѣ единодушно исповѣдали и засвидѣтельствовали письменно въ запискахъ соборныхъ дѣяній, что я ни въ чемъ не уклонился отъ евангельскаго и апостольскаго преданія, и иду по прямому пути священныхъ догматовъ. Но не по этимъ только причинамъ желалъ я отправиться туда, а также и для того, чтобы доказать лживость показаній, сдѣланныхъ противъ меня и другими. Поборники несторіевыхъ мнѣній, напрягая противъ меня лукъ злобы и ненависти, и въ безсильномъ бѣшенствѣ прибѣгая къ различнымъ средствамъ, между прочимъ подкупили нѣкоторыхъ людей (*имже богъ чрево, и слава въ студѣ ихъ*, по выраженію блаженнаго Павла, Филип. 3,

---

(1) Т. е. въ столицу.

19) и выставили ихъ противъ меня обвинителями,—хотя я не нанесъ имъ никакой несправедливости, и не имѣлъ съ ними рѣшительно никакихъ дѣлъ,—и чрезъ нихъ старались, какъ можно чаще, безпокоить ваше величество. Продавши свои языки моимъ злоумышленникамъ, эти пустословы напрасно осыпали меня всѣми возможными клеветами. Подобнаго рода люди не останавливаются ни передъ чѣмъ, потому что какъ-бы сроднились со всѣмъ порочнымъ. Для нихъ ничего не значитъ притвориться убѣжденными въ справедливости ложно возводимыхъ ими обвиненій, клеветать во всякое время и на кого угодно, хотя бы имъ и вовсе неизвѣстны были тѣ, которыхъ они обвиняютъ. Что таковы именно и такъ обыкновенно поступаютъ они (мои обвинители),—это извѣстно всѣмъ живущимъ въ вашей Александріи. Все это причинило мнѣ большія огорченія. Да и могло ли быть иначе? Однако я вспомнилъ слова Спасителя всѣхъ насъ: *блажени есте, егда поносятъ вамъ, и ижденутъ, и рекутъ всякъ золъ глаголъ на вы лжуще, Мене ради. Радуйтеся, и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесѣхъ: тако бо изгнаша пророки, иже (бѣша) прежде васъ* (Матѳ. 5, 11. 12). Когда отецъ безаконія сатана старается опутать своими сѣтями Церковь и имѣющихъ правую

вѣру, и осквернить чрезъ своихъ помощниковъ и служителей преданіе апостольской и евангельской вѣры, и когда стражи истинной вѣры противопоставляютъ ему истину и предлагаютъ правое развратителямъ, имѣя въ борьбѣ своимъ союзникомъ и помощникомъ самого Христа, который есть истина: тогда отецъ лжи тотчасъ возбуждаетъ полчища клеветниковъ, и эти полчища тотчасъ поднимаютъ борьбу противъ тѣхъ, которые хотятъ жить благочестиво. Мы знаемъ, что подобнаго рода скорби испытывали даже пророки. Такъ, когда древле началъ пророчествовать Амосъ и сильно укорялъ израильтянъ за оскудѣніе между ними любви къ Богу и за пренебреженіе данныхъ имъ законовъ,—противъ него тотчасъ же возсталъ и вооружился Амасія—лжепророкъ и служитель демоновъ,—и сдѣлалъ доносъ израильскому царю на этого истинно святаго мужа и пророка, обвиняя такимъ образомъ: *развраты творитъ на тя Амосъ средѣ дому израилева, не возможетъ земля подъяти всѣхъ словесъ его* (Амос. 7, 10). Точно также и блаженный Іеремія увѣщевалъ нечествующій израильскій народъ исправить свои пути (Іер. 26 гл.); но нашлись такіе, которые и на него клеветали, и своими клеветами возстановили противъ него Седекію, который занималъ въ то время

царскій престолъ. Конечно, непріятно и тяжело было переносить это святымъ; но предпочитая даже самой своей жизни то̀, что почитали угоднымъ и пріятнымъ Богу, они продолжали предпринятое ими дѣло, помня слова Писанія: *сердце царево въ руцѣ Божіей: аможе аще восхощетъ обратити, тамо уклонитъ è* (Притч. 21, 1). И дѣйствительно, Богъ дѣлалъ снова кроткими и милосердыми іудейскихъ царей, хотя они часто приводимы были въ сильный гнѣвъ. Но не станемъ говорить о томъ, что̀ перенесли пророки; вспомнимъ о славномъ и блаженнѣйшемъ отцѣ нашемъ Аѳанасіѣ, который былъ нѣкогда епископомъ въ вашей Александріи. Онъ боролся съ нечестивымъ ученіемъ Арія; а поборники этого пустословія непрестанно и усердно клеветали на него и говорили противъ него дерзкія и необузданныя рѣчи. Не довольствуясь другими клеветами, они носили повсюду отрубленную человѣческую руку и, показывая ее всѣмъ, говорили, что ее отрубилъ Аѳанасій у нѣкоего Арсенія. Долго уловляли они этимъ неопытныхъ, пока наконецъ сдѣлалось извѣстнымъ, что тотъ Арсеній, доселѣ скрывавшійся, еще живъ, и такимъ образомъ обнаружились ихъ нечестивыя намѣренія. Правда, непріятно и весьма тяжело слышать клеветы на себя тому, у кого душа невинна и совѣсть чиста,—онѣ жестоко

поражаютъ душу того, кто подвергается имъ, тяжелѣе же всего переноситъ такого рода непріятности и огорченія, если онѣ наносятся напрасно, безъ всякой причины. Впрочемъ, что это постигнетъ служителей истины, о томъ предсказано въ божественномъ Писаніи. Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, внушая своимъ ученикамъ благое дерзновеніе, и убѣждая ихъ презирать всѣ клеветы и всякаго рода преслѣдованія, говоритъ такъ: *аще Мене изнаша, и васъ изженутъ* (Іоан. 15, 20). *Аще господина дому веельзевула нарекоша, кольми паче домашнія его* (Матѳ. 10, 25) И чтобы они не возгордились, Онъ прибавляетъ: *нѣсть ученикъ надъ учителя своего, ниже рабъ надъ господина своего* (Матѳ. 10, 24); потому если противорѣчили Христу, то что сказать о нашемъ ученіи? и если клеветы были измышляемы противъ каждаго святаго, то могли ли избѣжать ихъ мы? Дерзокъ въ отношеніи святыхъ нечестивый языкъ и необузданъ, но онъ мерзокъ и ненавистенъ Богу. *Потребитъ Господь вся устны льстивыя, языкъ велерѣчивый*, поетъ блаженный пророкъ Давидъ (Пс. 11, 4).

Вмѣстѣ со мной стрѣлы необузданнаго языка испыталъ и возлюбленный инокъ Викторъ. Нѣкоторые, привыкшіе лгать, распространяли относительно его клеветы, будто онъ

говорилъ противъ меня нелѣпости, за что, когда онъ прибылъ въ Ефесъ, его строго осуждали нѣкоторые изъ отцевъ св. собора; даже всѣ отвратились отъ него и возненавидѣли его, какъ одного изъ нечестивцевъ, его называли отцеубійцею, братоубійцею и другими подобнаго рода именами. Когда узналъ объ этомъ старецъ Викторъ,—въ присутствіи очень многихъ святыхъ епископовъ, воздѣлъ руки къ небу и вопреки своему обыкновенію поклялся святымъ крещеніемъ и честными Христовыми тайнами, что не знаетъ за собой ни одного изъ этихъ преступленій; и наконецъ мы съ нимъ съ трудомъ могли обуздать ругателей. Какъ бы ни было велико число желающихъ лгать, сколько бы ни усиливались они вредить намъ, или лучше сколько бы ни возбуждали ихъ къ этому приверженцы Несторія,—мы не страшимся, потому что насъ никогда не оставляла и не оставляетъ безъ помощи благодать Спасителя и правосудіе вашего благочестія. Вы исхитили и спасли насъ, какъ изъ пылающей пещи, легкимъ маніемъ своимъ, чтобы вмѣстѣ съ другими, разсѣянными по всему вашему Египту, святыми епископами и иноками, за ваше величество, за побѣду и твердость вашу, непрестанно возносили благодаренія Христу, чрезъ котораго и съ ко-

торымъ Богу и Отцу слава, со святымъ Духомъ, во вѣки вѣковъ. Аминь.

Обнародованіе императорскаго декрета объ изгнаніи Несторія.

Послѣ того, какъ собралось въ Константинополѣ по семи епископовъ съ той и другой стороны, императоръ подлинно узналъ, что святой вселенскій соборъ низложилъ Несторія, слѣдуя во всемъ церковному порядку. Посему, одобривъ мнѣніе пословъ собора, осуждаетъ восточныхъ, а Несторія изгоняетъ въ ссылку. Кромѣ того, пришедшимъ посламъ собора повелѣваетъ собраться въ церковь и рукоположить епископа для святой константинопольской церкви,—и они, собравшись въ церкви, рукоположили во епископа Максиміана. Послѣ того императоръ повелѣваетъ всѣмъ епископамъ возвратиться въ свои провинціи и города; остались же Іоаннъ антіохійскій и прочіе епископы, державшіеся его стороны и вмѣстѣ съ нимъ бывшіе въ отдѣленіи (отъ другихъ епископовъ). Кириллъ прибылъ въ Александрію 30 октября, и городъ принялъ его съ величайшимъ восторгомъ и честію.

Копія съ императорскаго декрета, объ изгнаніи Несторія, написаннаго къ Исидору, преторіанскому префекту и консулу.

Хотя извѣстно, что мы занимаемся дѣлами общественными, однакожъ къ неменьшей заботливости съ нашей стороны относится утвержденіе каѳолической вѣры. Охраненіемъ вѣры мы надѣемся служить благу общественному. Посему, когда Несторій, бывшій пастырь каѳолической Церкви, а теперь измѣнникъ вѣрѣ, вдался въ такое страшное злочестіе, необходимо, чтобы онъ подвергся и суду нашей свѣтлости и получилъ наказаніе, достойное его поведенія, за то, что, отверженіемъ законовъ досточтимой Церкви, сдѣлался виновникомъ ужасной ереси; и какъ онъ повредилъ вѣру тѣхъ, которыхъ склонилъ къ участію въ измѣнѣ, то и долженъ принять на себя вину чужой измѣны. Посему ты, по своей власти и съ свойственнымъ тебѣ правомъ, да повелишь упомянутаго Несторія, за оказанное имъ нечестіе, подвергнуть всегдашнему изгнанію въ Пѣтру, а все его имѣніе передать константинопольской церкви, для умноженія сокровищь того священнѣйшаго мѣста, таинства котораго онъ нарушилъ. Ибо такимъ образомъ въ душахъ людей сохранится благоговѣніе къ святѣйшей вѣрѣ и при утвержденіи бла-

гочестія процвѣтетъ благоденствіе нашей имперіи.

Соборное посланіе, писанное изъ Константинополя.

Боголюбивѣйшимъ и благочестивѣйшимъ братіямъ и всѣмъ соепископамъ древняго Епира,—Максиміанъ, Ювеналій, Аркадій, Филиппъ, Флавіанъ, Фирмъ, Ѳеодотъ, Акакій, Евоптій, Даніилъ и всѣ присутствующіе съ ними на святомъ соборѣ, о Господѣ всякаго блага (желаютъ).

Посмотрите на злоумышленіе и коварство раскольниковъ, направленныя ими противъ Церкви, и на то, какъ они, окружая всѣ церкви, и будто находясь въ общеніи со святымъ великимъ ефесскимъ соборомъ, стараются уловить всякаго, и привлечь къ себѣ народъ и клиръ. Провидя это, мы вмѣстѣ съ боголюбезнѣйшимъ и святѣйшимъ епископомъ великаго града Максиміаномъ, заблагоразсудили послать вамъ это писаніе, чтобы вы, зная ихъ дѣйствія, сохранили себя отъ нихъ и отъ общенія съ ними. А чтобы вы еще болѣе удостовѣрились и познали, что мы убѣждаемъ васъ не собственными только словами, но и догматами святаго вселенскаго ефесскаго собора, мы составили это соборное посланіе,

дабы вы узнали изъ него все, что опредѣлено противъ отступниковъ (отъ Церкви) и послѣдователей Несторія, и какое наказаніе положено тѣмъ, которые дерзнули имѣть общеніе съ ними. Мы и всѣ присутствующіе съ нами привѣтствуемъ все находящееся съ вами братство. Мужайтесь о Господѣ и молитесь за меня, боголюбезнѣйшіе братія.

Равнымъ образомъ подписались и остальные вышеозначенные епископы.

А самое соборное посланіе, посланное вмѣстѣ съ этимъ письмомъ, есть слѣдующее.

Святой и вселенскій соборъ, сошедшійся въ Ефесѣ, по повелѣнію благочестивѣйшихъ императоровъ,—епископамъ, пресвитерамъ, діаконамъ и всему народу каждой области и города.

Когда мы собрались, по указу императоровъ, въ ефесской митрополіи, то нѣкоторые отпали отъ насъ, числомъ почти тридцать (человѣкъ), и проч. (1).

---

(1) См. это посланіе выше, въ этомъ же 2-мъ томѣ стр. 14—16.

Копія съ посланія, писаннаго Максиміаномъ, епископомъ константинопольскимъ, къ Кириллу, архіепископу александрійскому.

Боголюбезнѣйшему и достопочтеннѣйшему сослужителю Кириллу, Максиміанъ епископъ о Господѣ всякаго блага (желаетъ).

Желаніе твое, боголюбезнѣйшій, исполнилось: то̀, что̀ предпринялъ ты ради вѣры, совершилось; благочестивая ревность твоя достигла своей цѣли. Открылось зрѣлище и для ангеловъ, и для людей, и для всѣхъ пастырей Христовыхъ (1 Кор. 4, 9). Ибо ты не только увѣровалъ во Христа, но и пострадалъ за Него (Филип. 1, 29); ты одинъ остался достойнымъ страданій Христа, удостоившись понесть язвы Его на тѣлѣ своемъ (Гал. 6, 17). Исповѣдавъ Его предъ людьми, ты удостоился того, что Онъ самъ исповѣдалъ тебя предъ Отцемъ въ виду святыхъ ангеловъ (Матѳ. 10, 32). Ты украшенъ вѣнцами, которые даются подвизающимся за вѣру. О Христѣ, который укрѣплялъ тебя, ты превозмогъ все; ты пренебрегъ муками, презрѣлъ властителей, не убоялся голода; потому что имѣлъ хлѣбъ, сходящій съ неба, и дающій жизнь людямъ. Поелику же мы не чужды сего, а между тѣмъ научены нагляднымъ образомъ и знаемъ по

слуху о скорбяхъ, которыя ты претерпѣлъ въ борьбѣ съ начальствами, властями, съ міродержителями тьмы вѣка сего, съ поднебесными духами злобы (Ефес. 4, 12) и состоишь въ архіепископствѣ великаго града: то просимъ тебя укрѣплять насъ молитвами, направить совѣтами и употребить все попеченіе о насъ, чтобы такимъ образомъ и надъ нами исполнилось сказанное въ Писаніи: *братъ отъ брата помогаемь, яко градъ твердъ и высокъ, укрѣпляется же, яко основанное царство* (Притч. 18, 19). Ибо духовная любовь есть подлинно укрѣпленный городъ, котораго діаволъ не можетъ одолѣть ни подкопами, ни приступомъ. Она не уступаетъ осаднымъ орудіямъ діавола, потому что охраняется Христомъ Господомъ, который побѣдилъ міръ и уготовалъ тебѣ вѣчныя блага, и который говоритъ: *иже не пріиметъ креста своего, и вслѣдъ Мене грядетъ, нѣсть Мене достоинъ* (Матѳ. 10, 38). Итакъ ты, содѣлавшись достойнымъ Христа Господа, побѣдившаго міръ, потому что взялъ крестъ свой и послѣдовалъ за Нимъ, не преставай молиться за насъ Христу, вмѣняя себѣ братскія благодѣянія въ особое преимущество. Мужайся о Господѣ и молись за меня, боголюбезнѣйшій и святѣйшій братъ и сослужитель.

Посланіе епископа Кирилла Максиміану, епископу константинопольскому.

Достопочтеннѣйшему и боголюбезнѣйшему сослужителю Максиміану, Кириллъ о Господѣ всякаго блага (желаетъ).

И въ настоящее время, когда совершенство твое получило священный санъ, прилично намъ сказать вмѣстѣ съ пророкомъ: *да возвеселятся небеса, да возрадуется земля и возопіетъ съ веселіемъ* (1 Парал. 36, 16). Ибо не отверзаются болѣе уста, чтобы говорить противъ славы Спасителя нашего; не возвышается болѣе рогъ того, который привыкъ это дѣлать (Псал. 74, 6), и не нарекается неправда, чтобы отвергать Спасителя, искупившаго насъ. Ибо искупилъ насъ Іисусъ Христосъ, единый и единственный и истинный Сынъ Бога Отца, не истлѣннымъ сребромъ или златомъ (1 Петр. 1, 18), но положивъ душу свою за насъ (Іоан. 10, 15), принесши самого Себя въ жертву Богу въ воню благоуханія (Ефес. 5, 2) и давши кровь свою въ искупленіе за жизнь всѣхъ. Единородный Сынъ Божій былъ по достоинству выше всѣхъ, выше всей твари, хотя и сдѣлался совершеннымъ и подобнымъ намъ человѣкомъ, впрочемъ такимъ человѣкомъ, который не претерпѣлъ чрезъ то превращенія, или измѣненія,

или такъ называемаго многими нестроенія и смѣшенія, и не измѣнился въ то̀, чѣмъ не былъ прежде, но въ нашей природѣ остался тѣмъ, чѣмъ прежде былъ. Онъ исповѣдуется и на самомъ дѣлѣ пребываетъ живымъ и vпостасвымъ Словомъ Бога Отца. Да приносимъ Ему, вмѣстѣ съ святымъ Варухомъ, исповѣданіе какъ-бы однимъ языкомъ и съ однимъ чувствомъ любви къ Богу: *сей Богъ нашъ, не вмѣнится инъ къ Нему. Изобрѣте всякъ путь хитрости и даде ю Іакову отроку своему, и Израилю возлюбленному отъ Него. По семъ на земли явися и съ человѣки поживе* (Вар. 3, 36. 37). Ибо не другой былъ Сынъ Бога Отца тотъ, кто существовалъ прежде вѣковъ и временъ, и чрезъ кого все произошло, и не другой тотъ, кто въ послѣдствіи времени по плоти родился отъ святой Дѣвы, но одинъ и тотъ же, который, по словамъ апостола Павла, *отъ сѣмене Авраамова пріемлетъ* (Евр. 2, 6), и тотъ, который воспріялъ плоть и кровь и уподобился братіямъ, т. е. намъ во всемъ, кромѣ одного грѣха. Мы признаемъ въ Немъ тѣло, одушевленное соединившеюся съ нимъ разумною душею. Ибо мы не соглашаемся съ несправедливыми мнѣніями безумнаго Аполлинарія, но, держась праваго мнѣнія, анаѳематствуемъ Аполлинарія и Арія и Евномія и вмѣстѣ съ

ними Несторія. Вѣра, преданная намъ въ началѣ, есть для насъ какъ-бы безопасный и твердый якорь, по словамъ Писанія (Евр. 6, 16). Итакъ мы исповѣдуемъ, какъ уже сказано, единаго и единственнаго и истиннаго Сына Бога и Отца и Господа нашего Іисуса Христа, разумѣя, что одинъ и тотъ же—какъ Богъ и Слово отъ Отца, а какъ человѣкъ отъ жены, одинъ—выше закона какъ Богъ, а подъ закономъ по состоянію человѣческой природы, одинъ и тотъ же—въ божественномъ достоинствѣ по собственному естеству, и въ образѣ раба по воплощенію. Такое ученіе предано намъ въ сказаніяхъ Моисея и въ пророческихъ предреченіяхъ, и кромѣ сего тѣми, которые вначалѣ были очевидцами и служителями сего Слова (Лук. 1, 2), которые, содержа слово жизни, содѣлались свѣтилами въ мірѣ (Филип. 2. 36). Итакъ мы, взирая на кончину ихъ жизни, должны подражать вѣрѣ ихъ, т. е. мы должны заботиться о томъ, чтобы и мыслить и говорить одно и тоже съ ними, и кромѣ того ничего не держаться, чтобы не уклониться отъ пути благочестія. Ибо вспомнимъ слова Писанія: *права теченія твори твоими ногами, и пути твоя исправляй* (Притч. 4, 26). Тѣ, кои чтутъ пути правые, стремятся къ опредѣленной цѣли, къ побѣдной наградѣ вышняго призванія о Христѣ.

Напротивъ тѣ, кои, отвергнувъ апостольское и евангельское ученіе, высоко цѣнятъ новые пагубные и достойные посмѣянія вымыслы своего ума, пусть слышатъ отъ всѣхъ: *не прелагай предѣлъ вѣчныхъ, иже положиша отцы твои* (Притч. 22, 28). Путь такого рода людей невѣренъ, стези ихъ неправы и ведутъ въ глубину ада и въ гибельныя сѣти смерти. И, мнѣ кажется, Соломонъ премудро представляетъ всякую ересь подъ образомъ безчестной жены, а потомъ говоритъ, что сей жены должно удаляться и избѣгать; она есть ловитва, а сердце ея сѣти, узы въ рукахъ ея. Человѣкъ добродѣтельный предъ лицемъ Божіимъ избавляется отъ нея, а грѣшникъ плѣняется ею (Екклез. 7, 21). Но мы избавлены отъ сѣтей сего обольстителя, никогда не наполняемыхъ, и спасены Христомъ Спасителемъ нашимъ; исповѣдуя Его Богомъ, а матерь Его по плоти Богородицею, мы приступаемъ къ Нему, говоря: *не отступимъ отъ Тебе, оживиши ны и имя твое призовемъ во вѣки* (Псал. 79, 19). Виною же всѣхъ сихъ вожделѣннѣйшихъ благъ было божественное, неизреченное и верховное опредѣленіе, и согласное съ маніемъ Божіимъ изволеніе благочестивѣйшаго и боголюбезнѣйшаго императора. Ибо свѣтлости его прилично было побѣждать не только видимыхъ, но и невидимыхъ вра-

говъ, и не только разбивать непріятельское воинство, но и сокрушать злобу діавола, и чрезъ твое благочестіе давать безопасность вѣрующимъ во Христа. Ибо тотъ, кто позволилъ себѣ пустословить въ церкви и открыто злословить Христа, удаленъ отъ святыхъ и божественныхъ притворовъ (церковныхъ; его мѣсто заступила твоя святость, какъ произрастеніе мира, по написанному. И это есть прекрасный даръ благочестиваго императора, которому, какъ я сейчасъ сказалъ, предшествовало божественное опредѣленіе. Итакъ мы сорадуемся и вамъ (1), содержащимъ правую и непорочную вѣру. Явился священнослужитель, который вамъ извѣстенъ, который заслужилъ одобреніе предъ вами въ продолжительное время и украсился опытностію въ дѣлахъ, священнослужитель, который посвятилъ много времени дѣятельному попеченію о васъ и такимъ образомъ достигъ почтенной сѣдины. Ибо избранному Спасителемъ нашимъ стаду надлежало дать мудраго и опытнаго начальника, котораго умъ обладалъ бы пастырскимъ искусствомъ, который умѣлъ бы пасти на нажити, обилующей благою пищею, котораго наконецъ одобряли бы самыя дѣла, какъ вѣрнаго и добраго домостроителя. Тѣхъ, которые

(1) Т. е. клиру и мірянамъ конст. церкви.

научились жить такимъ образомъ, Христосъ принимаетъ и удостоиваетъ великой чести, а тѣхъ, которые имѣютъ противоположныя свойства, лишаетъ ввѣреннаго имъ служенія.— Что сказанное нами истинно, въ этомъ ты можешь убѣдиться св. Писаніемъ. Въ одномъ мѣстѣ Богъ говоритъ пророку Исаіи: *иди въ кущу къ Сомнану строителю дому, и рцы ему: что ты здѣ? и что тебѣ здѣ?.. Се нынѣ Господь Саваоѳъ извергнетъ и сотретъ мужа, и отыметъ утварь твою и вѣнецъ твой славный. И поверженъ тя въ страну велику и безмѣрну, и тамо умреши... И извержешися отъ строительства твоего и отъ степене твоего. И будетъ въ той день, и призову раба моего Еліакима сына Хелкіева, и облеку его въ утварь твою, и вѣнецъ твой дамъ ему, и державу твою, и строительство твое дамъ въ руцѣ его: и будетъ яко отецъ живущимъ во Іерусалимѣ и живущимъ во Іудеи. И дамъ ему славу Давидову, и обвладѣетъ, и не будетъ противуглаголющаго.... И поставлю его князя на мѣстѣ вѣрнѣ, и будетъ на престолѣ славы дому отца своего. И будетъ уповаяй на него всякъ славный въ дому отца его отъ мала даже до велика: и будутъ зависяще на немъ. Въ той день, сія глаголетъ Господь*

Саваовъ, подвигнется человѣкъ утвержденъ на мѣстѣ вѣрнѣ, и отымется, и падетъ, и потребится слава, яже на немъ, яко Господь глагола (Исаіи 22, 15—25). Итакъ Богъ любитъ истинно-вѣрнаго и добраго домостроителя, а отъ того, который не имѣетъ сихъ качествъ, Онъ отвращается какъ отъ невѣжды. Мы уповаемъ, что Онъ явитъ помощь твоей святости, и щедрою рукою надѣляя небесными дарами, возвеселитъ тебя, чтобы ты, вѣрно изъясняя слово истины и идя по вѣрѣ святыхъ отцевъ, какъ-бы по нѣкоторымъ слѣдамъ, пребылъ благословенъ милосердіемъ и благостію Христа Спасителя нашего, чрезъ котораго и съ которымъ Богу Отцу со Святымъ Духомъ слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.— Привѣтствуй братій, находящихся съ тобою. Привѣтствуютъ тебя о Господѣ братія, находящіеся со мною. Молю Господа, достопочтеннѣйшій и боголюбезнѣйшій братъ, чтобы ты былъ здравъ и помнилъ насъ.

Посланіе епископа Кирилла къ Ювеналію епископу и прочимъ посламъ собора, отправленнымъ въ Константинополь.

Достолюбезнымъ господамъ, служителямъ Божіимъ и сослужителямъ (нашимъ) Ювеналію,

Флавіану, Аркадію, Фирму, Өеодоту, Акакію и Филиппу пресвитеру, Кириллъ о Господѣ всякаго блага (желаетъ).

Снова мы достаточно убѣдились и самымъ опытомъ узнали, что истина живетъ и одерживаетъ побѣду, по слову святаго; ничто совершенно не противостоитъ ей: она столь сильна, что возстаетъ противъ всѣхъ враговъ и разрушаетъ силу противящихся ей. Ибо вотъ она заградила уста говорящихъ ложь, и мракъ непозволенныхъ хуленій прошелъ; напротивъ возсіяло благолѣпіе догматовъ истины, когда, по опредѣленію Божію и соборному, вашею святостію рукоположенъ былъ во епископа служитель Божій, достопочтенный Максиміанъ, который, предаваясь не лѣности и удовольствіямъ, а трудамъ и добродѣтели, украсился долголѣтіемъ жизни, и во многихъ случаяхъ прославился попеченіемъ объ истинѣ и догматахъ благочестія. Итакъ, сорадуясь всѣмъ церквамъ и находящимся въ нихъ народамъ, я по справедливости воскликну: *благословенъ Господь, иже посѣти и сотвори избавленіе людемъ своимъ* (Лук. 1, 68). Ибо добрый пастырь не могъ такъ нерадѣть объ овцахъ, чтобы не положить за нихъ душу свою, и всегда вѣдая, какъ спасать, отогналъ лютаго звѣря отъ священнаго и божественнаго двора, а избралъ славнаго

учителя всякой добродѣтели, который, какъ мы вѣримъ, украшается всѣми добрыми качествами и управляетъ ввѣреннымъ ему народомъ съ преимущественною и достойною уваженія силою. Молимъ Бога о васъ, любезнѣйшіе и вожделѣннѣйшіе братія, чтобы вы были невредимы о Господѣ и помнили насъ.

Посланіе папы Целестина, писанное къ святому ефесскому собору послѣ осужденія Несторія.

Целестинъ епископъ святому собору, составленному въ Ефесѣ.

Наконецъ надобно возрадоваться о пресѣченіи зла; наконецъ мы всѣ вообще должны сказать: *десница твоя, Господи, прославися въ крѣпости; десная рука твоя, Господи, сокруши враги* (Исх. 15, 6). Ибо дѣйствительно сокрушены враги, когда, какъ мы видимъ, *заградишася,* по словамъ Давида, *уста глаголющихъ неправедная* (Псал. 62, 12). Исполнителями сего, истинно совершившагося дѣла, вмѣстѣ съ собою мы видимъ васъ, вѣрные служители Божіи; вы единодушно заботясь, по словамъ апостола, *не о своихъ кійждо,* но о томъ, *еже во Христѣ Іисусѣ* (Филип. 2, 5), совершили дѣло Господне. О святости вашей мы говоримъ предъ вами, го-

лосъ же вашъ слышится по всей землѣ (Псал. 18, 5); потому что проповѣдуемое вами слово истины перешло отъ васъ на конецъ вселенной Господь нашъ не оставляетъ сокрытымъ того, что̀ совершается Имъ; потому что верховныя блага никогда не утаиваются. Это для того, чтобы, при извѣщеніи о такомъ небесномъ дарѣ, по волѣ Божіей, какъ написано, люди *спаслись и пришли въ разумъ истины* (1 Тим. 2, 14). Я говорю это побѣдителямъ и тѣмъ, которые, въ борьбѣ со врагомъ, противопоставляютъ ему вѣру, побѣдившую міръ, по словамъ святаго апостола Іоанна (1 Іоан. 5, 4). Я пишу вамъ, какъ такимъ лицамъ, которые, по словамъ божественнаго откровенія, какъ отцы, познали первоначальнаго, и, какъ юноши, будучи сильны и имѣя въ себѣ слово Божіе, побѣдили лукаваго (1 Іоан. 2, 13, 14). Благодаря симъ сообщникамъ, мы не сомнѣвались въ такомъ исходѣ дѣла. Въ душѣ своей мы сохранили увѣренность въ побѣдѣ, видя, что на васъ лежитъ власть божественнаго суда, и очень хорошо зная, что вы, по изреченію пророка, возненавидѣли церковь лукавнующихъ, и съ нечестивыми не сѣли (Псал. 25, 5). И я достигъ того, на что̀ надѣялся; потому что въ борьбѣ противъ беззаконныхъ и нечестивыхъ, какъ говоритъ вышеупомянутый пророкъ, *незлобивіи и правіи прилѣпились ко*

мнѣ (Псал. 24, 21). Изъ одного и тогоже увѣдомленія чрезъ вѣрныхъ сыновъ нашихъ и боголюбезныхъ мужей, пресвитера Іоанна и діакона Епиктета, мы узнали о справедливомъ низложеніи (Несторія) и еще болѣе справедливомъ возвышеніи (Максиміана), видя въ этомъ доказательство той евангельской истины, что Богъ возноситъ смиренныхъ и низлагаетъ сильныхъ съ престоловъ (Лук. 1, 52). Отъ сего мнѣнія нимало не отступилъ и премудрый, который говоритъ, что Богъ хранитъ память смиренныхъ и погубляетъ память гордыхъ (Іис. Сир. 10, 17—20). И это когда въ особенности исполнилось, какъ не въ настоящее время, въ которое Спаситель нашъ, уготовляя почести достойнымъ, разсыпалъ кости людей, себѣ угождающихъ, и непорочный агнецъ, провидѣвъ достойнѣйшаго пастыря, отогналъ отъ своихъ овецъ лютаго волка? Мы читали всенародно объявленное посланіе вашего братства; при этомъ не могъ кто либо изъ насъ прійти въ удивленіе, потому что вы огласили извѣстное. Подтвержденіе употребляется на то, чтò неизвѣстно, а чтò вѣрно дознано, тò не требуетъ доказательствъ. Упражненіе въ добрыхъ дѣлахъ усовершило его (Максиміана): мы понимали его такимъ, какимъ нашли его по письму; кратко сказать, такимъ именно, какимъ, по заповѣди Спасителя, долженъ быть

пастырь, чтобы, по согласному отзыву всѣхъ, удостоился услышать: *се воистинну израильтянинъ, въ немже льсти нѣсть* (Іоан. 1, 47). Такой отзывъ не согласенъ ли съ вашими похвалами ему? Такого преемника себѣ искалъ добросердечный Сисиній, который желалъ, чтобы мѣсто его занялъ человѣкъ ему подобный. Но лучше поступимъ мы, если, оставимъ имя святотатца (Несторія), скажемъ, чего недоставало для вѣры. По суду Божію сдѣлалось то, что̀ Церковь заслужила, вмѣсто врачества. Наконецъ новый епископъ уничтожилъ разногласіе и водворилъ согласіе. И чего не могъ сдѣлать со временемъ тотъ, за котораго ручалось самое начало дѣла? Мы говоримъ о томъ, котораго требовало возстановленіе мира. Мы соприсутствовали вамъ, а не въ отсутствіи говорили это, въ то время, какъ надъ его главою произносились тайнодѣйственныя слова, и какъ сердца всѣхъ исполнялись радостію; наконецъ никто изъ вселенскихъ христіанъ не могъ не быть тамъ, гдѣ собрались всѣ вообще. Сверхъ сего мы обрадованы были этимъ объявленіемъ милостиваго и по преимуществу христіанскаго императора, когда увидѣли, что мнѣніе его согласно съ посланіями вашей любви. Нѣтъ ничего чрезвычайнаго въ томъ, что императоръ, сердце котораго находится въ рукахъ Божіихъ, согласился съ

тѣми, которыхъ онъ призналъ священниками Божіими. Итакъ императорское слово вооружилось за дѣло Божіе, содѣйствуя его исполненію. Стастлива власть, которая содѣйствуетъ исполненію дѣлъ Божіихъ; не менѣе счастливъ и тотъ, которому служитъ въ похвалу управленіе дѣлами мірскими. Намъ извѣстно, какимъ путемъ, съ какимъ постепеннымъ возвышеніемъ, нашъ святой братъ и соепископъ достигъ пастырскаго достоинства Не слава богатства, не домогательство власти, свойственное искательнымъ людямъ, открыло ему скорый доступъ къ почестямъ, но, по избранію нищихъ, которымъ онъ, какъ вѣрный и мудрый служитель давалъ пищу во благо время, онъ поставленъ былъ надъ благами Господа своего. Хотя онъ желалъ епископства, но желалъ не иначе, какъ добраго дѣла, по ученію апостола (1 Тим. 3, 1). Такъ Богъ нашъ смотритъ и на то, чего желаемъ, и на то, почему желаемъ. Кто усумнится въ томъ, что онъ можетъ больше сдѣлать, имѣя въ рукахъ своихъ власть надъ другими, чѣмъ сколько могъ бы сдѣлать, находясь въ подчиненіи у другихъ? Ненавистникъ и богохульникъ не могъ нести этой должности, т. е. попеченія о людяхъ; такъ какъ онъ старался уязвлять души. Его паденіе сдѣлалось велико, такъ велико, какъ неправо его ученіе. Радуясь объ исправленіи прошедшаго, мы

должны остерегаться на будущее время, чтобы отрѣзанныя вѣтви не стали болѣе и болѣе распространяться; потому что гдѣ бы ни явилась зараза, члены нашего тѣла необходимо будутъ терпѣть вредъ, и если мы допустимъ это, образуются члены худшіе прежнихъ. Мы написали къ императорской милости о томъ, чтобы болѣзнь была болѣе удалена отъ среды здравія. Ибо мы узнали, что онъ (Несторій) возвратился въ Антіохію и нашелъ для себя возможность жить тамъ, откуда прежде вышелъ. Такая ссылка есть гибель для невинныхъ. Мы должны внимательнѣе наблюдать, какія послѣдствія произойдутъ тамъ изъ того, что̀ также предпринято прежде. Нетрудно склонить къ тому, что̀ извѣстно. На глазахъ нашихъ—церковь города, который чрезъ него потерялъ пастыря; и однакожь мы стараемся знать, кто для кого былъ причиною паденія. Не случится ли развѣ то, (говоримъ для успокоенія церквей), что, осужденный на изгнаніе, онъ отрыто признаетъ свое заблужденіе? Но кто можетъ имѣть надежду направить кого нибудь на истину тамъ, гдѣ видѣлъ бы убѣжище для виновника развращенія, гдѣ почитается изгнанный всѣми? Весьма ненадежно (говоримъ со скорбію) состояніе здоровья тамъ, гдѣ, какъ говоритъ Исаія, *всякая глава въ болѣзнь и всякое сердце въ печаль, отъ*

ногъ даже до главы (Ис. 1, 5). Какъ можетъ какой нибудь членъ имѣть надежду на здоровье тамъ, гдѣ поражается весь составъ тѣла? Старайтесь, умоляю васъ, любезнѣйшіе братія, старайтесь извергнуть изъ среды своей того, кто сдѣлалъ это. Такого рода людей нужно только удалять отъ всѣхъ. Ибо гдѣ долженъ находить успокоеніе тотъ, кто такъ училъ о царствующемъ всюду? Главнѣйшее дѣло вами исполнено; теперь слѣдуетъ сдѣлать тò, чтò нужно и остается вамъ сдѣлать для того, чтобы трудъ вашъ не былъ напрасенъ. Хотя по мѣсту мы далеко находимся отъ васъ, но своимъ попеченіемъ мы близки ко всѣмъ вамъ. Попеченію блаженнаго апостола Петра всѣ присущи; мы не можемъ оправдаться предъ Богомъ въ семъ дѣлѣ, намъ извѣстномъ. Ибо хотя святость ваша умолчала о томъ, чтò мы говоримъ, однакожь, по внимательномъ изслѣдованіи, все узнали мы. Итакъ я прошу васъ, чтобы конецъ такого дѣла, который остается совершить, соотвѣтствовалъ вашимъ дѣйствіямъ; ибо намъ не хочется, чтобы вы, сдѣлавши столь многое, не докончили немногаго. Съ помощію царей земныхъ пребудьте въ томъ, о чемъ мы вамъ написали. Они и сами знаютъ, чтò имъ нужно дѣлать при такихъ обстоятельствахъ,—знаютъ, что основаніемъ вселенской вѣры поддерживаются ихъ царства. Во свя-

тыхъ наслѣдникахъ течетъ кровь чистая, неповрежденная никакою другою примѣсью. Сильный хранитъ начало своего праваго пути; ибо то̀, что̀ принято было предками, проявляется въ потомствѣ. Мы одинаково должны преслѣдовать какъ пса, такъ и злодѣтеля. Дѣлайте въ своемъ присутствіи то̀, что̀ мы совѣтуемъ вамъ въ отсутствіи. Ибо хотя мы обязаны пещись о всѣхъ вообще, но преимущественно намъ должно идти на помощь къ погибающимъ антіохійцамъ, между которыми водворилась заразительная болѣзнь. Такимъ образомъ мы спасемъ городъ, въ которомъ, какъ говорится въ Дѣяніяхъ апостольскихъ, христіане впервые назвались христіанами. Итакъ мы должны оказывать помощь всѣмъ тѣмъ, предъ которыми сознаемъ себя должниками по вѣрѣ, къ чему мы и призваны. Это попеченіе съ нашей стороны доказали представлявшіяся вамъ боголюбезныя чада, возлюбленные и ближайшіе нашему сердцу пресвитеръ Іоаннъ и діаконъ Епиктетъ, которыхъ мы скоро отпустили къ вамъ, имѣя въ виду, что какъ мы приняли ихъ въ дни рождества Господня, такъ и представили вамъ въ праздникъ Господня воскресенія. Что̀ же касается до тѣхъ, которые оказывались мыслящими одинаково нечестиво съ Несторіемъ и приняли участіе въ его злочестіи, то хотя объ нихъ предста-

вляется вами мнѣніе, однакожъ и мы также разсматриваемъ этотъ предметъ, подлежащій нашему вниманію. Много должно разсматривать въ такихъ обстоятельствахъ, на которыя апостольскій престолъ всегда обращалъ вниманіе. Сказанное нами подтвердитъ примѣръ целестіанъ; потому что они доселѣ подавали надежду предъ соборомъ. Они, если вразумятся, могутъ возвратиться; что̀ не дозволяется тѣмъ только, которые достойно осуждены вмѣстѣ съ виновниками ереси по приговору. Мы радуемся, что нѣкоторые изъ числа ихъ, по милости Божіей, обратились къ намъ. Это сдѣлано съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы тѣ, надъ которыми не имѣло силы угрызеніе совѣсти, по крайней мѣрѣ отлучены были приговоромъ. Я совѣтую вамъ, братія, держаться такого правила: главный виновникъ нечестія съ тѣми, которыхъ касаются соборныя опредѣленія, да будетъ осужденъ, а прочіе, которые, держась однихъ мыслей съ нимъ, не находятся съ нами въ церковномъ общеніи, пусть будутъ изгоняемы изъ городовъ своихъ, и пусть знаютъ, что они не будутъ въ нашемъ обществѣ, если не исповѣдуютъ себя вселенскими пастырями, но постановленію Церкви и христіанскихъ властей, осудивши то̀, что̀ подвергнуто осужденію съ виновниками и сообщниками (ереси). Что же касается

антіохійскаго епископа, если онъ подаетъ надежду исправленія, то мы желаемъ, чтобы вы привели его въ согласіе посланіями; если же онъ не будетъ держаться однихъ съ нами мыслей, осудивши новое богохуленіе своимъ письменнымъ исповѣданіемъ, то пусть знаетъ, что Церковь есть строительница, потому что руководитъ воззрѣніями нашей вѣры. Впрочемъ надобно надѣяться на милосердіе Божіе, что всѣ обратятся на путь истины, если, по вышесказанному, удалится первоначальная причина зла.—Дано въ 15 день марта, въ консульство Аэція и Валерія.

Посланіе папы Целестина къ Θеодосію младшему Августу, писанное послѣ собора.

Целестинъ епископъ Θеодосію младшему, Августу.

Мы познали, что божественное Провидѣніе явило въ дѣлахъ своихъ то, чего мы ожидали. Ибо при царствованіи вашемъ, умы вѣрнымъ ни на что другое не могли разчитывать въ будущемъ, какъ на то, что̀ исполнилось къ нашей радости, что пресѣклась хула на Бога и погибла неправда, осужденная вмѣстѣ съ виновникомъ новаго ученія. Хотя открылись враждебныя дѣйствія противъ вѣры и святотатственно словесными копіями направлены

были противъ рождества Царя небеснаго; но вы, царствуя по дѣйствію Христа, Бога нашего, своею силою побѣдили нечестивыхъ враговъ вѣры, возстановивъ небесное торжество, чрезъ которое благочестивому царству навсегда поставили огражденіе. По-истинѣ, къ вашей славѣ относится пророческій голосъ, и царство ваше можетъ назваться царствомъ всѣхъ вѣковъ (Псал. 144, 73), которое распространяется по заслугамъ хранимой вѣры, и по мѣрѣ того, какъ возрастаетъ храненіе святой вѣры, всегда усиливается христіанское благочестіе, славнѣйшій и спокойнѣйшій императоръ. Вотъ теперь домъ Господень оглашается молитвами и ваше царство ввѣряется жертвоприношеніямъ, приносимымъ во всѣхъ церквахъ. По удаленіи дерзкаго возмутителя, нѣтъ мѣста для соблазна; пагубное ученіе не заражаетъ болѣе души людей; попеченіемъ о вселенской Церкви вы возвратили всѣмъ спасеніе душевное. По милости вашего достославнаго царствованія оказана защита душамъ всѣхъ, а не живущихъ только въ какой либо странѣ, или области. Конечно, вы будете вмѣнять это въ побѣду, которой достигли не войною, не мечемъ, а преданностію Богу. Этотъ блескъ вашей славы остается теперь и останется навсегда, такъ что его не уничтожитъ никакое время, никакая древность.

Ибо тȯ вѣчно, чтȯ совершается изъ любви къ вѣчному Царю. Такъ вѣра Авраама пребываетъ во вѣки. Заслуги царя Давида увѣковѣчены ревностію его по Богѣ, когда онъ враговъ Божіихъ принялъ за своихъ враговъ и возненавидѣлъ ненавидящихъ Бога (Псал. 138, 21. 22). Илія не удовольствовался тѣмъ, что обличалъ лживыхъ пророковъ, но онъ хотѣлъ еще наказать ихъ, чтобы, преслѣдуя ихъ, погубить тѣхъ, въ которыхъ онъ видѣлъ причину погибели своего народа. У тебя равная съ нимъ слава. Онъ возсталъ противъ лживыхъ пророковъ, а ты противъ лживыхъ учителей; тотъ преслѣдовалъ пророковъ, изрекавшихъ ложь на Бога, а ты прогоняешь священниковъ, распространяющихъ нечестивыя мысли о Христѣ, Богѣ нашемъ; тотъ заботился только о наказаніи, а ты такъ наказываешь нечестіе, что вмѣстѣ охраняешь тȯ, чтȯ относится къ вѣрѣ. Ибо недостаточно было бы только устранить болѣзнь и отвратить заразу; нужно было возстановить полезное для здоровья благораствореніе воздуха и дать зараженнымъ болѣзнію животворное начало, чрезъ поставленіе въ Церкви такого предстоятеля, который издавна предъ всѣми знающими его показалъ себя достойнымъ этой степени. Объ немъ отзывается, какъ о членѣ собственнаго тѣла, римская Церковь, которая всегда счита-

ла его въ ряду своихъ (служителей Церкви); объ немъ свидѣтельствуютъ заслуги его предшественниковъ, въ которыхъ онъ свято принималъ участіе. Такъ съ Аттикомъ, мужемъ, оставившимъ по себѣ славнѣйшую память, крѣпчайшимъ заступникомъ вѣры, онъ сообразовался въ мысляхъ и исполненіи обязанностей, такъ что уже тогда въ немъ обнаруживались знаки будущаго его епископскаго достоинства. Но по сокровенной волѣ Божіей бываетъ то, что лучшее сохраняется къ будущему и покой достигается чрезъ соблазны возмутителей. Послѣ того, какъ сей пастырь избранъ такимъ образомъ за заслуги, оказанныя имъ своей церкви, и утвержденъ согласіемъ священнаго собора для того, чтобы устроить положеніе Церкви и совершенно излечить раны, причиненныя нечестивою ересью,—отлученные да не дерзаютъ болѣе распространяться. Умоляемъ и просимъ васъ дать защиту вѣрѣ вашей. Теперь надобно противопоставлять всякаго рода охраненіе, чтобы хищный волкъ, свирѣпствуя въ отлученіи отъ Господнихъ стадъ овецъ, опять съ змѣинымъ пресмыканіемъ не устремился на погубленіе душъ, направляя подкопы со стороны, ему доступной. Ибо онъ не можетъ оставаться покойнымъ, стремясь съ бѣшеною яростію овладѣть своею добычею. Дайте подкрѣпленіе

здравымъ и врачество требующимъ исцѣленія. Истину православной вѣры оградите оплотомъ вашей вѣры, за которымъ безопасны были бы вѣрные, и чрезъ который не могли бы проникнуть послѣдователи заблужденія. Ибо совершенный плодъ вашей побѣды получится тогда, когда не останется ничего такого, чего снова могла бы опасаться Церковь. Итакъ кого за упорную хулу (на Бога) отринулъ голосъ всѣхъ пастырей, того вы должны удалить отъ всякаго общества, чтобы лишить его возможности погубить кого нибудь. А благочестивыхъ сыновъ моихъ, пресвитера Іоанна и діакона Епиктета, возвѣстившихъ намъ о такомъ предметѣ, мы приняли съ ликованіемъ всей Церкви, и, восхваливъ ваши высокія достоинства въ общемъ собраніи христіанъ, въ церкви блаженнаго апостола Петра, вознесли Богу нашему молитвы за васъ. Ибо, при помощи Божіей, они успѣли придти къ намъ къ тому дню, въ который празднуемъ рождество по плоти Христа Бога нашего, составлявшее предметъ вопроса; весь сонмъ (вѣрующихъ) осудилъ нечестіе побѣжденнаго.

Къ дѣлу о Церкви и вѣрѣ присоединяется дѣло о пользѣ бѣдныхъ, такъ что вы, сохраняя чистоту вѣры, оказываете вмѣстѣ попеченіе и о пользѣ бѣдныхъ. Пробъ, оставив-

шій по себѣ славное и святое воспоминаніе, такъ устроилъ владѣнія, расположенныя въ Азіи, что ежегодно получалъ большія доходы въ пользу бѣдныхъ клириковъ и монастырей; но другія владѣнія, тамже расположенныя, по нерадѣнію, чтобы не сказать больше, управлявшаго ими, доведены были до того, что не только не доставляли обыкновенной платы, но даже тайнымъ расхищеніемъ ихъ нарушалось законное обладаніе ими. Мы просимъ васъ сдѣлать для священнаго и славнаго отечества и Церкви, какъ милость, то, чтобъ ихъ не безпокоили никакія насилія, и въ Церкви, какъ у властителей, было полное господство, такъ чтобы пріобрѣтенное на содержаніе бѣдныхъ почиталось вашимъ.— Дано въ 15 день марта, въ консульство Аэція и Валерія.

Посланіе тогоже папы Целестина къ Максиміану, константинопольскому епископу, послѣ собора.

Целестинъ епископъ Максиміану, епископу константинопольскому.

Въ письмѣ твоемъ мы познали братство твое и нашли святость твою такъ, какъ знали прежде, т. е. такою, которая славна чистотою, и извѣстна болѣе блескомъ ума, чѣмъ почестями. Церковь, которая признала тебя пер-

восвятителемъ послѣ отлученія того, кто враждовалъ противъ нея, приходитъ въ себя, въ свое положеніе. Бери кормило корабля и управляй имъ, какъ научился у своихъ предшественниковъ. Противься волнамъ, возбужденнымъ вѣтромъ, который, направляясь враждебно противъ всѣхъ, удалялъ отъ корабля его управителей, чтобы имѣть возможность разрушить его; врагъ Церкви незаконно исполнялъ должность правителя, чтобы казаться управлявшимъ тѣми, коихъ старался погубить. Доселѣ возбужденныя имъ волны обуреваютъ, смуты и треволненія безпокоютъ тебя. Противостой съ постоянною твердостію и, какъ правитель ввѣреннаго тебѣ корабля, прими попеченіе о спасеніи ввѣренныхъ тебѣ душъ. Успокой море, по которому ты плаваешъ; обезопась своимъ искусствомъ управляемый тобою корабль, послѣ тѣхъ бурь, которыя онъ выдержалъ. Послѣдуй тому рыбарю, который пѣшешествовалъ по водамъ моря, чтобы приблизиться ко Христу, Господу нашему, котораго онъ увидѣлъ ходившимъ по морю. Слѣдуй примѣрамъ бывшихъ прежде тебя первосвятителей, отъ которыхъ ты получилъ наставленіе и воспитаніе, примѣру блаженнѣйшаго Іоанна въ познаніи ученія, примѣру святаго Аттика въ силѣ отражать ереси, примѣру предшественника твоего Сисинія въ со-

вершенной непорочности, дабы мы, какъ обычно намъ, возрадовались о Церкви. Собери разсѣянныхъ и окажи свойственное тебѣ и извѣстное намъ благочестивое расположенiе къ тѣмъ, которыхъ разсѣялъ возмутитель. Собери людей твоихъ къ сосцамъ матери своей, призови тѣхъ, которыхъ отдалилъ врагъ, напоивъ ядомъ. Утверди въ вѣрѣ тѣхъ, на которыхъ, какъ ты видишь, устремлено коварство; уврачуй тѣхъ, которыхъ находишь уязвленными; удали не принимающихъ врачества. Ибо въ то время, какъ болѣзнь уничтожается и вредные члены отсѣкаются, остальнымъ подается здоровье. Обширно у тебя, любезнѣйшiй братъ, поле, на которомъ ты можешь прiобрѣсть славу бдительнаго пастыря и добраго священнослужителя, дабы открылось, что ты больше имѣлъ силы въ возстановленiи добраго, чѣмъ въ своихъ зловредныхъ дѣйствiяхъ тотъ, кто желалъ быть подражателемъ дiавола, а не Христа, возмущая покой Церкви, о которомъ теперь мы всѣ вообще должны заботиться, чтобы во всѣхъ служителяхъ Церкви была одна вѣра и одинъ духъ. Прими въ руки свои лопату Господню и очисть гумно ввѣренное тебѣ, чтобы отдѣлить плевелы отъ чистаго хлѣба и, по повелѣнiю Христа, Бога нашего, пшеницу собрать въ житницу. Новому нечестiю да не будетъ

болѣе мѣста; осужденному прежде по всему міру извѣстному целестіанскому заблужденію противопоставь твое мужество, а послѣдователи ложнаго ученія должны быть удалены отъ общества. Всѣмъ послѣдователямъ лжеученія, старающимся проникнуть во всѣ провинціи, будетъ противодѣйствовать чрезъ тебя Духъ Святый, чтобы не возобновилось то ученіе. Ибо они обнаруживаются тѣмъ, что осуждаются вездѣ, гдѣ явятся, и какъ мысли ихъ, столько разъ повторенныя, не имѣли силы, то они нарушаютъ покой въ далекихъ странахъ и отдаленныхъ провинціяхъ. Но ихъ преслѣдуетъ Тотъ, чью вѣру они силятся одолѣть своимъ нечестіемъ, и гдѣ бы они ни скрывались, въ какія бы потаенныя мѣста ни убѣгали, нигдѣ не могутъ найти себѣ мѣста, обнаруживаясь чрезъ свое нечестіе. Сыновъ нашихъ, благочестивыхъ мужей Іоанна пресвитера и діакона Епиктета, мы приняли съ великою радостію и съ бо́льшимъ ликованіемъ отпустили — Дано въ 15 день марта, въ консульство Аэція и Валерія.

Тогоже Целестина посланіе къ клиру и народу, находящимся въ Константинополѣ, послѣ собора.

Целестинъ епископъ клиру и народу, находящимся въ Константинополѣ.

Мать ощущаетъ радость, когда около нея собираются дѣти. Точно также радуется и Церковь, потому что ея чада собрались опять, и изъ нихъ никто не погибъ, кромѣ сына погибели; впрочемъ отецъ никогда не признавалъ этого сына за своего. Подражавшій ему (Несторій), какъ мы читали, старался отнять наслѣдіе у васъ праведныхъ сыновъ Божіихъ, которыхъ, по слову апостола, за вашу вѣру признаемъ наслѣдниками Божіими и будущими сонаслѣдниками Христа. Ему не позволили отнять пальму у тѣхъ, которые восторжествовали надъ нимъ оружіемъ вѣры. Вы побѣдители, вы исторгли побѣду у врага общаго Царя; посредствомъ васъ побѣдилъ Тотъ, божественное достоинство котораго подверглось было сомнѣнію. Пусть устранится вопросъ о рожденіи, вопросъ, который всякій истинно вѣрующій долженъ рѣшать въ простотѣ сердца. Ибо кто осмѣлится испытывать Бога, кто рѣшится изслѣдывать Его? Богъ все могъ сдѣлать, когда восхотѣлъ освободить насъ. Но почему тотъ грѣшникъ, въ своемъ

мракѣ, не увидѣлъ свѣта? Почему онъ земными хитрословіями связывалъ истину, положенную въ вышнихъ? Потому, что не могутъ этого видѣть тѣ, тоторые не знаютъ слóва свѣтильника, которое, по свидѣтельству пророка Давида, есть свѣтъ его сѣмени (Псал. 118). Съ этимъ псалмопѣвцемъ, подобно матери, радующейся возвращенію своихъ сыновей, пріятно воспѣть: *се что добро, или что красно, но еже жити братіи вкупѣ* (Пс. 132, 1). Я кстати привелъ эти слова, потому что, при помощи досточтимой Троицы, ищу для вселенской Церкви мира, который былъ нарушенъ хулителями. Ваша любовь помнитъ, что̀ я нѣкогда говорилъ вамъ о терпѣніи; какъ священникъ, я долженъ былъ сѣять эти сѣмена въ вашихъ сердцахъ, чтобы не обмануться въ ожидаемой жатвѣ, которая показала, каковы плоды вашего терпѣнія. Позавидовавъ этимъ плодамъ, сынъ погибели посѣялъ въ сердцахъ многихъ пагубные плевелы. Мы сѣяли слова Господа и ученіе апостоловъ. Не эти сѣмена, а тѣ, которыхъ не приняла земля, причинили вредъ. При жатвѣ Господа, который въ евангеліи показалъ намъ виновника плевелъ, въ вашей простой вѣрѣ не оказалось ничего такого, что̀ бы слѣдовало обрѣзывать. Господу говорили: *въ добромъ сѣмени откуда плевелы?*, а мы

скажемъ: въ царствѣ вѣры откуда вѣроломство? Отвѣтимъ словами Христа: *врагъ человѣкъ сіе сотвори* (Матѳ. 13, 27. 28). Не удивительно, что рѣшившійся убивать простыя сердца, послѣдовалъ совѣту того, который былъ убійцею искони. Мы знаемъ, что какъ тотъ обольщалъ словами, такъ и сей наносилъ смерть также словами. Впрочемъ онъ (Несторій) послѣдовалъ за своимъ начальникомъ не безнаказанно, подобно Іудѣ, епископство котораго получилъ другой. Тотъ и другой по справедливости имѣютъ одинъ конецъ, потому что, какъ извѣстно, оба согрѣшили въ одномъ. Пусть будутъ всегда предъ нашими глазами и оскорбитель нашего Спасителя и предатель; впрочемъ трудно сдѣлать различіе между хулителемъ рожденія и виновникомъ смерти. Іуда раскаялся въ своемъ поступкѣ, получилъ, какъ предатель, наказаніе, сознавши свой грѣхъ, тотчасъ избралъ петлю,—а сей похваляется дерзостію нечестія. Это вѣроломство я не назову заблужденіемъ; не всякое нечестіе есть заблужденіе. Сколько разъ діаволъ, завидуя Церкви и ея миру, сѣялъ въ ней сѣмена раздора? Какъ онъ заботился, сколько трудился, чтобы побѣдить вѣру? Вы помните конечно это, потому что не помнить это нельзя Но я желалъ бы святымъ забвенія такихъ несчастій; изъ сердецъ да

извергнется тотъ, кто уже исторгнутъ изъ глазъ нашихъ; да изторгнется непотребный, предтеча ада! Какъ извѣстно намъ, мрачный проповѣдникъ строилъ многіе ковы, часто натягивалъ свой лукъ и своими устами металъ ядовитыя стрѣлы; изъ васъ впрочемъ онъ никого не успѣлъ уязвить. Пущенныя стрѣлы обратились на него самого, послѣ того какъ не могъ онъ уязвить *во мракѣ правыхъ сердцемъ* (Пс. 10, 2). Сынъ тьмы ничего не успѣлъ въ отношеніи сыновъ свѣта. Какія заботы, попеченія мы употребляли, когда вы находились во вражеской борьбѣ? Мы проводили ночи безъ сна въ это тягостное для насъ время. Мы не могли спать, когда бодрствовалъ хищникъ. Какой страхъ былъ въ овчарняхъ, какой ужасъ въ оградахъ, когда многіе волки окружали ихъ, ища добычи и угрожая гибелью овцамъ отсутствующимъ? Какой похвалы достойно за свою осторожность стадо, въ которое не ворвался хищникъ? При сопротивленіи такому врагу понятна причина осторожности. Мы всѣ сознаемъ, что васъ защищалъ тотъ пастырь, который назвалъ себя Пастыремъ въ евангеліи. Бодрствовалъ, не оставлялъ васъ Тотъ, который страдалъ за васъ. На этого-то Пастыря нечестивый лжеучитель изощрялъ свой языкъ своими злохуленіями, на Него скрежетемь своими зубами;

впрочемъ ухищренія его всегда оставались тщетными, потому что васъ охранялъ тотъ пастырскій жезлъ, которымъ Христосъ заповѣдалъ пасти свое стадо предъ вознесеніемъ на небо. Это пастбище для васъ не перемѣнилось, вы питаетесь тоюже пищею, васъ пасли учители апостольскимъ ученіемъ. Вмѣсто здоровой пищи вамъ предложена была вредная пища, вмѣстѣ съ цвѣтами вамъ предложены были тернія; но этотъ обманъ не обольстилъ васъ, васъ—пріятную воню Господа (2 Кор. 2, 14—16). Вы отвратились отъ смертоносной зелени, заткнули уши свои терніемъ, чтобы не слышать непотребнаго языка. Ибо чувство не воспринимаетъ того, что̀ оскорбляетъ слухъ; не можетъ проникнуть внутрь то̀, что̀ не принято извнѣ. Вы убѣжали отъ него, отвратили свое лице. Вы бѣжали отъ такого человѣка, котораго святая александрійская церковь, какъ вамъ извѣстно, уже одинъ разъ исправила. Вы, конечно, читали и помните письма къ нему священника, вселенскаго учителя, которыми онъ такъ обличалъ его, что тотъ захотѣлъ исправиться. Онъ старался поднять падшаго сотоварища, простеръ ему десницу, желая достигнуть согласія съ нимъ. Мужъ апостольскій вполнѣ исполнилъ апостольскую обязанность: онъ умолялъ, убѣждалъ, настаивалъ. Но погрузившійся въ бездну своихъ зло-

хуленій, отрицая наставленіе такого мужа и злоупотребляя его убѣжденіями, не захотѣлъ быть учимымъ, когда не могъ быть учителемъ. Защитникъ лжи, обидѣвъ держащагося правды, тщеславился этимъ; но братъ не обидѣлся, думая въ себѣ, что онъ по заслугамъ не пощадилъ сослужителя, клеветавшаго на своего Господа. За свою ревность онъ оказался, по евангелію, и полезнымъ сыномъ, и предусмотрительнымъ рабомъ. Ибо онъ сохранилъ и отеческое достояніе и умножилъ число талантовъ. Отдавъ ихъ въ ростъ, онъ не только удвоилъ ихъ, но, скажемъ болѣе, умножилъ. Какую милость получитъ отъ Господа всѣхъ подвижникъ, такъ подвизавшійся, что другіе получили отъ него пользу? Не по праву ли онъ услышитъ отъ домовладыки: *рабе благій и вѣрный, вниди въ радость господа твоего* (Мате. 25, 21)? Онъ вполнѣ сохранилъ то̀, что̀ было ему ввѣрено. Но, что̀ услышитъ, что̀ скажетъ рабъ впавшій въ долги, когда потребуютъ отъ него отчета въ данныхъ ему талантахъ? Вамъ извѣстно, какое наказаніе ожидаетъ нерадивыхъ священниковъ, которымъ заповѣдано отъ апостола управлять своею паствою со тщаніемъ (1 Тим. 3). Священникъ Илій, самъ по себѣ невинный, подвергся божественной карѣ за своихъ дѣтей. Отецъ нарушилъ власть и достоинство пер-

восвященника. Если онъ подвергся наказанію за то, что не предостерегалъ дѣтей своихъ отъ корыстолюбія, то тѣмъ большему наказанію подтвергнется отъ Господа тотъ, кто не бережетъ и себя. Но не объ этомъ слабомъ и нерадивомъ священникѣ я намѣренъ говорить. Вы имѣли дѣло съ человѣкомъ слова твердаго, съ бодрствующимъ предателемъ (я говорю къ опытнымъ). Но святый апостолъ Петръ не оставилъ и здѣсь ревностно потрудившихся. Ибо когда страшная для всѣхъ зараза требовала отсѣчь гнилой членъ отъ тѣла Церкви, то мы съ желѣзомъ принесли и пластырь. Но онъ самъ, злоупотребляя нашимъ попеченіемъ о томъ, *да не погибнетъ единъ отъ малыхъ сихъ*, возжелалъ себѣ смерти. Презрѣвши наше врачество, онъ рѣшился быть отсѣченнымъ. Судъ апостольскій рѣшилъ отсѣчь того, который оскорблялъ насъ и желалъ ниспровергнуть Евангеліе (Галат. 5, 12). У насъ не было, какъ мы сказали, недостатка во врачествѣ для разслабленнаго своимъ нечестіемъ. Мы не спѣшили оглашать его мытаремъ и язычникомъ. Мы знаемъ, сколько и въ какой мѣрѣ Писаніе повелѣваетъ обличать подобныхъ людей, но теперь мѣра нашихъ увѣщаній исполнилась наконецъ. Тогда увѣщевалъ братъ брата, а теперь этотъ упорный при одномъ, двухъ и даже многихъ свидѣтеляхъ

былъ увѣщеваемъ. Слѣдовательно обличаемъ былъ всею Церковію, а также и нашимъ словомъ. Мы не сдѣлали ничего преждевременнаго, ничего необдуманнаго въ отношеніи къ тому, кого осудилъ этотъ соборъ, послѣ продолжительныхъ совѣщаній. Мы не могли болѣе медлить, дабы не показалось, что мы бѣжимъ, по Писанію, съ воромъ, и раздѣляемъ наше участіе съ прелюбодѣемъ вѣры (Псал. 49, 18). Соблазняющій глазъ заповѣдано вырывать (Матѳ. 5, 29). Отринувши всѣ лекарства, ему поднесенныя, онъ потребовалъ себѣ поля для сраженія. Намѣреваясь выдти на войну, онъ несъ противъ вѣры оружіе вѣроломства. Я не спрашиваю, какіе вы тогда давали обѣты предъ Господомъ, когда исходъ дѣла показалъ, чего вы могли себѣ желать. Изъ донесенія святаго брата нашего Кирилла намъ извѣстенъ ходъ дѣла. При свиданіи съ нимъ Кириллъ довелъ его до того, что онъ отказался присутствовать на соборѣ. Кто повѣритъ, что бы требующій собора отказался присутствовать на немъ? Легкость лжи поражена на этотъ разъ тяжестію истины, мракъ вѣролома не дерзнулъ смѣшаться съ блескомъ лучезарныхъ священниковъ; тьма бѣжитъ свѣта, такъ какъ мы знаемъ, что между ними не можетъ быть никакого общенія и они взаимно другъ друга уничтожаютъ (2 Кор. 6,

14). Гдѣ то̀, что̀ говорилось во свѣтѣ, о чемъ провѣдали на кровляхъ, что слышали ушами? Но онъ потому хотѣлъ уклониться отъ присутствія на соборѣ, чтобы избѣжать стыда и угрызенія совѣсти. Иначе зачѣмъ онъ хотѣлъ скрыть свой свѣтильникъ подъ спудомъ, если онъ считалъ его хорошо зажженнымъ? Онъ долженъ былъ свѣтить священному собору, чтобы этотъ свѣтъ видѣли всѣ. Божественное ученіе не ложно; ибо оно учитъ, что люди, находящіеся во тьмѣ, не могутъ видѣть свѣта. Уклонившись отъ собора, онъ нѣкоторымъ образомъ уже самъ отрекался отъ своего достоинства. Такъ первый человѣкъ Адамъ, сознавъ свое преступленіе, нагой скрылся отъ лица Божія. Преступивъ Его заповѣди, онъ испугался того голоса, который презрѣлъ, и объятый страхомъ бѣжалъ, потерявъ всякую надежду. Ибо укрывательство уже не позволяетъ сомнѣваться въ преступленіи; въ важныхъ случаяхъ никто понапрасну не станетъ укрываться. Точно также подражавшій виновнику нашей смерти, утративъ честь и славу, согрѣшилъ подобно первому человѣку Адаму, отрицая божество новаго Адама. Какая мука для него была бы присутствовать предъ глазами стольких священниковъ, собранныхъ почти со всего міра? Но какую пользу принесло ему это бѣгство? Онъ бѣжалъ отъ тѣхъ, отъ кого

не слѣдовало бѣгать. Ибо какимъ образомъ онъ могъ укрыться отъ Того, отъ кого никто не можетъ скрыться? Не сознавая своего преступленія, онъ отринулъ то, что̀ сказалъ пророкъ: *камо пойду отъ Духа твоего, и отъ лица твоего камо бѣжу? Аще взыду на небо, Ты тамо еси; аще сниду во адъ, тамо еси* (Пс. 138, 7, 8). Пророкъ говоритъ, что грѣшнику не возможно укрыться отъ Бога. Пророкъ исповѣдуетъ Его вездѣприсущимъ, а этотъ старается доказать, что Онъ не былъ принятъ утробою. Духъ святый, всегда пребывающій во священникахъ своихъ, сдѣлалъ то, что раждающійся не принялъ никакого тлѣнія, никакой порчи; поелику все это тщательно было удалено рукою Духа. *Изжени*, сказалъ Соломонъ, *отъ сонмища губителя, и изыдетъ съ нимъ прѣніе* (Притч. 22, 11). Не могло, по слову Господа, быть вырвано растеніе, посаженное Отцемъ и обѣщавшее принести обильный плодъ. Сохранилъ свой виноградъ Богъ израилевъ; домъ его есть виноградникъ Господа, и потому неудивительно, если изъ этого дома былъ выгнанъ воръ, поелику стражъ его, какъ извѣстно̀, не спалъ. Что же будетъ дѣлать этотъ упорный нечестивецъ? На что онъ надѣется, отъ кого ждетъ помощи? Не простится ему, по писа̀нію, *ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій* (Матѳ.

12, 32). *Всякъ возносяйся смирится*; напротивъ смиреніе христіанское раждаетъ возвышеніе, потому что Христосъ возвышаетъ того, кто уповаетъ на Него. Устами пророка Господь сказалъ: *не живяше посредѣ дому моего творяй гордыню* (Пс. 100, 7), а чрезъ апостола Онъ обѣщался погубить буюю мудрость міра сего (1 Кор. 1, 19. 20). Пусть онъ выслушаетъ отъ насъ то, что слышалъ апостолъ, когда проповѣдывалъ: многія книги привели его къ неистовству (Дѣян. 26, 24). Впрочемъ это къ нему нейдетъ, ибо что сказано объ учителѣ, того недостоинъ слышать невѣжда. И зачѣмъ мы приводимъ для примѣра сосудъ избранія? Для обличенія его достаточно указать на разбойника, висѣвшаго на крестѣ со Христомъ. Благодѣтельное наказаніе заставило разбойника исповѣдать Господа. Онъ просилъ Господа помянуть его во царствіи. Этою краткою рѣчью онъ загладилъ все, что сдѣлалъ преступнаго въ прежнее время, и получилъ прощеніе. Господь сказалъ ему: *днесь со Мною будеши въ раи* (Лук. 23, 43). Господь обѣщалъ разбойнику, вмѣстѣ съ Нимъ страдавшему, свое будущее общеніе. При такой противоположности мы должны сказать: жаль, что епископъ не достигъ того, что получилъ разбойникъ. Какая награда за вѣру и вѣроломство! Судъ Божій—глубокая

бездна! Разбойникъ заслужилъ рай, а священникъ ссылку. Впрочемъ мы имѣемъ на это истинныхъ толкователей. Разбойникъ среди мученій позналъ Господа, тогда какъ епископъ, находясь въ чести, отвергнулъ Его. Не правда ли, что *человѣкъ въ чести сый не разумѣ, приложися скотомъ несмысленнымъ и уподобися имъ* (Пс. 48, 13)? Разумѣніе и судъ есть не что иное, какъ познаніе и уразумѣніе словъ премудрости, а истинная мудрость, по словамъ Соломона, та, которая происходитъ отъ страха Господня. Эту премудрость находитъ блаженный апостолъ только у совершенныхъ; поэтому важно не то, что міръ ее не позналъ, а то, что епископъ не уразумѣлъ ея. Въ этомъ случаѣ я приведу слова Господа, сказанныя чрезъ Іеремію: *и держащіи законъ не вѣдѣша Мя, и пастыри и пророцы нечествоваша на Мя* (Іер. 2, 8). Мы слышали, что этотъ беззаконникъ имѣлъ нѣкоторыя утѣшенія: его не оставили целестіане, дѣлатели нечестія, о которыхъ извѣстно намъ отъ нашего Гимнидика; но враги Божіи разсѣются, погибнутъ творящіе нечестивое и снѣдающіи народъ Господевъ въ снѣдь хлѣба (Псал. 91, 10. 13, 4). Слѣдовательно въ изгнаніи новый человѣкъ имѣлъ совершенныхъ и хорошихъ учителей. Люди, совершившіе одинаковыя преступленія, обыкновенно, сходятся между со-

бою, а тѣмъ болѣе связываетъ подобныхъ людей гнусность ихъ пороковъ. Но какой ихъ конецъ? Тотъ, о которомъ мы знаемъ, что *посмѣется имъ Господь, и будутъ посемъ въ паденіе безчестно, и во укоризну въ мертвыхъ въ вѣкъ* (Прем. Сол. 4, 18. 19). Но что мы медлимъ? Наше слово едвали увеличитъ мерзость порока; оставимъ *мертвыхъ погребсти своихъ мертвецовъ* (Мате. 8, 22). Выслушайте теперь слова истиннаго учителя, выслушайте отъ него то, что онъ самъ слышалъ отъ нашихъ предшественниковъ, въ чемъ нѣтъ никакой новизны. Нашими устами говорилъ вамъ нашъ собратъ, ибо онъ проповѣдуетъ съ нами одну вѣру. Онъ избранъ и поставленъ нами изъ среды насъ. Объ немъ не нужно много говорить, такъ какъ дѣла всѣмъ извѣстныя хвалить излишне. Впрочемъ теперь прилично предостеречь васъ нашимъ словомъ, дабы никто изъ васъ не колебалъ зданія, построеннаго на твердомъ, краеугольномъ камнѣ. Пристраивайте къ этому зданію то, что нужно. Вы теперь узнали, что значитъ пристроивать то, что удобосгараемо. *Когождо дѣло яковоже есть, огнь искуситъ* (1 Кор. 3, 13). Радуюсь, что вы положили въ это основаніе не солому, не дрова и сѣно, а тѣ сокровища, которыя заповѣдали полагать мудрые архитекторы. Вамъ хорошо

будетъ, потому что вы построите зданіе прочно. Прочное зданіе требуетъ такихъ матеріаловъ: сребра, золота и камней драгоцѣнныхъ. Жилище изъ такого матеріала будетъ безцѣнно. Такое жилище вѣчно, оно не подвержено ни порчѣ, ни ветхости; Господь уготовалъ его праведнымъ отъ созданія міра. *Укрѣпятся*, по слову пророка, *руки ослабленныя и колѣна разслабленныя*; *малодушные умомъ* здравы будутъ (Ис. 35, 3. 4). Поэтому, дражайшіе дѣти, твердо стойте въ согласіи своихъ мыслей и чувствъ, дабы услышать отъ Сына человѣческаго, когда Онъ пріидетъ во славѣ своей: не—*отыдите отъ Мене прокляти*, но—*пріидите ко Мнѣ благословенніи* (Матѳ. 25, 34. 41). Пусть грядущій отлучитъ козлищъ; но мы желаемъ, чтобы вы стояли на правой сторонѣ, и когда отверженные пойдутъ въ огонь, вы были призваны въ царство. Идите теперь узкими вратами, и вы достигнете того, чего не получатъ идущіе пространными вратами. Мы достаточно сказали для вашего утѣшенія. Желаемъ, чтобы вы, радуясь торжеству вѣры, разумѣли, что между нами находится Богъ мира и любви.—Данъ въ половинѣ марта, въ консульство Флавія Аэція и Валерія.

Списокъ съ императорскаго посланія къ Іоанну, епископу антіохійскому, о мирѣ и единеніи святыхъ церквей, посланнаго чрезъ Аристолая, трибуна и нотаріуса.

Императоры цезари, побѣдители, тріумфаторы, величайшіе, всегда августы, Өеодосій и Валентіанъ,—Іоанну, епископу антіохійскому.

Возстановленіе мира есть единственное наше желаніе. Миръ этотъ теперь у васъ возстановленъ; не переставайте же учить ему и всѣхъ прочихъ, принадлежащихъ къ священному сану. Этотъ миръ былъ нарушенъ, но мы нисколько не сомнѣваемся, что всѣ вскорѣ возвратятся къ нему, если вы будете увѣщевать ихъ. Въ наше время случилось неожиданное и печальное событіе, именно разногласіе въ истинной вѣрѣ священниковъ, и притомъ такое, что превышаетъ всякую мѣру повѣствованія. Мы сначала думали, что этотъ споръ прекратится на половинѣ и принесетъ плоды совершеннаго единомыслія, но тутъ-то именно и возгорѣлся пожаръ разногласій и тревогъ. Намъ больно и прискорбно, что учители церковнаго мира сами сдѣлались источниками раздоровъ, и между ними не нашлось никого, кто бы могъ наставить ихъ тому, что проповѣдывать они должны были по своей

прямой обязанности. Поэтому, желая прекратить это дѣло, мы всѣми силами стараемся о томъ, чтобы соблазнъ раздора не распространялся далѣе. Посовѣтовавшись со святѣйшимъ Максиміаномъ и со всѣми прочими епископами этого города и со всѣмъ ихъ клиромъ, мы рѣшили соединить во едино членовъ православной вѣры, бывшихъ между собою прежде въ единеніи, а потомъ раздѣлившихся по этому несчастному случаю. Мы желаемъ, чтобы вы, т. е. ты и Кириллъ александрійскій, согласились между собою и, отложивъ всякое притворство и распрю, возвратились къ прежнему единенію. Всѣ сказанные благочестивѣйшіе епископы поручились, что если ты подпишешь изложеніе Несторія и анаѳематствуешь его ученіе, всякій раздоръ тотчасъ прекратится. И Кириллъ, святѣйшій епископъ александрійскій, и Целестинъ, епископъ славнаго Рима, и всѣ прочіе священники православной вѣры придутъ съ тобою въ общеніе. Если вы, согласившись между собою и вообще со всѣми, примете это рѣшеніе, то его примутъ и всѣ другіе, желающіе исправленія. Итакъ когда ты узнаешь о нашемъ рѣшеніи и совѣтѣ, то всѣми силами настой на томъ одномъ, чтобы прекративши всякій споръ и распрю, съ помощію Божіею, возстановить прочный миръ во всѣхъ церквахъ, исповѣдую-

щихъ православную вѣру, а чрезъ нихъ и между всѣми нашими подданными. Поспѣши также отправиться въ городъ Никомидію, но не бери съ собою ни одного изъ епископовъ, кромѣ нѣкоторыхъ клириковъ, которые бы служили твоей святости. Сообщая тебѣ о нашемъ рѣшеніи, мы своимъ посланіемъ повелѣли также и святѣйшему Кириллу, съ равною поспѣшностію отправиться въ тоже мѣсто. Мы возвѣстили ему, чтобы онъ не приходилъ къ намъ, прежде, нежели вы установите между собою взаимную дружбу и вашимъ согласіемъ будете содѣйствовать къ утвержденію общаго мира между всѣми. Это же самое мы подтверждаемъ и твоему благочестію. Мы не дозволимъ явиться къ себѣ никакимъ славнымъ мужамъ, до тѣхъ поръ, пока не будетъ исправлено все то, что̀ причинило намъ столь великую скорбь. Если установится между вами, по нашему слову, желанный миръ и согласіе, то всякое постановленіе и низложеніе епископовъ будетъ зависѣть отъ рѣшенія каѳолической Церкви, которое впрочемъ должно совершаться безъ шума и волненія. Когда настанетъ совершенное единеніе, тогда клирики могутъ приступить къ отправленію божественныхъ служеній. Внимай сказанному нами. Если со вниманіемъ вникнешь въ нашъ искренній и христіанскаго

тщанія достойный совѣтъ,—мы не сомнѣваемся, что ты всѣми силами, всѣмъ своимъ умомъ позаботишься благовременно устроить все необходимое для единенія святыхъ Церквей, не опасаясь въ этомъ дѣлѣ ни труда, ни утомленія, ни безславія, ни обидъ. Если же ты осмѣлишься (чему мы не вѣримъ) презрѣть нашъ совѣтъ и наше искреннее желаніе, подъ вліяніемъ какой нибудь человѣческой страсти, если не обратишь вниманія и на другіе наши декреты, то знай, что пречестность твоя, за небрежную медлительность въ устроеніи церковныхъ дѣлъ, получитъ заслуженное наказаніе.

Посланіе императоровъ къ блаженному Симеону столпнику.

Такъ какъ мы извѣстились, что ты вѣдаешь благочестивую жизнь и съ дерзновеніемъ можешь призывать на насъ благоволеніе Божіе: то мы не могли не написать тебѣ о дѣлѣ, которое вполнѣ зависитъ отъ Промысла божественнаго. Ты позаботишься, чтобы нарушенный миръ былъ возстановленъ и раздоръ, посѣянный діаволомъ, былъ прекращенъ. Мы не сомнѣваемся, что это исполнится при содѣйствіи молитвъ твоей святости и увѣщаніями къ тѣмъ, которые могутъ утвердить и возстановить миръ. Ибо если благочестивѣйшій Іоаннъ,

епископъ антіохійскій, подпишетъ изложеніе того, который посѣялъ сѣмена раздора, и увѣритъ насъ, что онъ не согласится съ новымъ безумнымъ догматомъ, если въ этомъ будутъ согласны всѣ, то единеніе раздѣленныхъ членовъ возстановится. Если Іоаннъ согласится съ благочестивѣйшимъ епископомъ Кирилломъ, съ которымъ согласны епископы всего міра, и западные и константинопольскіе,—миръ будетъ возстановленъ. Эту великую скорбь и смуты произвело новое и вредное ученіе. При содѣйствіи вашихъ молитвъ и при помощи Божіей мы надѣемся примирить и согласить епископовъ. Ибо раздоръ и несогласіе возмущаютъ насъ и мы считаемъ ихъ главною причиною всѣхъ нашихъ бѣдствій. Мы надѣемся, что дѣла нашего царства пойдутъ успѣшнѣе по милости Божіей, если члены Церкви будутъ согласны въ дѣлахъ вѣры. Въ этомъ дѣлѣ тебѣ предстоитъ прекрасный случай уничтожить козни демона, и это вмѣнится тебѣ въ величайшую награду и славнѣйшую побѣду. Если ты достигнешь этого, то ты пріобрѣтешь себѣ уваженіе и любовь, и я прошу тебя, по обыкновенію, помолиться за насъ и наше царство Богу, дабы Онъ оказалъ намъ свое благоволеніе, за наше попеченіе о мирѣ вѣры.

Списокъ съ императорскаго посланія, написаннаго къ Акакію, епископу веррейскому, Симеону, отшельнику антіохійскому, и въ другія епархіи, въ каждую отдѣльно.

Нами рѣшительно ничто не опущено изъ всего, что̀ должно было намъ сдѣлать своимъ стараніемъ для нашей вѣры: твоя святость съ точностію узнаетъ это отъ Іоанна, благочестивѣйшаго епископа антіохійскаго, и другихъ святыхъ епископовъ, которые находятся при немъ.—При всемъ томъ произошли касательно этого дѣла нѣкоторые споры и несогласія, которыхъ, при всемъ желаніи своемъ, мы не могли, устранить, возбраняемые множествомъ дѣлъ. Мы рѣшились, впрочемъ, не оставлять заботы объ этомъ до тѣхъ поръ, пока всеблагій Богъ не даруетъ единенія святымъ церквамъ. Поэтому прилично твоей святости со всею ревностію молить Бога о томъ, чтобы онъ явилъ священниковъ римской Церкви безукоризненными.

Посланіе Іоанна, епископа антіохійскаго, и прочихъ, находящихся при немъ, къ Сиксту, епископу римскому, Кириллу, епископу александрійскому, и Максиміану, епископу константинопольскому.

Святѣйшимъ и боголюбезнѣйшимъ братіямъ и сослужителямъ, Сиксту, Кириллу и Максиміану, Іоаннъ, со всѣми прочими, находящимися со мной, (желаю) всякаго блага о Господѣ.

Главная забота и цѣль всѣхъ, кому выпалъ жребій священства и ввѣренно отъ Спасителя всѣхъ насъ Христа божественное служеніе епископства, состоитъ въ томъ, чтобы отличаться правою вѣрою и преподавать ее ввѣренному народу. Вслѣдствіе этого, по повелѣнію благочестивѣйшихъ и христолюбивѣйшихъ императоровъ, въ прошломъ году собрался въ ефесской митрополіи, по дѣлу Несторія, соборъ боголюбезнѣйшихъ епископовъ и, по согласію съ легатами, присланными отъ Целестина, блаженной памяти епископа римскаго, осудилъ упомянутаго Несторія на низложеніе, какъ принимающаго нечестивое ученіе, какъ виновника многихъ соблазновъ, неправо мыслящаго о вѣрѣ. Мы опечалились, когда прибыли тудаже и узнали все дѣло. По этой причинѣ, когда у насъ съ соборомъ вышли несогласія и много съ той

и другой стороны было говорено и сдѣлано, мы возвратились въ свои церкви и города, и не подписали въ это время опредѣленій святаго собора, касавшихся низложенія Несторія. Потомъ же, когда церкви взаимными несогласіями раздѣлились, и только о томъ одномъ, казалось, всѣмъ наиболѣе должно было стараться, чтобы, уничтоживъ всякій раздоръ, соединиться опять,—когда и благочестивѣйшіе и христолюбивѣйшіе императоры желали тогоже самаго и строго приказали знаменитому трибуну и нотаріусу Аристолаю, посланному къ намъ съ этою цѣлію, чтобы всякая распря была прекращена и вездѣ водворился миръ церквей Божіихъ: угодно было и намъ принять опредѣленіе св. собора, низлагавшее Несторія, считать его отлученнымъ и анаѳематствовать богохульное ученіе его, для того, чтобы наши церкви, такъ же какъ и ваша святость, удержали и сохранили всегда правую и неповрежденную вѣру, и передали ее народу. Соглашаемся и на рукоположеніе Максиміана, святѣйшаго и благочестивѣйшаго епископа святой константинопольской церкви, и имѣемъ общеніе со всѣми благочестивѣйшими епископами цѣлаго міра, которые содержатъ и сохраняютъ православную и чистую вѣру.

Грамата, которую Павелъ, епископъ эмесскій, посланный отъ Іоанна, епископа антіохійскаго, вручалъ александрійскому архіепископу Кириллу.

Господину моему, святѣйшему и преосвященнѣйшему архіепископу Кириллу, епископъ Павелъ (желаю) всякаго блага о Господѣ.

Благочестивѣйшіе и непобѣдимѣйшіе императоры наши,—въ засвидѣтельствованіе своего старанія и заботливости, которыя они издавна оказываютъ въ отношеніи къ подданнымъ, а болѣе всего въ отношеніи къ святымъ церквамъ Божіимъ, и въ доказательство того, что они хранятъ вѣру, принятую отъ предковъ, въ ея святости, правотѣ и безъ малѣйшаго поврежденія,—послали съ знаменитымъ трибуномъ и нотаріусомъ Аристолаемъ къ твоей святости, равно какъ и къ святѣйшему и благочестивѣйшему Іоанну епископу и святѣйшему и благочестивѣйшему отцу нашему Акакію, епископу веррейскому, письма, въ которыхъ повелѣваютъ намъ, сошедшись лично, или, по крайней мѣрѣ, собравши мнѣнія, прекратить несогласія, возникшія между нами и боголюбивѣйшими епископами, составлявшими соборъ въ Ефесѣ, даровать угодный Богу миръ святымъ Его церквамъ, утишить ежедневно свирѣпствующую въ Церкви Бо-

жіей бурю, а также согласиться на отлученіе Несторія и анаеематствовать его пагубное ученіе. Святѣйшіе епископы, Іоаннъ и Акакій, получивши это благочестивое и по истинѣ христіанское письмо и разсудивъ, что многое требуетъ личнаго свиданія съ вами, такъ какъ иначе потребовалось бы много времени, послали меня къ твоей святости для совмѣстнаго разсужденія, какимъ бы способомъ водворить прочный миръ и настоящее благое дѣло закончить прилично и полезно. Прибывъ сюда, послѣ свиданія и разговоровъ, я встрѣтилъ и въ твоей святости расположенность къ кротости и миру и распоряженія такія, какія приличны архіерею. Твоя святость вручила намъ письмо, которое содержитъ чистую и правую вѣру, проповѣданную отцами: а это-то и требовало прежде всего труда и заботы. А такъ какъ и то, что относится къ Несторію, въ слѣдствіе постановленнаго вами опредѣленія, должно быть утверждено: то я лично представляю твоей святости эту грамату, которою свидѣтельствую, что мы принимаемъ поставленіе святѣйшаго епископа Максиміана, а Несторія, который прежде его былъ епископомъ великаго Константинограда, считаемъ низложеннымъ; сверхъ того анаеематствуемъ въ его ученіи то, что высказалъ онъ нечестиво, и содержимъ чистое и искрен-

нее единеніе съ вами, оставаясь вѣрными изложенію ученію о воплощенія Бога Слова, вкороткѣ изложенному нами и представленному твоей святости, которое одобрилъ и ты самъ, нашедши въ немъ свою собственную вѣру: списокъ съ него представляемъ мы и при этомъ письмѣ.—Такимъ образомъ этимъ чистымъ единеніемъ мы полагаемъ, напослѣдокъ, конецъ всѣмъ этимъ несогласіямъ, которыя доселѣ по временамъ случались съ той и другой стороны, какъ обыкновенно бываетъ при безпорядкахъ, и благодатію Божіею возвращаемъ церквамъ прежній миръ и спокойствіе.

Поученіе епископа Кирилла, сказанное къ народу 23 апрѣля.

Твердыхъ въ благочестіи и имѣющихъ несомнѣнную и украшенную святыми догматами вѣру пророкъ называетъ землею вожделѣнною, говоря: *будете вы земля пожеланная, глаголетъ Господь вседержитель, и ублажатъ вы вси языцы* (Мал. 3, 12). Землею же вожделѣнною называетъ онъ землю самую плодородную и плодоносную,—мать и питательницу домашнихъ плодовъ. Подобна ей и всякая Богу возлюбленная и святая душа, избравшая Христа, какъ-бы нѣкоего воз-

дѣлывателя и сѣятеля всякаго блага, который открываетъ намъ и знаніе святыхъ догматовъ. Но врагъ всего, то есть сатана, возбуждаетъ въ свою пору злые плевелы, посѣянные сверхъ пшеницы. Впрочемъ эти плевелы, хотя и цвѣтутъ, опадаютъ, и поле такимъ образомъ остается совершенно чистымъ. Посему всею Церковію отвергнутъ Несторій,—эти, по-истинѣ, горькіе плевелы діавола,—и относительно прочаго согласны между собой существующіе на всемъ земномъ шарѣ чтители Бога—епископы, исповѣдуя правую и единую вѣру. Всѣ они, разсѣянные по всему міру, даже восточные, вступили въ общеніе съ нашими церквами. Ибо и тамъ признанные, возлюбленные Богу епископы исповѣдуютъ вѣру правую и чистую.—А что̀ писалъ ко мнѣ боголюбезнѣйшій и почтеннѣйшій епископъ антіохійскій, и что̀ я ему отпишу, услышите, если Богу будетъ угодно.

Посланіе Іоанна, епископа антіохійскаго, къ Кириллу, архіепископу александрійскому.

Господину моему, благочестивѣйшему и святѣйшему сослужителю Кириллу, Іоаннъ (желаю) всякаго блага о Господѣ.

Указомъ благочестивѣйшихъ императоровъ нашихъ давно повелѣно собраться собору боголюбивѣйшихъ епископовъ въ ефесской митрополіи, съ одной стороны, ради дѣлъ и несогласій церковныхъ, съ другой— ради правой вѣры. Когда къ упомянутому городу прибыли и мы, и послѣ взаимныхъ переговоровъ опять возвратились (излишне, впрочемъ, теперь, во время мира, вспоминать причины несогласія), и когда церкви впали такимъ образомъ въ тягостное несогласіе: всѣмъ должно было наиболѣе заботиться о томъ, чтобы, совершенно уничтоживъ раздоръ, возстановить, наконецъ, единеніе Церкви Христовой. Это повелѣвали и сами благочестивѣйшіе и христолюбивѣйшіе императоры: для этой цѣли и послали они достоуважаемаго господина моего, знаменитаго трибуна и нотаріуса Аристолая, который доставилъ благочестивыя ихъ посланія, повелѣвающія намъ собраться и совершенно уничтожить соблазнъ и прекратить всякое возмущеніе и раздоръ. Согласно съ этими благочестивыми посланіями, мы тотчасъ послали моего господина, вполнѣ боголюбезнаго и святѣйшаго епископа Павла. На это изъявили свое согласіе и благочестивѣйшій отецъ нашъ епископъ Акакій и прочіе, бывшіе съ нами епископы. Сдѣлали же мы это для боль-

шаго удобства, такъ какъ не могли, согласно съ волею благочестивѣйшихъ нашихъ императоровъ, отправиться сами для личнаго свиданія. Мы уполномочили его отъ нашего лица, вмѣсто насъ и нашимъ именемъ сдѣлать все, способствующее миру (это главная цѣль его посольства) и вмѣстѣ съ тѣмъ представить твоей святости изданное нами по общему согласію изложеніе вѣры о воплощеніи Господа нашего Іисуса Христа, которое и посылаемъ твоему благочестію чрезъ упомянутаго боголюбезнѣйшаго мужа. Вотъ оно:

О томъ, какъ мы думаемъ и говоримъ о Богородицѣ, Дѣвѣ Маріи, и объ образѣ вочеловѣченія единороднаго Сына Божія, по необходимости скажемъ коротко, скажемъ не въ видѣ угодливости кому нибудь, а въ формѣ полнаго убѣжденія, какъ почерпнули мы это изъ писаній божественныхъ и преданія святыхъ отцевъ, ничего ровно не прибавляя къ вѣрѣ, изложенной святыми отцами въ Никеѣ; ибо и ея, какъ мы и прежде говорили, довольно достаточно для познанія всякаго благочестія и для низложенія всякаго неправаго еретическаго ученія;—скажемъ, притомъ, не съ тѣмъ, чтобы изъяснить непостижимое, но чтобы признаніемъ собственнаго безсилія устранить отъ себя тѣхъ, которые только и

желаютъ заниматься тѣмъ, что̀ превышаетъ разумѣніе человѣческое.

Итакъ, мы исповѣдуемъ, что Госпо̀дь нашъ Іисусъ Христосъ, единородный Сынъ Божій, есть совершенный Богъ и совершенный человѣкъ, (состоящій) изъ разумной души и тѣла; что Онъ рожденъ прежде вѣковъ отъ Отца—по божеству, а въ послѣднее время, ради нась и ради нашего спасенія, отъ Маріи Дѣвы—по человѣчеству; что Онъ единосущенъ Отцу по божеству и единосущенъ намъ по человѣчеству; ибо (въ Немъ) совершилось соединеніе двухъ естествъ. Почему мы и исповѣдуемъ одного Христа, одного Сына, одного Господа. На основаніи такого неслитнаго соединенія мы исповѣдуемъ пресвятую Дѣву Богородицею, потому что Богъ Слово воплотился и вочеловѣчился и въ самомъ зачатіи соединилъ съ Собой храмъ, отъ нея воспринятый. Извѣстно, что знаменитые богословы однѣ изъ евангельскихъ и апостольскихъ изреченій о Господѣ обыкновенно дѣлаютъ общими, какъ принадлежащіе одному лицу, другія же, по причинѣ различія двухъ естествъ, принимаютъ раздѣльно, и тѣ изъ нихъ, которыя приличны Богу, относятъ къ божественности Христа, недостойныя же Бога—къ Его человѣчеству.

Принимая такую вѣру, мы хотѣли бы, чтобъ прекращенъ былъ всякій споръ, чтобы всѣмъ святымъ церквамъ Божіимъ, разсѣяннымъ по всему міру возвращенъ былъ миръ и уничтожены были всѣ соблазны; чтобы Несторій, прежній епископъ константинопольскій, былъ низложенъ, а неправое и нечестивое ученіе его было анаѳематствовано, потому что церкви наши содержатъ правую и неповрежденную вѣру, охраняютъ ее и передаютъ народу, какъ и ваша святость. Соглашаемся также и на постановленіе святѣйшаго и благочестивѣйшаго Максиміана, епископа святой константинопольской церкви Божіей, и пребываемъ въ общеніи съ благочестивѣйшими епископами всей вселенной, сохраняющими и проповѣдующими правую и неповрежденную вѣру.—Прощай, благочестивѣйшій и преосвященнѣйшій владыка, искреннѣйшій мой братъ, и продолжай молиться о насъ.

Бесѣда Павла, епископа эмесскаго, произнесенная 25 декабря въ великой александрійской церкви, въ присутствіи блаженнаго Кирилла, о рождествѣ Господа и Спасителя нашего Іисуса Христа, также о томъ, что пресвятая Дѣва Марія есть Богородица и что мы признаемъ не двухъ, но одного Сына и Господа,—съ похвалою архіепископу Кириллу.

Благовременно нынѣ увѣщавать ваше благочестіе—составить вмѣстѣ съ нами нѣкій священный хоръ и вмѣстѣ съ святыми ангелами воскликнуть: *слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе* (Лук. 2, 14). Нынѣ *Отроча родися намъ* (Иса. 9, 6), на которомъ сосредоточена несомнѣнная надежда спасенія для всей видимой и невидимой твари. Нынѣ разрѣшаются сверхъестественные роды: отъ Дѣвы, не знающей брака, является плодъ. О, чудо! Дѣва раждаетъ, становится матерію, но не испытываетъ того, что̀ обыкновенно испытываютъ матери; раждаетъ, какъ естественно матерямъ, но остается дѣвою, являясь выше закона раждающихъ. Пророкъ Исаія, провидя издали это чудо, восклицалъ: *се Дѣва во чревѣ зачнетъ, и родитъ Сына, и наречеши имя Ему Еммануилъ* (7, 14). А евангелистъ, при-

водя это мѣсто, замѣчаетъ, что имя это значитъ: *съ нами Богъ* (Матѳ. 1, 23).—Такимъ образомъ Богородица Марія раждаетъ Еммануила.

Народъ воскликнулъ: «вотъ истинная вѣра—даръ Божій, православный Кириллъ! Это-то хотѣли мы слышать. Кто говоритъ иначе,—анаѳема»!

Епископъ Павелъ продолжалъ:

Кто говоритъ, думаетъ, разсуждаетъ иначе, да будетъ отлученъ отъ Церкви.—Богородица Марія родила намъ Еммануила, то есть, Бога вочеловѣчившагося. Ибо Богъ Слово, таинственнымъ и непостижимымъ образомъ рожденный отъ Отца прежде вѣковъ, въ послѣднія времена родился отъ Жены. Воспринявши совершенно нашу природу, соединившись съ человѣчествомъ въ минуту самаго зачатія и сдѣлавши плоть нашу храмомъ для Себя, Онъ произошелъ отъ Богоматери совершеннымъ Богомъ и вмѣстѣ совершеннымъ человѣкомъ; ибо соединеніе двухъ естествъ, божества и человѣчества, образовало одного Сына, одного Христа, одного Господа.

Народъ опять воскликнулъ: «благословенъ приходъ твой, епископъ православный! Достойный пришелъ къ достойному! Христіане говорятъ: это даръ Божій, православный Кириллъ»!

Епископъ Павелъ сталъ говорить:

Знаю и я, возлюбленные, что я пришелъ къ отцу православному.—Мы покланяемся не четверицѣ, но Троицѣ: Отцу, Сыну и Св. Духу. А тѣхъ, которые говорятъ, что есть два сына, мы анаѳематствуемъ и изгоняемъ изъ священной ограды Церкви Не двухъ, значитъ, сыновъ признаемъ мы, и Еммануила не считаемъ простымъ человѣкомъ, или даже исполненнымъ по преимуществу благодати, какъ это свойственно пророку, или праведнику; ибо въ Немъ *живетъ всяко исполненіе Божества тѣлеснѣ* (Кол. 2, 9),—живетъ, то есть, въ самомъ тѣлѣ Его, такъ какъ наше тѣло Онъ сдѣлалъ своимъ. На этой вѣрѣ, на этомъ упованіи, на этомъ камнѣ положено Господомъ Богомъ основаніе Церкви. Такъ, когда Господь Іисусъ Христосъ шелъ въ Іерусалимъ, Онъ спросилъ учениковъ своихъ: *кого Мя глаголютъ человѣцы быти, Сына человѣческаго?* Апостолы отвѣчали: *ови убо Іоанна Крестителя, иніи же Илію, друзіи же Іеремію, или единаго отъ пророкъ.* И сказалъ имъ: *вы же*, избранные Мною и считающіе ложными мнѣнія тѣхъ, изъ коихъ одни принимаютъ меня за Іоанна Крестителя, другіе за Илію, третьи за Іеремію, или одного изъ пророковъ, вы, которые три года послѣдовали за Мной, которые видѣли Мою силу

и чудеса, видѣли какъ Я ходилъ по морю, и раздѣляли съ Мною столъ, вы *кого Мя глаголете быти*? Тотчасъ первоверховный изъ апостоловъ, уста учениковъ, Петръ сказалъ: *Ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго* (Матѳ. 16, 13—16). *Ты еси Христосъ*, то есть, соединившій въ Себѣ два естества, вочеловѣчившійся. *Ты еси Христосъ*,—не сказалъ—сыны, а—*Сынъ Бога живаго*, ибо зналъ единство Лица.—Помолимся же Отцу (небесному), да ниспошлетъ Онъ намъ обычную трапезу—всесовершенные и многоразличные дары Св. Духа, да восполнитъ чашу ученія, да исполнитъ насъ того веселія, которое—мать цѣломудрія. Скажемъ: да востанетъ Отецъ, слава моя, да востанетъ псалтирь и гусли (Пс. 56, 9) Святаго Духа, которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Бесѣда тогоже (епископа Павла), сказанная въ великой александрійской церкви, 1-го января, о воплощеніи Господа и Спасителя нашего Іисуса Христа, и въ похвалу архіепископу Кириллу.

Недавно, ратуя за истину предъ вашею любовію съ усиліемъ борца, мы не могли окончить своего слова: нужды нашихъ братій побудили насъ оставить мѣсто сраженія.

Теперь, приготовившись вновь, опять выступаемъ на борьбу. Пусть и теперь этотъ истинный отецъ и наставникъ сдѣлаетъ тоже, что̀ сдѣлалъ тогда: пусть будетъ судіею этой борьбы. А тогда своимъ веселымъ лицомъ и свѣтлою улыбкою онъ засвидѣтельствовалъ, что ему пріятна эта борьба, и, протянувши къ намъ свою десницу, какъ масличную вѣтвь, показалъ тѣмъ, что онъ стоитъ на нашей сторонѣ, и высказалъ, что онъ удостоиваетъ своего сына похвалы и готовъ увѣнчать его и провозгласить побѣдителемъ.

Народъ воскликнулъ: «даръ Божій—Кириллъ! ты всѣхъ сдѣлалъ подобными себѣ. Достойный пришелъ къ достойному. Народъ твой говоритъ: сохрани Господи отца епископовъ. Кстати пришелъ ты, епископъ православный, учитель вселенскій. Кто вѣруетъ такимъ образомъ, того любятъ. У великаго учителя великій почитатель».

Епископъ Павелъ сказалъ:

Итакъ возвратимся къ Богоматери Маріи и родившемуся отъ нея Еммануилу, т. е. Богу вочеловѣчившемуся. Дѣва родила намъ Еммануила, по божеству единосущнаго Отцу, по человѣчеству единосущнаго намъ. Иначе, какимъ образомъ могъ бы Онъ быть названъ жезломъ отъ корене Іессеева (Ис. 11, 1), сѣменемъ Авраамовымъ (Евр. 2, 16), сыномъ

Давида (Мѳ. 1, 1)? Какой смыслъ былъ бы этого выраженія: *отъ нихже Христосъ по плоти, сый надъ всѣми Богъ* (Рим. 4, 5)? или какъ слѣдовало бы понимать слѣдующія слова блаженнаго Павла: *о Сынѣ своемъ, бывшемъ отъ сѣмене Давидова по плоти, нареченнѣмъ Сынѣ Божіи въ силѣ, по Духу святыни, изъ воскресенія отъ мертвыхъ, Іисуса Христа Господа нашего* (Рим. 1, 3. 4)? Такимъ образомъ пресвятая Марія родила Еммануила, по божеству, какъ мы сказали, единосущнаго Отцу, по человѣчеству единосущнаго намъ,—безстрастнаго по божеству, подверженнаго страданіямъ по человѣчеству. Ибо хотя Богъ Слово усвоялъ Себѣ страданія своей плоти и признавалъ ихъ своими; однако самъ Онъ оставался въ предѣлахъ безстрастія. И хотя ты слышишь, что Онъ самъ говоритъ: *плещи моя вдахъ на раны и ланитѣ мои на заушенія, лица же моего не отвратихъ отъ студа заплеваній* (Ис 50, 6): при всемъ томъ не думай, что бы Онъ потерпѣлъ что нибудь собственнымъ естествомъ, а лучше позаботься усвоить себѣ страданія его плоти; ибо Богъ Слово остался безстрастнымъ. Но противящіеся божественнымъ писаніямъ и здравымъ догматамъ возразятъ намъ: если Богъ Слово безстрастенъ, неизмѣняемъ и непреложенъ, то какимъ обра-

зомъ Слово стало плоть? Выслушай, возлюбленный. *Слово плоть бысть* (Іоан. 1, 14) не премѣненіемъ въ плоть; ибо ни божество Слова не преложилось въ плоть, ни плоть воспринятая не измѣнилась въ естество принявшаго ее. Что же значитъ: *Слово плоть бысть*? То только, что Слово восприняло плоть, и не одну плоть, но съ разумною и мыслящею душею, т. е. восприняло всю нашу природу. Такимъ-то образомъ Слово стало плотію. Чтобы видѣть силу сказаннаго, я хотѣлъ бы, чтобъ вы поняли мысль громогласнаго Іоанна. Іоаннъ богословъ, сынъ громовъ (Мар. 3, 17), который удостоился возлежать на персяхъ у Господа (Іоан. 13, 25) и потомъ изложилъ для насъ высочайшіе и божественнѣйшіе догматы, хочетъ изобразить чрезмѣрное человѣколюбіе Божіе къ намъ и прежде всего говоритъ о божественныхъ свойствахъ: *въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово*; *сей бѣ искони къ Богу*; *вся тѣмъ быша, и безъ него ничтоже бысть, еже бысть* (Іоан. 1, 1—3). Симъ указываетъ евангелистъ на совѣчность Слова Отцу, такъ какъ мы ничего не знаемъ древнѣе этого *въ началѣ*: сколько ни забѣгай впередъ своею мыслію, тебя предупредитъ *было* (*бѣ*) и само *было* не имѣетъ никакихъ предѣловъ. Сказавши это и назвавши Слово совѣчнымъ Отцу

и творцемъ всего, онъ прибавляетъ: *и Слово плоть бысть*, какъ-бы такъ говоря: Тотъ, который совѣченъ Отцу и есть Господь и творецъ всего, для насъ и для нашего спасенія до того смирилъ Себя, что сталъ плотію, дабы ничтожною цѣною нашей природы открыть намъ чрезмѣрное милосердіе Божіе. Такимъ образомъ *Слово*, говоритъ, *плоть бысть*, и, не останавливаясь на этомъ, продолжаетъ: *и вселися въ ны*: послѣдующее есть изъясненіе предыдущаго. Ибо что значитъ: *Слово плоть бысть*, какъ не то, что Оно вселилось въ насъ, т. е. въ нашу природу? Смотри еще, какъ Іоаннъ говоритъ о двухъ естествахъ и объ одномъ Сынѣ. Одно у него селеніе, и другое тò, чтò вселилось, одно храмъ, и другое Богъ вселившійся въ храмъ. Вникни въ сказанное. Не сказалъ я: одинъ и другой, какъ естественно бы сказать о двухъ лицахъ, или о двухъ Христахъ, или о двухъ сынахъ; а сказалъ: одно и другое, какъ прилично говорить о двухъ естествахъ. Послѣ сего, сказавши: *и вселися въ ны*, и указавши этимъ на двойство естествъ, евангелистъ продолжаетъ: *и вселися въ ны, и видѣхомъ славу его, славу яко Единороднаго отъ Отца*. Не сказалъ: славу двухъ сыновъ, но сказалъ: славу Единороднаго. Такимъ, образомъ Исаія называетъ его Еммануиломъ, т. е. Богомъ вочело-

вѣчившимся. Петръ говоритъ: *ты еси Христосъ Сынъ Бога живаго* (Мѳ. 16, 16, исповѣдуя двойство естествъ и единство лицъ. А Іоаннъ богословъ говоритъ: *и вселися въ ны* (Іоан. 1, 14), указывая на два естества и единое лице Единороднаго.

Но Богъ Слово пребываетъ безстрастнымъ. Я опять возращаюся къ этому. Вникни въ сказанное. Свойства божественныя Онъ сообщилъ воспринятой природѣ, но изъ того, что̀ свойственно человѣчеству, ничего не привнесъ въ Себя. Ходилъ Онъ по морю (Мѳ. 14, 25), но ходилъ собственнымъ тѣломъ. Повелѣвалъ морю и вѣтрамъ (Мар. 4, 39. Лук. 8, 24) также собственнымъ тѣломъ. Встрѣтился Ему прокаженный, который говорилъ: *Господи, аще хощеши, можеши мя очистити*, и Онъ сказалъ: *хощу, очистися* (Мѳ. 8, 2. 3). Плоть Господня коснулась его, и болѣзнь прошла, проказа исчезла. Напиталъ пять тысячь пятью хлѣбами (Іоан. 6, 5—14), собственнымъ тѣломъ. Ибо, принявъ хлѣбъ, воздалъ хвалу Отцу, и преломилъ и далъ ученикамъ своимъ, а ученики подали народу и наполнили 12 кошницъ остатковъ. Одному Богу свойственно отпущать грѣхи; но Онъ сказалъ: *да увѣсте, яко власть имать Сынъ человѣческій на земли отпущати грѣхи* (Мр. 2, 10). Еще сказалъ Онъ: *никтоже взыде на небо, ток-*

то сшедый съ небесе, Сынъ человѣческій сый на небеси (Іоан. 3, 13). Замѣчаешь, какъ свойства божественныя сообщилъ Онъ природѣ человѣческой! Но когда видишь Его жаждущимъ, алчущимъ, утомленнымъ, проливающимъ потъ, преданнымъ Пилату, влачимымъ и мучимымъ воинами, находящимся въ предсмертныхъ мукахъ, молящимся: *Элои, Элои, лама савахѳани*, т. е. *Боже мой, Боже мой, почто Мя оставилъ еси* (Мр. 15, 34), или: *Отче мой, аще возможно есть, да мимоидетъ отъ Мене чаша сія: обаче не якоже Азъ хощу, но якоже Ты* (Мѳ. 26, 39), когда видишь Его распятымъ на крестѣ,— видишь, что руки и ноги Его прободены гвоздями, а ребро копьемъ: тогда помышляй, что Богъ Слово оставался безстрастнымъ, но усвоялъ Себѣ все тò, что претерпѣлъ своею плотію. А чтобы показать, что и во время страданія Онъ не оставлялъ собственнаго храма: когда Іудеи совершали это печальное дѣло съ Господомъ, Онъ, какъ Богъ, помрачилъ лучи солнца, покрылъ тмою всю землю, раздралъ завѣсу храма (Лук. 23, 44. 45), сокрушилъ камни, воскресилъ мертвыхъ (Мѳ. 27, 51—53). Все это сдѣлалъ Онъ для того, чтобы ты понялъ, что Онъ соприсутствовалъ страждущему, усвоялъ Себѣ его страданія, но

самъ, не подверженный страданіямъ, совершилъ все это.

Мы предложили вамъ ваше же. Ибо это ученіе вашего отца; это родовое ваше наслѣдство, это догматы блаженнаго Кирилла, это ученіе великаго Θеофила, столповъ православія. Но какъ вы терпѣливо внимали нашему худословію, то ожидайте теперь премудрости отца; вы слушали пастушескую свирѣль, послушайте же громогласной трубы—

Народъ сказалъ: «сынъ Аθанасія и Θеофила! мы желаемъ слышать премудрость Кирилла»!—Епископъ Павелъ говорилъ:

—которая возбуждаетъ наши православные умы и посрамляетъ оружіе враговъ Церкви. Итакъ воздадимъ славу Богу нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Кирилла, епископа александрійскаго, о Павлѣ, говорившемъ прежде, и о воплощеніи Господа.

Блаженный пророкъ Исаія, предвозвѣщая обиліе слова христіанскихъ учителей, говорилъ: *почерпите воду съ веселіемъ отъ источникъ спасенія* (Ис. 12, 3). И вотъ мы почерпнули для васъ воду изъ священнаго источника: я говорю объ учителѣ, который говорилъ прежде насъ, который, просвѣщенный

свѣтомъ Духа Св., раскрылъ намъ великое и досточтимое таинство искупленія нашего, таинство, по вѣрѣ въ которое мы спасены, сложили съ себя тяжелое и неудобоносимое иго грѣха, и кромѣ того, избавившись отъ узъ смерти, говоримъ съ пророкомъ: *гдѣ пря твоя, смерте, гдѣ остенъ твой, аде* (Ос. 13, 14. 1 Кор. 15, 55)? Итакъ Богъ Слово, которое *было въ началѣ* и пребываетъ *въ лонѣ Отца* (Іоан. 1, 18), чрезъ которое все и въ которомъ все, ради насъ добровольно подверглось истощанію и *стало плотію,* т. е. человѣкомъ. Ради насъ Онъ *смирилъ Себя* (Филип. 2, 8) и сдѣлался Сыномъ человѣческимъ, дабы мы чрезъ Него обогатились Отцемъ; ибо въ молитвахъ своихъ мы научены говорить: *Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ* (Мѳ. 6, 9). Такимъ образомъ Единородный сдѣлался первороднымъ для того, чтобы мы обогатились Его благами. Понесъ Онъ крестъ, презирая стыдъ, и добровольно предалъ тѣло свое на смерть, не для того, чтобы съ нами, повинными смерти, остаться мертвымъ, но чтобы насъ совоскресить съ Собою, разрушивъ державу смерти. Возблагодаримъ же вочеловѣчившееся ради насъ Слово нынѣ, и всегда, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Посланіе Кирилла, архіепископа александрійскаго, къ Іоанну, епископу антіохійскому, отправленное съ Павломъ, епископомъ эмесскимъ.

Господину моему, возлюбленному брату и сослужителю Іоанну, Кириллъ желаетъ всякаго блага о Господѣ.

Да возвеселятся небеса и радуется земля (Пс. 95, 11). Разрушено средостѣніе (Еф. 2, 14), печаль прекратилась и всякіе раздоры уничтожены, такъ какъ общій Спаситель нашъ Христосъ даровалъ миръ церквамъ своимъ, а благочестивѣйшіе и возлюбленнѣйшіе Богу императоры призывали къ тому. Будучи лучшими ревнителями вѣры праотцевъ, они бодрствуютъ духомъ своимъ на стражѣ твердости и непоколебимости правой вѣры, да еще и то особенное стараніе прилагаютъ о святыхъ церквахъ, чтобы онѣ постоянно находились въ величайшей славѣ и способствовали цвѣтущему состоянію ихъ царства; и сáмъ Христосъ, Господь вышнихъ силъ, щедрою рукою ниспосылаетъ имъ блага, помогаетъ одолѣвать враговъ и даруетъ побѣду. И не обманывается говорящій: *живу Азъ, глаголетъ Господь, и прославляющихъ Мя прославлю* (1 Цар. 2, 30). Итакъ мнѣ особенно было пріятно прибытіе въ Александрію господина моего,

благочестивѣйшаго Павла, сослужителя и брата, и недаромъ,—въ посредники избралъ такой мужъ, и понесъ труды выше силъ своихъ для того, чтобы упразднить ненависть діавола, соединить раздѣленное и увѣнчать миромъ и согласіемъ наши и ваши церкви, потерпѣвшія отъ безпорядковъ. Отъ чего произошло межъ ними несогласіе, поминать излишне. Лучше, кажется, думать и говорить о томъ, что̀ прилично времени мирному. Итакъ мы обрадовались посѣщенію помянутаго благочестивѣйшаго мужа, который, можетъ быть, ожидалъ немалаго спора, имѣя совѣтовать намъ, что должно позаботиться о соединеніи церквей миромъ и согласіемъ, объ уничтоженіи посмѣянія людей разномыслящихъ и о притупленіи острія діавольскаго нечестія. Однако онъ нашелъ насъ готовыми къ этому дѣлу, такъ что ему не представилось въ этомъ никакого труда. Ибо мы помнимъ слова Спасителя нашего: *миръ мой даю вамъ, миръ мой оставляю вамъ* (Іоан. 14, 27). Да и въ ежедневныхъ молитвахъ научены мы говорить: *Господи Боже нашъ, миръ даждь намъ, вся бо воздалъ еси намъ* (Ис. 26, 12). Почему каждый причастный миру, даруемому Богомъ, не будетъ имѣть недостатка въ какомъ нибудь благѣ. А какъ возникло несогласіе церквей, совершенно лишнее и безъ вся-

кой законной причины, это подробно узнали мы изъ письма, доставленнаго намъ теперь господиномъ нашимъ, благочестивѣйшимъ епископомъ Павломъ, и содержащаго въ себѣ безукоризненное исповѣданіе вѣры; онъ доставилъ намъ и исповѣданіе, составленное какъ твоею святостію, такъ и прочими находящимися тамъ епископами, которое мы заблагоразсудили буквально помѣстить въ нашемъ письмѣ. Вотъ оно:

«О томъ, какъ мы думаемъ и говоримъ о Богородицѣ Дѣвѣ Маріи и объ образѣ вочеловѣченія единороднаго Сына Божія,—по необходимости скажемъ коротко, скажемъ не въ видѣ угодливости кому нибудь, а въ формѣ полнаго убѣжденія, какъ почерпнули мы это изъ писаній божественныхъ и преданія святыхъ отцевъ, ничего ровно не прибавляя къ вѣрѣ, изложенной святыми отцами въ Никеѣ; ибо и ея, какъ мы и прежде говорили, довольно достаточно для познанія всякаго благочестія и для низложенія всякаго неправаго еретическаго ученія;—скажемъ притомъ не съ тѣмъ, чтобы изъяснить непостижимое, но чтобы признаніемъ собственнаго безсилія устранить отъ себя тѣхъ, которые только и желаютъ заниматься тѣмъ, что̀ превышаетъ разумѣніе человѣческое.

«Итакъ, мы исповѣдуемъ, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ, единородный Сынъ Божій, есть совершенный Богъ и совершенный человѣкъ, (состоящій) изъ разумной души и тѣла; что Онъ рожденъ прежде вѣковъ отъ Отца по божеству, а въ послѣднее время, ради насъ и ради нашего спасенія, отъ Маріи Дѣвы—по человѣчеству; что Онъ единосущенъ Отцу по божеству. и единосущенъ намъ по человѣчеству; ибо (въ Немъ) совершилось соединеніе двухъ естествъ. Почему мы и исповѣдуемъ одного Христа, одного Сына, одного Господа. На основаніи такого неслитнаго соединенія мы исповѣдуемъ пресвятую Дѣву Богородицею, потому что Богъ Слово воплотился и вочеловѣчился и въ самомъ зачатіи соединилъ съ Собой храмъ, отъ нея воспринятый. Извѣстно, что знаменитые богословы однѣ изъ евангельскихъ и апостольскихъ изреченій о Господѣ обыкновенно дѣлаютъ общими, какъ принадлежащія одному лицу, другія же, по причинѣ различія двухъ естествъ, принимаютъ раздѣльно, и тѣ изъ нихъ, которыя приличны Богу, относятъ къ божественности Христа, недостойныя же Бога—къ Его человѣчеству».

Прочитавши такимъ образомъ эти святыя ваши слова и нашедши, что и мы сами не иначе думаемъ (*ибо единъ Господь, едина*

вѣра и едино крещеніе (Еф. 4, 5), мы прославили Спасителя всѣхъ Бога, поздравляя другъ друга съ тѣмъ, что у нашихъ и у вашихъ церквей вѣра согласна съ божественными писаніями и преданіями св. отцевъ. А такъ какъ узналъ я, что нѣкоторые изъ тѣхъ, коимъ свойственно пустословить, жужжатъ подобно полевымъ осамъ и распространяютъ обо мнѣ нелѣпые слухи, будто я говорилъ, что святое тѣло Христово заимствовано не отъ св. Дѣвы, а принесено съ неба: то считаю нелишнимъ сказать противъ нихъ кое-что въ этомъ отношеніи. О безразсудные и только искусные въ клеветѣ! Какъ пришла вамъ подобная мысль? какъ впали вы въ недугъ такого безразсудства? Ибо ясно должно было понять, что весь почти споръ о вѣрѣ поднятъ изъ за насъ, такъ какъ мы постоянно утверждаемъ, что св. Дѣва есть Богородица. И если бы мы допускали, что святое тѣло общаго нашего Спасителя родилось не отъ Дѣвы, а принесено съ неба, то какимъ бы образомъ признали ее Богородицею? Кого жъ наконецъ родила она, если истинно не родила Еммануила по плоти? Осмѣивать поэтому и прогонять отъ себя должно тѣхъ, кои распространяютъ на мой счетъ подобную нелѣпость. И не ошибается, конечно, блаженный пророкъ Исаія, когда говоритъ: *се дѣва во чревѣ зачнетъ и родитъ*

сына и наречеши имя ему Еммануилъ (Ис. 7, 14), *еже есть сказаемо съ нами Богъ* (Мѳ. 1, 23). И совершенно истинно пророчествуетъ и св. Гавріилъ, когда такъ привѣтствуетъ блаженную Дѣву: *не бойся Маріамь: обрѣла бо еси благодать у Бога. И се зачнеши во чревѣ и родиши Сына, и наречеши имя ему Іисусъ* (Лук. 1, 30. 31). *Той бо спасетъ люди своя отъ грѣхъ ихъ* (Мѳ. 1, 21). Если же мы Господа нашего Іисуса Христа и называемъ сошедшимъ съ небесъ, то выражаемъ этимъ не то, *будто* святое тѣло Его было принесено съ небесъ, а слѣдуемъ только блаженному Павлу, ясно проповѣдавшему: *первый человѣкъ отъ земли, перстенъ: вторый человѣкъ* (Господь) *съ небесе* (1 Кор. 15, 47). Вспомнимъ также слова и самого Спасителя: *никтоже взыде на небо, токмо сшедый съ небесе, Сынъ человѣческій* (Іоан. 3, 13). Ибо хотя Онъ по плоти, какъ мы уже сказали, родился отъ св. Дѣвы, однако называется Онъ сошедшимъ съ неба потому, что Богъ Слово сошелъ съ небесъ на землю и, пріявъ видъ раба, истощилъ Себя, и названъ сыномъ человѣческимъ, пребывая тѣмъ, чѣмъ и былъ, т. е. Богомъ (ибо по собственному естеству Онъ неизмѣняемъ и непремѣняемъ), и съ собственной плотію мыслимый какъ одинъ. Называется человѣкомъ

съ небеси, потому что совершенъ въ божествѣ и также совершенъ въ человѣчествѣ и мыслится въ одномъ лицѣ. Слѣдовательно, одинъ Господь Іисусъ Христосъ, хотя мы и не незнаемъ различія естествъ, которыя вошли въ это неизъяснимое соединеніе. Твоя же святость да заградитъ уста тѣмъ, кои проповѣдуютъ или тожество, или сліяніе, или смѣшеніе Слова Божія съ плотію; потому что, кажется, есть люди, которые распространяютъ слухи въ народѣ, будто я подобнымъ образомъ и думаю и учу. Тогда какъ наоборотъ: я даже сумасбродами считаю тѣхъ, которые въ божественномъ естествѣ Слова допускаютъ хоть тѣнь превращенія. Ибо Оно пребываетъ такимъ, какимъ было и всегда; и не есть иное, и не станетъ когда нибудь инымъ, и неспособно къ какому нибудь измѣненію. Сверхъ того, само Слово Божіе мы исповѣдуемъ безстрастнымъ, хотя само Оно, совершивши это таинство съ удивительною премудростію, благоволило приписать Себѣ тѣ страданія, какія свойственны плоти. Отсюда и премудрый Петръ говоритъ: *Христу пострадавшу за ны плотію* (1 Петр. 4, 1), но не этимъ несказанной божественности естествомъ. Ибо для того, чтобы быть Ему Спасителемъ всѣхъ насъ, Онъ посредствомъ усвоенія относитъ къ Себѣ какъ собственныя, очемъ я уже за-

мѣтилъ, страданія собственной плоти. Такой смыслъ имѣютъ и слова, сказанныя Имъ какъ-бы отъ собственнаго лица чрезъ пророка: *плещи мои вдахъ на раны и ланитѣ мои на заушенія, лица же моего не отвратихъ отъ студа заплеваній* (Ис. 50, 6). Что во всемъ этомъ слѣдуемъ мнѣніямъ св. отцевъ и въ особенности блаженнаго и славнѣйшаго отца нашего Аѳанасія, дабы не сдѣлать уклоненія въ чемъ нибудь малѣйшемъ, да будетъ несомнѣнно увѣрена твоя святость, да не сомнѣвается и кто нибудь другой. Много къ этому присовокупилъ бы я еще отеческихъ свидѣтельствъ, сообщающихъ довѣріе къ этой моей рѣчи, если бы не опасался наскучить длиннотою письма. Рѣшительно терпѣть не можемъ, чтобы кто нибудь потрясалъ вѣру или символъ вѣры, изданный нѣкогда св. отцами никейскими. И рѣшительно не позволимъ ни себѣ, ни кому нибудь другому измѣнять хоть одно слово, тамъ поставленное, ни пропасть хоть одному слогу, помня слова сказавшаго: *не прелагай предѣлъ вѣчныхъ, яже положиша отцы твои* (Прит. 22, 28). Ибо не сами они говорили, а самъ Духъ Бога и Отца (Мѳ. 10, 20), который и исходитъ отъ Него, хотя нечуждъ Онъ и Сына,—разумѣется относительно сущности; и это подтверждается словами святыхъ, предавшихъ таинства. Ибо

въ Дѣяніяхъ апостольскихъ написано: *пришедше же въ Мисію, покушахуся въ Виѳинію поити: и не остави ихъ Духъ* (Дѣян. 16, 7). Пишетъ и божественный Павелъ: *сущіи же во плоти Богу угодити не могутъ. Вы же нѣсте во плоти, но въ дусѣ, понеже Духъ Божій живетъ въ васъ; аще же кто Духа Христова не имать, сей нѣсть егоѣ* (Рим. 8, 8—9). А что нѣкоторые изъ тѣхъ, кои обыкновенно ломаютъ правое, превращаютъ слова мои, какъ имъ угодно, то пусть святость твоя не удивляется этому, зная, что послѣдователи какой нибудь ереси и во священномъ Писаніи находятъ опору своимъ заблужденіямъ, извращая превратнымъ пониманіемъ то̀, что̀ право сказано въ немъ Духомъ Святымъ, и такимъ образомъ собирая на главу свою уголь неугасимый. А такъ какъ извѣстно намъ, что нѣкоторые издали православное посланіе славнѣйшаго отца нашего Аѳанасія съ измѣненіями и извращеніями, отъ чего многіе и пострадали: то, думая, что это будетъ полезно и необходимо для братій, послали мы твоей святости одинъ изъ древнѣйшихъ экземпляровъ этого творенія, сохранившихся у насъ въ чистотѣ и неповрежденности. Прощай.

Посланіе Кирилла къ Акакію, епископу Мелитены, упрекавшему его посланіемъ въ томъ, что онъ согласился съ восточными.

Господину моему, возлюбленному брату и сослужителю Акакію, Кириллъ желаетъ всякаго блага о Господѣ.

Привѣтствіе братьямъ есть подлинно пріятное и похвальное дѣло, а особенно должно имѣть значеніе у истинно благоразумныхъ; и тѣмъ, которые одного духа и вѣры, живутъ безъ всякаго разлада, съ пламеннымъ и постояннымъ желаніемъ подобной жизни, должно стараться, я думаю, и о томъ, чтобы постоянно преуспѣвать въ этомъ. Однако часто случается, что этимъ благомъ пренебрегаютъ или по нерасположенности, или за дальностію разстоянія, или же за недостаткомъ курьеровъ. А если какое нибудь обстоятельство доставляетъ возможность привѣтствовать, то это должно считать неожиданнымъ и пріятнымъ благопріобрѣтеніемъ, за которое даже охотно даешь вожделѣнный обѣтъ Богу. Поэтому я сильно обрадовался письму твоей святости и, удивляясь твоей расположенности, думаю раскрыть твоей невинности по порядку образъ и причину примиренія церквей и показать въ частности, какъ это произошло.

Благочестивѣйшій и христолюбивѣшій императоръ, особенно пекущійся о святыхъ церквахъ, осуждалъ продолжавшееся межъ ними разногласіе. Поэтому, призвавши къ себѣ достопочтенѣйшаго и богобоязнѣннѣйшаго епископа константинопольской церкви Максиміана и немало другихъ въ это время тутъ же находящихся, серьезно совѣтовался съ ними о томъ, какимъ бы образомъ совершенно уничтожить разногласіе церквей, и служителей божественныхъ таинствъ опять привести къ миру и согласію. А они утверждали, что это не иначе можно сдѣлать, и что тѣ, о которыхъ шло дѣло, не прежде придутъ въ согласіе, какъ когда просіяетъ предъ ними и какъ-бы возвысится союзъ вѣры единой и согласной, и что должно поэтому, говорили они, чтобы благочестивѣйшій Іоаннъ антіохійскій предалъ анаѳемѣ догматы Несторія и писаніемъ утвердилъ его низложеніе. Епископъ же алаксандрійскій частныя оскорбленія можетъ предать забвенію, и ругательства хотя они были величайшія и поноснѣйшія, которымъ онъ подвергся въ Ефесѣ, по любви-вмѣнить въ ничто. Согласившись такимъ образомъ съ ними и получивши немалое удовольствіе отъ этого собора, благочестивѣйшій императоръ, для исполненія этого дѣла, послалъ господина моего, славнѣйшаго трибуна

и нотаріуса Аристолая. А послѣ того, какъ объявлено было восточнымъ это опредѣленіе императорское, составленное по предложенію епископовъ находившихся въ Константинополѣ,—собравшіеся, не знаю съ какою цѣлію, у благочестивѣйшаго и святѣйшаго епископа Акакія вздумали писать ко мнѣ, что условіе примиренія церквей должно быть не другое какое нибудь, а то, какое они сами предписали. А это требованіе было непріятно и тяжело. Ибо они хотѣли уничтожить все то, что я обнародовалъ или посланіями, или отрывками, или цѣлыми книгами, и ограничиться одной только вѣрою, изданною святыми отцами нашими въ Никеѣ. На это я отвѣчалъ имъ такъ: изложенія вѣры, изданнаго отцами въ Никеѣ, мы всѣ держимся, не измѣняя ровно ничего, въ немъ содержащагося; ибо все передаваемое имъ право и свято, и небезопасно послѣ изданія этого исповѣданія еще что нибудь присовокуплять къ нему. Все же, право писанное нами противъ несторіевыхъ богохульствъ, такого рода, что намъ никакъ нельзя посовѣтовать отречься отъ того, что право написано. Отселѣ болѣе слѣдуетъ имъ самимъ, во исполненіе опредѣленія благочестивѣйшаго и христолюбивѣйшаго императора, также въ слѣдствіе учрежденія святаго собора ефесскаго, отречься отъ того, кто

посягнулъ на славу Христа Спасителя, анаѳемой преслѣдовать нечестивыя его богохульства, согласиться на его низложеніе и утвердить возведеніе святѣйшаго и благочестивѣйшаго епископа Максиміана. Получивши такимъ образомъ этотъ отвѣтъ, они послали въ Александрію благочестивѣшаго и святѣйшаго епископа эмесскаго Павла, съ которымъ я долго и много разсуждалъ о всемъ сказанномъ и сдѣланномъ въ Ефесѣ самоправно и произвольно. Предавши же это забвенію, я приступилъ къ тому, что̀ было поважнѣе,—спросилъ, нѣтъ ли писемъ отъ благочестивѣйшаго епископа Іоанна; тотчасъ вручилъ онъ мнѣ письмо, впрочемъ содержащее съ себѣ не то, что̀ слѣдовало;—оно написано было безъ всякихъ приличій и въ тонѣ болѣе насмѣшливомъ, чѣмъ увѣщательномъ. Я поэтому не принялъ его. Ибо вмѣсто того, чтобъ успокоить меня въ досадѣ, причиненой событіями предшествовавшими и ихъ собственными поступками въ Ефесѣ, какимъ нибудь извиненіемъ, они стали высказывать свой праведный гнѣвъ на меня, порожденный ревностію ихъ по святымъ догматамъ. А я сказалъ имъ, что не божественная ревность движетъ ими строить козни противъ меня подъ предлогомъ защищенія догматовъ истины, но что они это дѣлаютъ изъ угодливости людямъ и прі-

брѣтенія дружбы у тѣхъ, кои казались тогда могущественными. Впрочемъ, когда благочестивѣйшій епископъ Павелъ объявилъ, что онъ готовъ предать анаѳемѣ богохульство Несторія и подписомъ засвидѣтельствовать согласіе на его изложеніе, и сталъ утверждать, что онъ это дѣлаетъ одинъ за всѣхъ и какъ-бы отъ лица всѣхъ восточныхъ благочестивѣйшихъ епископовъ, я опять замѣтилъ, что письмо имъ принесенное годится только ему одному для того, чтобы возвратиться въ общеніе со всѣми нами, и что всѣми способами нужно стараться, утверждалъ я, чтобы благочестивѣйшій и достопочтеннѣйшій Іоаннъ епископъ антіохійскій написалъ объ этомъ исповѣданіе. Такъ какъ это уже сдѣлано, то и прекратился раздоръ и несогласіе церквей. И не было никакого сомнѣнія, что миръ святыхъ церквей станетъ насушать ненависть защитниковъ несторіевыхъ богохульствъ. Мнѣ кажется, съ ними должно случиться что-то въ родѣ того, что бываетъ съ тѣми, которые не умѣютъ плавать и вдругъ упадутъ съ корабля. Они, прежде чѣмъ станутъ тонуть, барахтаются руками и ногами и, по чувству самосохраненія, безъ разбора хватаются бѣдные за все, что̀ бы ни попалось подъ руки. И не правда ли, какъ сильно встревожились и засуетились они, замѣтивъ, что ихъ отлучили,

отвергли и изгнали изъ тѣхъ церквей, на помощь коихъ они разсчитывали? Что жъ? развѣ не по дѣломъ они мучатся досадою, видя, что тѣ, коихъ они прельщали и опьяняли недостойными своими рѣчами, отъ нихъ отстали и возвратились къ трезвости истины? Къ нимъ идутъ слова пророка: *соберитеся и свяжитеся языкъ ненаказанный, прежде неже быти вамъ якоже цвѣту мимоходящу.* (Соф. 2, 1. 2). И для чего подбирать имъ чужія мерзости? И почему не стыдятся сквернить себя за чужой трапезой? *Глусіи услышите, и слѣпіи прозрите видѣти* (Ис. 42, 18). *Мудрствуйте о Господѣ въ благостыни, и въ простотѣ сердца взыщите его* (Прем. 1, 1). И какая польза вамъ отъ многоразличныхъ ухищреній и превратныхъ мнѣній? Для чего, порицая пути правые, совершаете свои неправильныя круженія? *Поновите себѣ поля и не сѣйте на терніи* (Іер. 4, 3). Встревоженные, какъ я сказалъ, примиреніемъ святыхъ церквей, они злобно порицаютъ тѣхъ, кои не хотятъ съ ними согласиться, и апологію святыхъ отцевъ, говорю, восточныхъ поносятъ не безъ досады и, толкуя ее неправильно и извращая для подтвержденія того, что̀ имъ нужно, напрягаютъ всѣ усилія, чтобы не разстаться съ суесловіемъ Несторія. Да и насъ тожъ порицаютъ, какъ

будто мы имъ писали, что думаемъ противное. Знаю *я*, что̀ они возразятъ намъ на это,— именно то, что мы приняли изложеніе вѣры или новый символъ и тѣмъ какъ-бы обнаружили презрѣніе къ этому старому и достойному почитанія. *Юродъ бо юродивая изречетъ, и сердце его тщетная уразумѣетъ* (Ис. 32, 6). Мы только то утверждаемъ, что не просили у кого нибудь новаго изложенія вѣры, не принимали поновленнаго другими, потому что для насъ достаточно свящ. Писанія и мудрости святыхъ отцевъ и символа вѣры, удачно и прилично приспособленнаго ко всѣмъ правымъ догматамъ. А такъ какъ святѣйшіе восточные епископы во время пребыванія своего въ Ефесѣ расходились съ нами въ мнѣніяхъ и потому казались уловленными въ сѣти богохульствъ Несторія: то, для отклоненія отъ себя этого подозрѣнія и полнаго удовлетворенія любителей чистой, святой вѣры и засвидѣтельствованія своей непричастности къ несторіанскому нечестію, они составили апологію, и это довольно благоразумно, а не то, чтобы поступокъ этотъ былъ достоинъ какого нибудь замѣчанія или порицанія. Но и самъ Несторій въ то время, когда мы его заставляли осудить свои догматы и обратиться къ истинѣ, написалъ свое исповѣданіе объ этихъ предметахъ; а станетъ ли

кто нибудь утверждать, что онъ написалъ намъ новый символъ вѣры? За что же поэтому такъ безразсудно преслѣдуютъ порицаніями святѣйшихъ епископовъ Финикіи, называя согласіе ихъ новымъ символомъ, которое дали они съ пользою и необходимо, именно: чтобъ оправдать себя и успокоить тѣхъ, которые думали, что они держатся несторіанскаго ученія? Святый и великій соборъ ефесскій необходимо провидѣлъ, что не должно вводить въ церкви Божіи другаго изложенія вѣры, кромѣ того, которое у нихъ было, которое опредѣлили блаженнѣйшіе отцы наши, говорившіе Духомъ Святымъ. Впрочемъ они, не знаю какимъ образомъ, однажды уклонившись отъ него и подпавъ подозрѣнію, что и мыслятъ неправильно и не содержатъ догматовъ апостольскихъ и евангельскихъ, молчаніемъ ли освободились отъ этого поноснаго клейма, или полнымъ удовлетвореніемъ и изъясненіемъ своихъ мыслей. И божественный ученикъ Христовъ написалъ: *готови присно ко отвѣту всякому вопрошающему вы словесе о вашемъ упованіи* (1 Петр. 3, 15). А кто хочетъ быть такимъ, тотъ конечно ничего новаго не изобрѣтаетъ и не берется обновлять изложенія вѣры, а болѣе показываетъ вопрошающимъ ту вѣру, которую имѣетъ о Христѣ.

Сверхъ того, я слышалъ, что враги истины, сильно опечаленные согласіемъ благочестивѣйшихъ епископовъ, превращаютъ все вверхъ и внизъ, и говорятъ, что съ ихъ нечестивыми вымыслами согласны смыслъ и сила того исповѣданія, которое составили тѣ (епископы) относительно правой вѣры, какъ я сказалъ, ничего не поновляя, т. е. ничего не прибавляя къ тому, что издревле постановлено, а болѣе придерживаясь правыхъ догматовъ святыхъ отцевъ. Но для яснѣйшаго изобличенія ихъ во лжи, приведемъ вмѣстѣ и Несторіевы нелѣпости и ихъ мнѣнія. Этимъ только способомъ, а не иначе, откроется искомая истина.

Итакъ, извѣстно, что Несторій совершенно отвергаетъ рожденіе единороднаго Сына Божія по плоти; потому что онъ не признаетъ того, что Онъ родился отъ Жены, какъ сказано въ Писаніи. Вотъ слова его: что Богъ произошелъ отъ Дѣвы Христородицы, этому я наученъ изъ божественнаго Писанія; но что Богъ родился отъ нея, этому я никогда не учился. И въ другомъ мѣстѣ: нигдѣ св. Писаніе не говоритъ, что Богъ родился отъ Дѣвы Христородицы, но что—Іисусъ Христосъ, Сынъ, Господь. Говоря такимъ образомъ, онъ раздѣляетъ Его одного на двухъ сыновъ, и одного, въ отдѣльности, называетъ Сыномъ, Христомъ

и Господомъ, рожденнымъ отъ Бога Отца Словомъ, а другаго, опять въ отдѣльности, Сыномъ, Христомъ и Господомъ, рожденнымъ отъ св. Дѣвы; и кто не повѣрилъ бы ему, когда онъ проповѣдуетъ это съ такой торжественностью? А они называютъ св. Дѣву Богородицею, и проповѣдуютъ, что одинъ Сынъ и Христосъ и Господь, совершенъ по божеству, совершенъ по человѣчеству, потому что плоть Его была одушевлена разумной душой. Почему не иной у нихъ Сынъ—отъ Отца рожденное Слово, и иной, опять, рожденный отъ св. Дѣвы, какъ казалось Несторію; а напротивъ одинъ и тотъ же, что ясно можно видѣть изъ послѣдующаго. Объясняя, кто Онъ таковъ, они присовокупляютъ, что Онъ совершенъ какъ Богъ, и совершенъ даже какъ человѣкъ, что Онъ прежде вѣковъ по божеству родился отъ Отца, и въ послѣднее время ради насъ и нашего спасенія—отъ Дѣвы по человѣчеству. Поэтому они вовсе не раздѣляютъ одного Сына и Христа и Господа Іисуса на двухъ, а говорятъ, что одинъ и тотъ же, который прежде вѣковъ, есть тотъ же самый, что и въ послѣдующія времена, т. е. Онъ отъ Бога Отца какъ Богъ, отъ Жены по плоти какъ человѣкъ. Ибо какимъ образомъ будетъ единосущенъ намъ по человѣчеству тотъ, кто по божеству, говорю, родился отъ Отца, если

не будетъ мыслимъ и называемъ тотъ же Богъ вмѣстѣ и человѣкомъ. Это далеко не такъ казалось Несторію; его положеніе совершенно противное. Проповѣдуя въ церкви, онъ осмѣлился такъ сказать: Богъ Слово называется Христомъ потому, что имѣетъ съ Христомъ постоянное единеніе. И опять: мы должны такимъ образомъ признавать неслiянную связь естествъ: исповѣдывать въ человѣкѣ Бога и покланяться этому человѣку, такъ какъ Онъ сопокланяемъ ради божественной связи съ всемогущимъ Богомъ. Слышишь ли, что за неразумная рѣчь? даже исполнена нечестія Учитъ, что Христосъ въ отдѣльности называется Богомъ и имѣетъ со Христомъ постоянную связь. Итакъ не двухъ ли Христовъ явно признаетъ онъ? И не человѣка ли вмѣстѣ съ Богомъ покланяемаго, не знаю какимъ образомъ, исповѣдуетъ онъ? Неужели это имѣетъ сродство съ тѣмъ, что принято у восточныхъ? Не стоятъ ли они съ нимъ въ противорѣчіи? Онъ явно признаетъ двухъ Христовъ, а они утверждаютъ, что покланяются только одному Христу и Сыну и Богу и Господу, одному и тому же—по божеству отъ Отца и по человѣчеству отъ св. Дѣвы. Хотя мы и сказали, что произошло единеніе двухъ естествъ, однако ясно признаемъ одного Христа и одного Сына и одного Господа. Ибо

Слово стало плотію, какъ сказано въ Писаніи, и это сокрытое въ планахъ домостроительства и по-истинѣ несказанное соединеніе, исповѣдуемъ, совершилось посредствомъ нераздѣльнаго соединенія вещей различныхъ. И не думаемъ, подобно нѣкоторымъ прежнимъ еретикамъ, что Слово Божіе создало Себѣ тѣло изъ собственнаго т. е. божественнаго естества, но, придерживаясь во всемъ св. Писанія, постоянно утверждаемъ, что Оно получило плоть отъ св. Дѣвы. Поэтому уразумѣвъ, почему одинъ только есть Сынъ и Господь Іисусъ Христосъ, утверждаемъ, что два естества соединились; и вѣримъ, что послѣ этого соединенія, какъ-бы уничтоживши раздѣляемость на-двое, пребываетъ одно естество Сына, какъ единаго, но вочеловѣчившагося и воплотившагося. Когда поэтому Богъ Слово называется вочеловѣчившимся и воплотившимся, то тутъ нѣтъ мѣста подозрѣнію въ какомъ нибудь премѣненіи (ибо Онъ неизмѣняемъ) и мы ясно признаемъ, что соединеніе чуждо всякаго сліянія. Но противники скажутъ: вѣдь издавшіе исповѣданіе правой вѣры ясно признаютъ два естества, и отъ различія ихъ произошла разность въ наименованіяхъ богословскихъ. Какъ же не противорѣчитъ это твоему положенію? Ты не соглашаешься наименованія ихъ приписывать двумъ

лицамъ, т. е. ипостасямъ. Но, позвольте мнѣ замѣтить, въ 12 главахъ мы написали такъ: кто распредѣляетъ названія двумъ лицамъ, т. е. ипостасямъ, и однѣ изъ нихъ прилагаетъ къ человѣку, котораго представляетъ отличнымъ отъ Слова Божія, а другія, какъ богоприличныя, къ одному только Слову Бога Отца, тотъ подвергается осужденію (1). Впрочемъ, хотя мы и осудили тѣхъ, которые такъ раздѣляютъ названія, что однѣ отдѣльно приписываютъ Слову Божію, отъ Отца рожденному, а другія опять отдѣльно человѣку, происшедшему отъ Жены; однакоже этимъ нисколько не уничтожаемъ разности наименованій. Несомнѣнно извѣстно, что одно естество у Слова, но воплотившееся и вочеловѣчившееся, какъ мы и сказали. Еслижъ кто поточнѣе захочетъ изслѣдовать, какъ Оно воплотилось и вочеловѣчилось, тому необходимо разсудить, что Слово, которое отъ Бога, приняло *зракъ раба, въ подобіи человѣчестѣмъ бывъ*, какъ говоритъ Писаніе (Филип. 2, 7). И по этому одному можно уразумѣть различіе естествъ или ипостасей (2). Ибо не одно и тоже по естественному качеству—божество и человѣчество.

---

(1) См. въ 1-мъ томѣ «Дѣяній» соборн. стр. 453.

(2) Слово *ипостась* не имѣло еще тогда того опредѣленнаго значенія, какое получило послѣ.

Иначе, какимъ образомъ Слово, которое было Богомъ, истощило Себя, низвело Себя до умаленія, т. е. до условій нашей природы? Итакъ, если внимательно изслѣдовать образъ воплощенія, то мысли человѣческой представятся два (начала), соединенныя между собой совершенно неизреченно и неслiянно; впрочемъ соединенія ихъ она никогда не раздѣляетъ, а допускаетъ и признаетъ приличнымъ существованіе одного (изъ того и другаго) и Бога и Сына и Христа и Господа.

Но мнѣніе Несторія явно отличается отъ этого ученія. Ибо хотя, повидимому, онъ и признаетъ воплощеніе и вочеловѣченіе Слова, однако, не понимая силы воплощенія, допускаетъ два естества и раздѣляетъ ихъ другъ отъ друга, полагая Бога отдѣльно и также отдѣльно человѣка, имѣющаго внѣшнюю связь съ Богомъ по одному равенству чести или авторитету. Вотъ слова его: «Богъ неотдѣляемъ отъ видимаго, отсюда, и чести Его, нераздѣляемаго, я не раздѣляю; раздѣляю естества, но соединяю почитаніе». Но антіохійскіе братья, обнявъ простымъ и однимъ разумѣніемъ то, изъ чего слагается Христосъ, допускаютъ впрочемъ различіе естествъ (ибо божество и человѣчество, какъ я сказалъ выше, нетожественны по естественному качеству), но такъ, что признаютъ одного Сына и Хри-

ста и Господа, и такъ какъ Онъ дѣйствительно одинъ, то говорятъ, что Онъ имѣетъ и личность одну,—соединеннаго никакимъ образомъ не раздѣляютъ. Но и не допускаютъ никакого въ естествѣ раздѣленія, подобнаго тому, какое мыслилъ виновникъ нечестивыхъ вымысловъ, а стараются раздѣлять одни только названія, приписываемыя Христу, и утверждаютъ не то, что одни изъ нихъ приличествуютъ Слову Бога Отца, какъ Сыну самому по себѣ взятому отдѣльно, а другія Ему рожденному отъ Жены, такъ какъ другому Сыну, опять отличному, но то, что одни (приличны) Его божеству, другія человѣчеству. Ибо одинъ и тотъ же есть вмѣстѣ Богъ и человѣкъ. Впрочемъ, присовокупляютъ, что есть нѣкоторыя названія какъ-бы общія, относящіяся къ тому и другому естеству—къ божеству и къ человѣчеству. Подобное и я говорю. Одни названія болѣе приличествуютъ божеству, другія болѣе человѣчеству, а иныя наконецъ, какъ-бы среднія, свидѣтельствуютъ, что Сынъ есть Богъ и человѣкъ вмѣстѣ и въ одномъ и томъ же. Въ рѣчи Его съ Филиппомъ: *толико время съ вами есмь и не позналъ еси мене, Филиппе; видѣвый Мене, видѣ Отца; не вѣруеши ли, яко Азъ во Отцѣ и Отецъ во Мнѣ есть* (Іоан. 14, 9. 10); *Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. 10, 30),—заключаются на-

званія весьма приличныя божеству. А въ обличительной рѣчи къ іудеямъ: *аще чада Авраамля бысте были, дѣла Авраамля бысте творили. Нынѣ же ищете Мене убити, человѣка, иже истину вамъ глаголахъ; сего Авраамъ нѣсть сотворилъ* (Іоан. 8, 39. 40),—содержатся названія приличныя собственно человѣку. Однако и приличествующія божеству, и приличествующія человѣчеству приписываются одному только Сыну. Ибо, будучи Богомъ, Онъ сталъ человѣкомъ, не оставивъ божества, но воспріявъ плоть и кровь. А такъ какъ одинъ есть Сынъ и Богъ и Господь, то какъ мы, такъ и они думаемъ, что и личность одна. Среднія же суть тѣ названія, которыя содержатся въ словахъ блаженнаго Павла: *Іисусъ Христосъ вчера и днесь, той же и во вѣки* (Евр. 13, 8); и опять: *аще бо и суть глаголеміи бози или на небеси, или на земли, якоже суть бози мнози и господіе мнози, но намъ единъ Богъ Отецъ, изъ негоже вся, и мы у него, и единъ Господь Іисусъ Христосъ, имже вся, и мы тѣмъ* (1 Кор. 8, 5. 6); и въ другомъ мѣстѣ: *молилбыхся бо самъ азъ отлученъ быти отъ Христа по братіи моей, сродницѣхъ моихъ по плоти, иже суть израилите, ихже всыновленіе и слава, и завѣти и законоположеніе, и служеніе и обѣтованія,*

ихже отцы, и отъ нихже Христосъ по плоти, сый надъ всъми Богъ благословенъ во въки, аминь (Римл. 9, 3. 4. 5). Такъ, говоря объ Іисусѣ Христѣ, что Онъ *вчера и днесь*, утверждаетъ, что тотъ же самый пребываетъ во вѣки, и что чрезъ Него все сотворено, и того, который по плоти отъ іудеевъ, называетъ Богомъ надъ всѣмъ, и утверждаетъ, что Онъ благословенъ во вѣки.

Итакъ, въ числѣ этихъ названій не раздѣляй тѣхъ, которыя произносятся о Господѣ, ибо они вмѣстѣ заключаютъ въ себѣ и то, что̀ прилично Богу, и то, что̀ прилично человѣку, а усвояй ихъ Ему, какъ одному Сыну, т. е. воплотившемуся Слову Божію. Ибо другое дѣло раздѣлять самыя естества, и то послѣ соединенія, и утверждать, что человѣкъ связанъ съ Богомъ только по равночестію,— а другое дѣло допускать различіе въ названіяхъ. Какимъ же образомъ ученіе ихъ согласно съ пустословіемъ Несторія? Ибо, если вообще, какъ и говорятъ нѣкоторые, построеніе рѣчи и выраженіе мыслей есть плодъ только усиленнаго труда, то нисколько неудивительно, если трудно выражаться и въ отношеніи къ настоящему предмету. И божественный Павелъ испрашиваетъ у Бога дара слова, называя это отверзеніемъ устъ ему (Еф. 6, 19).— Ктожъ станетъ сомнѣваться въ томъ, что

они не раздѣляютъ одного Господа Іисуса Христа на двухъ, если только приписываютъ названія, приличныя Богу,—божеству Его, а другія, приличныя человѣку,—Его человѣчеству. Ибо утверждаютъ, какъ я замѣтилъ выше, что то самое Слово Бога Отца, которое родилось прежде вѣковъ, впослѣдствіи родилось по плоти отъ святой Дѣвы, и присовокупляютъ, что св. Дѣва, по причинѣ этого несказаннаго и неслiяннаго соединенія, есть Богородица, и явно исповѣдуютъ одного Сына и Христа и Господа. И совершенно несправедливо было бы думать, что они, говоря, что Онъ одинъ, тѣмъ неменѣе дѣлятъ Его одного на двухъ Ибо они не такъ еще безумны, чтобъ представлять изъ себя перебѣжчиковъ, неразумно возобновляя то, что справедливо разрушили. Еслижъ они согласны съ мнѣніями Несторія, то какимъ же образомъ предаютъ ихъ анаѳемѣ, какъ скверныя и ненавистныя? Я думаю, не мѣшаетъ показать причины, почему восточные дошли до такой утонченности рѣчи. Такъ какъ защитники аріанскаго нечестія, нечестиво растлившіе истину, и признавали, что Слово Божіе стало человѣкомъ, но не иначе, какъ составивъ себѣ бездушное тѣло (а дѣлаютъ они это злонамѣренно,—чтобы, приписывая Ему названія, приличныя человѣческой природѣ, показать и доставить убѣж-

деніе тѣмъ, коихъ хотятъ обмануть, что Оно ниже совершенства Отца и не одного съ Отцемъ естества): то восточные, опасаясь, чтобы слава и естество Слова Божія отъ того, что̀ говорится о Немъ человѣкообразно, по причинѣ воплощенія, не потерпѣли какимъ нибудь образомъ ущерба, раздѣляютъ названія, не разсѣкая впрочемъ одного Сына и Господа на двухъ, какъ сказалъ я, а приписывая только одни названія Его божеству, другія же Его человѣчеству, а всѣ вмѣстѣ одному и томуже лицу. Я слышалъ даже, что достопочтеннѣйшій и благочестивѣйшій Іоаннъ, епископъ антіохійскій, писалъ къ нѣкоторымъ изъ своихъ знакомыхъ, будто я ясно учу и открыто исповѣдую разность естествъ и сообразно съ этимъ раздѣляю названія, почему нѣкоторые соблазняются. Поэтому необходимо было сказать нѣчто и объ этомъ. Извѣстно твоей святости, что тѣ, которые запятнали мои письма аполлинаріевыми догматами, полагали, будто я говорю, что святое тѣло Христово бездушно, и что послѣдовало смѣшеніе, или сліяніе, или преложеніе и премѣненіе Слова Божія въ плоть, или же плоть перешла въ естество божества, такъ что ничего не осталось чистаго, несмѣшаннаго и настоящаго. Думали также, что я придерживаюсь и аріанскихъ богохульствъ, потому будто, что не хочу признать

различія названій и не хочу допустить, что одни изъ нихъ приличествуютъ божеству, а другія человѣчеству (какъ такія, которыя свойственны болѣе природѣ плоти). Но что я непричастенъ подобнымъ заблужденіямъ, это другимъ легко можетъ засвидѣтельствовать твоя святость. Впрочемъ, нужно было удовлетворить и тѣхъ, которые впали въ соблазнъ. Итакъ я писалъ къ его благочестію, что я никогда не былъ согласенъ ни съ Аріемъ, ни съ Аполлинаріемъ и никогда не говорилъ, что Слово Божіе премѣнилось въ плоть, или на оборотъ плоть перешла въ естество божественное; потому что Слово Божіе неизмѣнно и непреложно, а второе невозможно; и никогда не отвергалъ различія наименованій, такъ какъ умѣлъ исповѣдывать Господа, то какъ Бога, то какъ человѣка, потому что Онъ вмѣстѣ и Богъ и человѣкъ. И это самое желая означить, онъ писалъ, что учитъ исповѣдывать различіе естествъ и сообразно съ этимъ различать наименованія. Но это не мои слова, а его собственныя.

Считаю нужнымъ ко всему сказанному присовокупить и слѣдующее: пришелъ ко мнѣ Павелъ, благочестивѣйшій епископъ эмесскій, и послѣ довольно продолжительнаго со мною разсужденія о правой и неповрежденной вѣрѣ, спрашиваетъ у меня и притомъ настойчиво,

согласенъ ли я со всѣмъ тѣмъ, что̀ написалъ блаженной памяти святѣйшій отецъ нашъ Аѳанасій къ Епиктету, епископу коринѳскому. Я отвѣчалъ, что совершенно согласенъ и во всемъ, прибавивъ, что письмо это находится у васъ въ поврежденомъ видѣ, потому что многое въ немъ исказили враги истины. Тогда онъ сказалъ, что имѣетъ съ собой это посланіе и что хотѣлось бы ему повѣрить по нашимъ экземплярамъ, испорчены ли ихъ книги, или нѣтъ. Получивши же древніе списки и свѣривъ ихъ съ собственными, онъ нашелъ, что послѣдніе повреждены, и просилъ сдѣлать съ нашихъ копію для доставки антіохійской церкви,—что̀ и было сдѣлано. И вотъ то̀, что̀ писалъ обо мнѣ къ Карену достопочтенѣйшій и благочестивѣшій епископъ Іоаннъ, именно: изложилъ относящееся къ воплощенію Христа, и соединилъ съ нами преданіе отцевъ, подвергавшееся опасности быть, такъ сказать, вытѣсненнымъ изъ умовъ человѣческихъ. А если бы кто и доставилъ посланіе, писанное будто Филиппомъ, достопочтеннѣйшимъ пресвитеромъ римской церкви, свидѣтельствующее, будто святѣйшій епископъ Сикстъ съ горестью принялъ низложеніе Несторія и поддерживалъ его: то да не вѣритъ тому твоя святость. Ибо онъ письменно засвидѣтельствовалъ свое согласіе съ святымъ соборомъ,

утвердилъ всѣ его дѣйствія и съ нами согласенъ. Если бы ходило даже посланіе, отъ имени моего написанное и содержащее раскаяніе въ дѣлахъ ефесскихъ: удостой презрѣнія и это. Ибо, по благодати Спасителя нашего, мы въ здравомъ умѣ и не потеряли силы разума.— Привѣтствуй братьевъ, которые съ тобою; а наши привѣтствуютъ тебя о Господѣ.

Памятная записка архіепископа Кирилла пресвитеру Евлогію, находящемуся въ Константинополѣ.

Кириллъ александрійскій Евлогію желаетъ всякаго блага.

Принявъ исповѣданіе, составленное восточными, нѣкоторые говорятъ: отъ чего епископъ александрійскій терпѣлъ и даже хвалилъ ихъ, когда они признаютъ два естества? Послѣдователи же Несторія стараются доказать, что и онъ тоже самое думаетъ, и такимъ образомъ увлекаютъ на свою сторону мало понимающихъ дѣло. Но обвиняющимъ насъ такимъ образомъ должно замѣтить, что не все то, что̀ только говорятъ еретики, тотчасъ нужно отвергать или удаляться отъ этого. Ибо они много исповѣдуютъ такого, что̀ и мы признаемъ. Напримѣръ, когда аріане Бога Отца называютъ творцемъ и Господомъ всего,

слѣдуетъ ли изъ этого, что мы должны противиться такому исповѣданію? Тоже должно сказать и о Несторіѣ; онъ хотя и признаетъ два естества, опредѣляя различіе плоти и Слова Божія (ибо другое естество Слова и другое плоти), однако не допускаетъ соединенія подобно намъ. Ибо мы, соединяя ихъ, исповѣдуемъ одного Христа, одного и тогоже Сына, одного Господа, и называемъ поэтому одно только естество Бога воплощенное. Нѣчто подобное можно сказать и о всякомъ человѣкѣ. Ибо и онъ состоитъ изъ различныхъ природъ, т. е. изъ тѣла и души. Хотя разумъ и созерцаніе и доставляютъ понятіе объ ихъ различіи, однако, соединяя ихъ, мы составляемъ одну природу человѣка. Почему допускать различіе естествъ, не значитъ одного Христа дѣлить на двухъ. А такъ какъ всѣ восточные думаютъ, что мы православные слѣдуемъ мнѣніямъ Аполлинарія и допускаемъ смѣшеніе или сліяніе естествъ (такого рода названія сами они употребляютъ), такъ что Богъ Слово перешелъ въ естество плоти, или плоть превратилась въ естество божества: то мы сдѣлали имъ снисхожденіе, не для того, чтобы они раздѣлили одного Христа на двухъ (да не будетъ), а чтобы только сознали, что не произошло ни сліянія, ни смѣшенія, но что плоть осталась плотію, какъ заимствована отъ

жены, и Слово пребыло Словомъ, какъ родилось отъ Отца, хотя и одинъ Христосъ, одинъ Сынъ и Господь. Ибо Слово, по выраженію Іоанна, *стало плотію* (Іоан. 1, 14). Такимъ образомъ они приготовились къ слушанію посланія блаженнаго папы Аѳанасія. Ибо, когда тамъ нѣкоторые силились доказать и утверждали, будто Богъ Слово образовалъ Себѣ тѣло изъ собственнаго естества, онъ всѣми силами старался утвердить, что тѣло Христа не единосущно съ Словомъ. Если жъ оно не единосущно съ Словомъ, то совершенно различны должны быть то и другое естества, изъ которыхъ составился одинъ и единый Христосъ. И они этого не незнаютъ; ибо гдѣ говорится о соединеніи, тамъ означается соединеніе не одного только предмета, но или двухъ, или многихъ, и отличныхъ другъ отъ друга по природѣ. Итакъ, если мы называемъ соединеніе, то говоримъ этимъ, что оно есть соединеніе плоти, разумѣется, одаренной разумной душой, и Слова. Такъ понимаютъ и тѣ, которые называютъ два естества. И уже послѣ того, какъ допущено единеніе, соединенное больше не раздѣляется, а одинъ уже Христосъ, и одно Его естество, именно—какъ Слова воплощеннаго. Это исповѣдали восточные, хотя выразили это темновато. И исповѣдующіе, что тоже самое единородное Слово, ко-

торое родилось отъ Бога Отца, родилось по плоти и отъ жены, и что св. Дѣва есть Богородица, и лицо Христа одно, и не два Сына и не два Христа, а одинъ только,—какимъ образомъ могутъ считаться согласными съ Несторіемъ? Ибо Несторій въ своихъ исповѣданіяхъ притворяется только, что онъ признаетъ одного Сына и одного только Господа, а на самомъ дѣлѣ сыновство и господство относитъ къ одному только Слову Божію. И гдѣ доходитъ дѣло до таинства воплощенія, онъ опять отдѣльно называетъ другимъ Господомъ человѣка отъ жены рожденнаго, который только по равночестію имѣетъ связь съ Словомъ. Почему говорить, что Слово Божіе потому называется Христомъ, что имѣетъ связь съ Христомъ, не значитъ ли ясно признавать двухъ Христовъ, если Христосъ имѣетъ связь со Христомъ, т. е. какъ одинъ съ другимъ? Восточные же ничего подобнаго не говорятъ, а только различаютъ наименованія. И различаютъ такимъ образомъ, что однѣ считаютъ приличными божеству, другія—человѣчеству, третія—тому и другому вмѣстѣ,—содержащія въ себѣ вмѣстѣ то̀, что̀ прилично и Богу и человѣку, такъ впрочемъ, что всѣ произносятся объ одномъ и томъ же лицѣ. А Несторій не такъ; онъ однѣ приписываетъ Слову Божію отдѣльно, а другія отдѣльно Ему, рож-

денному отъ жены, какъ другому Сыну. Ибо другое дѣло допускать различіе названій, и опять другое дѣло приписывать различныя названія двумъ личностямъ, какъ одной и другой. Письмо къ Акакію, начинающееся такъ: «привѣтствіе братьямъ есть подлинно пріятное и похвальное дѣло» (1), излагаетъ все это съ особенною ясностію и удовлетворительностію. Имѣешь довольно много писемъ въ ящикѣ, которыя ты долженъ аккуратно передать; доставь по принадлежности знаменитѣйшему начальнику и двѣ посланныя мною ему книжки, изъ которыхъ одна написана противъ богохульствъ Несторія, другая содержитъ акты собора противъ Несторія и его послѣдователей, и опроверженія, сдѣланныя мною противъ епископовъ Андрея и Өеодорита, писавшихъ противъ (моихъ 12) главъ. Въ книжкѣ этой содержится также на концѣ краткое ученіе о воплощеніи Христа, впрочемъ прекрасное и полезное. Представь ему также и пять посланій изъ тѣхъ, которыя обложены кожею: одно блаженнаго папы Аөанасія къ Епиктету, другое мое, т. е. то, которое я написалъ къ Іоанну, опять два моихъ, которыя послалъ я къ Несторію,—одно коротенькое,

(1) См. выше стр. 381.

другое длинное, наконецъ одно къ Акакію; такъ какъ онъ просилъ ихъ всѣхъ у насъ.

Тогоже Кирилла посланіе къ Донату, епископу Никополя въ древнемъ Эпирѣ.

Господину моему, возлюбленному брату и сослужителю Донату, Кириллъ желаетъ всякаго блага о Господѣ.

Я счелъ нужнымъ извѣстить твое благочестіе о томъ, что сдѣлано для мира церквей. Итакъ приходитъ въ Антіохію господинъ мой, знаменитѣйшій трибунъ и нотаріусъ Аристолай съ царскими граматами, которыми повелѣвалось Іоанну, благочестивѣйшему епископу антіохійской церкви, анаѳематствовать нечестивые догматы Несторія, составить опредѣленіе, подобно тому, какъ это было на святомъ соборѣ, о его низложеніи и такимъ образомъ требовать нашего общенія. Въ этомъ и состояло содержаніе этихъ граматъ. А нѣкоторые изъ восточныхъ епископовъ, которые, можетъ быть, и доселѣ не осудили Несторія и еще покровительствуютъ ему, оскорбляютъ нашу вѣру и немало возстаютъ провивъ славы Христа, Спасителя всѣхъ насъ, и до того обольстили святѣйшаго и благочестивѣйшаго епископа веррейскаго Акакія, что онъ необдуманно писалъ ко мнѣ, будто, по ихъ требованію, слѣ-

дуетъ намъ истребить все, писанное нами противъ Несторія, и отвергнуть, какъ не имѣющее обязательной силы, а содержать одинъ только символъ, составленный собраніемъ св. отцевъ въ Никеѣ. Святость твоя помнитъ, какъ недавно въ Ефесѣ предлагали они такія же условія. А я отписалъ имъ, что они требуютъ, очевидно, невозможнаго, тѣмъ болѣе, что все, что̀ ни писали мы, писали справедливо, вступаясь за правоту и неповрежденность вѣры; и намъ ровно ничего нельзя отвергнуть изъ того, что̀ мы написали; ибо тамъ нѣтъ ничего такого, что̀ было бы сказано, какъ это у нихъ бываетъ, безъ предусмотрительности, но только то̀, что̀ всегда и во всемъ нераздучно съ правой вѣрой и согласно съ истиной;—что гораздо естественнѣе—имъ самимъ, оставивъ двусмысліе и многословіе, коими они пользовались, и отказавшись отъ излишняго, довольствоваться правилами благочестивѣйшаго и боголюбезнѣйшаго императора и св. собора, анаѳематствовать пустословіе Несторія и хулы, произнесенныя имъ противъ Христа, не отказываться отъ низложенія его и сочувствовать рукоположенію святѣйшаго и благочестивѣйшаго епископа Максиміана. И когда такимъ образомъ я послалъ имъ эти письма, они, замѣтивъ, что не получатъ общенія, пока не выполнятъ того, что̀ слѣдовало, прислали въ

Александрію достопочтеннѣйшаго и боголюбезнѣйшаго епископа эмесскаго Павла съ письмами, въ которыхъ, хотя дѣло идетъ и о возстановленіи общенія, содержится однако мало праваго. Ибо они объявляли о себѣ, что имѣютъ на насъ какія-то жалобы, будто на св. соборѣ что-то неправо было и сказано и сдѣлано. Но посланій этихъ я не принялъ, а отвѣчалъ: положимъ, они могутъ и не просить прощенія въ прежнемъ; но зачѣмъ опять осмѣливаются причинять новыя оскорбленія? А когда помянутый благочестивѣйшій епископъ сталъ оправдывать это дѣло и клятвенно утверждать, что у нихъ вовсе не было такого намѣренія, а что въ письмахъ этихъ они слѣдовали во всемъ неподдѣльному простодушію: то ради любви я принялъ это оправданіе. Впрочемъ, я сдѣлалъ ему честь гостепріимства не прежде, какъ когда онъ на предложенной ему бумагѣ письменно анаѳематствовалъ догматы Несторія, и согласился на его осужденіе и рукоположеніе богобоязненнаго епископа Максиміана. Онъ, съ своей стороны, просилъ оказать ему честь тѣмъ, чтобы сверхъ этихъ посланій, доставленныхъ какъ-бы отъ лица всѣхъ восточныхъ богобоязненныхъ епископовъ, мы ничего больше не требовали; но я не согласился на это ни подъ какимъ видомъ, а вмѣстѣ съ господиномъ моимъ, зна-

менитѣйшимъ трибуномъ и нотаріусомъ Аристолаемъ, послалъ въ Антіохію двухъ изъ своихъ клириковъ и, вручая имъ листъ, повелѣлъ, чтобы, если благочестивѣйшій Іоаннъ, епископъ антіохійской церкви, подпишетъ и приметъ его, они тогда уже отдали и посланія о примиреніи. Ибо помянутый знаменитѣйшій трибунъ Аристолай не могъ терпѣть проволочки этого дѣла. Итакъ, когда благочестивѣйшій епископъ Іоаннъ подписался, а равно и прочіе знаменитѣйшіе, бывшіе съ нимъ, когда они предали анаѳемѣ ученіе Несторія, признали его низложеніе и одобрили рукоположеніе благочестивѣйшаго и богобоязненнаго епископа Максиміана: то и возстановилось наше съ ними общеніе. И этого требовалъ отъ нихъ еще св. соборъ ефесскій. Да знаетъ святость твоя и то, что благочестивѣйшій и боголюбезнѣйшій епископъ Павелъ вначалѣ очень много стоялъ за отлученныхъ Палладія, Евѳерія, Имерія и Дороѳея и убѣдительно просилъ отмѣненія опредѣленій противъ нихъ, доказывая, что безъ этого условія нельзя достигнуть мира церквей. Но я отвѣчалъ, что онъ хлопочетъ о дѣлѣ невозможномъ, тѣмъ болѣе, что мы на это никогда не намѣрены согласиться. Итакъ они остались и теперь остаются въ прежнемъ положеніи, и въ условіяхъ, составленныхъ для возстановленія мира

св. церквей, не было о нихъ и помину. Послали они тоже самое письмо, которое ко мнѣ писали, и къ благочестивѣйшимъ и святѣйшимъ епископамъ—Сиксту епископу великаго Рима и Максиміану епископу св. константинопольской церкви. И необходимо было твоей святости знать объ этомъ совершеннѣйшимъ образомъ для того, чтобы кто нибудь изъ тѣхъ, которые часто любятъ болтать одно вмѣсто другаго, не смутили кого нибудь изъ братій, утверждая, будто бы мы отреклись отъ того, что̀ написали противъ богохульствъ Несторія. Я послалъ также копіи съ посланій, какъ съ одного, писаннаго мною къ Іоанну благочестивѣйшему епископу антіохійскому, такъ и съ другаго, имъ самимъ присланнаго ко мнѣ объ анаѳематствованіи богохульствъ Несторія и объ отлученіи его,—для того, чтобы облегчить для твоей святости изученіе этого дѣла въ точности, и дабы кто нибудь не распространилъ другихъ посланій несогласныхъ съ этими.—Привѣтствуй братій, которые съ тобой; наши привѣтствуютъ тебя о Христѣ.

Посланіе Кирилла, епископа александрійскаго, къ Максиміану, епископу константинопольскому.

Не было сомнѣнія, что молитвы твоей святости вездѣ и во всемъ будутъ плодотвор-

ны; ибо Спаситель всѣхъ насъ скоро и охотно споспѣшествуетъ желаніямъ любящихъ Его, такъ что каждый поэтому можетъ съ радостію и восхищеніемъ говорить: *услыша отъ храма святаго своего гласъ мой, и вопль мой предъ Нимъ внидетъ во уши Его* (Пс. 17, 7). Такъ и сбылось; отторгнутые члены церковнаго тѣла снова присоединились, и уже нѣтъ ничего такого, что поселяло бы несогласіе и раздѣляло служителей Евангелія Христова. Напротивъ, всѣ мы украшаемся одною вѣрою, лишь только изгнали изъ святой ограды виновника нечестія—Несторія и отлучили лжепастыря отъ знаменитаго стада. И это славное дѣло совершилось и по твоимъ молитвамъ. Съ своей стороны и мы, когда миръ церквей сталъ предметомъ неусыпныхъ попеченій благочестивѣйшихъ императоровъ, не переставали молиться объ искорененіи всего раздѣляющаго насъ и удерживающаго въ несогласіи, и о томъ, чтобы вожделѣнный Богу миръ возсіялъ подобно свѣту, и когда святѣйшій и боголюбезнѣйшій Іоаннъ, епископъ антіохійской церкви, и другіе, находящіеся съ нимъ, достопочтеннѣйшіе епископы, письменно объявили, что считаютъ Несторія отлученнымъ и анаѳематствуютъ его нечестивыя хулы, я послалъ общительныя граматы, какъ къ его благочестію, такъ и къ прочимъ епископамъ.

Итакъ, мы вступили въ единомысліе, при содѣйствіи и стремленіи къ тому какъ твоей святости, такъ и всѣхъ другихъ, которые составляли совершенное тѣло св. собора. И уже больше не владычествуетъ надъ нами споръ или распря, но всѣ мы подчинялись одной цѣли, ведущей къ миру. И если бы захотѣли отпавшіе-было и отдѣлившіеся отъ насъ по несогласію, всегда могли бы избавить церкви отъ спора и несогласія. Но благословенъ Спаситель нашъ, утишившій эту бурю, возстановившій безмятежность единодушія, молитвами и предстательствомъ твоей святости и всѣхъ другихъ, которые, имѣя правую и чистую вѣру, совершаютъ поклоненіе и служеніе Ему духомъ и истиною!

Тогожe Кирилла къ благочестивѣйшему епископу Валеріану, противъ мыслящихъ по догматамъ Несторія.

У святости твоей, какъ думаю, станетъ благоразумія на то, чтобы быть въ состояніи съ достойнымъ мужествомъ противопоставить пустословію нѣкоторыхъ совершенную истину, тѣмъ болѣе, что и истина сильна сама собою. Ибо нѣкоторые пустословятъ подобно старухамъ, и, извращая все, воображаютъ, будто слишкомъ потрудились надъ проницательнымъ

изслѣдованіемъ таинства воплощенія единороднаго Господа, а между тѣмъ не уразумѣваютъ его и легко уклоняются туда, куда не слѣдуетъ, и судятъ превратно. Но, что̀ всего опаснѣе въ этомъ случаѣ, они предполагая въ себѣ желаніе право мыслить, и съ мыслію о непреодолимомъ влеченіи къ этому сдружившись, какъ съ какимъ нибудь лицемъ, вливаютъ ядъ несторіева нечестія въ души простосердечныхъ. Такого рода люди подобны врачамъ человѣческихъ тѣлъ, которые подслащаютъ непріятныя лекарства, чтобы качествомъ пріятнаго удалить ощущеніе натуральной горичи. Но мы, по глубочайшему замѣчанію премудраго Павла, имѣя умъ Христовъ (1 Кор. 2, 16), не неразумѣваемъ ихъ умышленія (2 Кор. 2, 11). Если бы кто нибудь сталъ утверждать, что единородное Слово Божіе, которое родилось таинственно и неизглаголанно отъ Бога Отца и есть Творецъ самыхъ вѣковъ, имѣетъ начало существованія отъ святой Дѣвы, тотъ, кажется, не безъ цѣли настаивалъ бы на томъ, что̀ обыкновенно утверждаютъ: если Слово Божіе по своему естеству есть духъ, то какъ Оно родилось отъ плоти, когда самъ же Господь говоритъ: *рожденное отъ плоти плоть есть* Іоан. 3, 6)? А такъ какъ ученіе о таинствѣ Христа имѣетъ иной путь, безъ сомнѣнія, правый и чуждый заблужденія

и всякой превратности: то зачѣмъ они безразсудно и суетно пустословятъ, *не разумѣюще ни яже глаголютъ, ни о нихже утверждаютъ* (1 Тим. 1, 7)? Ибо мы утверждаемъ, что тоже самое единородное Слово Божіе, которое, какъ Богъ, по писанію, есть духъ (Іоан. 4, 24), для спасенія всѣхъ людей воплотилось и вочеловѣчилось,—не такъ, чтобы образовало для Себя тѣло изъ собственнаго естества, или совлеклось того, которое Оно имѣло, или потерпѣло измѣненіе либо превращеніе, но такъ, что отъ св. Дѣвы восприяло непорочное тѣло, одаренное разумною душою, и усвоило его Себѣ чрезъ это, совершенно непостижимое, несліянное и неизреченное соединеніе, такъ что оно мыслится теперь не какъ чужое тѣло, а какъ Его собственное. Такимъ образомъ Единородный вошелъ въ міръ, какъ Перворожденный, и жилъ въ числѣ многихъ братій, отличаясь отъ твари божествомъ. Почему, при наименованіи Его рожденнымъ и отъ жены, необходимо въ тоже время подразумѣвается: по плоти, чтобы кто нибудь не подумалъ, что Онъ получилъ начало существованія отъ св. Дѣвы. Ибо, хотя прежде всякаго вѣка Богъ Слово существуетъ совѣчно Отцу своему и всегда неразлучно съ Нимъ: однако, когда, по благоволенію тогоже Отца, восхотѣлъ восприять *зракъ раба*, тогда, зна-

читъ, и рожденіе Его отъ жены по плоти было согласно съ нашимъ. Итакъ, что̀ произошло отъ плоти, то̀ плоть безъ всякаго измѣненія, а что̀ отъ Бога, есть Богъ. Посему изъ того и другаго составляется Христосъ какъ одинъ сынъ и Господь, вмѣстѣ съ собственной своей плотію, не бездушною, какъ сказалъ я, но одаренною разумной душей. Итакъ, да не разсѣкають намъ одного Сына, особо поставляя Слово, и особо опять другаго Сына,—того человѣка, какъ говорятъ они, который родился отъ жены, но да помышляють, что не съ человѣкомъ соединился Богъ Слово, а само Слово стало человѣкомъ, какъ говорится въ писаніи, воспріявъ отъ сѣмени Авраамова и уподобившись во всемъ братіи (Евр. 2, 17), кромѣ грѣха одного. И это уподобленіе во всемъ естественно требовало, и притомъ съ преимуществомъ предъ другими, рожденія отъ жены, которое, хотя совершилось у насъ, почеловѣчески и по-нашему, но, какъ рожденіе Единороднаго, оно выше нашего; ибо воплощался Богъ. Почему и св. Дѣва называется Богородицею. И если бы сказали, что Богъ и человѣкъ, соединившись вмѣстѣ, составили одного Христа и ипостась того и другаго сохранилась неслiянною, которую однако раздѣляетъ разумъ: то легко можешь видѣть, что они не мыслятъ и не говорятъ по этому

дѣлу ничего истиннаго и достовѣрнаго. Ибо не Богъ и человѣкъ, что̀ утверждаютъ они, соединившись вмѣстѣ, составили одного Христа; но, какъ я сказалъ уже, Богъ, будучи Словомъ, почти по-нашему пріобщился плоти и крови, такъ что Богъ мыслится вочеловѣчившимся, воспріявшимъ нашу плоть и сдѣлавшимъ ее своей собственною. И какъ каждый человѣкъ подобный намъ, составленный изъ души и тѣла, мыслится какъ одинъ, такъ тѣмъ болѣе слѣдуетъ исповѣдывать, что и Онъ есть одинъ и Сынъ и Господь. Ибо одна природа человѣка и одно лицо (ипостась), хотя составляется изъ предметовъ отличныхъ и инородныхъ. Ибо ясно, что тѣло есть нѣчто отличное отъ души, однако есть ея собственное тѣло и вмѣстѣ съ нею составляетъ ипостась одного человѣка. И хотя по уму и размышленію различіе въ помянутомъ не неочевидно, однако совокупленіе или соединеніе, поколику нераздѣльно, составляютъ одно животное—человѣка. Сообразно съ этимъ, единородное Слово Божіе не чрезъ воспріятіе человѣка явило Себя человѣкомъ, но, и отъ Бога Отца имѣя неизреченное рожденіе, сдѣлалось человѣкомъ, создавъ Себѣ храмъ святымъ и единосущнымъ Ему Духомъ. Поэтому Оно считается единымъ, хотя, по соображенію разума, тѣло Его было другой природы. Да

исповѣдаемъ же повсюду, что оно (тѣло) не было неодушевленное, но было одарено разумною душею.

Не смотря на то, я слышу, что нѣкоторые впадаютъ въ такое безуміе, что не страшатся говорить, будто Богъ Слово вселился въ нѣкоего сына, рожденнаго отъ Дѣвы, и обоготворилъ его. Но это не такъ, возлюбленные; я сказалъ бы имъ, что Слово Божіе воплотилось и вочеловѣчилось; а что бы Оно обитало только въ человѣкѣ, это конечно можно сказать и о комъ нибудь изъ святыхъ пророковъ. Ученіе объ этомъ дивномъ для насъ таинствѣ, какъ немного выше упомянули мы, показываетъ, что самое Слово, рожденное отъ Бога Отца, по писаніямъ, стало плотію, не такъ, что бы Оно потерпѣло какое нибудь естественное измѣненіе, или преложеніе, какъ-бы обратилось въ плоть, но такъ, что усвоило Себѣ плоть, оживленную разумной душой, и явилось человѣкомъ, а не соединилось съ человѣкомъ, или обитало въ человѣкѣ, какъ они говорятъ. А утверждать, что въ послѣдствіи обоготворенъ тотъ, въ которомъ Оно обитало, какъ утверждаютъ они, мы же совершенно отрицаемъ, не есть ли признакъ совершеннаго безразсудства? Ибо это прямо противорѣчитъ намѣреніямъ божественнаго писанія, потому что божественный Павелъ говоритъ, что

Слово Божіе, будучи образомъ и подобіемъ Бога Отца во всемъ, *не восхищеніемъ непщева быти равно Богу, но Себе умалило, зракъ раба пріимъ, въ подобіи человѣчестѣмъ бывъ, и якоже человѣкъ, смирило Себе* (Филип. 2, 6. 7). А они, удаляясь отъ природы предметовъ ко всему противному и беззаконно искажая силу истины, говорятъ, что обоготворенъ человѣкъ. Если это такъ, то спрашиваю: кто истощилъ себя, и какъ онъ сверхъ того смирилъ себя? Какой, скажите мнѣ, онъ принялъ образъ раба? Такое ученіе ихъ, очевидно, вводитъ человѣка, который возведенъ изъ нашего униженнаго состоянія въ возвышенное, который изъ нашего истощанія возшелъ въ полноту божества, изъ образа раба перешелъ въ образъ владыки. Подлинно, я совершенно не въ силахъ понять, какимъ образомъ, по ихъ ученію, единородный Сынъ Божій истощилъ Себя, или какимъ образомъ Онъ подъялъ уничиженіе нашей природы, если не скажутъ, что Онъ уничижилъ Себя чрезъ то, что пріобщилъ человѣка своей собственной славы. Но если воздающій другому честь самъ терпитъ поруганіе своей чести, если прославляющій другаго самъ уничижается: кто же можетъ сомнѣваться въ томъ, что было бы несравненно превосходнѣе не раздѣлять съ кѣмъ нибудь ни чести ни

славы? Ибо Онъ остался бы при своихъ преимуществахъ, если бы не почтилъ и не прославилъ того человѣка, котораго, какъ говорятъ они, Онъ усвоилъ Себѣ. Не видитъ ли каждый, какъ достойно посмѣянія и исполнено крайняго безразсудства то̀, что̀ они положили себѣ уразумѣть и о чемъ дерзаютъ разглашать? Но слово истины никогда не объявитъ уничиженнымъ того, что̀ до того времени не было совершеннымъ по своей природѣ, не назоветъ смирившимъ себя того, что̀ не стояло на высотѣ величія и низошло потомъ къ тому, чѣмъ не было, не сочтетъ принявшимъ образъ раба не имѣвшаго свободы по природѣ, до принятія его; равно и о томъ, который сталъ человѣкомъ, не скажетъ, что онъ былъ имъ, прежде чѣмъ сталъ человѣкомъ. Посему, когда священное и богодухновенное Писаніе называетъ уничиженіе и образъ раба, равно и человѣчество, а добровольно воспріявшаго это именуетъ Словомъ, которое отъ Бога Отца, то зачѣмъ они такъ извращаютъ смыслъ обильнаго мудростію чуднаго домостроительства, утверждая, что обоготворенъ какой-то человѣкъ, такъ что христіане уже ничѣмъ болѣе не отличаются отъ тѣхъ, которые, забывъ Творца, служатъ твари (Рим. 1, 25)? Неужели они допускаютъ, что и самые святые ангелы вмѣстѣ съ нами погрѣшили, когда, по

свидѣтельству св. Писанія, исполнивши повелѣніе поклониться Первородному, введенному во вселенную Евр. 1, 6)? И какимъ образомъ, спрашиваю, оно дозволитъ приписать Единородному имя Первороднаго, если Онъ на самомъ дѣлѣ не вочеловѣчился? Ибо, если истинно то, что Онъ во многихъ братіяхъ (Рим. 8, 29), то совершенно справедливо мыслится Онъ первороднымъ, такъ какъ явно низшелъ къ братству нашему, сдѣлался подобнымъ намъ человѣкомъ, уподобившись намъ во всемъ, кромѣ грѣха (Евр. 2, 17). Намъ для благочестія достаточно и разсуждать и разумѣть, что плоть, которая стала плотію все животворящаго Бога, имѣетъ животворную силу и дѣйствіе самого Слова и наслѣдовала неизреченную и неприступную славу. Впрочемъ нѣтъ ничего удивительнаго, если они, положивъ себѣ такъ, а не иначе думать, взносятъ на св. Писаніе и другія клеветы, отвергая оскорбленія, нанесенныя іудеями лицу Единороднаго, и самую смерть Его по плоти, и приписывая все это какъ-бы другому отдѣльному сыну, происшедшему отъ жены. Пріятно же имъ, не знаю отъ чего, идти путемъ не направленнымъ къ благочестію, низвергаться въ бездну ада (Прит. 9, 18), и во дно адово (16, 25), по Писанію. Правда, Божество дѣйствительно безстрастно и совершенно неосязательно, ибо

Оно невещественно, и выше всякой твари видимой и невидимой, и имѣетъ естество невещественное, совершенное, неприступное и непостижимое; но такъ какъ единородное Слово Божіе, воспріявъ тѣло отъ св. Дѣвы и Богородицы и воспріятое, какъ я многократно говорилъ уже, сдѣлавъ своимъ собственнымъ, *предаде Себе за ны приношеніе* непорочное *Богу и Отцу въ воню благоуханія* (Еф. 5, 2), то и говоримъ поэтому, что само Оно воспринимало все, что̀ происходило съ Его плотію. Ибо чье тѣло, тому по праву приписывается и все касающееся тѣла, кромѣ одного грѣха. Поэтому, такъ какъ Богъ Слово сталъ человѣкомъ, пребывъ впрочемъ по божественному своему естеству безстрастнымъ и только необходимо усвоивъ все относящееся къ Его плоти, то и говорится, что Онъ претерпѣлъ все относящееся къ плоти, хотя бы по божественному естеству и совершенно не подлежалъ никакому страданію. Итакъ мнимая привязанность къ благочестію отклоняетъ ихъ отъ истины, ибо они не замѣчаютъ, что Онъ, хотя и пребылъ безстрастнымъ, поколику отъ начала былъ и есть Богъ, вмѣнилъ Себѣ однако все, что̀ претерпѣлъ за насъ по плоти, поколику, будучи по естеству Богомъ, Онъ сталъ плотію, т. е. совершеннымъ человѣкомъ. Ибо, кто таковъ, спрашиваю, былъ Тотъ, ко-

торый взывалъ къ Отцу небесному и Богу, говоря: *жертвы и приношенія не восхотѣлъ еси, тѣло же совершилъ Ми еси; всесожженій и о грѣсѣ не благоволилъ еси; тогда рѣхъ: се иду, еже сотворити волю твою* (Евр. 10, 5. 6. 7. Пс. 39, 7. 8)? Непричастный тѣлу какъ Богъ, Онъ говоритъ, что для Него уготовано тѣло, съ тѣмъ, дабы Онъ, принесши его за насъ, исцѣлилъ всѣхъ насъ, по слову пророка, собственною язвою (Иса. 53, 5). Какимъ также образомъ одинъ умеръ за всѣхъ, положившій Себя цѣною всѣхъ, если страданіе Его понимать просто страданіемъ какого нибудь человѣка? Но если Онъ пострадалъ по человѣческому естеству, такъ что усвоилъ Себѣ страданія своей плоти: то въ такомъ случаѣ, утверждаемъ мы и весьма справедливо, смерть по плоти одного есть праведная цѣна за жизнь всѣхъ (2 Кор. 5, 17. 18),—не потому, что бы она была смертію подобнаго намъ простаго человѣка, хотя Онъ и былъ подобенъ намъ, но потому, что, будучи Богомъ по естеству, Онъ воплотился и вочеловѣчился, по исповѣданію св. отцевъ. Если же нѣкоторые отвергаютъ страданіе Единороднаго по плоти, потому что оно не представляетъ для Него ничего привлекательнаго, пристойнаго и естественнаго: то пусть отвергнутъ на томъ же основаніи и самое рожденіе

Его по плоти отъ св. Дѣвы. Ибо, если Ему неестественно было пострадать плотію: то отъ чего еще прежде этого естественно было первое, предшествующее страданію, т. е. рожденіе по плоти, или, просто сказать, образъ самаго вочеловѣченія? Итакъ, при такомъ образѣ воззрѣнія, исчезаетъ все таинство христіанское, и уже тщетною становится надежда нашего спасенія.

Но какъ, скажешь, можетъ страдать Тотъ, кто не подлежитъ никакому страданію? И правда, Слово, которое отъ Бога, безъ сомнѣнія, какъ я сказалъ уже, по собственному естеству совершенно безстрастно; однако св. писанія возвѣщаютъ, что Оно пострадало собственною плотію, потому что Оно было въ страждущемъ тѣлѣ. Въ этомъ удостовѣряетъ Петръ, говоря о Немъ: *иже грѣхи наша самъ вознесе на тѣлѣ своемъ на древо* (1 Пет. 2, 24). Почему Слово, поколику мыслится какъ Богъ по естеству, безстрастно; но по усвоенію, основанному на воплощеніи, страданія, происходившія съ Его плотію, считаются Его собственными. Иначе какимъ бы образомъ Перворожденный *всея твари*, Тотъ, чрезъ котораго созданы *начала и власти, престолы и господства*, и въ которомъ *всяческая состоятся* (Колос. 1, 16. 17), сдѣлался *перворожденнымъ изъ мертвыхъ*,

и первенцемъ изъ усопшихъ (1 Кор. 15, 20), если бы Богъ Слово не условоилъ Себѣ тѣла, рожденнаго для страданія? И какъ Богъ, раждаясь отъ жены по плоти, усвоилъ Себѣ наше рожденіе человѣческое, хотя въ тоже время имѣлъ и собственное рожденіе отъ Отца: такимъ же образомъ Онъ пострадалъ плотію по-нашему и почеловѣчески, хотя Ему, поколику Онъ мыслится какъ Богъ, по естеству несвойственно никакое страданіе. Такъ мыслится Христосъ; такъ и сѣдитъ Онъ со Отцемъ,—не какъ человѣкъ, воспріявшій честь чрезъ обитаніе въ Немъ Бога Слова, но во истину какъ Сынъ, даже и тогда, когда сталъ человѣкомъ. Ибо неприкосновеннымъ осталось въ Немъ достоинство владычества, которое существенно принадлежитъ Ему, хотя Онъ и пріялъ на Себя въ воплощеніи зракъ раба. Почему, какъ я сказалъ уже, Онъ хотя и причастенъ нашему естеству, какъ человѣкъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ выше всякой твари, какъ Богъ.

Слышалъ я впрочемъ, какъ одинъ, объясняя причину возвращенія Его на небо, говорилъ, что Онъ отошелъ на мѣсто защищенное отъ всякихъ опасностей и насилій,—далѣе, что Онъ получилъ достоинство сидѣть со Отцемъ, гдѣ, говоритъ, врагъ природы нашей не можетъ и подойти къ Нему и дѣйствовать

на Него своими козлами. Итакъ небо служитъ для Него крѣпостью; и удаленіе Его отъ насъ, которымъ мы хвалимся, не есть вознесеніе, а просто бѣгство? Т. е. Онъ боялся, можетъ быть, чтобы этотъ злодѣй опять не уловилъ Его въ свои сѣти, и если бы не вознесся, опять испыталъ бы туже участь, даже послѣ воскресенія. Скажите пожалуйста, кто не уйдетъ какъ можно подальше отъ подобнаго рода нечистоты? Кто не уклонится отъ слушанія этого безразсуднаго вздора? и тѣмъ, которые осмѣливаются распространять подобныя нелѣпости, не пожелаетъ много здравствовать? Прочь отъ меня преступная и нечистая мысль, которой безразсуднѣе ничего не могло быть выдумано и больше похожаго на бабью болтовню! Ибо дѣлу даютъ такой нелѣпый смыслъ, что гнуснѣе ничего не можетъ быть,— Іисусъ Христосъ, вступивъ въ условія нашей жизни и поправъ сатану и сокрушивъ всю его силу, и разстроивъ царство смерти, возстановилъ новый и живой намъ путь, восходя на небо, дабы предстать за насъ, какъ говоритъ Писаніе, лицу Бога и Отца, (Евр. 9, 24), и возсѣдаетъ съ Нимъ даже съ плотію, не какъ человѣкъ отдѣльно мыслимый, и не какъ другой сынъ, отличный отъ Его Слова, и не какъ такой, съ которомъ бы Слово только обитало, но какъ по-истинѣ

Сынъ единый и единственный даже и тогда, когда сталъ человѣкомъ. Итакъ возсѣдаетъ Онъ какъ Богъ съ Богомъ, какъ Господь съ Господомъ и Сынъ съ Отцемъ же, обладая этимъ по естеству, хотя бы мыслимъ былъ и съ плотію. И немного, кажется, потребовалось бы труда для полнаго раскрытія всей бездны ихъ безразсудства; но распространяться въ опровер женіяхъ вздора, такъ пустаго и нелѣпаго, едвали не тоже, что̀ и безумствовать вмѣстѣ съ распространяющими эти нелѣпости. Тѣмъ неменѣе къ сказанному я почти по необходимости присовокуплю то, почему они считаютъ себя въ правѣ возмущать, какъ говорится, народъ Господень (Числ. 22), и втайнѣ пускать стрѣлы въ правыхъ сердцемъ т. е. тѣхъ, которые ведутъ жизнь въ простотѣ духа и преданіе вѣры, какъ-бы нѣкое сокровище, складываютъ и берегутъ въ умѣ своемъ и сохраняютъ его святость и неповрежденность. Итакъ эти хитрые обманщики и соблазнющіе неопытныхъ къ уклоненію отъ изслѣдованія истины своими хитросплетенными вымыслами, а также ревнители нечестія другихъ еретиковъ, неразумно предлагаютъ другимъ то, къ чему сами имѣютъ навыкъ, мало обращая вниманія на то, что̀ сказано: *горе напаяющему подруга своего развращеніемъ мутнымъ* (Аввак: 2, 15). И дѣйствительно защитники

аріанскаго нечестія говорятъ, что единородное Слово Божіе имѣетъ иное естество, и ставятъ Его на второмъ мѣстѣ послѣ раждающаго и доказываютъ, что Оно сотворено и создано, и Того, чрезъ котораго все и въ которомъ все (Колос. 1, 15), низводятъ въ рядъ тварей. Потомъ, пытливо изслѣдуя таинство воплощенія Единороднаго, жестоко обманываются и извращаютъ силу истины, и сверхъ того, опровергая мнѣніе Аполлинарія, признаютъ, что Слово Божіе восприяло плоть, но только не одаренную мыслящей душой; ибо само Слово замѣнило въ воспріятомъ тѣлѣ умъ и душу; и это допустили они, какъ сказалъ я, въ слѣдствіе жестокаго обмана; ибо опасаясь, чтобы наименованій Господа нашего, приличныхъ человѣческой природѣ, мы не приняли за сказанныя относительно воплощенія и во всей мѣрѣ приличной человѣчеству, послѣ того какъ сталъ Онъ человѣкомъ, они воровски отнимаютъ у плоти душу разумную и въ плоти обитающую; въ слѣдствіе такого обмана, отдаляютъ Его и ставятъ ниже Отца по естеству; и основанія для этой хулы противъ Него нечестиво собираютъ изъ священнаго Писанія. Но вотъ и теперь горькіе ревнители ихъ неразумія нападаютъ на насъ, почему мы не допускаемъ нечестивыхъ новословій Несторія, и правую и неповрежденную

вѣру осаждаютъ, сооружая окопы, и собираютъ въ кучи мусоръ пустыхъ мыслей. Ибо, говорятъ, блаженный Павелъ о Христѣ всѣхъ Спасителѣ сказалъ: *Себе умалилъ, зракъ раба пріимъ, въ подобіи человѣчестѣмъ бывъ, и образомъ обрѣтеся якоже человѣкъ, смирилъ Себе послушливъ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя. Тѣмже и Богъ Его превознесе, и дарова Ему имя, еже паче всякаго имене* (Фил. 2, 7. 8); и въ другомъ мѣстѣ: *зане Богъ бѣ во Христѣ міръ примиряя себѣ* (2 Кор. 5, 19); и опять: *яко въ томъ живетъ всяко исполненіе божества тѣлеснѣ* (Кол. 2, 9). И свою мысль навязываютъ словамъ апостола Петра: *Іисуса, иже отъ Назарета, яко помаза его Богъ Духомъ Святымъ и силою, иже пройде благодѣтельствуя и исцѣляя вся насилованныя отъ діавола, яко Богъ бяше съ Нимъ* (Дѣян. 10, 38); и опять: *лѣта убо невѣдѣнія презирая Богъ, нынѣ повелѣваетъ человѣкомъ всѣмъ всюду покаятися: зане уставилъ есть день, въ оньже хощетъ судити вселеннѣй въ правду, о мужѣ, егоже предъустави, вѣру подая всѣмъ, воскресивъ его отъ мертвыхъ* (Дѣян. 17, 30, 31). Приводя это и многое въ другихъ мѣстахъ сказанное по человѣчеству, искусно составивъ рѣчь изъ неправыхъ мыслей, тотчасъ спра-

шиваютъ: кому это Богъ и Отецъ даровалъ имя, которое *паче всякаго имене*? Не собственному ли Слову? Но не будетъ ли это безсмыслицей? продолжаютъ: Оно было вѣдь всегда Богомъ, рожденное отъ Него по естеству. Справедливо, значитъ, что это самое и есть то имя, которое выше всякаго имени. Ибо что можно представить выше Бога по естеству? Опять: кого это помазалъ Духомъ Святымъ? или съ кѣмъ это былъ Богъ? И, представляя много другаго тому подобнаго, приводятъ въ замѣшательство умы простыхъ людей и много смущаютъ. Собственными доказательствами обличаютъ себя въ томъ, что они все раздѣляютъ (есть животныя безъ духа), и одного Христа и Сына и Господа дѣлятъ на двухъ сыновъ. Притворяются исповѣдниками одного Христа и Сына, одной Его личности; но опять совершенно извращаютъ ученіе таинства, различая двѣ ипостаси, одна отъ другой отдѣльныя. Ибо говорятъ, что Слово отъ жены, или этотъ *зракъ раба*, отдѣльно и само по себѣ получило то имя, которое выше всякаго имени, и приняло помазаніе Св. Духа, и имѣло всегда въ себѣ Бога т. е. Слово Бога Отца,— и сообщаютъ понятія, отзывающіяся величайшимъ безуміемъ; потому что, будучи, по словамъ Спасителя, злыми, они не могутъ говорить добраго. Тотъ, который родился отъ

Бога Отца невидимо и неизреченно, безъ сомнѣнія былъ и всегда есть Богъ и Господь; родившись же по плоти отъ жены, хотя образомъ чудеснымъ и превышающимъ условія нашего рожденія, т. е. наитіемъ Св. Духа и осѣненіемъ божественной силы (Лук. 1, 35), но все-таки претерпѣвши происхожденіе подобное нашему (такъ истощилъ и смирилъ Онъ Себя и послушенъ былъ даже до смерти и креста), этимъ самымъ и какъ-бы по заслугамъ Онъ стяжалъ Себѣ имя, которое выше всякаго имени, и всякое колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ преклоняется предъ Нимъ, и всякій языкъ исповѣдаетъ, что Господь Іисусъ Христосъ въ славу Бога Отца (Фил. 2, 9. 10). И не незнала разумная тварь, что Тотъ, кто сталъ человѣкомъ, есть Богъ. Ибо хотя Онъ былъ въ томъ, что̀ и мы, и подобно намъ *пріобщился плоти и крови*, однако не переставалъ быть Богомъ и не лишился того, чѣмъ былъ, потому что остался покланяемымъ въ славу Бога Отца. Ибо слава Ему имѣть собственнаго Сына вмѣстѣ съ Собой царствующимъ и покланяемымъ, хотя Онъ для спасенія міра и сталъ чрезъ воплощеніе человѣкомъ.

Когда, такимъ образомъ, какъ святые ангелы, такъ и мы обитатели земли увѣровали, что Онъ и во плоти есть Богъ по естеству и

по истинѣ, тогда разумѣется Онъ получилъ то имя, которое выше всякаго имени, наслѣдовавъ его не въ смыслѣ какой нибудь прибавки (ибо какъ можетъ Онъ получать, подобно не имѣющему, то̀, что̀ было и есть и всегда будетъ?), а въ томъ смыслѣ, что Богъ и Отецъ просвѣтилъ умы всѣхъ и не оставилъ въ невѣдѣніи того, что воплощенное Слово есть Богъ по естеству. *Никтоже*, говорится, *можетъ пріити ко Мнѣ, аще не Отецъ пославый Мя привлечетъ его* (Іоан. 6, 44). Подобнымъ образомъ и самое помазаніе Его было по естеству человѣческому. Ибо Единородный, произшедшій отъ Отца, будучи святъ по естеству столько же, какъ и Отецъ, называется помазаннымъ по-нашему, т. е освященнымъ отъ Отца, поколику *явился* человѣкомъ. Почему мудрѣйшій Павелъ о Немъ и о насъ такъ пишетъ: *и святяй и освящаеміи отъ единаго вси* (Евр. 2, 11); поэтому и не стыдится называть ихъ братьями, говоря: *возвѣщу имя твое братіи моей* (Псал. 21, 23). Итакъ, съ одной стороны, Единородный, по естеству своему будучи святъ, освящаетъ и самую тварь; но съ другой, сдѣлавшись нашимъ братомъ, уже называется и помазаннымъ съ нами по человѣческому естеству, поколику не презрѣлъ въ воплощеніи условій человѣческаго естества. Ибо такъ говоритъ Онъ бла-

женному Іоанну Крестителю: *тако бо подобаетъ намъ исполнити всяку правду* (Мате. 3, 15). Если же говорится, что Богъ пребываетъ съ Нимъ, то почему эти остроумные софисты не поймутъ, что Отецъ всегда по естеству пребываетъ съ Сыномъ, когда самъ въ Немъ есть и Его имѣетъ въ Себѣ. Или забыли, что Христосъ сказалъ: *толико время съ вами есмь, и не позналъ еси Мене, Филиппе; видѣвый Мене видѣ Отца* (Іоан. 14, 9). *Азъ и Отецъ едино есьма* (10, 30); *не вѣруеши ли, яко Азъ во Отцѣ и Отецъ во Мнѣ есть* (14, 10). И въ другомъ мѣстѣ, обращаясь къ ученикамъ, говоритъ: *се грядетъ часъ и нынѣ пріиде, да разыдется кійждо во своя, и Мене единаго оставите; и нѣсмь единъ, яко Отецъ со Мною есть* (16, 32). Очевидно несправедливо то̀, что̀ допускаютъ несмысленные подбиратели чужихъ нечистотъ, будто Слово, которое было Богомъ, стало инымъ сыномъ въ отношеніи къ другому сыну т. е. воспріятому человѣку, (это не болѣе, какъ сѣченіе, или дѣленіе, вводящее двойство сыновъ), а то истинно, что Богъ и Отецъ былъ съ Сыномъ, т. е. съ воплотившимся и вочеловѣчившимся Богомъ Словомъ. Ибо Отецъ никакъ не можетъ быть отдѣленъ отъ Сына.

Правда, Богъ будетъ судить вселенную въ лицѣ человѣка, Имъ воздвигнутаго (Дѣян. 17, 31); однако никто изъ благоразумныхъ не представляетъ, будто св. Писаніе утверждаетъ, что Единородный будетъ судить вселенную въ лицѣ человѣка, отдѣльно понимаемаго отъ Сына, рожденнаго отъ жены; а напротивъ того мы скорѣе соглашаемся, что благочестивѣе думать такъ, какъ даетъ разумѣть Христосъ словами: *Отецъ не судитъ никомуже, но судъ весь даде Сынови, да вси чтутъ Сына, якоже чтутъ Отца* (Іоан. 5, 22. 23). И хотя Богъ Слово и сталъ человѣкомъ и платилъ долгъ человѣчества т. е. вмѣстѣ съ нами молился Богу: тѣмъ неменѣе Онъ будетъ Судіей, какъ Богъ и Господь и какъ одинъ Сынъ, имѣя въ Себѣ въ это время и Бога Отца (14, 10). Ибо, какъ я сказалъ уже, Отецъ въ Немъ пребываетъ и самъ Онъ въ Отцѣ. И какъ одинъ Богъ и Отецъ, изъ котораго все, такъ и одинъ Господь Іисусъ Христосъ, чрезъ котораго все (1 Кор. 8, 6). Да и тому, что̀ дѣйствительно содержится въ словахъ бл. Павла, они даютъ недостойный смыслъ. Онъ сказалъ и конечно справедливо: *Богъ бѣ во Христѣ міръ примиряя* (2 Кор. 5, 19). А они, одному Христу и Сыну нанося грубое разсѣченіе, совершенно дѣлятъ Слово Божіе и утверждаютъ, что Оно пребываетъ въ другомъ какомъ-

то отдѣльно мыслимомъ Христѣ, такъ что справедливѣе выйдетъ то, что Оно обитало въ человѣкѣ, чѣмъ то, что Оно воспріяло плоть. Но самый контекстъ рѣчи не позволяетъ такъ разумѣть вамъ, люди мыслящіе. Вы перемѣшали чтеніе, и силу мысли направляете къ неприличному, тогда какъ, по Писанію, намъ должно весь умъ свой плѣнять въ послушаніе Христу (2 Кор. 10, 5). Ибо былъ Богъ въ Немъ міръ Себѣ примиряя во Христѣ (5, 19). Примирившись со Христомъ, примиряемся и съ Богомъ и Отцемъ, потому что Богъ Слово, рожденное отъ Отца, поколику одного съ Нимъ существа, не различается отъ Него, и хотя стало человѣкомъ, не потерпѣло однако ничего такого, чѣмъ бы стало Оно уже менѣе Сыномъ по естеству; и во плоти Оно осталось тѣмъ же. А что мы имѣемъ примиреніе во Христѣ, такъ какъ Онъ есть миръ нашъ (Ефес. 2, 14), кто посмѣетъ отвергать это? Ибо Онъ есть дверь (Іоан. 10, 9) и путь (14, 6), и въ Немъ тѣлесно обитала вся полнота божества (Кол. 2, 9).

Но этотъ охотникъ до порицаній и искусникъ въ созерцаніяхъ, вслушиваясь внимательно, опять говоритъ: если иной тотъ, кто обитаетъ, то какъ же не раздѣлять намъ ипостасей и не полагать существованія той и другой отдѣльно — самой по себѣ? Гдѣ жъ

будетъ наконецъ, скажи мнѣ, одна личность? Ибо они воображаютъ, что полагаютъ одну только личность. Но положить двѣ ипостаси, каждую саму по себѣ и отдѣльно, совершенно тоже, что и допустить двѣ личности. Но они представляютъ изъ себя законодателей, утверждая рѣшительно все то, что только покажется имъ справедливымъ. Ибо, раздѣляя ипостаси, говорятъ, соединяемъ личности. Но вѣроятно ли это, и разумно ли, и возможно ли? Каждый легко пойметъ, какъ сказалъ я, подлежащее разуму и созерцанію, что плоть инаго естества съ Словомъ, которое соединилось съ ней. Но такъ какъ св Писаніе говоритъ намъ объ одномъ Сынѣ, одномъ Господѣ и одномъ Христѣ, и поелику такъ, а не иначе гласитъ и преданіе вѣры: то и мы, соединяя нераздѣльнымъ единеніемъ Слово Бога Отца съ Его плотію, одаренною разумной душей, исповѣдуемъ, что одинъ Христосъ и Сынъ. И какъ одинъ Сынъ, такъ и личность только одна, утверждаемъ мы, слѣдуя во всемъ божественной и святой проповѣди вѣры и первымъ очевидцамъ Слова и Его служителямъ. А тѣхъ, которые считаютъ за лучшее слѣдовать противному и, сочиняя неразумные силлогизмы, уклоняются туда, куда не должно, мы отрицаемся и не хотимъ имѣть съ ними общенія, говоря: *ходите свѣтомъ огня ва-*

шего, и пламенемъ, егоже разжегосте (Иса. 50, 11). И действительно, есть много, какъ я слышу, безразсудныхъ, которые распространяютъ слухи, будто превратное ученіе Несторія содержатъ всѣ благочестивые епископы восточные, думая, что оно истинно и что ему одному и должно слѣдовать. Я думаю, должно объявить и объ этомъ; потому что благочестивые епископы всего Востока, вмѣстѣ съ господиномъ моимъ Іоанномъ, благочестивѣйшимъ епископомъ антіохійской церкви, написали ясное исповѣданіе и тѣмъ засвидѣтельствовали всѣмъ, что они, такъ же какъ и мы, осудили и предали анаѳемѣ нечестивое новословіе Несторія, и никогда ему не слѣдовали, а слѣдовали евангельскимъ и апостольскимъ догматамъ, и никогда не противорѣчили исповѣданію св. отцевъ. Ибо исповѣдывали такъ, какъ и мы, что св. Дѣва есть Богородица, и не допускали, что она есть Христородица, или человѣкородица, какъ говорятъ защитники нечестивыхъ и гнусныхъ мнѣній Несторія. Также ясно утверждали, что одинъ Сынъ, одинъ Господь, одинъ Христосъ, т. е. Богъ Слово, рожденный прежде вѣковъ и несказаннымъ образомъ отъ Бога Отца, и тотъ же самый въ послѣдствіи времени рожденный отъ жены по плоти, такъ что тотъ же Богъ есть и человѣкъ и тотъ же совершенный

въ божествѣ совершенный и въ человѣчествѣ. Вѣрятъ наконецъ, что одна у Него личность, и никоимъ образомъ не дѣлятъ Его на двухъ сыновъ, или двухъ Христовъ, или двухъ Господовъ. Итакъ, если найдутся такіе, которые ложно станутъ утверждать, что тѣ думаютъ противное тому, рѣшительно не вѣрь словамъ ихъ, а какъ обманщиковъ и лгуновъ пошли ихъ къ отцу ихъ діаволу, чтобы не смущали тѣхъ, которые хотятъ идти правымъ путемъ. И если бы вздумали сами сочинять письма и выдавать ихъ за изданныя мужами извѣстными, то должно всѣми способами останавливать подобную дерзость. Ибо если они разъ изложили на письмѣ исповѣданіе своей вѣры, то какъ возможно, чтобы стали писать уже противное, изъявляя какъ-бы сожалѣніе о томъ, что больше ужъ не хотятъ право мыслить?—Привѣтствуй братій, которые съ тобою; тѣ, которые со мною, привѣтствуютъ тебя. Желаю тебѣ здраствовать о Господѣ.

Посланіе папы Сикста къ Кириллу александрійскому, по заключеніи мира между Кирилломъ и Іоанномъ.

Епископъ Сикстъ Кириллу александрійскому.

Весьма радуемся мы съ того времени, когда *посѣтилъ* насъ, какъ читаемъ, *востокъ*

свыше (Лук. 1, 78). Ибо, когда мы, не желая никому погибели, находились въ безпокойствѣ, святость твоя извѣстила своими письмами, что тѣло Церкви пришло въ прежнее состояніе и члены его въ своихъ составахъ получили прежнія мѣста; никто уже болѣе не блуждаетъ внѣ Церкви, и, судя по единству вѣры, всѣ покоются внутри ея. Радуемся, что удаленъ изъ среды насъ человѣкъ, сдѣлавшій такое дѣло; возстававшій противъ Того, кто, какъ мы исповѣдуемъ, принесъ пользу всѣмъ, теперь понялъ, что онъ повредилъ себѣ одному, не вѣря тому, что чувствовалъ. Но перейдемъ лучше отъ печальнаго къ радостному; потому что и самъ тотъ, изъ за кого поднятъ былъ споръ, уничтоживъ печаль Церкви вселенской, доставилъ намъ время радости. Наконецъ Христосъ Богъ нашъ показалъ, насколько истинна его вина, когда благоволилъ распорядиться такъ, что рѣшеніе подобнаго рода дѣлъ предоставилъ собору своихъ священниковъ. Апостолы, собираясь во едино, часто разсуждали о вѣрѣ: нынѣ мужи апостольскіе, собравшись во едино, привѣтствуютъ другъ друга съ побѣдой. О распоряженіе достойное посылающаго, достойное собора! Судъ, достойный небесной радости, долженъ былъ имѣть такихъ защитниковъ, которые бы не молчали, насколько этого требуетъ дѣло и

сколько позволяетъ мѣсто. Къ блаженному апостолу Петру собирается вселенское братство. Вотъ сообразное съ дѣломъ судилище, достойное того, чтобъ внимать судьямъ. И соепископы наши имѣли свидѣтелемъ своихъ взаимныхъ привѣтствій того, котораго мы имѣемъ началомъ чести. Ибо на святомъ и достоуважаемомъ соборѣ, собравшемся, по благодати Господней, въ день моего рожденія, какъ должно вѣрить, онъ самъ председательствовалъ; потому что, очевидно, онъ присутствовалъ здѣсь и духомъ и тѣломъ. Онъ былъ при побѣдѣ и не отсутствовалъ при спорѣ; онъ помогъ желаніямъ сердецъ нашихъ, такъ какъ видѣлъ, что отмѣняется символъ, вначалѣ преданный апостолами; онъ не могъ снести радости отвратительнаго чудовища и не попустилъ возмущать этотъ чистый и ясный источникъ нечистой бездной. Къ намъ обратились братья, къ намъ, говорю, которые, общимъ стараніемъ преслѣдуя болѣзнь, доставили здравіе душамъ. И не поддался вашему ссыльному святый братъ нашъ Іоаннъ, не прельстился богохульною его проповѣдію; ибо, какъ показываетъ исходъ дѣла, отстоялъ свои понятія, не отвергъ ихъ. И на что другое можно было рѣшиться, что придумать въ пользу изобрѣтателя зла, когда самые священники его заставляли его самого чувствовать вину?

т. е. составилъ о переметчикѣ нашего стана то заключеніе, по которому вожди вѣры должны бы осудить его въ вѣроломствѣ. Никогда онъ не выдѣлялся бы изъ нашего числа, въ которое могъ и возвратиться. Ликуй, братъ возлюбленный, ликуй побѣдитель, собравшій къ намъ братьевъ! Церковь разыскивала ихъ и возвратила. Ибо, если мы не желаемъ погибели никому и изъ меньшихъ братій, то какова должна быть радость наша о выздоровленіи начальниковъ? Сколько радости, какъ говорится въ Писаніи (Лук. 15, 3—7), доставляетъ обрѣтеніе одной овцы, и поэтому должно судить, какой похвалы заслуживаетъ то, чтобъ возвратить такихъ пастырей. Въ стадахъ имѣютъ значеніе и недѣлимыя; а здѣсь дѣло идетъ не объ одномъ, а о здравіи многихъ. Радуемся, что здѣсь не нуждались мы въ чемъ нибудь незрѣломъ, и привѣтствуемъ плодъ нашихъ понятій. Мы помогли имъ, братья, съ увѣренностью, что они принесутъ не терніе, а виноградъ. Наступаетъ жатва нашимъ радостямъ, которыя щедро наполнили сердца собора привѣтствіемъ. О виноградникѣ своемъ заботился тотъ стражъ, который, но словамъ пророка Давида, не спитъ и не дремлетъ на стражѣ дома израилева (Пс. 120, 4); и розга безплодная и не приносящая плода Христу нашему предана пламени (Іоан. 15, 2.

6). И какъ, съ одной стороны, это становится участью осужденнаго, такъ, съ другой стороны, объ обратившихся къ намъ братьяхъ нужно сказать то, что садъ, насажденный Отцемъ, не могъ быть искоренѣнъ діаволомъ (Мат. 15, 13). На долю того достается огонь вѣчный, а на долю этихъ виноградникъ вѣчнаго владѣтеля; радуемся тѣмъ болѣе, что святость твоя называетъ теперь священника антіохійской церкви мужемъ достоуважаемымъ и господиномъ. И по заслугамъ называется онъ господиномъ, потому что защитилъ Господа всѣхъ, и вмѣстѣ съ нами исповѣдуетъ словомъ каѳолическимъ таинство Его воплощенія. Хорошо намъ вкороткѣ передало братство твое все то̀, что̀ произошло еще сверхъ этого дѣла; но не удивляемся, что ты обиженъ разномыслящими. Знаемъ, что истина часто терпитъ порицанія, однако никогда не можетъ войти въ подчиненіе лжи; для проповѣдника вѣры неприятности всегда неизбѣжны; за это ожидаетъ его обильная блаженствомъ награда на небесахъ; почему и заповѣдано имъ за правду подвергаться злословію, преслѣдованію и всякому злу. Ты перенесъ ложь, и истину сдѣлалъ побѣдительницею; даже и теперь смѣло должно идти на встрѣчу лжи; потому что всѣ живутъ истиной. Итакъ мы ожидаемъ клириковъ помянутаго брата нашего Іоанна и же-

ласмъ, чтобъ они пришли; думаемъ дать ему отвѣтъ и относительно твоей чести и относительно твоего труда. Онъ самъ даже, какъ часто уже писали мы брату и соепископу нашему Максиміану, не безъ охоты открываетъ двери возвращающимся, такъ что никто не погибнетъ, развѣ только *сынъ погибельный* (Іоан. 17, 12); и тѣмъ большимъ для него побужденіемъ плакать будетъ то, что онъ одинъ только заслужилъ отверженіе. Это пишетъ къ тебѣ, достоуважаемому, святое со мною братство, одобряя и утверждая твои труды во всемъ, которые впрочемъ не могли быть тяжелы и горестны, потому что понесены для Того, котораго *бремя легко* и *иго благо* (Матѳ. 11, 30).—Дано въ 15 календы октября, въ консульство Ѳеодосія и Максима.

Сикстъ епископъ—Іоанну, епископу антіохійскому.

Если любовь твоя изволитъ разсудить о славѣ тѣла церковнаго и его неповрежденности, то вполнѣ пойметъ радость нашу. Ибо и самое дѣло ясно говоритъ, что печаль наша неожиданною рѣчью святаго брата нашего Кирилла превращена въ радость. Поэтому намъ пріятно, что мы избѣжали такого безпокойства, послѣ того какъ

выздоровленіе твое для нашей вѣры причинило раскаяніе виновному. Теперь онъ поистинѣ считаетъ себя изгнанникомъ, отверженнымъ. Для него изобилуетъ терніе въ пустынѣ, гдѣ нѣтъ собиранія винограда. Вотъ какіе получилъ плоды тотъ, кто не хотѣлъ вмѣстѣ съ нами воздѣлывать виноградникъ Господа. Я думаю, до твоей любви дошли свѣдѣнія о порядкѣ и ходѣ дѣлъ, какъ хотѣли мы помочь ему своимъ увѣщаніемъ. Мы удержали въ паденіи того, котораго должна была увлечь въ пропасть тяжесть богохульства. Если по справедливости взвѣсить качество дѣла, то никому не покажется, что Несторій осужденъ преждевременно, такъ что ему не могло принести никакой пользы надлежащее предварительное увѣщаніе. Теперь будемъ пользоваться настоящими благами и не останемся долѣе въ печаляхъ, въ которыхъ Господь попустилъ утѣшиться. Вселенское братство, собравшееся къ дню моего рожденія, услышало, какъ для блага рода человѣческаго подъ предсѣдательствомъ моимъ на апостольскомъ сѣдалищѣ.... (1) пусть уничтожаютъ мою заслугу, и это меня не безпокоитъ; однако я съ пріятностію приступаю къ своей рѣчи, потому что ты не

(1) Здѣсь пропускъ въ подлинникѣ.

должёнъ сносить споровъ, такъ какъ исповѣдуетъ Христа Господа нашего *для* блага рода человѣческаго такъ, какъ Онъ родился; такимъ образомъ ты доставляешь Церкви свѣтоносца и вездѣ сіяющаго; впрочемъ теперь мы и васъ самихъ, и всѣхъ насъ, имѣющихъ на челѣ знакъ этого свѣта, признаемъ свѣтоносцами. Итакъ всѣ священники Господа, проповѣдующіе вѣру, свѣтоносцы и сіяющіе вездѣ; и Несторій есть тотъ свѣтоносецъ-денница, о которомъ написано: *спаде денница, восходящая заутра* (Иса. 14, 12); палъ, но палъ гордецъ и былъ низринутъ, когда думалъ взойти на небо и на звѣздахъ поставить престолъ свой и обѣщалъ уподобиться Вышнему. Тотъ хотѣлъ приспособить себя къ подобію Вышняго, а этотъ призывалъ Вышняго въ свое подобіе, потому что проповѣдывалъ только человѣка рожденнаго, уничтожая таинство воплощенія, дѣлая его пустымъ и совершенно отвергая то, на чемъ, по символу, держится наша вѣра и спасеніе. Но падшаго врага не поражаютъ; оставимъ то, что произвело войну,—излишне во время побѣды разсуждать еще объ опасностяхъ. Что выше и славнѣе побѣды? Будемъ, по милости Господа, наслаждаться тѣмъ, *что добро и что красно*, потому что опять начинаемъ *жити вкупѣ*, какъ братья (Псал. 132, 1). Вотъ что хотимъ мы отвѣтить на письмо твоей свя-

тости. Ты испыталъ въ настоящемъ дѣлѣ, что значитъ мыслить вмѣстѣ съ нами. Блаженный апостолъ Петръ предалъ преемникамъ своимъ то̀, что̀ пріялъ. Кто вздумаетъ отдѣляться отъ ученія того, кого перваго межъ апостолами научилъ самъ Учитель? Онъ слушалъ Его непосредственно, образовалъ себя не чтеніемъ рѣчей; учился вмѣстѣ съ другими отъ устъ Учителя; не занимался изысканіями ни писанія ни писателей; принялъ совершенную и простую вѣру, не имѣющую противорѣчій; ей конечно всегда должны мы поучаться и въ ней пребывать, дабы, чистымъ разумѣніемъ слѣдуя апостоламъ, могли быть въ числѣ мужей апостольскихъ. Немало стоитъ намъ труда и неслишкомъ легко обходится то, чтобы на Церкви Господней не было ни пятна ни морщины. Сколько объ этомъ мы безпокоимся, видно изъ заботы милостивѣйшихъ и христолюбивѣйшихъ императоровъ. Посмотри, любезный братъ, какъ бодро занимаются они дѣломъ небеснымъ. Помышленія ихъ не знаютъ покоя; и не заботятся они о земномъ, если оно не способствуетъ небесному. Сколько разъ рѣчь ихъ подвигала сѣдалище апостольское, сколько разъ подвигала различныхъ братьевъ? Они занялись дѣломъ Того, который никогда не отвергалъ ихъ власти. Они умѣютъ одолжать своимъ безпокойствомъ

Того, который щедро воздаетъ имъ за него. Поэтому намъ прилично радоваться, видя союзъ царей земныхъ съ Царемъ небеснымъ. *Разумѣйте*, говоритъ Давидъ, *и накажитеся вси судящіи земли* (Пса. 2, 10), и въ другомъ мѣстѣ: *царіе земстіи и вси людіе да восхвалятъ имя Господне* (Пса. 148, 11. 13). Поэтому, если *едина*, какъ говоритъ апостолъ (Еф. 4, 5), есть *вѣра* и она покорила побѣдителей: то будемъ вѣрить тому, что̀ должно говорить, и говорить то, что̀ должно сохранять. Нѣтъ нужды въ новомъ, потому что ничего нельзя прибавить къ старому. Ясная и свѣтлая вѣра предковъ да не помрачится никакой примѣсью нечистоты. Она имѣетъ одобреннаго намъ мужа, брата и соепископа нашего Максиміана, священника константинопольской церкви, посвященнаго тамъ по суду божественному; и мѣсто недуга, произшедшаго отъ яда, который лукавство дало спящимъ, заступитъ сладость простоты, потому что онъ, какъ думаемъ, станетъ тамъ проповѣдывать не другое что, какъ то, что̀ часто слышалъ на одномъ съ нами поприщѣ отъ моихъ предшественниковъ.—Дано въ 18 календы октября, въ консульство Ѳеодосія и Максима.

Кирилла, архіепископа александрійскаго, на святой символъ.

Избраннымъ и возлюбленнѣйшимъ—Аѳанасію, Александру, Мартиніану, Іоанну, Паригорію пресвитеру, и Максиму діакону, и прочимъ православнымъ отцамъ изъ монаховъ, и вмѣстѣ съ вами ведущимъ монашескую жизнь, и утвержденнымъ въ вѣрѣ Божіей, Кириллъ желаетъ всякаго блага о Господѣ.

Заботливость и прилежаніе любви вашей я и теперь не могу хвалить посредственно только, а считаю достойными всякой похвалы; потому что любить божественныя писанія и стараться слѣдовать святымъ догматамъ,—это достойно удивленія. Это доставляетъ жизнь безконечную и блаженную, и понесенный для этого трудъ не останется безъ воздаянія. Ибо говоритъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ къ небесному Отцу и Богу: *се есть животъ вѣчный, да знаютъ Тебе единаго истиннаго Бога, и егоже послалъ еси Іисуса Христа* (Іоан. 17, 3). Правая по-истинѣ и безукоризненная вѣра, которой сопутствуетъ свѣтъ добрыхъ дѣлъ, исполняетъ насъ всякаго блага и имѣющимъ ее доставляетъ блистательную славу. Но свѣтъ дѣлъ, если онъ чуждъ правыхъ догматовъ и неповрежденной вѣры, душѣ человѣческой, какъ думаю, не до-

ставить никакой пользы. Ибо какъ *вѣра безъ дѣлъ мертва есть* (Іак. 2, 20), такъ и противное истинно. Итакъ вмѣстѣ да сіяетъ съ честною жизнію слава и неповрежденность вѣры. Ибо такъ будемъ совершенны по закону премудраго Моисея: *совершенъ*, говоритъ, *да будеши предъ Господомъ Богомъ твоимъ* (Втор. 18, 13). А тѣ, которые по безразсудству не считаютъ нужнымъ имѣть правую вѣру, хотя и украшаются добрыми дѣлами, подобны нѣкоторымъ образомъ людямъ съ благороднымъ лицемъ и кривыми, блуждающими глазами, и потому къ нимъ относится то̀, что̀ сказано Господомъ чрезъ пророка объ Іерусалимѣ, матери городовъ іудейскихъ; *се не суть очи твои, ниже сердце твое благо* (Іер. 22, 17). Нужно поэтому прежде всего владѣть вамъ здравымъ умомъ и помнить слова св. Писанія: *очи твои право да зрятъ* (Прит. 4, 25). А прямое видѣніе глазъ внутри сокровенныхъ состоитъ въ томъ, чтобы имѣть возможность различать остро и точно, какъ слѣдуетъ, сужденія произносимыя о Богѣ Ибо мы видимъ въ зерцалѣ, гадательно и знаемъ отчасти (1 Кор. 13, 12); но кто изъ тьмы открываетъ бездну (Іов. 12, 22), Тотъ прольетъ свѣтъ истины тѣмъ, которые хотятъ составить о Немъ правильное познаніе. Должно поэтому взывать къ Господу, какъ-бы вопіяжа

предъ Нимъ: *просвѣти очи мои, да не когда усну въ смерть* (Пс. 12, 4); потому что отступить отъ правоты святыхъ догматовъ есть не иное что, какъ явно уснуть въ смерть; отъ такой правоты отступаемъ, когда не слѣдуемъ писаніямъ богодухновеннымъ, а увлекаемся или предразсудками, или усердіемъ и привязанностью къ тѣмъ, которые содержатъ вѣру неправо, когда начинаемъ преклонять силу нашего ума и вредить прежде всего своимъ душамъ. Должно поэтому согласоваться съ тѣми, которые тщательно изслѣдовали правую вѣру по разуму священныхъ проповѣдей, которые и передали намъ Духомъ Святымъ, которые вначалѣ сами видѣли и были наставниками слова, стопамъ которыхъ слѣдовать учились даже святѣйшіе отцы наши, кои, собравшись нѣкогда въ Никеѣ, составили достоуважаемый вселенскій символъ, съ коими возсѣдалъ и самъ Христосъ, сказавшій: *идѣже еста два или тріе собрани во имя мое, ту есмь посредѣ ихъ* (Матѳ. 18, 20). Ибо какъ можно сомнѣваться въ томъ, что Христосъ предсѣдательствовалъ на святомъ и вселенскомъ этомъ соборѣ? потому что здѣсь нѣкоторый базисъ и основаніе твердое, несокрушимое полагалось и даже распространялось на всю вселенную, то есть это святое и безукоризненное исповѣданіе.

Если это такъ, то развѣ могъ отсутствовать Христосъ, когда Онъ есть основаніе, по словамъ премудраго Павла: *основанія иного никтоже можетъ положити паче лежащаго, еже есть Христосъ Іисусъ* (1 Кор. 3, 11). Почему изложенную и опредѣленную ими вѣру свято сохраняли и тѣ, которые слѣдовали послѣ нихъ, святые отцы и пастыри народа и свѣтила Церкви и искуснѣйшіе строители таинствъ. А что ничего не оставлено и не опущено изъ того, что необходимо для пользы,—это можетъ видѣть каждый въ исповѣданіяхъ отцевъ, т. е. въ изложеніяхъ правой и неповрежденной вѣры, которыя они составили для обличенія и опроверженія всѣхъ ересей и нечестивыхъ богохульствъ, и для укрѣпленія и утвержденія тѣхъ, которые право содержатъ вѣру и которымъ свѣтоносно взошла денница и возсіялъ день (2 Петр. 1, 19), какъ говоритъ Писаніе, и ради святаго крещенія сообщается свѣтъ истины.

А такъ какъ ваше благочестіе написало, что нѣкоторые содержащееся въ символѣ клонятъ туда, куда не должно, или потому, что не понимаютъ правильно силы словъ символа, или потому, что, увлекшись писаніями нѣкоторыхъ, пришли къ фальшивому смыслу, и такимъ образомъ нужно, чтобы и я также предложилъ вамъ слово объ этихъ самыхъ

предметахъ и съ очевидностію истолковалъ силу изложенія (вѣры): то я почелъ нужнымъ вкороткѣ высказать то̀, что̀ теперь пришло мнѣ на умъ. Затѣмъ, переходя къ правильному и безпристрастному изслѣдованію сказаннаго святыми отцами, мы постоянно будемъ держаться порядка ихъ исповѣданій и мнѣній. Ибо самъ святый соборъ, разумѣю соборъ, по волѣ Божіей собравшійся въ Ефесѣ, произнести правильный и точный судъ надъ лжеученіемъ Несторія, вмѣстѣ съ нимъ осудилъ, подъ условіемъ одинаковаго наказанія, и нововведенія другихъ, которые, послѣ или прежде него, одинаково съ нимъ мысля, дерзнули учить, или писать. Да такъ и слѣдовало: когда одинъ кто нибудь разъ осужденъ за нечестивыя нововведенія, то осужденіе должно относиться не къ одному, но ко всякой, такъ сказать, ереси, или хулѣ, которую составили нововводители противъ благочестивыхъ догматовъ Церкви, воздавая честь двумъ сынамъ, раздѣляя нераздѣлимое и давая поводъ обвинять небо и землю въ человѣкослуженіи; потому что вмѣстѣ съ нами и святый сонмъ небесныхъ духовъ покланяется единому Господу Іисусу Христу. А чтобы всѣ знали силу символа, содержимаго и проповѣдуемаго во всѣхъ святыхъ Божіихъ церквахъ, я вносъ въ свои толкованія самыя мнѣнія святыхъ

отцевъ, или изложеніе ихъ мнѣній. Такимъ образомъ слушающіе, или читающіе, эти мнѣнія увидятъ, какъ должно ихъ понимать въ изложеніи, сдѣланномъ святыми отцами, или уразумѣютъ чистый символъ правой вѣры. Думаю, что вашей любви попадалась книга, нами объ этомъ написанная. Теперь же, какъ сказано мной, я сперва изложу буквально символъ; а потомъ обращусь къ ясному истолкованію каждаго его слова; потому что знаю написанное всеславнымъ Петромъ: *готови присно ко отвѣту всякому вопрошающему вы словесе о вашемъ упованіи* (1 Петр. 3, 15).

Символъ никейскихъ отцевъ.

Вѣруемъ во единаго Бога, Отца вседержителя, Творца всего видимаго и невидимаго;—и во единаго Господа Іисуса Христа, Сына Божія, единороднаго, рожденнаго отъ Отца, т. е. изъ сущности Отца, Бога отъ Бога, свѣтъ отъ свѣта, Бога истиннаго отъ Бога истиннаго, рожденнаго, не сотвореннаго, Отцу единосущнаго,—чрезъ котораго все произошло какъ на небѣ, такъ и на землѣ, ради насъ человѣковъ и ради нашего спасенія низшедшаго, воплотившагося и вочеловѣчившагося, страдавшаго и воскресшаго въ третій день, возшедшаго на небеса, и грядущаго судить живыхъ и мертвыхъ;—и въ Духа Святаго.—

Говорящихъ же, что было время, когда не было (Сына), что Онъ не существовалъ до рожденія, и произошелъ изъ не сущаго, или отъ инаго существа или сущности, или утверждающихъ, что Сынъ Божій измѣняемъ или преложимъ,— таковыхъ анаѳематствуетъ апостольская и каѳолическая Церковь.

Отцы изрекли: «вѣруемъ во единаго Бога»: это съ тою цѣлью, чтобы въ самомъ основаніи, или въ глубинѣ, разрушить мнѣнія язычниковъ, которые, *глаголющеся быти мудри, объюродѣша, и измѣниша славу нетлѣннаго Бога въ подобіе образа тлѣнна человѣка и птицъ и четвероногъ и гадъ,—послужиша твари паче Творца* (Рим. 1, 22. 23), служили стихіямъ міра, вымысливши не многихъ только, а безчисленныхъ боговъ. Потому-то отцы, для искорененія заблужденій многобожія, называютъ Бога единымъ, нимало не отступая отъ св. Писанія и ясно показывая красоту истины всѣмъ, живущимъ въ подсолнечной. Такъ же поступалъ и мудрый Моисей: онъ ясно говоритъ: *слыши Израилю: Господь Богъ* твой, Господь *единъ есть* (Второз. 6, 4). И самъ Виновникъ бытія всего и Владыка говоритъ: *да не будутъ тебѣ бози иніи развѣ Мене* (Исх. 20, 3). Тоже самое возвѣщаетъ Онъ и устами святыхъ пророковъ: *Азъ первый, и Азъ по*

сихъ, кромѣ Мене нѣсть Бога (Ис. 44, 6). Потому-то всехвальные отцы, въ намѣреніи дать твердое основаніе вѣрѣ, то именно, что должно и мыслить и исповѣдывать, что Богъ есть единъ и единственъ по естеству и по истинѣ, прекрасно сказали: «вѣруемъ во единаго Бога». Вмѣстѣ съ тѣмъ именуютъ они Бога «Отцемъ вседержителемъ», чтобъ именемъ Отца указать на Сына, для котораго Онъ Отецъ,—Сына сосуществующаго и совѣчнаго Отцу; потому что Богъ Отецъ не во времени сдѣлался Отцемъ, но всегда былъ тѣмъ, чѣмъ есть, т. е. Отцемъ, превыше всего сотвореннаго и въ высотахъ недоступныхъ. А что Онъ все держитъ и надъ всѣмъ владычествуетъ, это означаетъ свѣтлую и ни съ чѣмъ несравнимую Его славу.—Называя Его «Творцомъ всего—на небѣ и на землѣ», отцы тѣмъ самымъ даютъ намъ разумѣть Его несродность ни съ какимъ твореніемъ; потому что ни съ чѣмъ несравнима разность между Творцомъ и тварію, между нерожденнымъ и рожденнымъ, между природою подъяремною, служебною, и природою, украшенною владычественными достоинствами, имѣющею божественную и премірную славу.

Далѣе, упомянувши о Сынѣ, отцы, чтобы не показалось, что они приписываютъ Ему общее имя, которое и намъ также присвояет-

ся,—и мы тоже названы сынами,—весьма разумно присовокупляютъ то, изъ чего можно видѣть достоинство присущей Сыну, естественной Его славы,—достоинство, несвойственное никакому творенію. Отцы говорятъ, что Сынъ «рожденъ, а не сотворенъ», показывая словомъ «не сотворенъ», что Онъ, по самому существу своему, внѣ всѣхъ твореній, или лучше, утверждая, что Онъ рожденъ изъ существа Бога и Отца внѣ времени и непостижимо; потому что *бѣ Слово въ началѣ* (Іоан. 1, 1). Потомъ, стараясь объяснить возможно-наилучшимъ образомъ рожденіе, (судя по-человѣчески, ради пользы, неизлишне сказать и объ этомъ), отцы назвали Сына «Богомъ, рожденнымъ отъ Бога»; потому что гдѣ рожденіе истинное, тамъ, всеконечно, по всѣмъ нашимъ соображеніямъ, ничего инаго ни представить себѣ ни сказать мы не можемъ, кромѣ того, что рожденное не можетъ быть отличнымъ, по существу, отъ родившаго, что особенныя, отличительныя свойства существа родившаго должны принадлежать и рожденному, такъ какъ рожденное происходитъ изъ существа или сущности родившаго, по способу, приличному и соотвѣтствующему этой сущности. Безтѣлесное, конечно, рождаетъ не по образу тѣлеснаго, а всего ближе указывается образъ рожденія свойственный безтѣлесному, происхож-

деніемъ свѣта отъ свѣта: свѣтъ, занятый блещущимъ свѣтомъ, мыслится нами не иначе, какъ свѣтъ же; происхожденіе послѣдняго отъ перваго таинственно и неизреченно, и послѣдній содержится въ первомъ по причинѣ единства и тожественности физической. Потому-то и говоримъ мы: «Сынъ въ Отцѣ, и Отецъ въ Сынѣ», такъ какъ Сынъ въ своемъ естествѣ и въ своей славѣ представляетъ намъ Собою Отца. Самъ Сынъ сказалъ это ясно одному изъ своихъ учениковъ,—Филиппу: *не вѣруеши ли, яко Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ есть? Видѣвый Мене, видѣ и Отца. Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. 14, 9. 10. 10, 30). Слѣдовательно Сынъ «единосущенъ» Отцу. Потому-то и вѣруется, что «истинный Богъ рожденъ отъ истиннаго Бога». Правда, рожденіе усвояется и тварямъ, по сказанному Богомъ о плотскихъ потомкахъ Израиля: *сыны родихъ и возвысихъ* (Ис. 1, 2); но твари удостоиваются названія рожденныхъ по чину благодати; о Сынѣ же по естеству говорится все въ смыслѣ истинномъ, а не въ переносномъ; потому Онъ только и говоритъ о Себѣ: *Азъ есмь истина* (Іоан. 14, 6), такъ что въ отношеніи къ Нему употребитъ ли кто слово «рожденіе», или слово «сыновство», не впадетъ въ ложь; потому что Онъ есть истина. Такъ-то укрѣпляютъ наши души вседавные тайно-

водцы, постоянно употребляя слова: «Отецъ», «Сынъ», «рожденіе», также говоря, что возсіялъ Богъ истинный отъ Бога истиннаго, свѣтъ отъ свѣта, чтобы рожденіе признавали мы безтѣлеснымъ и простымъ, и происходящимъ изъ Него (Отца) и пребывающимъ въ Немъ, и каждаго (т. е. Отца и Сына) мыслили существующимъ самолично. Ибо Отецъ есть Отецъ, а не Сынъ; Сынъ есть рожденный, а не Отецъ; и при тожествѣ естества, каждый изъ Нихъ есть то, что есть.

Сказавши объ Отцѣ, какъ Творцѣ всего видимаго и невидимаго, отцы говорятъ, что все сотворено чрезъ Сына. Этимъ они не умаляютъ славы Сына, какъ-бы приписывая Ему только нѣкоторое участіе въ міротвореніи. Далеко не такъ. Развѣ можно искать большее и меньшее тамъ, гдѣ единосущность? Но въ естествѣ Бога и Отца то свойство, что Онъ не иначе что либо производитъ и вызываетъ къ бытію, какъ чрезъ Сына въ Духѣ,—чрезъ Сына, какъ свою силу и премудрость; потому что написано: *Словомъ Господнимъ небеса утвердишася, и Духомъ устъ Его вся сила ихъ* (Псал. 32, 6). Также и мудрый Іоаннъ, сказавши: *въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово*, необходимо присовокупилъ: *вся Тѣмъ быша, и безъ Него ничтоже бысть* (1, 1. 3).

Показавши же, что Сынъ единосущенъ, равночестенъ и равномощенъ Отцу, отцы весьма кстати послѣ этого переходятъ къ Его вочеловѣченію. Они раскрываютъ тайну домостроительства Его во плоти, вполнѣ постигнувъ, что чрезъ эту только тайну преданіе вѣры становится совершеннымъ и вполнѣ достаточнымъ. Вѣрующимъ въ Сына не довольно питать въ себѣ тѣ чувствованія и мысли, что Онъ какъ Богъ рожденъ отъ Бога Отца, единосущенъ Отцу, есть *образъ ипостаси Отца* (Евр. 1, 3),—имъ необходимо еще знать, что Онъ *для* спасенія и жизни всѣхъ низшелъ до уничиженія, принялъ на Себя образъ раба, сдѣлался человѣкомъ, родившись по плоти отъ жены. Потому отцы и говорятъ: «ради насъ человѣковъ и ради нашего спасенія низшедшаго, воплотившагося, вочеловѣчившагося». Замѣть, какое стройное расположеніе, какой прекрасный порядокъ въ словахъ отцевъ. Они говорятъ: «низшедшаго», чтобъ мы уразумѣли, что это—Господь, естествомъ и славою все превосходящій, и что Онъ низшелъ для насъ, по своему, говорю, желанію уподобиться намъ и съ плотію возсіять міру; потому что въ книгѣ псалмовъ написано: *Богъ явѣ пріидетъ, Богъ нашъ, и не премолчитъ* (49, 2). Кому же угодно, тотъ можетъ и иначе понимать «низшествіе», т. е. въ смыслѣ сошествія съ

неба, свыше, или даже отъ самого Отца; потому что св. Писаніе имѣетъ обычай выражать превышающее нашъ разумъ такими словами, которыя у насъ въ ходу. Такъ, бесѣдуя съ своими учениками, Іисусъ Христосъ сказалъ: *изыдохъ отъ Отца, и пріидохъ въ міръ, и паки оставляю міръ, и иду ко Отцу* (Іоан. 16, 28), также: *вы отъ нижнихъ есте, Азъ отъ вышнихъ есмь*, и еще: *Азъ отъ Бога изыдохъ и пріидохъ* (8, 23. 42). Божественный же Іоаннъ пишетъ: *грядый свыше, надъ всѣми есть* (3, 31). Такимъ образомъ, существуя въ высотахъ выспреннихъ, превосходя все по существу своему вмѣстѣ съ своимъ Отцемъ, даже увѣнчанный тожествомъ естества съ своимъ Отцемъ, Онъ (Сынъ) *не восхищеніемъ непщева быти равенъ Богу, но Себе умалилъ, зракъ раба пріимъ, въ подобіи человѣчестѣмъ бывъ, и образомъ обрѣтеся якоже человѣкъ, смирилъ Себе* (Филип. 2, 6—8). Такъ какъ Богъ Слово, принявши плоть нашу, остался Богомъ: потому-то священнѣйшій Павелъ и говоритъ, что Оно сдѣлалось подобнымъ намъ, человѣкамъ, и по виду стало какъ человѣкъ.— И Богъ, какъ я сказалъ, облекшись въ образъ нашъ, принялъ на Себя плоть не бездушную, какъ угодно мудрствовать нѣкоторымъ еретикамъ, но одушевленную душою разумною.

Итакъ, по разуму святыхъ отцевъ, само Слово, изшедшее изъ сущности Отца, Сынъ единородный, Богъ истинный отъ Бога истиннаго, свѣтъ отъ свѣта, самъ Тотъ, чрезъ котораго все получило бытіе, низшелъ, воплотился и вочеловѣчился, т. е. соблаговолилъ подвергнуться рожденію отъ жены и явиться въ образѣ нашемъ: это и значитъ «вочеловѣчиться».

Итакъ одинъ и тотъ же Іисусъ Христосъ, само единородное Слово Отца, сдѣлавшись человѣкомъ, не перестало быть тѣмъ, чѣмъ было; и въ человѣчествѣ осталось Оно Богомъ, и въ образѣ раба Владыкой, и въ уничиженіи нашемъ съ полнотой божества, и въ немощи плоти Господомъ силъ, и въ человѣческой мѣрѣ со всѣми свойствами, ставящими Его выше всей твари. Чѣмъ было Оно до принятія плоти, тѣмъ же неизмѣнно осталось и по принятіи плоти, т. е. Богомъ, Сыномъ истиннымъ и единороднымъ, свѣтомъ, жизнью и силой, а чѣмъ Оно до принятія плоти не было, то приняло на Себя по домостроительству; потому что Оно усвоило Себѣ все, принадлежащее плоти: плоть, воспринятая Имъ, была не чужою, а стала собственною Его плотію, непостижимо и неизреченно принятою Имъ въ единеніе съ Собою. Потому-то мудрый Іоаннъ и говоритъ: *Слово плоть бысть* (1, 14),—*бысть плоть* безъ преложенія, или

превращенія, или измѣненія въ естество плоти, также безъ всякой нечистоты, или смѣшенія, или разглашеннаго нѣкоторыми сосуществленія (συνουσίωσις): все это невозможно; потому что, по естеству своему, Слово не подлежитъ никакому превращенію и измѣненію; Оно *плоть бысть*, принявши плоть, одушевленную разумною душою, отъ дѣвственнаго и чистаго тѣла, и сдѣлавши ее своею собственною. А притомъ у богодухновеннаго Писанія въ обычаѣ иногда называть всего человѣка только плотію. Такъ, говорится: *излію отъ Духа моего на всяку плоть* (Іоил. 2, 28). Всеконечно Богъ возвѣстилъ, что Онъ низпошлетъ своего Духа не плотямъ, чуждымъ разумной души, а людямъ, состоящимъ изъ души и тѣла. Потому Слово, не переставая быть тѣмъ, чѣмъ было, стало человѣкомъ, а также, явившись въ нашемъ образѣ, Оно пребыло тѣмъ же Словомъ. И здѣсь да не будетъ той мысли, что будто Христосъ сперва явился человѣкомъ, а потомъ достигъ того, что сталъ Богомъ; нѣтъ,—Богъ Слово стало человѣкомъ, такъ что Оно и Богъ и человѣкъ вмѣстѣ. Поэтому тѣ, которые раздѣляютъ Его на двухъ сыновъ и дерзаютъ говорить, что Богъ Слово соединилось съ человѣкомъ, происшедшимъ отъ сѣмени Давидова, сообщило этому человѣку славу, честь и достоинство своего сы-

новества и приготовило его къ претерпѣнію крестной смерти, воскресенію, возшествію на небо и сѣдѣнію одесную Отца, да поклонится всякая тварь предъ нимъ, какъ сподобившимся божескихъ почестей,—во-первыхъ провозглашаютъ двухъ сыновъ и во-вторыхъ невѣжественно извращаютъ силу тайны. Ибо, какъ я сказалъ, Христосъ не изъ человѣка сдѣлался Богомъ, а Богъ Слово стало плотію, т. е. человѣкомъ. Равнымъ образомъ, объ уничиженіи Его говорится потому, что прежде уничиженія Онъ, какъ Богъ, имѣлъ всю полноту божества въ собственномъ своемъ естествѣ: не изъ уничиженія возвысился Онъ до полноты божества, но смирилъ Себя, низшедши съ божественныхъ высотъ и неизреченной славы; Онъ возвысился не потому, что прославленъ какъ смиренный человѣкъ. И образъ раба принялъ Онъ, какъ свободный, а не изъ рабства перешелъ въ славу свободы. Въ подобіи человѣчеекомъ Онъ былъ во образѣ Божіи и равенъ Отцу, а не человѣкомъ будучи Онъ обогащенъ даромъ быть образомъ Бога.

И зачѣмъ извращать ученіе о домостроительствѣ и искажать истину, вопреки всѣмъ богодухновеннымъ писаніямъ, которыя, зная Бога и вочеловѣчившагося Сына, вездѣ называютъ Его единымъ? Такъ, въ книгѣ міроузданія Моисей написалъ, что божественный

Іаковъ, переведя своихъ дѣтей черезъ потокъ Іавокъ и оставшись на ночь одинъ, боролся съ человѣкомъ даже до утра и прозвалъ то мѣсто: *видъ Божій*: *видѣхъ бо*, говоритъ Іаковъ, *Бога лицемъ къ лицу, и спасеся душа моя. Возсія же ему солнце, егда прейде видъ Божій: онъ же хромаше стегномъ своимъ* (Быт. 32, 30. 31). Богъ предпоказалъ патріарху и то, что нѣкогда вочеловѣчится единородное Его Слово, и то, что Израиль будетъ Ему противоборствовать, и то, что будутъ неправо поступать съ Нимъ, станутъ въ отношеніи къ Нему какъ-бы хромать,—о чемъ яснѣе говоритъ Онъ на лирѣ псалмопѣвца: *сынове чуждіи солгаша Ми, сынове чуждіи обетшаша, и охромоша отъ стезь своихъ* (Псал. 17, 45. 46). На это, думаю, указываетъ то обстоятельство, что Іаковъ охромѣлъ *стегномъ своимъ*. Кромѣ того замѣть: хотя съ Іаковомъ боролся человѣкъ, но онъ, по собственнымъ его словамъ, видѣлъ *Бога лицемъ къ лицу*, и видъ Его называетъ *видомъ Божіимъ*. Такъ и Слово Божіе, ставши человѣкомъ, было въ тоже время *въ образѣ* Отца, какъ духовный, говорю, Его образъ и какъ совершенно неизмѣняемое. Потому-то Оно, показывая намъ, что и съ плотію въ Немъ *образъ ипостаси Отца*, сказало Филиппу: *видѣвый Мене, видѣ и Отца*.

Тақңе, встрѣтивши въ храмѣ исцѣленнаго Имъ слѣпаго отъ рожденія, Оно спросило его: *ты вѣруеши ли въ Сына Божія?* Затѣмъ на вопросъ слѣпорожденнаго прозрѣвшаго: *и кто есть, Господи, да вѣрую въ Него?* Оно отвѣтило: *и видѣлъ еси Его, и глаголяй съ тобою, Той есть* (Іоан. 9, 35—37). Слѣпецъ же прозрѣвшій видѣлъ Его не въ чистомъ, или безплотномъ, а въ нашемъ, человѣческомъ, образѣ, и увѣровалъ въ увидѣннаго имъ не какъ въ Сына, соединеннаго съ другимъ Сыномъ, но какъ въ единаго по естеству и по цетаниѣ, не безъ плоти возсіявшаго для земнородныхъ. Далѣе, божественный же Моисей говоритъ въ благословеніяхъ: *дадите Левію явленная его, и истину его мужу преподобну, егоже искусиша искушеніемъ, укориша его у воды пререканія: глаголяй отцу своему, и матери своей: не видѣхъ тебе, и братіи своея не позна* (Второз. 33, 8. 9). Богъ всяческихъ установилъ для Аарона разноцвѣтный подиръ (1). Ношеніе подира приличествовало и было присвоено только архіерейству. На подирѣ, на грудь архіерея привѣшивались нѣкоторые камни, въ числѣ 12, а въ срединѣ этихъ камней еще два камня,

(1) Подиръ—длинная архіерейская одежда въ родѣ нынѣшняго подризника. См. Исход. 28, 4. 13—35.

носившихъ имена *явленія* и *истины*. Прообразовательно 12 камнями означался сонмъ святыхъ апостоловъ, окружавшій собой Еммануила, который есть *явленіе* и *истина*; потому что Онъ явилъ намъ истину, положивъ конецъ богослуженію въ тѣняхъ и образахъ. А что единородное Слово Божіе, принявши на Себя человѣчество, было и архіереемъ, можно ли въ этомъ сомнѣваться, когда божественный Павелъ написалъ такъ: *разумѣйте посланника и святителя исповѣданія нашего Іисуса Христа: вѣрна суща сотворшему Его* (Евр. 3, 1. 2)? Да и достоинство священства, какъ понятно, не неприлично тому, что является въ мѣрѣ человѣческой. Пусть оно ниже естества и славы Бога Слова, но не несоотвѣтственно домостроительству Его во плоти. Потому-то Моисей и говоритъ: *дадите Левію*, т. е. священнику, *явленія и истину*. Какому же Левію, или священнику, — это показалъ онъ словами: *мужу преподобну*, потому что Господь нашъ Іисусъ Христосъ не сотворилъ грѣха; въ слѣдствіе того Павелъ и пишетъ о Немъ: *таковъ намъ подобаше архіерей, преподобенъ, незлобивъ, безскверненъ, отлученъ отъ грѣшникъ и вышше небесъ бывый* (Евр. 7, 26). — *Егоже искусиша искушеніемъ, укориша его у воды пререканія* (Второз. 33, 8). О, удивительное дѣло!

наименовавшаго мужемъ Моисей тотчасъ же называетъ Богомъ, котораго преогорчилъ и искусилъ Израиль въ пустынѣ и у воды пререканія, въ чемъ увѣрятъ каждаго слова псалмопѣвца: *разверзе камень въ пустыни, и напои я яко въ безднѣ многѣ: и изведе воду изъ камене, и низведе яко рѣки воды.* Чтожъ дальше? *И искусиша Бога въ сердцахъ своихъ,... иклеветаша на Бога, и рѣша: еда возможетъ Богъ уготовати трапезу въ пустыни? понеже порази камень, и потекоша воды, и потоцы наводнишася: еда и хлѣбъ можетъ дати? или уготовати трапезу людемъ своимъ?* (Пс. 77, 15. 16. 18—20). Итакъ видишь, какимъ образомъ евреи искушали чудодѣйствовавшаго Бога, котораго Моисей назвалъ мужемъ. Въ томъ же смыслѣ и божественный Павелъ пишетъ: *піяху бо отъ духовнаго послѣдующаго камене: камень же бѣ Христосъ* (1 Кор. 10, 4). Слѣдовательно мужемъ, *егоже укориша*, былъ Тотъ самый, кого прежде воплощенія искушали израильтяне. А что Сынъ до воплощенія не былъ отличенъ отъ Сына, происшедшаго отъ сѣмени Давидова, вопреки мнѣнію дерзающихъ утверждать такое различіе, но былъ однимъ и тѣмъ же,—до воплощенія Словомъ чистымъ, а по рожденіи отъ святой Дѣвы—воплощеннымъ и вочеловѣчившимся,

какъ написали святые и божественные отцы,—это показалъ еще Моисей особымъ признакомъ *мужа преподобна*. Какъ будто кто нибудь, желая наставленія, спросилъ Моисея: о какомъ это мужѣ было у него слово,—мужѣ, котораго, по его словамъ, искушали и поносили израильтяне? И Моисей какъ-бы рукой своей, простерши ее, указываетъ на Іисуса: онъ говоритъ: *глаголяй отцу своему, и матери своей: не видѣхъ тебе, и братіи своея не позна* (Второз. 33, 9). Вспомнимъ же, что написалъ одинъ изъ святыхъ евангелистовъ. Когда, однажды, Христосъ училъ и тайноводствовалъ нѣкоторыхъ, а Матерь Его и братья стояли внѣ, и когда нѣкто изъ учениковъ, подойдя къ Нему, сказалъ: *Мати твоя и братія твоя внѣ стоятъ, видѣти Тя хотяще*: то Онъ, показавши своей рукой на учениковъ, слушавшихъ Его, отвѣчалъ: *мати моя и братія моя, сіи суть, слышащіи слово Божіе и творящіи е* (Лук. 8, 16—21). *Иже бо аще сотворитъ волю Отца моего, иже есть на небесѣхъ, той братъ мой, и сестра и мати* (*Ми*) *есть* (Матѳ. 12, 46—49). Это, думаю, значатъ слова Моисея: *глаголяй отцу и матери: не видѣхъ тебе, и братіи своея не позна*.—И еще, мудрый Даніилъ говоритъ, что онъ видѣлъ единородное Слово Божіе въ образѣ нашемъ. Онъ видѣлъ, по его словамъ,

Ветхаго денми сидящимъ на престолѣ, видѣлъ *тмы темъ* предстоящихъ Ему и *тысячи тысячъ* Ему служащихъ. Потомъ, сказавши о нѣкоторыхъ другихъ предметахъ своего видѣнія, Даніилъ присовокупляетъ: *видѣхъ во снѣ нощію, и се на облацѣхъ небесныхъ, яко сынъ человѣчь идый бяше, и даже до Ветхаго денми дойде, и предъ Него привестися: и тому дадеся честь и царство, и вси племена и языцы тому поработаютъ* (Дан. 7, 9. 10. 13. 14). До очевидности ясно, что Даніилъ видѣлъ Еммануила, всходящаго къ небесному Отцу и Богу. Небесное облако подняло Его (Дѣян. 1, 9). И называетъ Его Даніилъ не просто человѣкомъ, но *яко сыномъ человѣческимъ*; потому что Богъ Слово было въ образѣ, подобномъ нашему. Точно также помышляя это, мудрый Павелъ говоритъ, что Богъ Слово было *въ подобіи человѣчестѣмъ, и образомъ обрѣтеся якоже человѣкъ* (Филип. 2, 7), и земнородные видѣли Его *въ подобіи плоти грѣха* (Римл. 8, 3). Если бы то былъ человѣкъ, удостоенный божеской чести, только по причинѣ близости къ Богу: то пророкъ сказалъ бы, что онъ видѣлъ какъ-бы Бога, или какъ-бы Сына Божія, идущаго на облакахъ; но пророкъ такъ не сказалъ, а говоритъ, что видѣлъ онъ *яко сына человѣческаго*; слѣдовательно онъ ви-

дѣлъ Сына, какъ Бога и какъ вочеловѣчившагося, т. е. бывшаго *въ подобіи человѣчествѣмъ*, по слову Павла. Но хотя пророкъ видѣлъ Его во плоти *яко сына человѣческаго*; однакожъ Онъ *даже до Ветхаго денми дойде*, т. е. снова возшелъ на престолъ вѣчнаго Отца.—*И дадеся тому честь и царство, и вси племена и языцы тому поработаютъ*. Тоже самое сказалъ Іисусъ Христосъ: *прослави Мя Ты, Отче, у Тебе самого славою, юже имѣхъ у Тебе прежде міръ не бысть* (Іоан. 17, 5). А что воплотившееся Слово Божіе сопрестольно и равночестно, даже съ плотію, Богу и Отцу, оставаясь однимъ и тѣмъ же Сыномъ и по вочеловѣченіи,—это ясно показываетъ намъ мудрый Павелъ, когда пишетъ: *таковаго имамы первосвященника, иже сѣде одесную престола величествія на небесѣхъ* (Евр. 8, 1). Да и самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ на вопросъ іудеевъ: Онъ ли во истину Христосъ? говоритъ: *аще вамъ реку, не имете вѣры: аще же и вопрошу вы, не отвѣщаете Ми. Отселѣ будетъ Сынъ человѣческій сѣдяй одесную силы Божія* (Лук. 22, 66—69). Значитъ, еще сонмъ святыхъ пророковъ видѣлъ вочеловѣчившагося Сына на престолахъ Божества. Теперь посмотримъ на проповѣдниковъ новаго завѣта, вселенскихъ тайноводцевъ, которымъ

самъ Христосъ сказалъ: *не вы будете глаголющіи, но Духъ Отца вашего глаголяй въ васъ* (Мате. 10, 20). И вотъ мы встрѣчаемъ божественнаго Крестителя, который говоритъ: *по мнѣ грядый предо мною бысть: яко первѣе мене бѣ* (Іоан. 1, 15). Какимъ же образомъ идущій послѣ Крестителя былъ прежде него? Не всякому ли извѣстно, что по времени плотскаго рожденія Іоаннъ предваряетъ Христа? Какъ же разрѣшить вопросъ? Вопросъ разрѣшенъ самимъ Спасителемъ, который сказалъ іудеямъ: *аминь, аминь глаголю вамъ, прежде даже Авраамъ не бысть, Азъ есмь* (Іоан. 8, 58). Само собой понятно, что прежде Авраама былъ Онъ по божеству, а по человѣчеству явился Онъ послѣ Авраама. Потомъ, хотя Богъ и Отецъ ясно возвѣстилъ: *славы моея иному не дамъ* (Ис. 42, 8), такъ какъ нѣтъ другаго Бога, кромѣ Него (45, 5); однако Христосъ сказалъ намъ: *Сынъ человѣческій пріидетъ во славѣ Отца своего со ангелы святыми* (Марк. 8, 38). А что должно ожидать пришествія Сына человѣческаго съ неба, о томъ пишетъ мудрый Павелъ: *явися благодать Божія спасительная всѣмъ человѣкомъ, наказующи насъ, да отвергшеся нечестія и мірскихъ похотей, цѣломудренно и праведно и благочестно поживемъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ: ждуще блажен-*

наго упованія и явленія славы великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа (Тит. 2, 11—13). И въ другомъ мѣстѣ, говоря о плотскихъ потомкахъ Израиля, Павелъ сказалъ: *ихже завѣти и законоположеніе, и обѣтованія, и отъ нихже Христосъ по плоти, сый надъ всѣми Богъ благословенъ во вѣки, аминь* (Римл. 9, 4. 5).

Продолжая идти неуклонно по слѣдамъ исповѣданія отцевъ, мы говоримъ, что само единородный Сынъ, рожденный отъ Бога Отца, или само Слово Его воплотилось и вочеловѣчилось, страдало, умерло, воскресло изъ мертвыхъ въ третій день. Безъ сомнѣнія, Слово Божіе, по собственному своему естеству, недоступно страданіямъ. Никто, конечно, не будетъ такъ безсмысленъ, чтобы допустить мысль, что естество, превышающее все, можетъ быть способно къ страданію. Но такъ какъ Оно сдѣлалось человѣкомъ, усвоивши себѣ плоть отъ святой Дѣвы: то, держась ученія о домостроительствѣ, мы утверждаемъ, что въ собственной своей плоти, по человѣчеству, страдалъ Тотъ, кто, какъ Богъ, выше всякаго страданія. Ибо, если Богъ сдѣлался человѣкомъ, не переставши быть Богомъ; если Онъ сдѣлался частью творенія, оставшись превыше всего сотвореннаго; если Законодатель по божескому достоинству былъ подъ

закономъ, все-таки удерживши за Собой достоинство законодателя; если Владыка по божеству принялъ на Себя образъ раба, неизмѣнно сохранивши достоинство своего владычества; если Единородный сталъ *перворожденнымъ во многихъ братіяхъ* (Рим. 8, 29), оставшись единороднымъ: то что̀ страннаго въ томъ, что пострадавшій плотію по человѣчеству остался и исповѣдуется недоступнымъ страданію по божеству? Такъ и мудрый Павелъ говоритъ, что тоже самое Слово, которое есть образъ Бога Отца и равно Богу Отцу, было *послушливо даже до смерти, смерти же крестныя* (Филип. 2, 6—8). Онъ же въ другомъ своемъ посланіи говоритъ о единородномъ Сынѣ: *иже есть образъ Бога невидимаго, перворожденъ всея твари: яко Тѣмъ создана быша всяческая, яже на небеси, и яже на земли. И Той есть прежде всѣхъ, и всяческая въ Немъ состоятся*; также: *и Той есть глава тѣлу Церкве, начатокъ умершимъ, перворожденъ изъ мертвыхъ* (Кол. 1, 15—18). Но Слово Бога Отца есть жизнь и творецъ жизни, какъ рожденное отъ жизни, т. е. отъ Отца своего: какъ же стало Оно *перворожденнымъ изъ мертвыхъ и начаткомъ умершихъ*? Вотъ какъ: усвоивши Себѣ плоть, способную къ принятію смерти, Оно, какъ говоритъ мудрый Па-

вел, *по благодати Божіей за всѣхъ вкусило смерти* (Евр. 2, 9),—*вкусило* плотію, способною подвергнуться смерти, не переставши само быть жизнію. Потому исповѣдующій, что Оно пострадало плотію, не допуститъ страданія Его по божественному естеству, но, какъ я сказалъ, принимаетъ страданіе Его собственною плотію, способною къ принятію страданій. Еще блаженный пророкъ Исаія, зная, что Богъ, имѣвшій вочеловѣчиться, постраждетъ плотію, сказалъ о Немъ: *яко овча на заколеніе ведеся, и яко агнецъ предъ стригущимъ его безгласенъ, тако не отверзаетъ устъ своихъ. Во смиреніи его судъ его взятся: родъ же его кто повѣсть? яко вземлется отъ земли животъ его* (53, 7. 8). Правда, вводители нечестивыхъ догматовъ говорятъ: «пусть кто нибудь сдѣлается человѣкомъ,—пусть это будетъ въ частности Сынъ, находящійся въ единеніи съ Богомъ: ужели найдется такой простякъ, который не могъ бы ничего повѣдать объ его родѣ? Вѣдь, Сынъ былъ отъ сѣмени Іессеева и Давидова». Но дѣло въ томъ, кто въ состояніи объяснить рожденіе, или лучше, способъ рожденія Бога Слова?—*Вземлется отъ земли животъ Его*, т. е. видимое Его присутствіе (ὕπαρξις). Пророкъ, вмѣсто «видимое присутствіе», поставилъ животъ, или жизнь: Оно

(Слово) восходить на высоту, возносится надъ всѣмъ земнымъ; по неизглаголанному же своему естеству Оно непостижимо и вовсе недоступно мыслямъ человѣческимъ.—Затѣмъ, къ сказанному я присоединю еще вотъ что: *единъ Господь, едина вѣра, едино крещеніе* (Ефес. 4, 5), какъ говоритъ священнѣйшій Павелъ. Если *единъ Господь, едина вѣра, едино крещеніе*: кто же этотъ Господь, и въ кого мы увѣровали и крестились? Конечно, всякій скажетъ, что въ высшей степени, притомъ въ мѣрѣ одинаковой, приличествуютъ Слову Бога Отца и господство, и вѣра наша, и то, чтобъ спасительное крещеніе въ Него же совершалось; потому что само Оно такъ заповѣдало святымъ апостоламъ, сказавши имъ: *шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа* (Матѳ. 28, 19). Да и божественный Павелъ представляетъ намъ во свѣтѣ славу владычества, исповѣданіе вѣры и силу святаго крещенія, когда говоритъ: *да не речеши въ сердцы твоемъ: кто взыдетъ на небо? сирѣчь Христа свести. Или: кто снидетъ въ бездну? сирѣчь Христа отъ мертвыхъ возвести. Но что глаголетъ писаніе? Близъ ти глаголъ есть во устѣхъ твоихъ, и въ сердцѣ твоемъ. Яко аще исповѣси усты твоими Господа Іисуса, и вѣруеши въ сердцѣ*

твоемъ, яко Богъ Того воздвиже изъ мертвыхъ, спасешися (Римл. 10, 6—9). Онъ же еще пишетъ: *или не разумѣете, яко елицы во Христа Іисуса крестихомся, въ смерть Его крестихомся* (6, 3)? Такимъ образомъ очевидно, что исповѣданіе владычества и вѣры, а также и благодать святаго крещенія апостолъ мудро относитъ къ претерпѣвшему смерть и воздвигнутому изъ мертвыхъ. Ужели же мы вѣруемъ въ двухъ сыновъ? Ужели мы, оставивши безъ вниманія Слово, возсіявшее отъ Бога Отца, присвоимъ какъ другому, отъ Него отличному, сыну, претерпѣвшему страданіе,—присвоимъ и славу владычества, и исповѣданіе вѣры, и небесное крещеніе? Не глупо ли, и даже больше, не прямо ли нечестиво такъ думать, или говорить? Чтожъ должны мы сказать? То, по истинѣ, что *единъ Господь, едина вѣра, едино крещеніе*; такъ какъ одинъ Сынъ и Господь не потому, что будто Слово восприняло человѣка, особаго, въ единеніе съ Собой, сдѣлало этого человѣка участникомъ въ собственныхъ своихъ достоинствахъ, сообщило ему свое сыновство и свое владычество, какъ говорятъ и даже написали нѣкоторые безумцы, а потому, что само Слово отъ Бога, какъ свѣтъ отъ свѣта, вочеловѣчилось и воплотилось. Мы крестились въ смерть Слова, пострадавшаго, по человѣчеству, *соб-*

ственною своею плотію, по божеству же недоступнаго страданію и вѣчно живаго, потому что Оно—жизнь отъ жизни, т. е. отъ Бога и Отца. Такимъ-то образомъ и наша поврежденность исправляется, и владычество смерти надъ нами обезсиливается. Потому-то и сказалъ Христосъ: *аминь, аминь глаголю вамъ, аще не снѣсте плоти Сына человѣческаго, ни піете крове Его, живота не имате въ себѣ* (Іоан. 6, 53). Значитъ, животворны святое тѣло и святая кровь Христовы. А тѣло Его не есть, какъ я сказалъ, тѣло какого нибудь другаго человѣка, воспринятаго Имъ жизнію, въ единеніе съ Собой, но тѣло Его самого, самой жизни по естеству,—тѣло самого Единороднаго. Одинаково съ нами мыслитъ христолюбивый сонмъ святыхъ отцевъ, а также преподобнѣйшій и боголюбивѣйшій нашъ братъ и сопископъ Проклъ, украшающій нынѣ собой престолъ святой константинопольской церкви. Онъ вотъ что написалъ къ восточнымъ боголюбивѣйшимъ епископамъ: «чуждый всякаго вида, безъ всякаго измѣненія воплощается; рождается по плоти безначальный; всесовершенный по естеству *преспѣваетъ возрастомъ* (Лук. 2, 52) по тѣлу; превысшій страданій подвергается страданіямъ, претерпѣвая поношенія не въ чистомъ своемъ видѣ, но пріемля страданія тѣла въ воспрі-

пятомъ имъ образѣ». Итакъ думающіе иначе и иное написавшіе изобличаются такимъ образомъ въ ихъ вѣроломствѣ, которое повсюду происходитъ отъ невѣжества, и потому разногласитъ съ догматами истины.

Кончивши рѣчь о Христѣ, треблаженные отцы упоминаютъ о Святомъ Духѣ. Они сказали, что вѣруютъ въ Духа Святаго, точно такъ же, какъ въ Отца и въ Сына, потому что Онъ единосущенъ съ Ними, изливается, т. е. исходитъ, какъ изъ своего источника, отъ Бога Отца, и сообщается твари чрезъ Сына. Такъ, Сынъ вдохнулъ Святаго Духа въ святыхъ апостоловъ, сказавши: *пріимите Духъ Святъ* (Іоан. 20, 21—23). Итакъ Духъ отъ Бога и есть Богъ; Онъ не отличенъ отъ Существа, все превышающаго, но изъ Него, въ Немъ и Ему неотъемлемо принадлежитъ.

Вотъ прямая и чуждая всякаго заблужденія вѣра, или прямое и непогрѣшительное исповѣданіе вѣры святыхъ отцевъ! Но еще Павелъ сказалъ: *Богъ вѣка сего ослѣпи разумы невѣрныхъ, во еже не возсіяти имъ свѣту благовѣствованія славы Христовы* (2 Корине. 4, 4). Потому нѣкоторые, оставивши прямой путь истины, разбиваются о скалы, *не разумѣюще ни яже глаголютъ, ни о нихже утверждаютъ* (1 Тим. 1, 7). Относя славу сыновства только къ Слову, рожденному

отъ Бога Отца, они говорятъ, что съ Нимъ соединился какъ-бы другой сынъ отъ сѣмени Давидова и Іессеева, сдѣлался участникомъ въ Его сыновствѣ и божественной чести, какъ Его обитель, и все отъ Него получилъ, своего же собственнаго ничего не имѣетъ. О такихъ, думаю, людяхъ написано учениками Спасителя: *привнидоша нѣцыи человѣцы, древле предвустановленніи на сіе осужденіе, нечестивіи, Бога нашего благодать прелагающіи въ скверну, и единаго Владыки Бога и Господа нашего Іисуса Христа отметающіися* (Іуд. 1, 4). Нѣтъ, Іисусъ Христосъ по истинѣ называется Словомъ, явившимся въ образѣ человѣческомъ. Люди противнаго мнѣнія, которые отъ великаго неразумія не страшились думать и говорить одинаково съ Несторіемъ и Ѳеодоромъ, отвѣчаютъ вопрошающимъ такъ: вы не признаете Богомъ и истиннымъ Сыномъ Бога и Отца—рожденнаго отъ святой Дѣвы, ему одному приписывая страданія и отдѣляя его отъ Бога Слова, чтобы не назвать Бога подверженнымъ страданію. Таковы вымыслы излишней ихъ ревности, таковы ходячія ихъ мнѣнія. Поэтому Слово Бога Отца не слѣдовало бы называть и Христомъ (помазанникомъ) въ смыслѣ прямомъ? Какъ страданіе несвойственно Ему, когда Оно мыслится внѣ плоти, такъ и пома-

заніе несвойственно и чуждо Ему. *Іисуса, иже отъ Назарета, помаза Богъ Духомъ Святымъ* (Дѣян. 10, 38); а Слово Божіе вполнѣ самосовершенно и не имѣетъ нужды въ помазаніи отъ Святаго Духа. Стало быть, вы отвергаете домостроительство (спасенія) и отнимаете у Единороднаго любовь къ міру, только чтобы вамъ не называть Его Христомъ. Развѣ достойно Его было явиться въ мірѣ нашей природы? А такъ какъ это Его недостойно, то никто бы не долженъ исповѣдывать, что Онъ сталъ человѣкомъ. Христосъ и вамъ скажетъ: *прельщаетеся, не вѣдуще писанія, ни силы Божія* (Матѳ. 22, 29). — Итакъ, признавая врагами истины тѣхъ, кто станетъ внушать что нибудь похожее на это, будемъ избѣгать гибельныхъ ихъ нововведеній, будемъ лучше держаться ученія святыхъ отцевъ и преданія святыхъ апостоловъ и евангелистовъ; потому что чрезъ нихъ говорило само вочеловѣчившееся Слово, чрезъ котораго и съ которымъ Богу и Отцу честь, слава, держава, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, нынѣ, и всегда, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Посланіе тогоже Кирилла, епископа александрійскаго, къ Іоанну, епископу антіохійскому, и къ собору, собравшемуся въ Антіохіи.

Драконъ, отступникъ, звѣрь, по-истинѣ самый упорный и боговраждебный, еще не успокоился, еще не разстался съ поселившеюся въ немъ злобой: постоянно разрождаясь ненавистью къ святымъ церквамъ, онъ, въ дерзости своей, обращаетъ противъ догматовъ истины необузданные языки людей нечестивыхъ и невѣжественныхъ, имѣющихъ *сожженную совѣсть* (1 Тим. 4, 2). (Впрочемъ, онъ вездѣ уловленъ и побѣжденъ при помощи общаго нашего Спасителя Христа, обезсиливающаго его жестокость и свирѣпость его нападеній). Такимъ образомъ, еще до насъ, весьма многіе вступали въ битву съ святыми нашими отцами, поднимали оружія дерзкихъ своихъ устъ противъ неизреченной славы (Христа), но были обличены, какъ люди безразсудные и невѣжественные, предававшіеся суесловію и не понимавшіе истины того, что самой Истиной заявлено правильнымъ, чистымъ, неподлежащимъ никакому нареканію. Но такъ какъ изобрѣтатель и учитель всякаго нечестія, кромѣ и послѣ тѣхъ, о которыхъ мы упомянули, возбудилъ противъ насъ новогла-

голивый голосъ Несторія: то вотъ, по благодати Божіей и по данному намъ отъ Бога разумѣнію, всѣ мы единогласно анаѳематствуемъ отступника, подражая славной ревности нашихъ отцевъ, низлагая враговъ креста Христова, воздавая честь истинной вѣрѣ и проповѣдуя въ церквахъ, что отнюдь не должно присоединяться къ нечестію тѣхъ, которые, говорятъ, что два христа и два сына: одинъ по естеству, истинный, какъ Слово отъ Бога Отца, а другой—отъ сѣмени Давидова, по усыновленію и по благодати. Согласно съ исповѣданіемъ отцевъ, по вѣрѣ чистой и безукоризненной, дошедшей къ намъ отъ предковъ, мы исповѣдуемъ, что единъ Сынъ и Господь Іисусъ Христосъ, т. е. что само Слово Бога Отца вочеловѣчилось и воплотилось, такъ что одинъ и тотъ же есть и исповѣдуется происшедшимъ и отъ Бога Отца божественно, изъ Его сущности естественно, какъ Его Слово, и отъ сѣмени Давидова по плоти, т. е. отъ святой и Богородицы Маріи. *Иже исперва самовидцы и слуги бывшіи Словесе* (Лук. 1, 2) преподали намъ ученіе не о двухъ различныхъ сынахъ, но объ одномъ и томъ же Богѣ и вмѣстѣ человѣкѣ, единородномъ и перворододномъ,—единородномъ по божеству и перворододномъ по человѣчеству; потому что, снизойдя до уподобленія намъ, Онъ явился

перворожденным во многих братиях (Рим. 8, 29), не съ другимъ человѣкомъ соединившись, какъ угодно нѣкоторымъ мудрствовать, но самъ дѣйствительно сдѣлавшись человѣкомъ, не переставая быть тѣмъ, чѣмъ былъ. Будучи по естеству Богомъ и превыше страданія, Онъ, по своей волѣ, пострадалъ въ собственной своей плоти. Предано за насъ тѣло не другаго какого либо лица, но само единородное Слово Божіе, ставши человѣкомъ, принесло Себя самого въ жертву чистую Богу и Отцу. Потому-то, въ слѣдствіе изъясненныхъ обстоятельствъ, и нужно было учредить свѣтлое празднество, когда изгнали мы отъ себя злоученіе несторіево и всѣ другіе голоса, говорившіе сколько нибудь сходно съ его заблужденіями. Празднество это совершено нами въ посрамленіе всѣхъ тѣхъ, кто думаетъ или когда нибудь думалъ одинаково съ Несторіемъ. Тутъ и мы и ваше преподобіе рѣшительно объявили, что анаѳематствуемъ тѣхъ, по ученію которыхъ два сына и два христа; потому что, какъ я сказалъ, и мы и вы проповѣдуемъ единаго Христа, Сына и Господа единородное Слово Божіе, которое, по слову премудраго Павла, явилось *въ подобіи человѣчестѣмъ и образомъ обрѣтеся якоже человѣкъ* (Филип. 2, 7). А что, по нашему исповѣданію, плоть Господа одушевлена раз-

умною душою,—это уже многократно было доказано, Тоже самое ясно изложилъ, въ посланіи къ армянамъ, право изъясняя ученіе истины, преподобнѣйшій и благочестивѣйшій братъ и соепископъ нашъ Проклъ, мужъ благочестивый и искусный въ борьбѣ съ извратителями праваго, такъ что для него, благоговѣйнаго чтителя истины, побѣда—дѣло обычное. Умоляемъ же, пусть никто не дерзаетъ святымъ и православнымъ нашимъ отцамъ: Аѳанасію, Василію, Григорію, Ѳеофилу и другимъ, присвоять нелѣпыхъ мнѣній, разумѣю, Діодора и Ѳеодора и нѣкоторыхъ другихъ, вовсе не заслуживающихъ,—чтобъ не сказать чего нибудь сильнѣе,—по крайней мѣрѣ, похвалы за то, что они неслись какъ бы на всѣхъ парусахъ противъ славы Христа: иначе легко подать поводъ къ соблазну тѣмъ, въ комъ образовалась бы мысль, что одинаково съ послѣдними думали и учили первые,—эти ревнители всего праваго, оставившіе послѣ себя книги въ опроверженіе лжеученія не только Несторія, а и другихъ, еще прежде Несторія одинаково съ нимъ думавшихъ и писавшихъ. Мы просимъ, чтобъ всякій занимался своимъ дѣломъ, въ церквахъ никто не производилъ смятеній, которыя, по благодати Божіей, бдительностью тайноводцевъ уже повсюду усмирены, и чтобъ никто такимъ обра-

змомъ не выкопывалъ самъ для себя особыхъ хлопотъ. Если же кто изъ последователей Несторія, искренно обратившись и отступившись отъ его нелепостей, изъявитъ желаніе принять чистую вѣру: то таковыхъ должно принимать, и отнюдь не слѣдуетъ укорять ихъ за ихъ прошедшее, чтобъ это не послужило для другихъ поводомъ къ замедленію въ обращеніи на истинный путь. Одержимымъ тѣлесными болѣзнями мы желаемъ выздоровленія и сорадуемся въ случаѣ выздоровленія: не гораздо ли больше всякій долженъ радоваться объ обращеніи заблуждавшагося, объ его дѣятельномъ, съ благою совѣстью, стремленіи къ свѣту истиннаго вѣдѣнія? Даже ангелы имѣютъ обычай праздновать по случаю обращенія заблуждающихся (Лук. 15, 7): это извѣстно вашему преподобію, которое такъ и учитъ, такъ и проповѣдуетъ во всѣхъ церквахъ, зная изреченія нашего Спасителя.— Затѣмъ, молимъ васъ, какъ братьевъ и соучителей, заповѣдуйте клирикамъ ни о чемъ другомъ, особенно въ церквахъ, не говорить, какъ только о томъ, что̀ право, одобрено и признано достойнымъ храненія, преимущественно же держаться исповѣданія правой вѣры и быть строго осмотрительными въ разсужденіяхъ о предметахъ вѣры. Въ случаѣ надобности наставить кого либо въ тайнахъ

вѣры, ни подъ какимъ видомъ не должны они дозволять себѣ, при изложеніи ученія вѣры, вдаваться въ разсужденія, несогласныя съ правой вѣрой. Такъ какъ поводы къ смятеніямъ должны быть пресѣкаемы бдительностью вашего преподобія: то мы и изложили вамъ то, что̀, по мнѣнію нашему, хорошо въ этомъ отношеніи. Такъ, если бы кто изъ клириковъ, не смотря на общеніе съ Церковью, былъ со стороны заподозрѣнъ въ единомысліи съ нечестивымъ Несторіемъ: то такого рода клирики или монахи и у васъ, правителей церквей, должны въ церквахъ принадлежать только къ слушателямъ, и затѣмъ надобно обращать тщательное вниманіе на ихъ слова. Легко можетъ статься, что желающіе обвинить ихъ въ возмутительной для всякаго нетерпимости рѣчей ихъ, обратятся къ внѣшнимъ (гражданскимъ) судамъ. А всего лучше и всего справедливѣе церковные вопросы поднимать и разрѣшать въ церквахъ, чѣмъ предъ лицемъ другихъ, кому и судъ о нихъ вовсе несвойственъ. — Привѣтствуйте ваше братство; наше братство привѣтствуетъ васъ о Господѣ.

Списокъ съ императорскаго узаконенія противъ Несторія.

Благоговѣніе, которое должны мы имѣть къ священнѣйшей религіи (θρησκεια), требуетъ, чтобъ ведущіе себя нечестиво въ отношеніи къ Божеству были подвергаемы достойнымъ наказаніямъ и запечатлѣваемы именемъ, соотвѣтствующимъ ихъ нечестію, такъ чтобы, заклейменные позоромъ, понесли они вѣчное наказаніе, претерпѣвши въ жизни должное возмездіе и по смерти оставшись въ безчестіи за свои грѣховныя заблужденія. Такимъ образомъ, по осужденіи Несторія, какъ главы чудовищно-уродливаго ученія, остается наложить на его единомышленниковъ и сообщниковъ его нечестія должное поносное названіе, для того чтобы, въ отстраненіе злоупотребленія имени христіянъ, не украшались этимъ именемъ тѣ, которые, по нечестію, отвергли догматъ христіанскій. Въ слѣдствіе этого узаконяемъ, чтобы общники непотребнаго несторіева ученія повсюду назывались *симоніанами*; такъ какъ справедливо, чтобы тѣ, которые, отвратившись отъ Бога, подражаютъ нечестію Симона, получили въ свой удѣлъ его имя. Такимъ же образомъ, по закону блаженной памяти Константина, аріане называются порфиріанами, по сходству аріан-

скаго нечестія съ нечестіемъ Порфирія, который, усиливаясь подавить истинную религію силой слова, оставилъ послѣ себя книги,—памятники его лжеученія, а не учености.

Никто да не дерзаетъ имѣть у себя, или читать, или переписывать нечестивыя книги непотребнаго и святотатственнаго Несторія противъ святой религіи православныхъ и противъ догматовъ святаго собора епископовъ въ Ефесѣ. Книги эти, собравши со всевозможнымъ тщаніемъ, должно публично предать сожженію. Когда такимъ образомъ подсѣчется въ корнѣ всякое нечестіе; то простой, легко обольщаемый, народъ не въ состояніи будетъ найти гдѣ либо сѣмя заблужденія. Притомъ, о послѣдователяхъ Несторія, преданныхъ погибели, должно, въ спорахъ религіозныхъ, упоминать не подъ другимъ какимъ либо именемъ, какъ подъ именемъ симоніанъ. Также, не должно ни тайно ни явно давать имъ, для ихъ собраній, никакого зданія ни въ селеніяхъ, ни въ предмѣстіяхъ городскихъ, вообще—нигдѣ; потому что мы постановляемъ, что они лишаются всякаго права на собранія. Да вѣдаетъ всякій, что преступникъ настоящаго закона, какъ послѣдователь Несторія, будетъ наказанъ лишеніемъ всего имѣнія.—Какъ власть высокая и знаменитая, ты имѣешь распорядиться чтобъ этотъ нашъ законъ, по

принятому обычаю обнародованія законовъ, сдѣлался извѣстнымъ жителямъ всѣхъ областей. А чтобъ онъ былъ ясенъ и доступенъ разумѣнію каждаго, мы изложили его на латинскомъ и греческомъ языкахъ.

Эдиктъ префектовъ о томъ, что не должно читать книгъ Несторія.

Префекты Флавій Анѳемій Исидоръ, Флавій Бассъ и Флавій Симплицій Ригинъ, объявляютъ.

Императорамъ нашимъ всего пріятнѣе заботиться о благочестіи. И подлинно такъ. Если они, такъ сказать, не боятся постоянно, каждый день, съ заботливостію предаваться государственнымъ занятіямъ, присоединяя къ дневнымъ и ночныя бдѣнія: то какъ было имъ не признать, что тоже самое съ особенною ревностью должно быть наблюдаемо ими въ отношеніи къ благочестію и религіи? Потому, если какое нибудь исповѣданіе, нелѣпое, исполненное безумія и дерзости, покушается высказать себя, а тѣмъ больше, если, подобное исповѣданіе уже заявило нѣкоторый видъ самостоятельности: то императоры наши, съ свойственною имъ проницательностью, безъ всякаго смущенія, съ полнымъ спокойствіемъ,—что всегда неотъемлемо имъ принадле-

жить и во всемъ ими соблюдается,—установили тотъ порядокъ, чтобы виновниковъ беззаконія образумливать соразмѣрными съ виной наказаніями, а на другихъ дѣйствовать предварительно увѣщаніемъ, такъ чтобы послѣдніе, не подвергаясь еще наказанію, во вниманіи только къ увѣщанію законоположенія, обратившись къ лучшему, не только ничего не потеряли изъ своихъ благъ, но еще, въ силу немедленнаго раскаянія, прочно пріобрѣтали себѣ стяжаніе благочестія,—стяжаніе совершенное и, что всего важнѣе, вѣчное, остающееся у насъ и по смерти. Но такъ какъ люди, разъ увлекшіеся заблужденіями, разъ опутанные сѣтями коварныхъ словъ и худыхъ умствованій, упорны, и потому нужны для нихъ не только сильный страхъ наказаній, но еще и самыя, весьма тяжкія, наказанія: то императоры наши повелѣваютъ, чтобъ развратители догматовъ вѣры жили впередъ тихо, перемѣнились въ лучшему, сами нигдѣ не сходились и другимъ не указывали, какъ на ристалище нечестія, на какое нибудь мѣсто,—городское ли то, вблизи ли, или вдали города,—коротко, нигдѣ на землѣ не должно быть такого рода собраній; а тѣмъ, которые приложились къ безумнымъ выдумкамъ Несторія и въ книгахъ его находятъ поддержку своимъ заблужденіямъ, объявляютъ, въ духѣ милосер-

діи, а не нары, что книги эти должно предавать огню и истреблять для того, чтобъ онѣ, какъ памятники столь непомѣрныхъ заблужденій, не сдѣлались претвновеніемъ для истинной вѣры, также не переписывать ихъ,—гораздо было бы лучше съ самаго начала не читать ихъ,—и вообще не читать и не слушать ихъ, потому что вредъ отъ нихъ—погибель всего. Въ самомъ дѣлѣ, что дороже души и вѣры? А чтеніе книгъ несторіевыхъ вредитъ душѣ и вѣрѣ; ослѣпляя самое лучшее въ душѣ, оно ведетъ къ худшему и душу и вѣру. Затѣмъ, чтобы не было тайной, кто таковы послѣдователи Несторія, чтобы самое названіе ихъ напоминало всѣмъ о виновникѣ ихъ баснословія, наводя память на то, что̀ лучше было бы предать забвенію,—для этого повелѣно называть ихъ симоніанами, съ такимъ впередъ внушеніемъ, что они подвергнутся самымъ тяжкимъ наказаніямъ, въ случаѣ нарушенія закона. Наконецъ, чтобы вы знали кроткій и благочестивый духъ закона, заботливую о всѣхъ подданныхъ попечительность нашихъ императоровъ, которые одни только приносятъ Богу, чрезъ вѣру, воздаяніе, достойное благъ, излитыхъ на нихъ самихъ и на всю вселенную: то мы, по установленному обычаю, настоящимъ нашимъ эдиктомъ предосвѣщаемъ

законъ, исполненный божественнаго свѣта. Повинуясь закону, вы далеки будете отъ наказаній; держась же благочестія во всю жизнь, вы достигнете безсмертныхъ благъ. Такимъ образомъ вы удостоитесь тогоже, чего удостоится и законодательствующій, потому что Богу свойственно награждать благочестивыхъ его чтителей.

Списокъ съ узаконенія благочестивѣйшаго императора Өеодосія противъ Порфирія, несторіанъ и тирскаго епископа Иринея.

Мы думаемъ, что нашему императорскому величеству прилично давать подданнымъ нашимъ наставленія касательно благочестія; потому что полагаемъ, что наибольшее благоволеніе Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа можно заслужить въ томъ случаѣ, когда и сами мы будемъ, по силамъ, благоугождать Ему и подданныхъ нашихъ къ томуже располагать. Итакъ узаконяемъ, чтобы всѣ сочиненія, гдѣ бы и у кого бы ни нашлись они, написанныя Порфиріемъ, по побужденію собственнаго его безумія, противъ благочестивой христіанской религіи, были преданы огню; потому что мы желаемъ, чтобы ни о какихъ сочиненіяхъ, подвигающихъ Бога на гнѣвъ и наносящихъ вредъ душамъ, не было

слуха между людьми. Также, подтверждаемъ, чтобы изъ ревнителей нечестивыхъ мнѣній Несторія, или изъ послѣдователей беззаконнаго его ученія, епископы и клирики были отлучаемы отъ святыхъ церквей, а міряне — анаѳематствуемы, какъ то уже узаконено нашимъ величествомъ; православные же, властью облеченные и держащіеся благочестивыхъ нашихъ наставленій, могутъ, по желанію, публично объявлять о послѣдователяхъ Несторія и изобличать ихъ. Сверхъ того, такъ какъ до благочестиваго и священнаго нашего слуха дошло, что нѣкоторые составили и изложили какія-то ученія двусмысленныя, не совсѣмъ согласныя съ православною вѣрою, изложенною святыми соборами святыхъ отцевъ въ Никеѣ и Ефесѣ и блаженной памяти Кирилломъ, бывшимъ епископомъ великаго города Александріи: то повелѣваемъ, чтобы всѣ такого рода сочиненія, прежде ли настоящаго времени, или въ нынѣшнее время написанныя, были сожигаемы и совершенно истребляемы, такъ чтобы никто не могъ ихъ читать; а тѣ, которые будутъ у себя держать и читать эти сочиненія или книги, должны имѣть въ виду смертную казнь (ἐσχάτην τιμωρίαν). Вообще, мы желаемъ, чтобы никто не позволялъ себѣ излагать, или преподавать ничего, кромѣ вѣры, утвержденной, какъ мы ска-

зали, въ Никеѣ и въ Ефесѣ. Кто же нарушитъ это священное узаконеніе наше, тотъ непремѣнно подвергнется наказанію, опредѣленному закономъ противъ нечестивой несторіевой вѣры. А чтобы всѣ изъ опыта узнали, какое негодованіе возбуждаютъ въ нашемъ величествѣ ревнители нечестивой несторіевой вѣры, мы постановляемъ: Иринея, по этой причинѣ нѣкогда навлекшаго на себя нашъ гнѣвъ, и затѣмъ, незнаемъ какъ, послѣ вторичнаго, какъ мы извѣстились, брака сдѣлавшагося, вопреки апостольскимъ правиламъ, епископомъ города Тира, изгнать изъ святой тирской церкви и, по сятіи съ него одежды и имени священника, дозволить ему жить, въ тишинѣ, только на его родинѣ.—Твоя высокая сановитость, имѣя въ виду цѣль нашего благочестія, не оставитъ позаботиться наблюсти надъ этимъ и привести къ концу.

Эдиктъ, предложенный префектами, по императорскому узаконенію противъ Порфирія, Несторія и Иринея.

Благочестивѣйшій нашъ самодержецъ, благоразсудивъ, что православная вѣра даетъ твердость законамъ и государству, собственнымъ своимъ узаконеніемъ истребилъ всякое сѣмя нечестія, покрывши, чрезъ соразмѣрное

наказаніе, стыдомъ страждущихъ нечестіемъ и показавши всѣмъ путь доброй жизни. Его постановленія касательно книгъ, написанныхъ Порфиріемъ противъ священной христіанской религіи, касательно предавшихъ письму нечестивое ученіе Несторія, касательно исключенія изъ религіи всякаго догмата, несогласнаго съ догматами, постановленными на соборахъ благочестивѣйшихъ епископовъ сперва въ Никеѣ, а потомъ вмѣстѣ съ епископомъ блаженной памяти Кирилломъ въ Ефесѣ, и касательно низложенія бывшаго тирскаго епископа Иринея,—всѣ эти постановленія вы узнаете изъ предложеннаго выше узаконенія, написаннаго погречески, такъ что никто не долженъ отзываться невѣдѣніемъ его содержанія. Итакъ всякій, со всею заботливостью, долженъ выполнять изложенное въ этомъ узаконеніи, имѣя передъ глазами выраженную въ немъ угрозу.

Прочитано это монахами—пустынниками въ церкви, 23 ч. мѣсяца Фармуѳа (т. е. 18 апрѣля), индикта перваго, 164 діоклитіанова года.

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ

втораго тома

ДѢЯНІЙ ВСЕЛЕНСКИХЪ СОБОРОВЪ.

СОБОРЪ ЕФЕССКІЙ, ВСЕЛЕНСКІЙ ТРЕТІЙ.

(окончаніе)

стран.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ,

СОДЕРЖАЩЕЕ ВЪ СЕБѢ НѢКОТОРЫЕ ДОКУМЕНТЫ, ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ СОБОРУ, А ТАКЖЕ И ПОСЛѢ НЕГО СОСТАВЛЕННЫЕ.

стран.

—

ископа ан
зу антіох
въ Анти
. . . .
узаконен
. . .
не долж
. . .
тивѣйшим
ія, несто
. . . .
'ами, во
орфирія,
. . . .

стран.

—